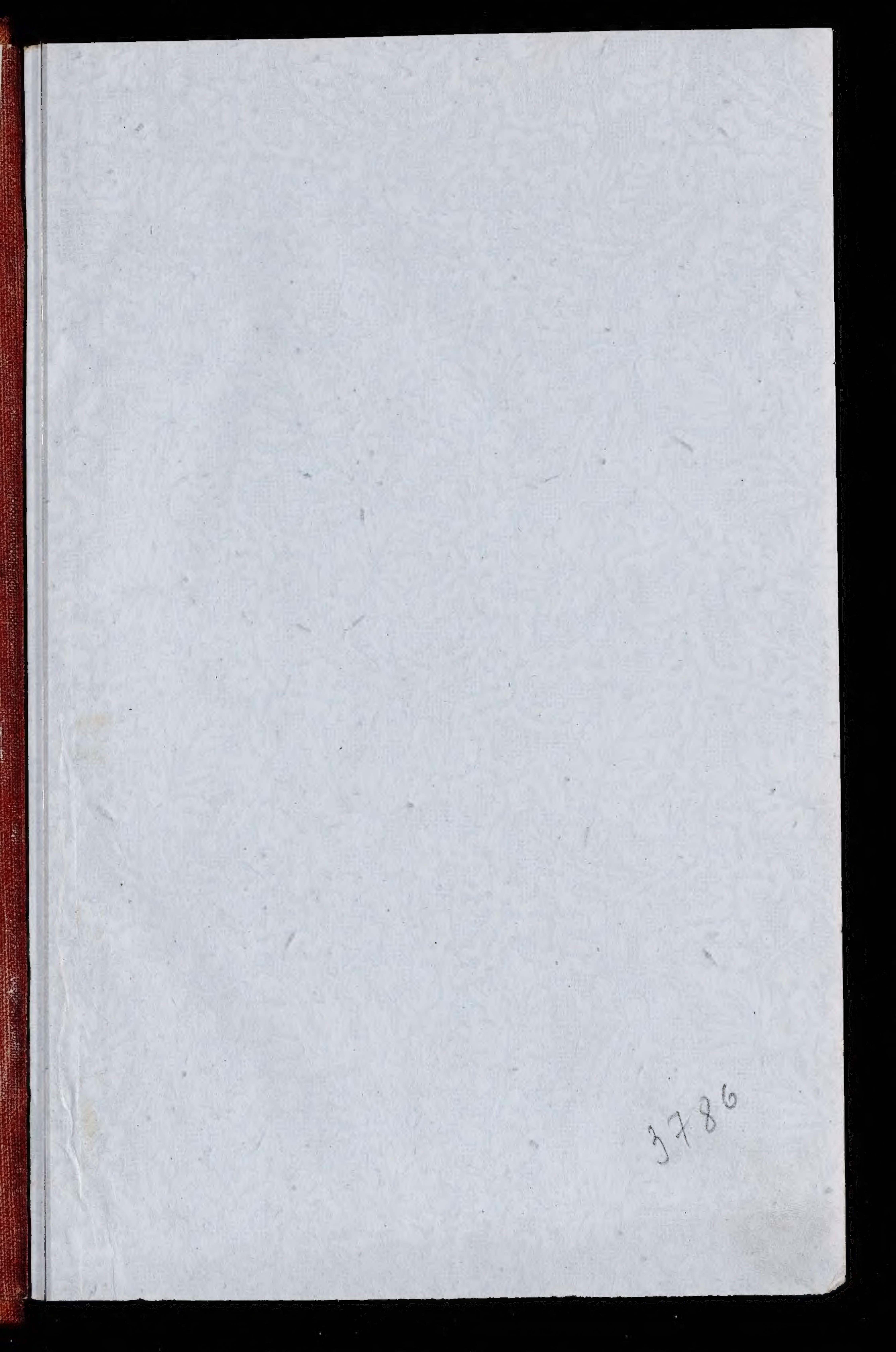
Н. В. Давыдовъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

ЧАСТЬ II.

МОСКВА—1917.

Н. В. ДАВЫДОВЪ.

Изъ прошлаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА, 1917.

Типо-литография
т/д. Печатникъ
1917 г.
Москва, Хапиловская ул., д. 5[illegible]
Телефонъ [illegible] 94-21, 48-96

ОГЛАВЛЕНІЕ.

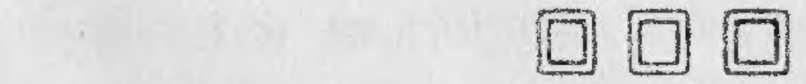
ВОСПОМИНАНІЯ.

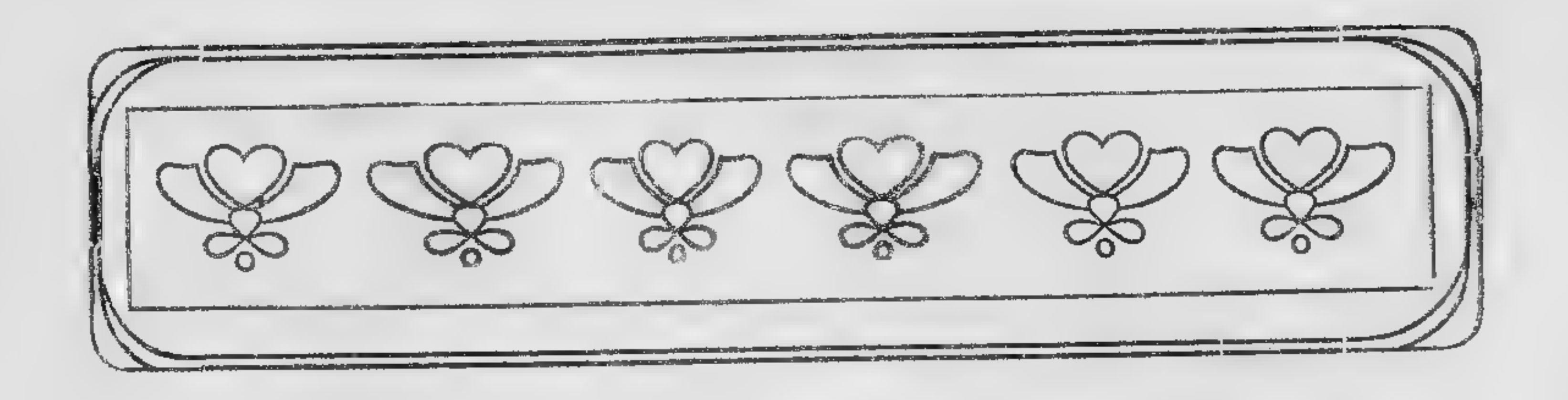
ОЧЕРКИ БЫЛОГО.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Во второй части книги моей „Изъ прошлаго“ я кромѣ личныхъ воспоминаній изъ поры дѣтства и ранней молодости помѣстилъ біографическіе очерки князя Сергѣя Николаевича Трубецкаго и Михаила Николаевича Лопатина, воспоминанія о Вл. С. Соловьевѣ, охотничьи разсказы „Облава“, „Минай и Васька“ и очеркъ „Былая провинція“. Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній уже были въ печати, но мною пересмотрѣны и дополнены. Во всемъ, кромѣ очерка „Былая провинція“, мною описываются дѣйствительныя событія, и дѣйствующія въ нихъ лица названы ихъ настоящими именами, а разсказъ „Былая провинція“ вѣренъ съ дѣйствительностью лишь какъ общая бытовая картина.

Еще о дѣтствѣ и юношескихъ годахъ.

(1850—1860 годы).

I.

Чѣмъ дальше въ дѣйствительной жизни уходишь отъ дѣтства и ранней молодости, тѣмъ ближе они становятся въ воспоминаніи и тѣмъ сильнѣе влекутъ къ себѣ. Зрѣлый возрастъ, осуществленіе того, къ чему стремилась и готовилась юность, то, что въ сущности и есть сама жизнь, кажется достаточно безразличнымъ, тусклымъ, не выполнившимъ обѣщаннаго. На самомъ дѣлѣ оно вѣроятно не такъ, но несомнѣнно одно,—что лишь дѣтству и юности свойственны такая все охватывающая непосредственная радость бытія, беззаботное умѣнье наслаждаться настоящимъ и сила любви и привязанности къ людямъ и вещамъ,-любви безкорыстной, неимѣющей ничего общаго со страстью, довольствующейся малѣйшимъ вниманіемъ—и благая вѣра въ то, что всѣ люди хороши за исключеніемъ особаго, малочисленнаго къ тому же, класса злыхъ людей, которые таковыми уже родятся и поневолѣ выполняютъ свои злодѣйскія обязанности. Въ совершенномъ возрастѣ обычно отсутствуетъ естественно присущее дѣтству чудное свойство всепрощенія и забвенія обидъ, столь облегчающее и упрощающее жизнь. И много другого тя-

желаго и плохого, охватывающаго зрѣлый возрастъ, нѣтъ въ дѣтствѣ. Вотъ почему, думается, оно такъ мило намъ.

По поводу „злодѣевъ“ вспоминаю, что ихъ тогда, въ дѣтствѣ моемъ, было двѣ категоріи — историческіе и наличные; къ первымъ относились, конечно, Стенька Разинъ и Емелька Пугачевъ. Что касается Мазепы, то мы колебались; онъ у насъ состоялъ „въ подозрѣніи“ - каковой приговоръ въ дореформенное время провозглашался не только дѣтьми, но нерѣдко и тогдашними уголовными Палатами. Изъ наличныхъ, близкихъ намъ злодѣевъ мнѣ особенно врѣзался въ память одинъ казенный лѣсничій, фамилію котораго я давно забылъ, обвинявшійся въ томъ, что онъ напоилъ, съ непонятной для насъ—дѣтей цѣлью, молодую крестьянку—красавицу, служившую у него кухаркой, отваромъ или настоемъ изъ шпанскихъ мухъ, отчего та умерла, а его должны были судить, и кто-то изъ нашихъ сосѣдей, при полномъ, впрочемъ, осужденіи такихъ рѣчей нашими домашними, говорилъ: „изъ за какой то бабенки можетъ пропасть порядочный человѣкъ“! Мы тоже, помню, не одобрили словъ защитника лѣсничаго, а его самого причислили къ профессіональнымъ злодѣямъ. Боялись мы и считали злодѣемъ одного бывшаго нашего же двороваго, отпущеннаго отцомъ на волю, такъ какъ про него шла молва, что онъ изъ-за мести къ кому-то учинилъ поджогъ, разсчитывая сжечь при этомъ своего врага. Злодѣями признавались нами также сосѣдняя помѣщица, истязавшая дворню, и одинъ нашъ знакомый, совершенно не вѣрившій въ Бога, не соблюдавшій постовъ, не ходившій даже въ церковь и пившій вмѣсто водки, маленькими глотками, скипидаръ. Кромѣ злодѣевъ, лично намъ извѣстныхъ, къ ихъ же категоріи мы относили огуломъ бѣглыхъ каторжниковъ и такихъ же солдатъ. Обычный тюремный сидѣлецъ, хотя-бы лишенный всѣхъ правъ состоянія, былъ въ об-

щемъ нормальный, быть можетъ даже хорошій человѣкъ, но стоило ему бѣжать и появиться гдѣ-нибудь поблизости, таясь днемъ въ лѣсныхъ трущобахъ и питаясь ягодами и кореньями, какъ на такого человѣка падало клеймо злодѣйства, и онъ вызывалъ у всѣхъ, не только у дѣтей, отчаянный страхъ. Припоминаю, однако, что и къ этимъ страшнымъ людямъ у насъ проявлялась жалость, и когда старшіе заговаривали о томъ что „чего эта полиція дремлетъ, давно надо сдѣлать облаву и взять бѣглаго"!, то намъ эта мѣра не нравилась, и мы въ глубинѣ души сочувствовали тѣмъ смѣльчакамъ изъ нашихъ крестьянъ, которые, по разсказамъ горничныхъ въ дѣвичьей, носили бѣглымъ, конечно ночью, въ лѣсъ пищу,—краюху хлѣба съ солью, огурцы и горшокъ съ кашей. Разумѣется, злодѣями же мы считали и боялись разбойниковъ, вооруженныхъ дубинками и кистенями, нападавшихъ по большимъ дорогамъ на проѣзжихъ, не только грабившихъ, но и убивавшихъ оказывавшихъ имъ сопротивленіе путниковъ. Разбойники, какъ доподлинно было всѣмъ извѣстно, сидѣли всегда на большой дорогѣ, въ оврагѣ, подъ мостомъ, и въ моментъ въѣзда экипажа на мостъ выскакивали, останавливали лошадей, хватая ихъ подъ уздцы, и дѣлали свое злодѣйское дѣло. Въ ту пору такія нападенія совершались не только въ разсказахъ, но и въ дѣйствительности, и не на Кавказѣ, какъ оно принято теперь, а достаточно повсемѣстно. Но конечно въ болтовнѣ о разбойникахъ и о бѣглыхъ солдатахъ много было преувеличенія, прямо легендарнаго.

Вспоминаю одну особу, которую мы въ дѣтствѣ, отнюдь не относя ее къ категоріи злодѣевъ, боялись; она внушала намъ таинственностью и оригинальностью своей жизни даже суевѣрный страхъ. Это была уже немолодая женщина, по имени Екатерина Ильинишна, жившая въ сосѣдней со Спасскимъ Сосновкѣ, на усадьбѣ Прокуниныхъ. Она по собственному желанію помѣстилась

въ одной изъ стоявшихъ во дворѣ холостыхъ построекъ, кажется, служившей внизу амбаромъ, а во второмъ этажѣ кладовой, и тамъ въ неотапливавшейся комнаткѣ—чуланѣ проводила и лѣтніе и зимніе мѣсяцы, никогда не зажигая огня и покидая свое жилище лишь разъ въ день для совмѣстнаго съ женской домашней прислугой Прокуниныхъ обѣда, во время котораго она всегда хранила молчаніе. Что Екатерина Ильинишна дѣлала въ добровольномъ своемъ одиночномъ заключеніи, было неизвѣстно, а также мы не знали, что именно побудило ее избрать такой образъ жизни. Кажется у нея въ молодости былъ романъ (она была изъ купеческаго сословія), кончившійся печально, даже трагически. Одѣта она была во все темное, и высокая несгибающаяся фигура ея съ блѣднымъ лицомъ, сохранившимъ слѣды былой красоты, но безжизненнымъ, строгимъ, производила внушительное впечатлѣніе. Большіе каріе глаза ея казались намъ особенно страшными: она смотрѣла прямо, не моргая и не отводя глазъ отъ встрѣчнаго взора. Насъ прямо ужасала мысль о томъ, что Екатерина Ильинишна, какъ намъ говорили, не сумасшедшая, долгіе зимніе вечера и ночи проводила одна въ своей каморкѣ въ полной темнотѣ и въ жестокомъ холодѣ. . . . .

И вотъ что еще мы считали злодѣяніемъ и о чемъ говорили съ ужасомъ и недоумѣніемъ, говорили шепотомъ, оглядываясь и чего то боясь,—это „экзекуціи“, вѣсти о которыхъ доходили, по отрывкамъ подслушанныхъ разговоровъ старшихъ, и до насъ—дѣтей (это было не въ деревнѣ, а въ Москвѣ,) т. е. „шпицрутены“ и гоньба солдатъ сквозь строй, при чемъ подъ конецъ несчастный уже не могъ самъ идти и его привязывали къ несомому поперекъ двумя солдатами ружью и въ такомъ видѣ волокли, между двухъ рядовъ солдатъ, вооруженныхъ прутьями, продолжая колотить, а иногда такимъ способомъ тащили и били уже мертваго, не выдержавшаго истязанія. Этого факта мы совсѣмъ не могли

понять; онъ не уживался съ нашимъ представленіемъ о томъ, что люди вообще добры; это было что-то чудовищное, кошмарное, нѣчто столь же невѣроятное и страшное, какъ гроза и молнія зимой въ 20 градусовъ мороза. Замѣчая, что старшіе говорятъ о шпицрутенахъ таинственно—мрачно и неохотно, мы не рѣшались спросить у нихъ объясненія этого злодѣянія, а старались забыть о немъ, чего вскорѣ и достигали. Въ этихъ экзекуціяхъ насъ особенно, помимо ихъ сущности, поражало то, что онѣ производились надъ солдатами, которыхъ всѣ обычно хвалили за храбрость и молодцеватость и которые, судя по тому, какъ у нихъ пѣсенниками пѣлись пѣсни, что мы уже сами слышали, и какъ они плясали съ „ложками", были люди замѣчательно веселые и хорошіе. У насъ „людей" не пороли, а разговоры о томъ, что такой то дворовый или крестьянинъ наказанъ, насъ не смущали; существованіе „наказанія" вообще намъ казалось неизбѣжнымъ и естественнымъ; мы и сами подвергались различнымъ наказаніямъ, огорчаясь, конечно, но не возмущаясь и даже не протестуя, но гоньба сквозь строй, на нашъ взглядъ, была не наказаніе, а нѣчто именно злодѣйское, страшное и непонятное.

Вотъ тѣ темныя пятна на общемъ сіяніи жизни, которыя были доступны дѣтямъ въ помѣщичьей болѣе культурной средѣ пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія.

Набрасывая теперь, по памяти, черты и событія давно прошедшей поры дѣтства и юности, я совсѣмъ не задаюсь біографическими цѣлями; мнѣ хочется передать общую картину того времени, возстановить бытъ и оживить категорію людей дореформенной эпохи, совершенно исчезнувшихъ теперь съ жизненной сцены. Но не анализируя, а только описывая, мнѣ для правдивости картины приходится очерчивать событія и лицъ, съ которыми я встрѣчался, въ моемъ тогдашнемъ пониманіи и оцѣнкѣ ихъ.

Проводя каждое лѣто, а позднѣе и зиму, въ деревнѣ, я конечно всего больше встрѣчался съ нашими

Бывшій дворовый, портной Яковъ Спиридоновичъ.

дворовыми, сперва настоящими, а потомъ бывшими, и потому хорошо помню весь личный составъ нашей

очень многолюдной дворни и взаимныя отношенія господъ и ихъ непосредственныхъ слугъ. Въ этихъ отношеніяхъ господствовала на первый взглядъ какъ бы непримиримая двойственность. Съ одной стороны, господа относились почти съ презрѣніемъ къ своимъ людямъ и не признавали за ними человѣческихъ правъ, а съ другой стороны, сближались со многими изъ дворовыхъ, не брезговали ими, привязывались къ нимъ, а иныхъ уважали и любили. Рядомъ съ „Васькой, Мишкой и Машкой“ были люди, которыхъ и старшіе никогда не звали иначе какъ Яковъ Спиридонычъ, Леонтій Ивановичъ, Мавра Андреевна. „Ты“ конечно говорилось всѣмъ, но уменьшительныя прозвища давались (у насъ по крайней мѣрѣ) лишь несовершеннолѣтнимъ, пьяницамъ и вообще пустымъ людямъ. Совершенно естественнымъ казалось взять, напримѣръ, на зиму въ Москву Филиппа—ламповщика, оставивъ, не спрашивая на то его согласія, его жену и дѣтей въ деревнѣ, поручать уже почтеннымъ слугамъ лѣтомъ, при обиліи мухъ, стоять во время обѣда за господскимъ столомъ съ большими вѣтками сирени или другихъ древесныхъ породъ и отгонять мухъ, или посылать уже стараго слугу сбѣгать на конюшню, чтобы велѣть запрячь лошадей. Но въ то же время существовала несомнѣнная забота о дѣйствительныхъ (главнымъ образомъ матерьяльныхъ) нуждахъ прислуги и вообще дворовыхъ; ихъ жизнью господа интересовались и знали основательно положеніе каждой семьи. Тутъ, надо думать, кромѣ побужденій гуманнаго характера, имѣло значеніе чувство собственника по отношенію къ своимъ вещамъ, къ „своимъ людямъ“; ихъ берегли, ими хвастались и ихъ, если они не были люди протеста, „грубіяны“, любили.

Не всѣ дворовые относились отрицательно къ факту принадлежности ихъ господамъ; многимъ изъ нихъ казалось, что крѣпостное право—явленіе естественное, міровое, освященное небомъ, что люди не могутъ быть равны,

что какъ все человѣчество принадлежитъ Богу, какъ солдаты принадлежатъ Царю, такъ мужики и дворовые принадлежатъ своимъ прирожденнымъ господамъ и повинны имъ покорностью, а тѣ заботою о своихъ людяхъ. Вотъ къ факту продажи крѣпостныхъ помѣщиками на сторону всѣ они относились очень отрицательно, но такіе случаи въ пятидесятыхъ годахъ встрѣчались рѣдко, а къ шестидесятымъ годамъ и совсѣмъ прекратились. Однако далеко не всѣ крѣпостные мыслили столь покорно и благодушно; чувство несправедливости положенія крѣпостныхъ было присуще вѣроятно большинству, но въ форму протеста при сносномъ обращеніи господъ съ ихъ вассалами не переходило. Почва для такихъ протестовъ находилась, впрочемъ, и въ помѣстьяхъ, мягко управлявшихся, а именно,—когда у кого либо изъ господъ завязывались любовныя отношенія съ представительницами женскаго пола данной дворни или села. Такіе случаи, когда въ семьѣ помѣщика бывало много холостой молодежи, встрѣчались очень часто, любовныя связи, иныя весьма краткосрочныя, а другія напротивъ длительныя, считались явленіями нормальными и, разъ какъ при этомъ не было допущено какихъ либо злоупотребленій или обмана, и объектомъ расположенія барчука, или самого барина, была вдова или дѣвушка,—то эти случаи проходили почти незамѣтно, а иногда бывали даже и очень по сердцу семьѣ излюбленной бариномъ дѣвушки, т. к. сопровождались обычно разными милостями и дарами родственникамъ дѣвицы. Протесты и, иной разъ, достаточно бурные, происходили когда у мужа „отбивалась“ жена, или у жениха невѣста. О такихъ случаяхъ протеста, переходившихъ даже въ уголовную сферу, я слыхалъ не разъ разсказы, относившіеся, впрочемъ, къ болѣе отдаленному прошлому. Кончались такія столкновенія и проще—разлукой, фактическимъ разводомъ, примиреніемъ на денежной подкладкѣ.

Но и помимо какого-либо, хотя бы внутренняго, ни въ чемъ явно не проявляющагося протеста, дворовые, испытывая тоже двоякое чувство по отношенію къ господамъ, относились къ нимъ если не враждебно, то тоже съ презрѣніемъ и насмѣшкой, и считали совершенно для себя дозволеннымъ пользованіе,—запретно и тайно,—барскимъ добромъ. Тутъ разумѣется была извѣстная градація: взять изъ лежащего въ столѣ или сундукѣ бумажника барина деньги было бы постыдной кражей, но пользованіе естественными продуктами, извлеченіе не совсѣмъ законныхъ выгодъ изъ даваемыхъ порученій въ ущербъ экономіи, пользованіе вещами господъ,—все это широко допускалось и не считалось преступнымъ: брали вѣдь не у чужихъ, а у своихъ. Обманывать господъ было вполнѣ естественно и просто, такъ же какъ заочно бранить и злословить во всю. Но при томъ и у дворовыхъ была своего рода привязанность и даже любовь къ господамъ; они въ иныхъ случаяхъ готовы были многимъ пожертвовать для блага господъ, дѣлили печали и горести ихъ, помогали и тоже, если господа чѣмъ либо славились, были извѣстны, гордились и хвалились ими.

Всего чаще привязанность къ господамъ встрѣчалась у дворовыхъ, проводившихъ всю жизнь въ барскомъ домѣ, въ семьѣ „господъ“, втягиваясь понемногу въ жизнь и интересы ихъ, особенно если они были люди не семейные. Прототипомъ такихъ дѣйствительно и безкорыстно преданныхъ „господамъ“ лицъ бывали няни, дѣвушки въ молодыхъ еще годахъ приставленныя къ „дѣтской“, воспитавшія иной разъ не одно поколѣніе барчатъ и привязавшіяся къ нимъ чувствомъ, не уступавшимъ родительскому. Нерѣдко такія няни, пока имъ шли еще молодые годы, удерживались отъ брака, къ которому ихъ влекло естественное чувство, господами, и не прямо насильно, а уговорами, посулами. Случалось, что такъ замирало романическое чув-

ство, вызывая крушеніемъ своимъ безсонныя ночи и слезы, послушавшейся господъ и оставшейся при дѣтской дѣвушки. Но со временемъ острота огорченія притуплялась, зарождалось чувство любви къ порученнымъ нянѣ чужимъ дѣтямъ; привычка къ нѣкоторой холѣ, къ обычно окружавшему умѣлую няню почету и заботѣ о ея удобствахъ, брали верхъ надъ мечтами о личной семейной жизни и няня становилась почти членомъ барской семьи, пользовавшимся большимъ авторитетомъ. Не всегда, однако, питомцы няни платили ей такою же любовью, и случалось, о ней забывали, и бѣдная старушка, вспоминая прошлое, одиноко, иной разъ и на чужой сторонѣ, грустно коротала свой, отданный господамъ, вѣкъ вдали отъ нихъ. Этотъ типъ няни, не совсѣмъ исчезнувшій и послѣ крѣпостного права, хорошо извѣстенъ и не только отмѣченъ, но и воспѣтъ нашей литературой.

Отчетливо помню я свою няню Прасковью Лазаревну, помню еще не старой женщиной и потомъ ужъ старушкой, оставшейся въ нашей семьѣ до конца жизни, которая въ главномъ была посвящена намъ. Она была, конечно, изъ нашихъ же дворовыхъ; кажется, въ ранней молодости у нея былъ тайный романъ и связь, порвавшаяся потомъ; но объ этомъ я, конечно узналъ, когда уже былъ взрослымъ. Любилъ я свою Парашу безгранично и не признавалъ за ней никакихъ недостатковъ; она была некрасивой, значительно косила глазами, но я не только не замѣчалъ этого недостатка, но горячо спорилъ со старшими, доказывая, что это неправда, и что Параша (я ее не звалъ няней почему-то) красавица и въ концѣ концовъ отчаянно плакалъ отъ обиды. Любовь къ Парашѣ,—конечно уже не въ той степени и горячности,—я сохранилъ до ея смерти, ежегодно видаясь съ ней, когда я вступилъ въ университетъ и позже, а она изъ нашего большого дома перешла на жительство къ моей сестрѣ, занявъ у нея (въ

деревнѣ) должность экономки. Я имѣлъ полное основаніе любить Парашу, ибо она платила мнѣ тѣмъ же и заботамъ ея обо мнѣ въ дѣтствѣ, ласкамъ и баловству не было предѣловъ. Съ поразительнымъ терпѣніемъ и благодушіемъ переносила она всѣ мои дѣтскіе капризы и требованія; она никогда не ворчала на меня, хотя въ иныя ночи я раза по два будилъ ее и звалъ къ своей кровати, чтобы покрыть меня сбившимся, будто, одѣяломъ, которое я нарочно скидывалъ съ себя, желая осязательно убѣдиться, что я не одинъ въ комнатѣ и что Параша дѣйствительно тутъ со мной; помню, что когда она, уставъ, ложилась днемъ отдохнуть, я пользовался этимъ и, признавъ ее больной, начиналъ лечить, безжаластно прикладывая къ ея головѣ компресы, сооружаемые мною изъ сложенной въ нѣсколько разъ бумаги или тряпочекъ, намоченныхъ въ водѣ, чѣмъ, конечно, мѣшалъ ей заснуть. Сколько разъ она укрывала меня отъ гнѣва или даже наказанія предъ родителями, а позднѣе учителемъ, заступаясь за меня и не выдавая моего проступка. Помню, когда я уже сталъ ученымъ мужемъ и могъ связно читать, какой удивительно воспріимчивой и пріятной слушательницей она бывала. Я обычно читалъ Парашѣ вслухъ очень мною цѣнившуюся тогда книгу „Новый Робинзонъ, или Швейцарское семейство", и она съ неподражаемой искренностью удивлялась давно и подробно ей извѣстнымъ геройскимъ дѣяніямъ „Фрица" и „Якова", добротѣ" Луизы" и разумности „отца". Одной функціи няни Прасковья Лазаревна не выполняла, она не разсказывала мнѣ сказокъ и даже не знала наизусть ни одной. Какъ сейчасъ вижу Парашу, сидящею въ дѣтской за большимъ круглымъ столомъ и шьющею что-то бѣлое, приколотое къ подушкѣ, въ серединѣ которой имѣлось что-то очень тяжелое, не дававшее ей сдвинуться съ мѣста (швейка), при чемъ обычно у нея на спинѣ подъ черной пелеринкой пребывала одна изъ

моихъ двухъ бѣлокъ, очень ручная,—Гансъ. Параша нюхала табакъ, но дѣлала это украдкой. Помню уже гораздо позднѣе, когда мы жили въ деревнѣ, и я состоялъ не при Парашѣ, а при гувернерѣ Herr Strenge, но она, разумѣется, оставалась у насъ въ домѣ на почетномъ положеніи, какъ она важно и серьезно, стоя у конца большого стола, гдѣ сосредоточивались на громадномъ подносѣ самоваръ, чайникъ и другія принадлежности чаепитія, чашки и стаканы, распоряжалась всѣмъ этимъ два раза въ день,—утромъ и вечеромъ, слушая болтовню многочисленныхъ участниковъ носившаго тогда нѣсколько торжественный характеръ семейнаго чайнаго собранія, но не участвуя въ общемъ разговорѣ съ момента прихода старшей хозяйки, а до этого любезно разговаривая съ подходившими къ столу. Теперь, кажется, такихъ, имѣвшихъ въ себѣ нѣчто церемоніальное, ежедневныхъ чайныхъ собраній съ непремѣннымъ участіемъ классическаго формою самовара, не бываетъ больше, да и самоваръ уже не столь обязателенъ и легко замѣняется спиртовой бульоткой и иными модными суррогатами, продолжая впрочемъ служить человѣчеству, но не явно, а пребывая въ сѣняхъ, или буфетной комнатѣ.

Параша не знала сказокъ, но дѣтство мое не обошлось все-таки безъ нихъ; обязанность сказочницы брала на себя старшая горничная матушки Авдотья Ивановна. Разсказчица Дуняша, какъ мы ее звали, была превосходная; она не рѣдко импровизировала и, передавая какую-либо общеизвѣстную сказку, вплетала въ нее новыя, придуманныя ею самой, подробности и оживляла разсказъ присущимъ ей юморомъ. Она не только смѣшила, она умѣла въ страшныхъ мѣстахъ сказки такъ передать ихъ, мѣняя голосъ и интонацію, а иногда и пародируя описывамыхъ лицъ или звѣрей, что мы, дѣти, испытывали страхъ. Особенно страшно выходилъ у нея разсказъ о медвѣдѣ на липовой ножкѣ, гдѣ

между прочимъ речитативомъ говорится, почти поется, что-то въ этомъ родѣ:.. „скрипу, скрипу, скрипу на липовой ножкѣ... Вся деревня спитъ, одна баба не спитъ, на моей шкуркѣ сидитъ, мою шерстку прядетъ“...

Авдотья Ивановна была не нашей крѣпостной, она происходила изъ дворовыхъ села Троицкаго, Князя Андрея Петровича Оболенскаго, и къ намъ въ домъ вошла вмѣстѣ съ матушкой, горничной которой она состояла еще до ея замужества, въ числѣ прочаго приданаго, при выходѣ матушки замужъ за отца. Наша степная дворня, какъ мнѣ разсказывали, вначалѣ очень косилась на подмосковную бѣлоручку, выросшую въ княжескомъ домѣ, не пожелавшую ктомуже якшаться съ представителями нашей коренной дворни. Но во внѣ враждебность эта, въ виду расположенія матушки къ Дуняшѣ, ничѣмъ не выразилась, а со временемъ и совсѣмъ прошла, тѣмъ болѣе что Авдотья Ивановна сторонилась отъ остальной прислуги не изъ гордости, а изъ присущаго ей чувства дѣвственной стыдливости и нерасположенія къ лицамъ мужского пола. Она не только сама была дѣвственницей, но зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы подчиненныя ей дѣвицы не увлекались кѣмъ-либо законно или незаконно и въ случаѣ провинности въ этомъ любовномъ, а то просто легкомысленномъ, направленіи кого-либо изъ нихъ, прямо свирѣпствовала, хотя въ остальномъ была очень добра, и настаивала на удаленіи изъ дома такой пошалившей дѣвицы. Казалось, что главная ея обязанность заключается вовсе не въ уходѣ за матушкой, а именно въ охраненіи во что бы то ни стало невинности состоявшихъ въ ея подчиненіи молодыхъ дѣвицъ, что иногда ей и удавалось.

Но одна изъ нашихъ прирожденныхъ Спасскихъ дворовыхъ дѣвицъ—Лиза, а подъ старость Лизавета Артемьевна, долго питала недружелюбное чувство къ Авдотьѣ Ивановнѣ и не могла помириться съ проникновеніемъ въ родную крѣпостную обстановку чужезем-

ки. Для этого была впрочемъ особая причина: Елизавета Артемьевна, кажется, питала въ тайникѣ души своей романическую любовь къ отцу моему, о чемъ онъ и не догадывался, такъ какъ Елизавета была особа скромная, а кромѣ того наружностью своей совершенно не подходила къ роли влюбленной. Она сложеніемъ своимъ скорѣе напоминала мужчину и была при громадномъ ростѣ замѣчательно костлява, но съ выдающимся валикомъ животомъ, а лицомъ была неказиста, при чемъ бросались въ глаза громадныхъ размѣровъ мясистый носъ, который она (на моей уже памяти) усердно набивала табакомъ, и росшіе на подбородкѣ рѣдкіе волосы. Въ ранней молодости Лиза состояла горничной при моей бабушкѣ Софьѣ Фоминишнѣ,—матери отца, персонѣ, судя по отзывамъ о ней ея современниковъ и по сохранившимся у меня ея письмамъ, обладавшей довольно тяжелымъ и строптивымъ, а притомъ очень расположеннымъ къ властвованію характеромъ. Судя по письмамъ Софьи Фоминишны, бракъ отца на моей матери, рожденной княжнѣ Оболенской, состоявшійся безъ какого-либо ея участія (дѣдъ умеръ когда отцу было не болѣе 5 лѣтъ) небылъ ей симпатиченъ и едва ли она питала особенно благожелательныя чувства къ своей невѣсткѣ, въ виду чего, какъ надо думать, и переселилась изъ Спасскаго, когда мои родители переѣхали изъ Москвы на житье въ деревню, на другую, на много менѣе благоустроенную, усадьбу. И вотъ Лиза, преданная во всемъ какъ нельзя болѣе своей непосредственной госпожѣ, несмотря на ея строгій нравъ, почувствовала нѣчто вродѣ нерасположенія къ матушкѣ, поддержаннаго своего рода ревностью; но т. к. проявлять такое чувство къ „барынѣ“ было неудобно, то она перенесла его полностью на ея наперсницу—Дуняшу. Впрочемъ въ то строго дисциплинированное время враждебныя чувства Лизы къ какимъ-либо эксцессамъ не приводили Комично выходило то, что Лиза была и лично, и въ отно-

шеніи надзора надъ домашними юными дѣвицами столь же строгой весталкой, сколько и ея врагъ, и тоже считала тягчайшимъ грѣхомъ малѣйшую близость къ мужчинамъ. Матушку, будучи уже старухой, Лизавета Артемьевна таки простила и признала, наконецъ, своей, Спасской. Къ этому времени Лиза,—а было оно уже много лѣтъ спустя послѣ смерти Софьи Фоминишны,—жила въ большомъ Спасскомъ домѣ, состоя въ званіи „кофишенки“, т. е. завѣдуя спеціально кофейнымъ и чайнымъ хозяйствомъ; впослѣдствіи, послѣ смерти коренной нашей экономки Мавры Андреевны, она заняла ея мѣсто. Елизавета Артемьевна хорошо помнила время, до женитьбы и вступленія въ управленіе имѣніями моего отца, когда еще былъ живъ и велъ все большое хозяйство мой прадѣдъ Федоръ Андреевичъ,—человѣкъ совсѣмъ другого склада и характера,—крайне строгій и не всегда справедливый со своими людьми, въ которыхъ, кромѣ любимчиковъ, видѣлъ только холоповъ. По ея словамъ, жизнь дворни при Федорѣ Андреевичѣ была тяжелая, и его боялись, какъ огня; тѣлесныя наказанія при немъ примѣнялись легко, но зато хозяинъ онъ былъ образцовый и крестьянамъ при немъ жить было въ матеріальномъ отношеніи хорошо,—они ни въ чемъ не нуждались. Переданное мнѣ Лизой нашло себѣ подтвержденія въ сохранившейся перепискѣ прадѣда и дневникѣ дѣда (умершаго молодымъ въ 1812 году). Изъ документовъ этихъ видно что Федоръ Андреевичъ любилъ веселое житье и въ Спасское зимой и лѣтомъ постоянно наѣзжали гости, и господа весело проводили время за картами (выигрывались и проигрывались не только деньги, но и вещи, напримѣръ, коляска, тарантасъ, лошади) и выпивкой. Ежедневными гостями были сосѣдніе помѣщики и всевозможныхъ ранговъ губернскіе и уѣздные чиновники, непремѣнно заѣзжавшіе въ Спасское при поѣздкахъ изъ Тамбова въ Моршанскъ и обратно,

благо Спасское лежало на самой большой дорогѣ, соединяющей эти города.

Упомянувъ о томъ, что Елизавета Артемьевна простила вмѣстѣ съ Дуняшей матушку, я долженъ добавить, что иначе оно и не могло быть, ибо матушка была воплощеніемъ доброты и привѣтливости. Какъ примѣръ, характерный для той эпохи, приведу такую черту: комната Дуняши, въ которой она спала за перегородкой, находилась рядомъ со спальной матушки; утромъ, когда матушка просыпалась, она звала Дуняшу, чтобы помочь ей встать, но. если той не хотѣлось еще покидать ночного ложа, она и не думала подниматься и кричала матушкѣ изъ своего апартамента строгимъ голосомъ: „рано еще вставать! Спите, а то такъ полежите!“ И матушка безропотно покорялась и оставалась безъ сна въ постели, или приступала къ своему утреннему туалету одна, безъ помощи Дуняши. Вообще мнѣ не привелось быть свидѣтелемъ мрачныхъ картинъ изъ эпохи крѣпостного права, отчасти оттого, что ко времени когда я могъ сознательно относиться къ совершавшемуся вокругъ меня, это право было уже на исходѣ и смягчилось, отчасти же потому что при отцѣ, а въ особенности при матери, обращеніе съ крѣпостными было у насъ гуманное и, напримѣръ, наивысшимъ наказаніемъ для дворовыхъ считалось изверженіе изъ дворни; провинившемуся выдавалась со всѣмъ его семействомъ „вольная“ и онъ изгонялся съ усадьбы. Такъ, уже на моей памяти, получилъ отпускную буфетчикъ Ананій въ видѣ наказанія за такое преступленіе: зиму въ томъ году вся наша семья проводила въ Москвѣ, но Ананій былъ оставленъ въ Спасскомъ, гдѣ пустой домъ все-таки слегка отапливался; у Ананія находились, какъ у буфетчика, ключи отъ погреба, въ которомъ былъ достаточный запасъ винъ. Лѣтомъ, по нашемъ пріѣздѣ въ Спасское, при первой же поданной бутылкѣ вина, выяснилось что-то неладное; вкусъ и букетъ вина ис-

чезли, и въ бутылкѣ имѣлся какой-то жидкій, кислый и мутный напитокъ; вторая поданная бутылка оказалась въ такомъ же неестественномъ состояніи, а по произведенному тщательному осмотру выяснилось, что почти всѣ бутылки были откупорены, вино изъ нихъ почти полностью вылито, а онѣ дополнены водой и вновь закупорены. Ананій тотчасъ повинился, сознавшись въ томъ, что онъ въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ выпилъ все бывшее въ погребѣ вино, разбавляя остатки его въ каждой бутылкѣ водой. Попуталъ его „нечистый" на такое скверное дѣло съ перепоя, когда ему опохмѣлиться было нечѣмъ и не на что, а душа горѣла и его безудержно тянуло „поправиться". Сначала онъ робѣлъ, пилъ понемногу, а тамъ махнулъ на все рукой и пропьянствовалъ всю зиму. Въ отуманенномъ мозгу Ананія держалась мысль, что господа быть можетъ не замѣтятъ его продѣлку и будутъ пить оставленную имъ въ бутылкахъ бурду, принимая ее за хорошее вино. За такое дѣяніе Ананій, сколь ни просилъ, не былъ прощенъ и, получивъ „вольную", покинулъ съ семьей Спасское, а управляющій имѣніемъ, тоже изъ своихъ, Егоръ Фроловичъ, хотя и возмущался поступкомъ Ананія и каялся въ недосмотрѣ, въ разговорѣ со старшими служащими высказывалъ даже удовольствіе, что наконецъ-то понялъ почему Ананій всю зиму казался ему словно выпившимъ, а между тѣмъ онъ зналъ достовѣрно, что ему не на что, да и негдѣ пить.

Въ средѣ нашей дворни было много людей не только способныхъ, а прямо талантливыхъ, но эта талантливость не спасала ихъ отъ бывшаго всѣмъ имъ присущимъ недостатка—склонности къ пьянству. Даже наиболѣе способные люди тѣмъ сильнѣе поддавались власти вина. У всѣхъ у нихъ эта слабость проявлялась обычно въ формѣ классическаго запоя, длившагося иногда недѣлями. И тутъ ужъ ничего не помогало: такого запившаго человѣка даже запирали гдѣ-либо до

вытрезвленія, но онъ все-таки какимъ-то способомъ добывалъ себѣ водки и продолжалъ пить. Старшій садовникъ, бывшій въ ученіи въ Москвѣ, человѣкъ сравнительно развитой, настоящій любитель и знатокъ своего дѣла, заведшій у насъ померанцевыя и лимонныя деревья, дававшія ежегодно плоды, поставившій Спасское садоводство на поразительную высоту, впадалъ на цѣлыя недѣли въ запой; художникъ токарь Ивлій Тимофеевичъ пилъ непробудно какъ только у него заводились какія-нибудь денжонки; лучшій нашъ наѣздникъ Никита пилъ временами безъ просыпа; самоучка-механикъ мельникъ Афанасій страдалъ тѣмъ же; великолѣпно готовившій поваръ Федотъ, учившійся въ Москвѣ на кухнѣ Англійскаго клуба, тоже; словомъ всѣ, за самыми рѣдкими исключеніями, дворовые были пьяницы.

Припоминаю одного двороваго не изъ нашихъ крѣпостныхъ, но очень интереснаго человѣка—Ивана Осипова; онъ обладалъ двумя способностями: хорошо стригъ волосы и состоялъ прежде поэтому у своихъ господъ мужскимъ куаферомъ и, обладая поэтическимъ даромъ, былъ придворнымъ поэтомъ,—сочинялъ и подносилъ господамъ по всевозможнымъ случаямъ стихи, большею частью въ формѣ именинныхъ дифирамбъ. Писалъ онъ и оды, длинныя и мало вразумительныя. У меня сохранился случайно отрывокъ одного изъ его стихотвореній, свидѣтельствующій о томъ, что Осипъ обладалъ дѣйствительно даромъ рифмоплетства и склонною къ поэзіи и возвышенному душою. Вотъ этотъ отрывокъ:

Рѣчь въ стихахъ.

Кипитъ мой духъ живымъ восторгомъ,
Когда на небо я гляжу. . .
Стою какъ будто передъ Богомъ
И весь восторгомъ трепещу!
Вотъ солнце дивною красою

По небу синему плыветъ,
Дождь сыплетъ свѣжій надъ землею
И жизнь природѣ всей даетъ,
Вотъ точно яркая лампада
Горитъ тамъ мѣсяцъ золотой
И служитъ сладкою отрадой
Во время темноты ночной.
Вотъ точно праведниковъ очи
Созвѣздья свѣтлыя блестятъ
И въ тишинѣ спокойной ночи
На насъ какъ будто бы, глядятъ.
Какъ будто огоньки какіе
Зажглись невидимой рукой,
Какъ будто къ Вышнему Святые,
На праздникъ собрались какой!
. . . .
. . . .
. . . .
Но нѣтъ, безплодною мечтою,
Зачѣмъ по облакамъ летать.
Мы можемъ Бога предъ собою
И на землѣ здѣсь созерцать.

И несмотря на возвышенную душу и хорошую сравнительно грамотность, Осипу невозможно было поручить никакого самостоятельнаго дѣла,—онъ какъ только оставался на свободѣ и добывалъ гдѣ-либо деньжонокъ, напивался до безчуствія, а затѣмъ долго опохмѣлялся, вымаливая буквально на колѣняхъ у господъ (кто подобродушнѣе) и у своихъ же коллегъ хоть самую малость на пріобрѣтеніе спасительнаго лѣкарства, т. е. водки.

Въ видѣ иллюстраціи того какъ пили дворовые приведу отрывокъ изъ письма моего отца къ матери въ сороковыхъ годахъ, изъ Тамбова въ Спасское, отстоящее отъ него въ 50 верстахъ...

... „Отправившійся по утру транспортъ не совсѣмъ благополучно достигъ своего назначенія. Если бы не кривая Матрена, то я и не знаю чѣмъ бы это дѣло кончилось. Посланные, помня Николу *), котораго празднуютъ три дня, напились и продолжали подливать по дорогѣ отъ Горѣлова. Подливанье это дошло наконецъ до того, что Семенъ лежалъ на возу безъ всякихъ чуствъ и правилъ до Тамбова пьяный Андрей.—Наконецъ въ Тамбовѣ лошади шарахнулись и на первомъ ухабѣ онъ свалился. Лошади понесли кривую. Какой то проходившій солдатъ остановилъ ихъ и связалъ порванныя постромки. Между тѣмъ сзади привязанный Артюръ **), испугавшись, началъ бить, а солдатъ отказался проводить Матрену до двора, ибо ему слѣдовало куда то идти на дежурство. Матрена, не зная Тамбова, одна на возу съ совершенно безчувственнымъ Семеномъ, одною рукою держитъ возжи, а другою поводъ Артюра, и изволитъ двигаться. Наконецъ какой то прохожій, по врожденному человѣку чуству состраданія къ ближнему, сѣлъ на сани и за гривенникъ взялся доставить ее до дому, что и совершилъ добросовѣстно. Семена не могли даже разстрясти. Въ это время я пріѣхалъ и встрѣтилъ у нашей церкви Филиппа и Якова, отправившихся за поисками Андрея. Матрена, не зная города и кружившись по разнымъ направленіямъ его, сначала безъ проводника, никакъ не могла сказать гдѣ свалилсяАндрей. Яковъ пошелъ на поиски. Между тѣмъ „времени прошло часа полтора и я, опасаясь чтобы Андрея не зашибли или не ограбили, послалъ Филиппа справиться въ обѣихъ полицейскихъ частяхъ и заявить на всякій случай, о происшествіи. Между тѣмъ Семенъ ознобилъ себѣ руки и ноги, которыя ему оттираютъ холодною гущею и кажется успѣшно“ . . .

*) Письмо датировано 8 декабря.
**) Лошадь.

Въ концѣ длиннаго письма,—на третій день по пріѣздѣ отца въ Тамбовъ, значилось: „Семенъ, вѣроятно, потеряетъ руку, во всякомъ случаѣ долго проболѣетъ. Я намѣренъ помѣстить его въ больницу".—Предположеніе отца, однако, не осуществилось: Семенъ, руки не потерялъ. Я и его и упоминавшихся въ письмѣ Андрея, Филиппа, Якова и даже кривую Матрену хорошо зналъ. Семенъ состоялъ въ мое время кучеромъ и расположенія къ вину не потерялъ. Въ приведенномъ отрывкѣ письма характернымъ является тоже количество прислуги, окружавшей господъ. Пріѣзда отца въ Тамбовъ (у насъ тамъ былъ обычно пустовавшій небольшой флигель—комнаты въ три) уже ждали Филиппъ и Яковъ, съ подводой ѣхали туда же трое, да еще отецъ въ письмѣ къ матери пишетъ: „Пришли ко мнѣ вмѣстѣ съ почтовымъ посломъ Ивана Ивкина." А пріѣзжалъ отецъ въ Тамбовъ только на время дворянскихъ выборовъ.

Тѣ, кто не принадлежалъ къ категоріи пьяницъ (даже глухо-нѣмой сапожникъ и тотъ напивался каждый праздникъ) тѣ ужъ за то совсѣмъ не пили; умѣреннаго употребленія вина не существовало. На селѣ, въ крестьянствѣ, такого расположенія къ пьянству не замѣчалось; пьяницъ было очень немного и злоупотребленіе спиртными напитками было лишь въ большіе, особенно же въ храмовые, праздники.

Пили на дворнѣ люди уже зрѣлые, за молодежью этой слабости не водилось, а потому праздниками у насъ на усадьбѣ бывало очень оживленно и весело зимой, а въ особенности, конечно, лѣтомъ. Зимой, по праздникамъ, дворовая молодежь обоего пола собиралась въ саду у ледяной горы, устраивавшейся у насъ на высокомъ берегу съ крутымъ спускомъ на рѣку, разливавшуюся въ этомъ мѣстѣ, у мельницы, въ широкій, тянувшійся на версту въ прямомъ направленіи прудъ, по льду котораго и катились, слетѣвъ съ горы, салазки. Сюда же на гору приходили господская молодежь

и старшія дѣти, и всѣ принимали участіе въ катаньѣ наравнѣ съ дворовыми. Я въ дѣтствѣ и юношей тоже катался со всѣми съ горы и помню, что веселились мы тамъ часами, несмотря на порядочный, иной разъ, морозъ. Садились въ длинныя салазки съ подрѣзами (конечно домодѣльные) по пяти человѣкъ, неслись внизъ и по расчищенному льду со страшной быстротой и подъ отчаянный визгъ сидѣвшихъ въ санкахъ дѣвицъ, опрокидывались, падали, заѣзжали въ сугробы снѣга и домой шли усталые, даже измученные, но навесели-

Улица въ Спасскомъ.

вшись въ сласть. На рѣкѣ же, на льду, устраивалась кромѣ того карусель, что тоже забавляло въ одинаковой степени и барчатъ и слугъ. Крестьянскіе парни и дѣвицы на гору не являлись и вообще не принимали участія въ увеселеніяхъ, имѣвшихъ мѣсто на усадьбѣ; они держались отдѣльно отъ дворни и относились къ ней скорѣе недружелюбно, что объяснялось и тѣмъ, что изъ дворовыхъ обычно набирались начальствовавшія надъ крестьянами лица,—приказчики, объѣздчики, караульные и тому подобные агенты помѣщичьей власти, никогда не пользовавшіеся симпатіей крестьянства.

Спасскіе крестьяне приходили на усадьбу всѣмъ селомъ—мужики, бабы и дѣти—два раза въ году: на Святой, при чемъ господа христосовались со всѣми явившимися, а затѣмъ они получали незатѣйливое угощеніе, и лѣтомъ послѣ уборки сѣна въ праздничный день; тутъ крестьянамъ подносилась водка съ закуской, не пьющимъ предлагался чай, а бабамъ и дѣтямъ раздавались платки, ленты и пряники. Время покоса проходило тогда вообще очень оживленно и весело, несмотря на трудную работу косцовъ. Искупало тяжесть ея то что вся работа шла на народѣ, почти всегда въ хорошую, еще не удушливую, погоду, да на лугахъ около воды и лѣса, гдѣ хорошо въ перерывы отдыхалось. Къ тому же иные парни отличались лихостью въ косьбѣ и шли на перебой другъ съ другомъ. А бабамъ работа была и совсѣмъ не тяжелая, если сравнить ее хотя бы съ полкой, доводящей до изнеможенія, или жнитвомъ, которое тогда примѣнялась при уборкѣ не только пшеницы, но и ржи: косили лишь овесъ и просо. Бабы и дѣвки одѣвались на покосъ по праздничному и по лугамъ, гдѣ повсюду виднѣлись кучки и ряды движущихся бѣлыхъ и красныхъ пятенъ, неслись къ вечеру веселыя пѣсни, да не теперешнія отвратительныя „частушки" и исковерканные романсы, а старыя, народныя, столь благозвучныя, хоровыя пѣсни.

Крестьянки въ тѣ времена если и пили водку, то потихоньку: пить женщинамъ на людяхъ считалось неприличнымъ. Въ ту пору въ крестьянствѣ было много обычаевъ, давно установившихся положеній, которыхъ всѣ крѣпко держались, считая грѣхомъ, чѣмъ то совершенно недозволеннымъ, нарушить ихъ. Твердо установившіеся взгляды и правила, словно предопредѣлявшіе теченіе жизни, къ тому же очень несложной и однообразной для большенства, облегчали эту жизнь; она не представлялась загадкой, не манила въ неизвѣстность неопредѣленными надеждами и мечтаніями,

а давала крестьянину то, что ему, какъ онъ думалъ, полагалось изъ вѣка въ вѣкъ, нѣчто хорошо извѣстное и неизбѣжное. Такой убѣжденный консерватизмъ держался у насъ въ крестьянствѣ довольно долго и послѣ отмѣны крѣпостного права; онъ сталъ исчезать подъ давленіемъ такихъ факторовъ какъ общая воинская повинность, сравнительно скоро возвращавшая въ сельскую среду солдатъ путемъ безсрочнаго или временнаго отпуска съ измѣнившимися уже, новыми взглядами на жизнь; развившіеся, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, облегчившимъ передвиженіе, такіе отхожіе промыслы, какъ напримѣръ, работы въ каменноугольныхъ копяхъ въ Донской области, куда именно потянулись наши сельчане и т. п.. Возвращавшіеся домой съ такихъ работъ крестьяне вносили совсѣмъ новую струю въ жизнь и пониманіе населенія, далеко не всегда желательныя, но радикально расходившіяся съ прежними воззрѣніями, зарождавшія требованіе личной свободы и вызывавшія протестъ противъ неравенства людей по сословіямъ и вообще кастообразнаго дѣленія общества. Разбивали рутину прежней жизни и замѣнившія единственныхъ прежнихъ учителей-дьячковъ и отставныхъ унтеръ-офицеровъ земскія школы.

Но въ то время, о которомъ я пишу, ничего подобнаго еще не было и крестьяне даже внѣшне, манерой держать себя и одеждой, не походили на теперешнее сельское населеніе. Всѣ безъ исключенія ходили въ русскомъ платьѣ, очень красивомъ, теперь исчезнувшемъ къ сожалѣнію и замѣнившимся для лицъ женскаго пола отвратительными ситцевыми короткими кофтами и „вампирками", а у мужчинъ блузами, пиджаками, картузами и даже какою-то рванью, которую въ старину крестьянинъ постыдился бы надѣть. Всѣ тогда носили русскія рубахи, солидные люди бѣлыя или темносинія, а молодежь и красныя, поддевки и кафтаны, обычно изъ домодѣльной матеріи, перетянутые тоже домашня-

го производства разноцвѣтнымъ кушакомъ, а на головахъ лѣтомъ высокія поярковыя шляпы. Замужнія женщины обязательно носили кички (съ рожками или безъ нихъ, но съ валикомъ) у молодыхъ краснаго цвѣта; платки на головѣ носили лишь дѣвицы и старухи,- послѣднія обычно бѣлые; замужней женщинѣ показаться „простоволосой" было гораздо стыднѣе, чѣмъ совсѣмъ раздѣтой. Бѣлье было у всѣхъ исключительно

Дворъ Спасской усадьбы.

изъ домотканнаго холста и полотна, также какъ красивыя разноцвѣтныя поневы. Въ обычную пору крестьяне обоего пола обувались въ онучи и лапти, сапоги крестьянами носились, да и то болѣе молодыми, лишь по праздникамъ или при путешествіяхъ, зимой всѣ обувались въ валенки. Всѣми соблюдалось гораздо большая чистота и акуратность въ одеждѣ, а въ манерахъ было больше степенности и спокойствія. Крестьянская семейная и общественная жизнь, вся строго урегулированная, подчинялась своимъ особымъ не писанымъ, но обязатель-

нымъ, правиламъ и не имѣла ничего общаго съ жизнью и обычаями посадскихъ людей, мѣщанъ и даже дворовыхъ. Обряды свадебные, похоронные, увеселенія, игры, пѣсни,—все было свое особое и все это отличалось по сравненію съ безземельнымъ населеніемъ (горожане, мѣщане, дворовые) солидностью, степенностью и порядкомъ.

Весною и лѣтомъ на обширномъ дворѣ Спасской усадьбы, на которомъ имѣлась лужайка и были разби-

Спасская усадьба. Фасадъ дома со стороны сада.

ты клумбы сирени и группы молодыхъ деревцовъ, по праздникамъ, къ вечеру всегда собирались дворовые и служащіе и заводились такія игры какъ городки, бабки, лапта и лунки; въ этихъ играхъ участвовала только мужская молодежь, но кромѣ нихъ водились, обычно попозднѣе, хороводы съ преобладаніемъ женскаго элементы и устраивались „горѣлки и коршуны“. Коренные обитатели Спасскаго и гости изъ „барской“ молодежи постоянно присоединялись къ веселившейся дворнѣ.

Намъ, дѣтямъ и подросткамъ, жилось превосходно въ этой свободной обстановкѣ, хотя и подъ надзоромъ Herr Strende, принимавшаго тоже участіе въ общихъ играхъ, но замѣчательно неудачно. Играя, напримѣръ, въ городки, при ударѣ съ кона, онъ если поподалъ въ городокъ, то дѣлалъ обязательно „рюхъ", т. е. разваливалъ чурки, не выбивъ ихъ изъ клѣтки. Такое неумѣніе участниками игръ объяснялось его иностраннымъ происхожденіемъ, мѣшавшимъ ему проникнуть въ суть чисто русскихъ игръ и вызывало хохотъ и смѣшки играющихъ, на которые добродушнѣйшій Эрнестъ Эрнестовичъ не обижался, состоя въ отмѣнной дружбѣ со всей дворней.

Лѣто, кромѣ моего постояннаго товарища Васи Прокунина, обычно проводили въ Спасскомъ еще нѣсколько моихъ друзей-однолѣтокъ, а въ томъ числѣ очень любимый всѣми нами Саша Данзасъ, талантливый, умный мальчикъ, рано, въ совсѣмъ еще молодыхъ годахъ, покончившій съ жизнью, выстрѣломъ изъ револьвера, у насъ же въ Спасскомъ. Онъ былъ очень нервный и слишкомъ впечатлительный юноша и не сумѣлъ перенести и справиться съ разными неудачами, встрѣтившимися въ самомъ началѣ его самостоятелной жизни. Но въ годы дѣтства и ранней молодости и ему жилось хорошо въ нашемъ веселомъ обществѣ.

Какъ то разъ, я и Саша, расхваставшись передъ кѣмъ-то изъ старшихъ, объявили, что мы ничего сверхъестественнаго не боимся и вдвоемъ пойдемъ ночью, т. е. когда стемнѣетъ, къ нашей церкви; церковь отстояла очень недалеко отъ Спасскаго дома, но къ ней надо было идти или длинной липовой аллеей, или „Софьинымъ садомъ", представлявшимъ изъ себя довольно глухой паркъ, и въ обоихъ случаяхъ обязательно пройти по запущенному кладбищу, мимо ряда могилъ и памятниковъ, окружавшихъ церковь. И дѣйствительно мы, когда совершенно стемнѣло, отправились въ эту

экспедицію. Сначала, пока мы шли дворомъ и по обсаженной каштанами аллѣе, мнѣ не было страшно и я весело болталъ съ Сашей. Но когда мы проникли въ Софьинъ садъ, гдѣ благодаря деревьямъ стало совершенно темно, я уже дрогнулъ и пожалѣлъ, что самъ назвался на такое рискованное предпріятіе. Было не только темно, но прямо таки жутко еще и оттого, что незатихшій вѣтеръ очень подозрительно шумѣлъ въ деревьяхъ и двигалъ ихъ вѣтвями и кустами, которые, шевелясь, казались живыми темными фигурами. А тутъ еще я ударился о низкую вѣтку какого то дерева и совсѣмъ оробѣлъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ пришла въ голову дикая мысь, что рядомъ со мною идетъ не Саша, не отвѣтившій на какой-то мой вопросъ, а совсѣмъ другой: можетъ, именно какой-нибудь злой духъ. Бѣжать однако было стыдно, да пожалуй еще страшнѣе, чѣмъ идти дальше. Наконецъ мы молча, подошли къ церкви и вступили, перейдя мостикъ черезъ канаву, отдѣлявшую садъ отъ стараго погоста, въ черту кладбища. И вдругъ я увидѣлъ, какъ около одного изъ надмогильныхъ монументовъ появилась и двинулась на насъ съ страшнымъ шумомъ громадная бѣлая фигура. . . . Тутъ я не выдержалъ и, позабывъ о стыдѣ, о стоявшемъ возлѣ меня Сашѣ, да обо всемъ на свѣтѣ, бросился опрометью назадъ черезъ мостикъ и садъ домой. Пока я бѣжалъ садомъ, я явственно слышалъ, какъ за мной бѣжали, и „ихъ" было много, и „они" почти настигали меня. Но я, конечно, не оборачивался и остановился лишь въ каштановой аллеѣ, уже около двора, да и то только потому, что, задѣвъ за корень дерева, упалъ. Вскочивъ на ноги, я убѣдился, что за мною никто не гонится и что уже бояться нечего, потому что до двора совсѣмъ близко и виденъ уже домъ. Я на дворѣ дождался Саши и мы вмѣстѣ вернулись, причемъ Саша, тоже достаточно струсившій, но оставшійся на мѣстѣ, разсказалъ, что напугала насъ бѣлая ло-

щадь, которую, связавъ ей переднія ноги, пустилъ на погостъ покормиться ночью травой дьячекъ. Больше я ночью къ церкви не ходилъ и только еще разъ, но уже совершенно одинъ, бѣгалъ въ лѣсъ (уже юношей), на пари, въ ночь на Ивана-Купала, чтобы сорвать цвѣтъ папоротника, если таковой попадется. Но папоротникъ для меня не расцвѣлъ и ничего страшнаго и фантастическаго я въ лѣсу не видалъ даже въ такую ночь, какъ на Ивана-Купала.

Интересную личность представлялъ изъ себя нашъ спасскій священникъ. Онъ на первое мѣсто, тотчасъ же по окончаніи курса въ семинаріи и послѣ женитьбы, былъ назначенъ настоятелемъ нашей церкви. Я помню первый его визитъ къ намъ съ женою: оба они были молоды, красивы, жизнерадостны и казались счастливѣйшими людьми. Такъ оно и было въ продалженіе нѣсколькихъ лѣтъ; но съ теченіемъ времени тяжелыя условія жизни сельскаго священника, если онъ человѣкъ не удовлетворяющійся, внѣ церковныхъ обязанностей священства, грубыми матеріальными интересами, сказались на нашемъ умномъ и миломъ батюшкѣ. Онъ затосковалъ въ тогдашней сельской обстановкѣ и въ своемъ духовномъ одиночествѣ. Какъ разъ въ этотъ критическій періодъ его жизни наша семья переселилась на зиму въ Москву, да и лѣта два проводила не въ Спасскомъ, а въ другомъ имѣніи; отецъ Иванъ лишился подспорья, которое онъ находилъ въ нашемъ обществѣ и въ пользованіи книгами Спасской библіотеки и получавшимися нами журналами. Безъ книгъ, безъ иного общества какъ почти поголовно неграмотное крестьянство, запивавшій дьяконъ, да древній старикъ- священникъ сосѣдняго села, безъ возможности какой либо общественной дѣятельности, ибо школъ тогда не было, благотворительность была не доступна по неимѣнію достаточныхъ средствъ,—батюшка „опустился". Его давила рутина воспитанія и жиз-

ни, не указывавшая никакого пути кромѣ шаблоннаго прозябанія, и не хватало личной энергіи и иниціативы; онъ затосковалъ и сталъ выпивать. А тутъ еще присоединились разладъ съ женой, считавшей вздоромъ духовные и умственные запросы мужа, семейныя на этой почвѣ непріятности, столкновенія съ духовнымъ начальствомъ, и отецъ Иванъ погибъ. Онъ сталъ уже не только выпивать, но просто пить, пить запойно, недѣлями, раза два доводилъ себя до бѣлой горячки и наконецъ заболѣлъ психически и былъ помѣщенъ въ больницу. Въ началѣ своего пребыванія въ Спасскомъ онъ давалъ мнѣ уроки „закона Божія“ и велъ эти занятія образцово. Такъ погибъ благородный, умный, талантливый человѣкъ, погибъ благодаря собственной неустойчивости и крайне тяжелымъ условіямъ сельской жизни того времени.

Б. дворовый—учитель и регентъ Ѳедоръ Макарычъ.

У батюшки, пока онъ былъ здоровъ, былъ прекрасный голосъ и хорошій слухъ, и онъ помогалъ нашему церковному любительскому хору, состоявшему подъ уп-

равленіемъ нашего двороваго Федора Макаровича, разучивать и исполнять церковныя пѣснопѣнія. Пѣли въ хорѣ всѣ изъ нашей семьи у кого былъ голосъ и слухъ и нами не пропускались воскресныя богослуженія, особенно лѣтомъ, когда церковная служба происходила въ лѣтней половинѣ храма, свѣтлой, высокой, на много большей, чѣмъ зимнее, отапливавшееся помѣщеніе. У меня сохранились очень свѣтлыя, радостныя воспоминанія о лѣтнихъ посѣщеніяхъ церкви. Сперва медленный, гулкій и торжественный благовѣсть, а затѣмъ радостный, призывной трезвонъ располагали къ чему то хорошему и подъ звукъ его было легко идти по старой, не пропускавшей ни одного луча солнца, липовой аллеѣ къ церкви и тамъ, войдя въ боковыя двери, пройти вдоль иконостаса на правый клиросъ и оглядѣть знакомую иконопись и еще болѣе знакомую толпу предстоящихъ и молящихся, становившуюся въ одномъ и томъ же распорядкѣ, такъ что я всегда напередъ зналъ гдѣ именно увижу мельничнаго засыпку Степана, фельдшера Пучкова, зажиточнаго мужика Акима Михайловича, Степана-плотника и, сбивавшихся

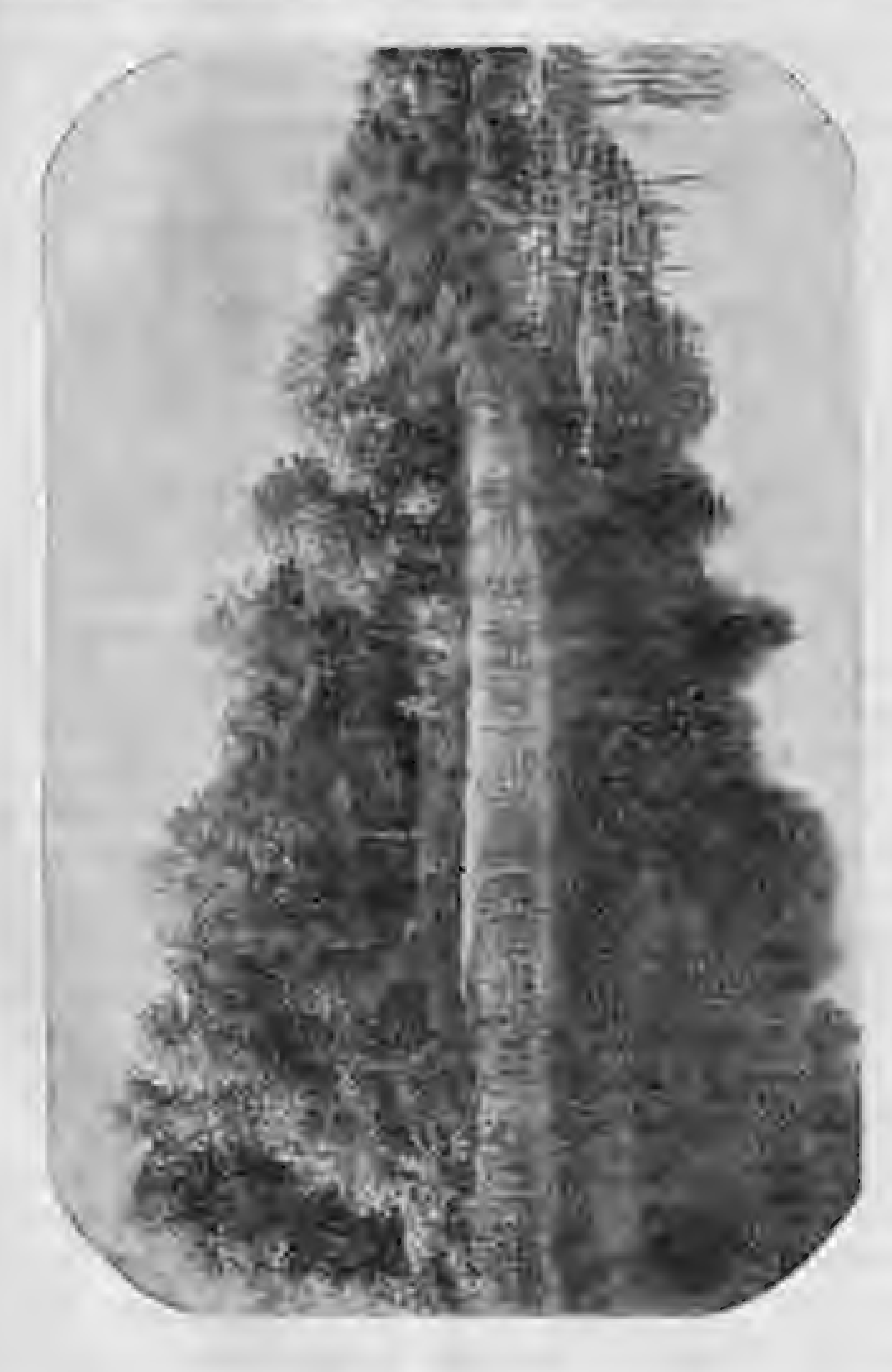

Б. дворовые—фельдшеръ Пучковъ съ женою.

всегда въ одну кучу, нарядныхъ и безбожно кокетничавшихъ, миловидныхъ дворовыхъ дѣвицъ. Пѣли мы съ величайшимъ воодушевленіемъ, хотя не всегда удачно, сбиваясь въ запричастномъ стихѣ и во время молебновъ въ иныхъ напѣвахъ, но радостно ожидая такихъ молитвъ какъ „Царю Небесный“, „Тебѣ Бога хвалимъ“ и „Спаси Господи люди твоя“. Въ отворенное окно, у самаго клироса, врывался свѣжій воздухъ и вливались лучи солнца, золотя красиво клубящійся дымъ ладана; подъ легкимъ порывомъ вѣтра къ рѣшоткѣ окна, проникая вѣтками въ церковь, прижималась тонкая березка, выросшая у самой стѣны, а тамъ дальше виднѣлись еще березки и заросшія травой и дикимъ бурьяномъ старыя невѣдомо чьи могилки. Маменькѣ, стоявшей передъ кресломъ на коврикѣ у самаго клироса, діаконъ выносилъ просфору, и быстро наступалъ конецъ богослуженія. Всѣ мы шли тогда домой уже не аллеей, а мимо родственныхъ могилъ въ оградѣ, которыя украшались нами цвѣтами, Софьинымъ садомъ. Тамъ у насъ всегда бывала остановка, матушка и старшіе садились на скамейку и, если это былъ день чьихъ либо именинъ или рожденья (не дѣтей конечно), то мы пѣли „многая лѣта“. Особенно торжественно и богослуженіе и весь обиходъ дня проходили у насъ 12 іюля— день рожденія матушки. Тутъ мы, при увеличившемся пріѣзжими гостями (все свои обычные гости) хорѣ, пѣли, хотя не лучше, но гораздо громче, обѣдали всего чаще на чистомъ воздухѣ въ саду, а при наступленіи темноты устраивали иллюминацію, къ которой готовились (дѣти и подростки) задолго до 12 іюля. Иногда въ этотъ день выписывался изъ города оркестръ военной музыки и въ саду же устраивались танцы, а позднѣе старшіе варили въ „галлереѣ“ (такъ у насъ называлась длинная крытая бесѣдка, стоявшая надъ рѣкой) жженку и пѣли уже свѣтскія пѣсни и плясали русскую.

Въ дѣтствѣ изо всѣхъ многочисленныхъ комнатъ

Спасскаго дома я особенно любилъ бывшій отцовскій кабинетъ, онъ же библіотека. Вдоль всѣхъ стѣнъ этой необитаемой нынѣ комнаты стояли большіе, доходив-

Садъ въ Спасскомъ.

шіе до потолка, шкафы со стеклянными дверками и всѣ въ полкахъ, на которыхъ стояли въ большомъ по-

рядкѣ книги. Въ особыхъ отдѣленіяхъ помѣщались особенно громоздкія большихъ размѣровъ изданія, почти всѣ переплетенныя, атласы, альбомы и т. п. Въ комнатѣ держался совершенно особый, только ей свойственный, запахъ, какъ мнѣ казалось, книгами. Ничего другого въ ней и не было и никто въ ней не жилъ. Ключи отъ книжныхъ шкафовъ хранились тутъ же въ опредѣленномъ мѣстѣ и, пользуясь ими, я, въ свободное отъ ученья и отъ прогулокъ время, забирался въ библіотеку и, отперевъ какой нибудь изъ шкафовъ, выбравъ книгу и устроившись тутъ же на креслѣ, читалъ ее, или уносилъ къ себѣ и потомъ по прочтеніи возвращалъ на мѣсто. Я не скажу, чтобы такое свободное пользованіе книгами было мнѣ дозволено, оффиціальнаго разрѣшенія я не получалъ, но мое хозяйничанье въ библіотекѣ терпѣлось; кажется домашнее начальство дѣлало видъ, что не замѣчаетъ моихъ библіографическихъ экскурсій. Благодаря этому попустительству я прочелъ массу книгъ на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, прочелъ безсистемно, безъ надлежащей для чтенія многихъ произведеній подготовки, увлекаясь то тогдашней беллетристикой или драматургіей, то сочиненіями по философіи, исторіи, ботаникѣ, зоологіи. Въ возрастѣ отъ 12 до 17 почти лѣтъ я прочелъ чуть не половину Спасскаго книжнаго богатства и на всю жизнь пристрастился къ книгамъ. Конечно похвалить такую систему чтенія нельзя, но въ тѣ годы свободный выборъ книгъ доставлялъ мнѣ много наслажденія и едвали имѣлъ на меня особенно дурное вліяніе. Всего болѣе я тогда увлекался Гоголемъ, Лермонтовымъ, Аксаковымъ, Гончаровымъ, Алексѣемъ Толстымъ и Тургеневымъ, а изъ иностранцевъ Шиллеромъ, Ауэрбахомъ, Шпильгагеномъ, Евгеніемъ Сю, Вальтеръ-Скоттомъ и Куперомъ.

Очень не охотно покидали мы Спасское въ тѣ годы, въ которые зиму семья наша проводила не въ деревнѣ, а въ

Москвѣ. Уѣзжали обычно въ концѣ августа, когда еще было совсѣмъ хорошо и наступалъ яблочный сезонъ. Но юный возрастъ бралъ свое, и приготовленія къ отъ-

Зимой въ Спасскомъ.

ѣзду достаточно развлекали и утѣшали насъ. Сборы и укладка начинались уже за цѣлую недѣлю до отъѣзда, а дня за два вывозились изъ каретнаго сарая дормезъ

и тарантасъ и ставились у дѣвичьяго крыльца. Дормезомъ и вообще экипажами, стоявшими въ сараѣ, мы всегда увлекались и, когда сарай бывалъ отпертъ, забирались въ него. Тамъ господствовалъ полумракъ, и рессорные экипажи стояли закрытые холщевыми чехлами большіе, казалось важные, похожіе на чудовища. И запахъ въ сараѣ былъ интересный-старой кожей, кучерами и слегка дегтемъ; тутъ мы забирались внутрь кареты и на козлы, усаживались верхомъ на бѣговыя дрожки и очень веселились. Когда начиналась укладка мы вертѣлись около выкаченныхъ экипажей и подъ благовиднымъ предлогомъ помощи мѣшали укладывать.

Наканунѣ отъѣзда Мавра Андреевна снабжала насъ, каждаго, нѣсколькими мѣшочками, въ которыхъ была насыпана отдѣльно сухая малина, сухая земляника и сушеныя груши, а сушеныя яблоки давались прямо связкой, нанизанныя на бичевку. Все это полагалось съѣсть дорогой, къ которой готовились, уже для всѣхъ кокурки, ржаныя и бѣлыя лепешки, печеныя яйца и т. п. дорожныя снѣди. Въ самый день отъѣзда съ утра въ домъ приходилъ батюшка съ діакономъ и сидѣли съ нами, а изъ буфетной выглядывали дьячокъ и пономарь, одѣтые въ сѣрые длиннополые кафтаны съ намотанными на шею платками и съ выпущенными на спину заплетенными короткими косичками, а затѣмъ входили въ залу и вмѣстѣ съ учителемъ изъ дворовыхъ Федоромъ Макарычемъ клали на поставленный заранѣе въ углу ломберный столъ, покрытый бѣлой скатертью, крестъ, евангеліе и укрѣпляли на мискѣ съ водой, стоявшей тамъ же, восковыя свѣчи. Наконецъ всѣ отъѣзжающіе и остающіеся въ Спасскомъ господа собирались въ залѣ, входили дворовые и, когда, наконецъ, являлась мамаша, священникъ и діаконъ облачались, Василій вносилъ кадило съ раззоженными углями и начиналось длинное молебствіе съ водосвятіемъ и съ интереснымъ чтеніемъ о томъ, какъ путешествовалъ нѣкій Товія и

какія съ нимъ были дорожныя приключенія. Вскорѣ же послѣ молебна всѣ бывшіе въ залѣ садились и начиналась длительная церемонія прощанія съ обязательными цѣлованіемъ, иногда слезами и обычными пожеланіями добраго пути и счастливаго возвращенія. Все это занимало насъ, но вскорѣ долгій обратный путь надоѣдалъ, лакомства съѣдались, и ѣхать становилось скучно, а когда иной разъ наступало ненастье и цѣлый день по верху кареты и въ окна барабанилъ дождь, и мы двигались впередъ медленно, благадаря грязи, въ селахъ на большой дорогѣ достигавшей иногда невѣроятныхъ размѣровъ, то на душѣ становилось даже тоскливо, и съ сожалѣніемъ вспоминались свѣтлые, веселые лѣтніе дни въ Спасскомъ.

Большія дороги, эта уходящая въ забываемое прошлое особенность Россіи, уныло выглядящія, тянущіяся прерываемой кое-гдѣ линіей ветелъ, а иногда березъ, по безконечной пустынной равнинѣ! Я и теперь, видя такую дорогу изъ окна вагона быстро несущагося желѣзнодорожнаго поѣзда, или временно проѣзжая куда-нибудь неподалеку по ней на лошадяхъ, переживаю впечатлѣнія былого, когда сутками приходилось не разставаться съ нею. Меня каждый разъ охватываетъ щемящее чувство тоски, но въ то же время роднымъ и близкимъ вѣетъ отъ этой унылой картины. Странныя дороги! Широкія безъ какой-либо нужды въ этомъ, т. к. хотя онѣ и изрѣзаны засохшими колеями и густо заросшими придорожникомъ слѣдами во всю ширину, но ѣзда идетъ по одной лишь торной тропѣ, часто перебрасывающейся съ одной стороны дороги на другую и даже взбирающейся на ограничивающій ее валъ, гдѣ колеса экипажа стукаются о корни растущихъ на валахъ ветелъ, а пристяжныя рискуютъ удариться головами о стволы ихъ. А ветлы, старыя, престарыя почтенныя, многострадальныя ветлы! Некрасивыя, сѣрыя, съ корой, обросшей мѣстами желтымъ мохомъ,

то держащіяся еще могуче большимъ, развѣсистымъ деревомъ, то на половину обломанныя, искалѣченныя, растущія какъ-то вбокъ, или совсѣмъ вывернутыя, иныя съ громаднымъ дупломъ, нерѣдко выжженнымъ внутри или только что пошедшія молодыми побѣгами отъ свалившагося наконецъ ствола. Какъ онѣ уцѣлѣли до сихъ поръ! Почему не погибли всѣ! Вскорѣ же послѣ посадки ихъ, еще въ Аракчеевскія времена, ихъ предоставили самимъ себѣ и не заботились о нихъ. Да еслибы только это, а то кто не губилъ и не мучилъ ихъ! И бури ломали и по днесь ломаютъ ихъ, низвергая цѣлыя деревья, отрывая громадныя сучья, усыпая болѣе мелкими вѣтвями дорогу во всю ея ширину, и молнія разбивала и разщепляла ихъ, и снѣжныя вьюги и морозы отнимали у нихъ, одиноко стоящихъ на юру, жизнь и здоровье, и люди, вмѣсто заботъ, увѣчили ихъ, рубили, обламывали, даже выжигали, разводя внутри дупла костры... Ихъ становится съ каждымъ годомъ все меньше и меньше, но какимъ-то чудомъ они держатся еще кое-гдѣ на дорогахъ. Осенней темной ночью, несмотря на стукъ экипажа, слышно, какъ вѣтеръ шумитъ въ ихъ вѣтвяхъ и долго держащейся листвѣ, и звуки эти успокаиваютъ проѣзжаго, убѣждая въ томъ, что онъ не съѣхалъ съ большака и не рискуетъ свалиться въ оврагъ. Зимою въ метель какое, бывало, успокоеніе разглядѣть сквозь крутящуюся пелену снѣга знакомыя очертанія придорожныхъ ветелъ, особливо когда подъѣдешь къ нимъ съ проселка и онѣ замѣнятъ низкіе, заметаемые снѣгомъ, вѣхи изъ соломы. А лѣтомъ сколькимъ странникамъ и пѣшеходамъ даютъ онѣ возможность отдохнуть, прислонившись къ стволу одной изъ нихъ, или улегшись въ тѣни ихъ и прячась подъ ними отъ палящихъ лучей солнца!

Для меня теперь большія дороги съ ветлами, почтовыя станціи съ удушливымъ воздухомъ, загаженной мухами табелью междустанціоннаго пробѣга

и такого въ рамѣ, висящей въ первой комнатѣ надъ убогимъ столомъ съ книгой, счетами и чернильницей клеенчатымъ, оборваннымъ диваномъ, биткомъ наби-

Москва въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Группа участниковъ любительскаго спектакля (Братья Сухотины, Д. В. Давыдовъ, Бѣгичевъ, Пашкевичъ и др.).

тымъ клопами во второй комнатѣ, — все это далекое прошлое. Прошлое — станціонные смотрители, жалкіе люди, забитые, болѣзненные на видъ, иногда озлоблен-

ные на судьбу, да обязательные въ прежнее время колокольчикъ „даръ Валдая“ и наборъ глухарей и мелкихъ бубенчиковъ. Можетъ все это существуетъ гдѣ-нибудь въ Сибири, или на дальнемъ сѣверѣ, но у насъ, въ центрѣ Россіи—все это прошлое.

Нѣсколько зимъ подрядъ семья наша провела въ Москвѣ, гдѣ дѣтская жизнь проходила уже при совсѣмъ другихъ условіяхъ; той сравнительно большой свободы, которою мы пользовались въ деревнѣ, уже не было на лицо; въ городѣ мы постоянно находились подъ надзоромъ,—въ раннемъ дѣтствѣ у няни, а позднѣе на „мужскомъ верху“—въ вѣдѣніи Herr Strenge. О свободномъ чтеніи книгъ и рѣчи быть не могло, да въ Москвѣ и не было большой домашней библіотеки; не было катанья съ горъ, игръ въ снѣжки съ дворовыми мальчиками, прогулокъ въ санкахъ на одиночкѣ и на тройкѣ по большой дорогѣ, или зимнякомъ по льду рѣки; по улицамъ и бульварамъ приходилось идти чинно, безъ шалостей; но жилось и въ Москвѣ весело. Что особенно увлекало насъ (меня, Васю Прокунина и Сашу Данзаса) это былъ театръ, стремленію къ которому у насъ не было границъ. Мы не удовлетворялись лицезрѣніемъ настоящихъ театральныхъ представленій, а создавали дома свой театръ, для котораго мы же писали трагедіи и драмы; легкій жанръ нами не признавался. Если я не ошибаюсь мною было написано не менѣе десяти пьесъ, на темы главнымъ образомъ изъ средневѣковья, съ королями, рыцарями, оруженосцами, пажами, благородными дамами, наперсниками и наперсницами, злодѣями, тюремщиками, палачами, нерѣдко при участіи фантастическихъ дѣйствующихъ лицъ въ видѣ колдуновъ, привидѣній, сатаны, изрыгающихъ огонь драконовъ и всевозможныхъ чудовищъ. У насъ былъ сработанный дома, при помощи столяра, небольшой театръ

съ разными приспособленіями для проваловъ, исчезновеній и т. п. Декораціи рисовалъ (и очень недурно), Вася Прокунинъ, костюмы для дѣйствующихъ лицъ изъ картона и разноцвѣтной бумаги по нашимъ указаніямъ намъ дѣлали при посредствѣ классной дамы одного изъ Московскихъ институтовъ M-lle Menée, дававшей намъ уроки французскаго языка, воспитанницы этого учебнаго заведенія, которыхъ, кстати сказать, мы никогда не видали и которымъ шлю теперь, если я не опоздалъ, глубокую благодарность, а музыку для увертюръ и музыкальныхъ выступленій сочинялъ тоже Вася. Я кромѣ авторства завѣдывалъ машинной частью, и въ моемъ распоряженіи находился большой запасъ, совершенно необходимаго для выполненія настоящей трагедіи, ликоподія,—Semen licopodii, дающаго сколько угодно безвреднаго пламени. Публичныя представленія у насъ устраивались рѣдко, что-нибудь обычно мѣшало, но репетицій и приготовленій бывало бездна, и они достаточно насъ занимали. А кромѣ того, мы и сами еще дѣйствовали, то устраивая живыя картины съ концертомъ, въ которомъ нами исполнялась Гайденовская Kindersimphonie, Вася игралъ solo на фортепіано и кто-нибудь изъ старшихъ пѣлъ, то устраивая обстановочныя шарады. Живымъ картинамъ, сопровождавшимся концертнымъ отдѣленіемъ, мы выучились въ Большомъ театрѣ, гдѣ такія представленія давались довольно часто великимъ постомъ, въ теченіе котораго, въ моемъ дѣтствѣ, драматическіе, оперные и балетные спектакли не допускались. Музыкальная часть этихъ казенныхъ великопостныхъ представленій не отличалась какими-либо достоинствами: передъ началомъ каждаго отдѣленія оркестромъ кое-какъ игралась какая-нибудь избитая оперная увертюра, кто-либо изъ оркестровыхъ музыкантовъ игралъ solo и тоже кто-либо изъ своихъ артистовъ пѣлъ оперную арію. Наибольшій интересъ представляли именно живыя картины, ставившіяся на

сценѣ въ особо устроенныхъ рамахъ; въ картинахъ этихъ выступали артисты и Малаго и Большого театровъ, даже первостепенные; по правдѣ сказать, чего-либо дѣйствительно художественнаго и даже сколько-нибудь интереснаго эти картины не представляли, и надо было обладать большой наивностью и нетребовательностью, чтобы удовлетворяться такими представленіями. Публика однако шла въ театръ, вѣроятно, чтобы внести хотя нѣкоторое разнообразіе въ великопостное времяпровожденіе.

Великій постъ въ тѣ годы замѣтно отличался отъ остального времени и въ домашней, и въ общественной жизни москвичей. Постная пища настолько была въ ходу, что даже на улицахъ пахло поджареннымъ деревяннымъ масломъ и скоромники, особливо на первой, крестопоклонной и Страстной недѣляхъ, встрѣчались рѣдко, и такое радикальное поведеніе въ общемъ не одобрялось. Въ зажиточныхъ семьяхъ подавалось постное, но во многихъ домахъ это была лишь внѣшность. Супы варились на бульонѣ, жарилось все на сливочномъ маслѣ, но, напримѣръ, пироги и пирожки, картофель слегка смазывались прованскимъ масломъ для отвода глазъ и обонянія. Къ кофе подавались жирныя „сливки", добывавшіяся изъ грецкихъ орѣховъ. Церковный звонъ постомъ, казалось, не прекращался въ Москвѣ и церкви бывали полны говѣющими всѣхъ классовъ населенія. Говѣли къ тому же солидно, не пропуская службъ, хотя, конечно можно было и тутъ устроить себѣ облегченіе, а именно явиться не къ началу службы, что и было въ ходу. Зато Пасха была дѣйствительно праздникомъ послѣ томительно-долгаго поста и радовала веселымъ церковнымъ перезвономъ, замѣнявшимъ унылое великопостное гудѣніе колоколовъ, радостными церковными напѣвами и свѣтлыми ризами, разговеніемъ обычно (а у прислуги всегда) вызывавшимъ, однако, желудочныя недомоганія, общимъ христосованіемъ, со-

провождавшимся обмѣномъ пасхальными яйцами, цѣлованіемъ, отъ котораго никто тогда не уклонялся, и разноцвѣтными шелковыми рубашками половыхъ въ трактирахъ.—А ужъ намъ, дѣтямъ, Пасха была особенно радостна. На цѣлую недѣлю не было ученія, ежедневно къ утреннему чаю подавались вкусные куличъ и пасха, исключительно домашняго приготовленія, а главное мы вступали словно въ царство пасхальныхъ яицъ. Пасха для насъ начиналась въ сущности еще на страстной; эту недѣлю дѣти тоже очень любили изъ за интересныхъ церковныхъ службъ и вербныхъ забавъ. Начинались они съ того, что вернувшіяся изъ церкви, отъ всенощной молоденькія горничныя слегка, и совсѣмъ не больно, стегали насъ принесенными съ собою вербами, приговаривая: „верба хлесть, бей до слезъ", а затѣмъ мы ужъ между собою предавались вербнымъ битвамъ и сощипывали съ вербы „зайчиковъ",какъ мы ихъ звали; тутъ же наступало и вербное гуляніе, на которое всегда насъ возили, и мы тамъ піобрѣтали много пріятныхъ, хотя мало полезныхъ, вещей. И, наконецъ, наступало давно нами ожидаемое крашеніе яицъ. Красили мы ихъ, при содѣйствіи Параши и тоже значительно заинтересованныхъ этимъ дѣломъ горничныхъ, нащипанными нами же изъ кусочковъ разноцвѣтной шелковой матеріи нитками вродѣ корпіи (которую мы тоже дергали во время Севастопольской компаніи для раненыхъ, но изъ полотна) и купленными въ „городѣ" Шемаханскими шелками, подбавляя иногда кусочки луковой шелухи, дающей ярко коричневую окраску, при чемъ во все это, положенное въ тряпочку изъ марли, завертывалось яйцо и варилось непремѣнно въ щелокѣ, а затѣмъ вынималось, равязывалось и для блеска смазывалось прованскимъ масломъ; а то нами брались уже выкрашенныя на кухнѣ красныя яица и на нихъ налѣплялись, рисункомъ, узоромъ и словами, тонкія катушки и кусочки мягкаго желтаго воска (отъ церков-

ныхъ свѣчей), послѣ чего яйца клались въ квасъ, а когда черезъ нѣсколько часовъ извлекались изъ него, то краска оказывалась сошедшей съ открытыхъ мѣстъ яйца, а рисунокъ, сдѣланный воскомъ, оставался краснымъ. На самой Святой происходили ежедневныя, иногда въ большомъ обществѣ дѣтей, грандiозныя катанья яицъ по полу, постланному ковромъ, при посредствѣ особой конструкцiи жолоба, игра далеко не просто азартная, а требовавшая мѣткости и сноровки, и наконецъ поединки—разбиванiе яицъ острiемъ и тупикомъ, обмѣнъ яицъ, полученiе подарковъ въ яйцахъ съ сюрпризами. Всю недѣлю царило дѣтское оживленiе, поѣздки въ гости и вообще великое веселiе, несомнѣнно связанное и съ освобожденiемъ отъ зимы, поста и съ ожиданiемъ весны и лѣта.

II.

Переходъ отъ дѣтства къ отрочеству наступилъ для меня въ Москвѣ сразу, очень замѣтно, мнѣ казалось даже торжественно. Я изъ дѣтской, находившейся между комнатой сестры и дѣвичьей, былъ переведенъ на мужской верхъ, въ очень большую (а можетъ намъ такъ казалось) комнату, раздѣленную на двѣ половины не доходившей до потолка перегородкой, за которой находились кровати Herr Strenge, моя и уже водворившагося тамъ Васи Прокунина. А кромѣ того послѣдовала радикальная реформа моего костюма; вмѣсто русской рубашки, шароваръ и высокихъ сапогъ, я получилъ нѣмецкое платье-куртку, бѣлую рубашку съ крахмальнымъ воротничкомъ и такими же рукавчиками, галстухъ, и мнѣ было дозволено причесываться на косой проборъ. Все это очень восхищало въ первое время, даже начавшееся тогда же изученiе латинскаго языка, и смягчало разлуку съ Парашей, Но переходъ отъ отрочетства къ юношеству наступилъ совершенно незамѣтно и даже

неуловимо; этотъ періодъ засталъ меня въ деревнѣ, гдѣ семейная жизнь, связывавшая всѣхъ насъ воедино, не развлекалась вторгавшимися въ нее въ городѣ посторонними лицами и событіями, не допускавшими участія дѣтей, а шла гораздо общѣе; подрастающее поколѣніе не устранялось, отъ него не уходили.

Въ Спасскомъ большомъ домѣ, какъ я уже говорилъ раньше, и зимою и лѣтомъ, бывало много жильцовъ, кромѣ своей семьи,—пріѣзжавшихъ погостить сосѣдей, городскихъ друзей и знакомыхъ и лицъ, основавшихся у насъ по разнымъ случайнымъ обстоятельствамъ, иногда просто потому что некуда было дѣваться; общество въ большинствѣ было молодое и расположенное къ веселію. Особый оттѣнокъ лежалъ на томъ какъ тогдашняя молодежь веселилась и чѣмъ она увлекалась, при томъ молодежь, въ простотѣ деревенской жизни, предоставленная себѣ безъ какого либо контроля старшихъ. Не только внѣшне,—манерами, одеждой, но и внутренне тогдашняя молодежь (того круга, о которомъ я пишу) отличалась отъ теперешней, особенно въ отношеніяхъ, складывавшихся между молодыми людьми и дѣвушками. Въ ту пору еще процвѣталъ романтизмъ и лиризмъ; взаимная влюбчивость стояла на высокой ступени, но она исключала сколько-нибудь грубую сексуальную подкладку; во всякомъ случаѣ этой сторонѣ взаимныхъ отношеній не давалась возможности развиться. Влюбленность была налицо, но она не обязывала ни къ чему, а лишь оживляла молодежь, окрыляла ее. Очень наивнымъ, дѣтскимъ показалось бы теперь все то, что занимало тогда молодое общество; танцы и тогда были въ ходу, но очень далекіе отъ „танго“ и другихъ теперешнихъ: барышни танцовали качучу съ кастаньетами, pas de chale, русскую, и однѣ, и съ кавалерами; когда собиралась большая компанія, то танцовали мазурку, вальсъ, простую польку и польку-мазурку, французскую кадриль, лансье, гросфатеръ. Ро

мансы и пѣсни пѣлись по-русски и по-французски очень сантементальные и съ большимъ чувствомъ; подражаніе цыганамъ тогда не было въ ходу, а пѣлись такія вещи: какой-то исчезнувшій изъ моей памяти „чибирякъ“ (помню лишь припѣвъ: чибирякъ, чибирякъ, чибиряшечка, съ голубыми ты глазами моя душечка“. . .) „Вечеркомъ красна дѣвица“, „Кубокъ янтарный“, „Мы двѣ цыганки“, „Только станетъ смеркаться немножко“, „Пловцы“, романсы Глинки, Алябьева, Гурилева, Варламова, Шуберта и цѣлый рядъ французскихъ романсовъ и пѣсенокъ, заглавія которыхъ я теперь забылъ, но очень чувствительныхъ и нѣжныхъ. На Святкахъ пѣлись подблюдныя пѣсни („Ужъ я золото хороню“), происходило гаданье: лили воскъ и олово и смотрѣли какую фигуру представитъ тѣнь слитка на стѣнѣ, барышни смотрѣли въ пустой комнатѣ въ зеркало и всегда видѣли что нибудь, шло гаданье съ приносившимся въ залу пѣтухомъ. Мужскимъ хоромъ пѣлось „крамбамбули“, въ которомъ я помню такой странный куплетъ), такъ его у насъ пѣли): „Когда бы я былъ героемъ и грозныхъ турокъ побѣдилъ, то, возвратясь тогда я съ бою, младой дѣвицѣ забразилъ“. Пѣли вообще очень много, большею частью русскія пѣсни, а также нѣмецкія, корымъ обучалъ насъ веселый немѣцъ Strenge. Иногда все общество наряжалось настолько разнообразно, насколько позволяли старинныя одежды и вещи, хранившіяся въ большомъ количествѣ въ стоявшихъ въ кладовыхъ громадныхъ сундукахъ: въ мундиры Павловскихъ временъ, треуголки, чудныя дамскія шляпы, старыя шали, чепцы и капоты, надѣвали домодѣльныя маски и ѣхали къ сосѣдямъ въ нѣсколькихъ саняхъ.

Приблизительно въ это время объявился въ нашихъ мѣстахъ долго стоявшій на Кавказѣ пѣхотный полкъ и былъ расквартированъ въ сосѣднихъ селахъ. Г. г. офицеры не преминули, конечно, явиться и затѣмъ отъ времени до времени посѣщать Спасское. Но они, вѣ-

роятно, одичавъ отъ долгаго пребыванія на Кавказѣ, гдѣ они дрались съ горцами, не очень подошли къ нашему обществу и не сошлись съ нашей молодежью. Впрочемъ одинъ офицеръ бывалъ у насъ часто; онъ былъ очень юнъ, влюблялся въ каждую безъ исключенія дѣвицу, съ которой встрѣчался, вскорѣ же дѣлалъ ей брачное предложеніе, получалъ отказъ, но этимъ не обижался, и переносилъ любовь свою на другую. Онъ являлся

Рѣка Цна у Спасскаго.

всегда съ гитарой и тонкимъ теноркомъ пѣлъ нѣжные романсы, акомпанируя себѣ на гитарѣ. Впослѣдствіи полкъ перебрался въ сосѣдній уѣздный городъ, гдѣ всѣ холостые офицеры быстро переженились на мѣстныхъ дѣвицахъ изъ купеческаго сословія.

Часто у насъ устраивались на домашней сценѣ спектакли, въ которыхъ и мнѣ приходилось принимать участіе. Дебютировалъ я, помню, еще совсѣмъ подросткомъ въ роли „Дуняшки" въ „Женитьбѣ". Но мы юнцы

учиняли и собственные спектакли по-русски и по-нѣмецки, для чего сами и при содѣйствіи Strenge писали

Спасская мельница на Челновой.

комедіи. И въ студенческіе мои годы лѣтомъ у насъ устраивались спектакли, и я уже игралъ такія роли,

какъ „Подколесина“ въ „Женитьбѣ“, „Фишера“ въ водевилѣ „Асъ и Фертъ“ и т. п.

Изъ спортивныхъ удовольствій мы, кромѣ охоты по лѣсной и болотной дичи и по звѣрю, предавались со страстью ловлѣ рыбы и раковъ. Ловили рыбу въ Челновой на мельницѣ и въ Цнѣ самыми разнообразными способами, удочками, перетягами, неретами, бреднемъ, неводомъ и острогой, а раковъ на приманку (кусочки мяса, привязанные къ веревкѣ, забрасывавшейся, какъ удочка, въ рѣку), кругами съ сѣткой и бреднемъ. Водилось тогда раковъ несмѣтное количество и, бывало, въ три—четыре веревки съ приманкой мы ихъ налавливали въ полчаса съ ведро. На мельницѣ въ омутѣ водились очень большіе сомы; одинъ изъ нихъ разъ опрокинулъ меня ударомъ хвоста съ лодки въ воду, когда я его доставалъ съ крючка на перетягѣ. А однаго особенно большого сома, свободно проглатывавшаго молодыхъ утятъ, намъ такъ и не удалось добыть, хотя онъ схватывалъ не разъ утенка, къ ногѣ котораго привязывался крючокъ, и мы даже стрѣляли въ него и вообще придумывали всевозможные способы уловленія. Я особенно любилъ охоту за рыбой съ острогой; она производилась осенью, послѣ спуска воды (мельничнаго пруда), когда рѣка сильно мелѣла, а похолодѣвшая вода, отстоявшись, становилась особенно прозрачной. Въ полную темноту мы съ мельникомъ Афанасіемъ укладывали на носу лодки-челнока желѣзный листъ и на немъ разводили костерчикъ; Афанасій правилъ лодкой, стоя на кормѣ, а я вооружался острогой и, то стоя, то сидя на лавочкѣ, вглядывался съ середины лодки, медленно направляемой Афанасіемъ вдоль береговъ, въ воду. Благодаря ея прозрачности дно, освѣщаемое костромъ, было ясно видно на глубинѣ аршина и больше. Вся рѣчная подводная жизнь была на лицо: медленно ползли по тинѣ или улепетывали, напротивъ, быстро задомъ, ударивъ себя хвостомъ, ра-

ки, мелькали между водными растеніями рыбешки и, наконецъ, удавалось замѣтить большую задремавшую рыбу, щуку, линя, язя. Тутъ требовалась большая ловкость и навыкъ, чтобы ударомъ остроги попасть въ рыбу и самому не свалиться съ валкаго челнока. Особенно прибыльна эта охота никогда не бывала, и не разъ мнѣ приходилось искупаться одѣтому, въ холодной водѣ рѣки; но это въ юные годы лишь придавало большій интересъ ловлѣ.

Медвѣди водились въ нашей округѣ въ Цнинскихъ казенныхъ лѣсахъ; въ то время намъ можно было съ полнымъ основаніемъ пропѣть арію Князя Владиміра изъ оперы „Рогнѣда“, начинающуюся словами: „Въ лѣсу много звѣрья живетъ!“ Водились медвѣди, волки, лисицы, лоси, дикія козы, барсуки. Медвѣжьихъ охотъ мы не устраивали, а также не били лосей и козъ, но по волкамъ охотились часто, устраивая осенью облавы, а зимою выѣзжая ночами въ лѣсъ въ саняхъ „съ поросенкомъ“. Глухой осенью и зимой по ночамъ у насъ даже на усадьбѣ можно было слышать отдаленный вой волковъ. Какъ-то съ весны у насъ на усадьбѣ появился пойманный крестьянами совсѣмъ молодой волченокъ; сначала онъ дичился, но вскорѣ совсѣмъ приручился, бѣгалъ по комнатамъ, призналъ всѣхъ насъ, ласкался, помахивая хвостомъ, игралъ съ дворовыми собаками, не обижавшими его, и особенно полюбилъ кухню; но осенью, услыхавъ вой своихъ родичей, не выдержалъ и, вѣроятно, принявъ его за призывъ, убѣжалъ къ нимъ въ лѣсъ. Бывали у насъ и молодыя лисенята, но этихъ приручить намъ не удавалось.

По поводу медвѣдя вспоминаю разсказъ одного сосѣда-помѣщика, большого охотника и, какъ оно часто между ними водилось, хвастуна. Я лично слышалъ, какъ онъ разсказывалъ про встрѣчу въ лѣсу съ медвѣдемъ. Выстрѣливъ въ него, онъ сперва промахнулся,

а вторымъ выстрѣломъ ранилъ медвѣдя, который тогда бросился на охотника. Зарядить вновь ружье помѣщикъ не успѣлъ, кинжала съ нимъ не было, товарищи по охотѣ отошли далеко и онъ, чтобы спастись, забрался на дерево, ухватившись за сукъ. Медвѣдь однако не ушелъ, а замѣтивъ продѣлку охотника, сѣлъ около дерева, не спуская съ него глазъ. Но и этого показалось, наконецъ, медвѣдю мало; онъ обхватилъ стволъ дерева, на которомъ сидѣлъ разсказчикъ, и сталъ его трясти. Медвѣдь очевидно былъ феноменальный, ибо онъ настолько раскачалъ дерево, что сшибъ съ него помѣщика, упавшаго къ ногамъ звѣря. На вопросъ слушателей „ну и что же", разсказчикъ, придя въ восторженное состояніе, съ пафосомъ отвѣтилъ двумя словами: „въ клочки", забывъ, что пострадавшій былъ онъ самъ. Тотъ же помѣщикъ, когда-то служившій недолго въ какомъ-то мирно квартировавшемъ въ центральной Россіи полку, разсказывалъ подробно о своихъ геройскихъ подвигахъ на Кавказѣ, гдѣ онъ на самомъ дѣлѣ никогда и не бывалъ, въ битвахъ съ кабардинцами и чеченцами, объ участіи въ штурмѣ Гуниба и взятіи въ плѣнъ Шамиля, а иногда, особенно разгорячась, показывалъ, снявъ сюртукъ и рубашку, слѣды полученной имъ, будто, раны въ плечо ударомъ шашки. По его словамъ онъ разъ пятнадцать дрался на дуэли и убилъ не менѣе трехъ своихъ соперниковъ.

Тогда завѣдомыхъ вралей, мнѣ кажется, было больше, чѣмъ теперь, что вѣроятно зависѣло отъ меньшей освѣдомленности провинціальной публики, отъ расположенія ея къ выслушиванію фантастическихъ разсказовъ, отъ большей наивности и легковѣрія. И теперь встрѣчаются люди, невѣсть что про себя разсказывающіе, именующіеся не принадлежащими имъ титулами и званіями, но дѣлается это обычно съ какою-либо корыстной цѣлью, подъ враньемъ скрывается мошенниче-

ская продѣлка; но тѣ „врали", про которыхъ я говорю (я зналъ въ шестидесятыхъ годахъ въ провинціи нѣсколькихъ таковыхъ), отнюдь не преслѣдовали корыстныхъ цѣлей, а врали именно изъ любви къ искусству, были своего рода поэтами-сочинителями.

Я зналъ въ то время одного такого сочинителя-фантазера, но изъ совсѣмъ другой категоріи людей. Это былъ „простой" человѣкъ, уже не молодой, служившій лѣснымъ сторожемъ въ имѣніи одного помѣщика нашей округи; онъ былъ кажется изъ дворовыхъ или мѣщанъ. Я съ нимъ встрѣчался въ лѣтнюю пору по нѣскольку разъ, охотясь въ лѣсу его хозяина по тетеревамъ, мѣстонахожденіе выводковъ которыхъ указывалъ всегда именно онъ. Во время перерывовъ охоты для отдыха онъ разсказывалъ невѣроятныя исторіи, то съ участіемъ его самого въ нихъ, а то и постороннихъ ему. Одинъ изъ его разсказовъ настолько мнѣ понравился, что я его тогда же записалъ почти дословно. Разсказъ этотъ можно назвать „повѣствованіемъ о безстрашномъ дворянинѣ". Содержаніе его таково:

Жилъ около насъ по-сосѣдству, разсказывалъ сторожъ, дворянинъ-помѣщикъ, который ничего не боялся. Пробовали его стращать всячески, но такъ и не удавалось запугать. Жилъ неподалеку на хуторѣ нѣкоторый человѣкъ и жилъ будто какъ и всѣ, даже жену имѣлъ, и племянники при немъ находились. Значился онъ крестьяниномъ, и хуторъ онъ арендовалъ у того помѣщика; но былъ онъ на самомъ дѣлѣ, какъ всѣмъ намъ доподлинно было извѣстно, колдунъ и много зла дѣлалъ, — порчу напускалъ на людей, на скотину болѣзни и моръ, даже погоду мѣнялъ. И вотъ померъ этотъ колдунъ и всѣ изъ его семьи и которые были хуторскіе жители разбѣжались; на ночь никто при колдунѣ не рѣшался остаться. Узналъ о томъ дворянинъ и объявилъ, что пойдетъ ночевать на хуторъ къ умершему колдуну. Сказалъ и сдѣлалъ: захватилъ съ

собою бутылку водки, свѣчку и книжку и усѣлся читать въ горницѣ, гдѣ лежалъ покойникъ. Въ полночь колдунъ сталъ подниматься изъ гроба, но тутъ дворянинъ громовымъ голосомъ какъ закричитъ на него: „Ахъ ты с... с... Куда? Народъ пугать? Я те покажу, какъ подниматься. На мѣсто с... с...!“ ...И колдунъ тотчасъ же улегся и ужъ больше въ эту ночь не вставалъ. Ночевалъ тоже тотъ дворянинъ на нашемъ кладбищѣ. А тамъ съ чего-то за послѣднее время покойники стали вылѣзать изъ могилъ и бродить по погосту. Какъ увидалъ это дворянинъ, открылъ онъ по покойникамъ пальбу изъ пистолета, взятаго съ собой, да съ добавленіемъ такихъ крѣпкихъ словъ, что покойники сразу попрятались по своимъ мѣстамъ и ужъ болѣе не показывались. Ему тогда отъ всей округи благодарность была и угощеніе, и въ столицѣ пропечатано было, а звали его Иванъ Иванычъ. Но съ тѣхъ поръ не было ему другого прозвища, какъ „безстрашный дворянинъ“.

Однажды пришелъ къ Ивану Иванычу мужичекъ и доложилъ, что въ засѣкѣ объявилась большая шайка людоѣдовъ и что они уже многихъ людей извели. Безстрашный дворянинъ, не задумываясь долго, велѣлъ кучеру своему Кузьмѣ заложить бѣговыя дрожки, надѣлъ новый кафтанъ, перетянулся потуже кушакомъ, взялъ охотничій ножъ, повѣсилъ себѣ черезъ плечо, какъ оно полагается порядочному дворянину, фляжку съ водкой и вмѣстѣ съ кучеромъ поѣхалъ въ засѣку. Отъѣхавъ по лѣсу нѣсколько верстъ, видятъ они, лежитъ зарѣзанный человѣкъ, совсѣмъ голый, поперекъ дороги. Иванъ Иванычъ зналъ хорошо и понималъ, что и къ чему и когда требуется, а потому сразу велѣлъ Кузьмѣ подобрать покойника и положить на дрожки. Такимъ манеромъ ѣдучи, они подобрали еще двоихъ покойниковъ, лежавшихъ поперекъ дороги голыми. Наконецъ, въѣхали они на полянку, а тутъ ви-

дятъ стоитъ изба, вродѣ какъ сторожка, только мохомъ крытая, а вокругъ нея валяются, — прости Господи,— людскіе черепа, ладыжки и другія кости. Слѣзъ дворянинъ съ дрожекъ и сейчасъ въ избу. А въ ней духъ тяжелый, несносный и на скамьяхъ сидятъ людоѣды страшенные: косматые, лохматые, бородатые, нечесанные, немытые. Уставились глазищами на дворянина, а сами молчатъ. Дворянинъ сразу-то чуть заробѣлъ и говоритъ этакъ, будто къ знакомымъ: „здорово ребятушки!“ Молчатъ людоѣды, только что другъ друга подталкиваютъ. Но тутъ дворянинъ ужъ подбодрился,— не таковскій онъ былъ,—сѣлъ за столъ, снялъ съ себя флягу, сколько было ему потребно выпилъ, и кричитъ въ окно: „Кузьма! Тащи ко мнѣ на закуску осетрину, что мы дорогой подобрали!“ Кузьма внесъ перваго покойника и положилъ его передъ дворяниномъ на столъ, а у покойника голова свѣсилась и руки болтаются. Дворянинъ вынулъ свой ножъ, отрѣзалъ отъ покойника кусокъ, попробовалъ, выплюнулъ и кричитъ Кузьмѣ: „Нѣтъ, этотъ не годится, не свѣжъ. Давай второго!“ Кузьма принесъ второго, но и этотъ не понравился дворянину и онъ спросилъ третьяго. А людоѣды жмутся и шепчутъ промежъ себя: „Экъ его! Мы-то хоть варимъ, а этотъ прямо сырыхъ жретъ!“ „Нѣтъ, закричалъ дворянинъ, и третій не годится. А ты вотъ что, Кузьма, поймай-ка мнѣ свѣженькаго!“ Людоѣды всѣ зажались, еле дышатъ. Кузьма вышелъ впередъ, выставилъ ногу, засучилъ рукава, вытянулъ руки и спрашиваетъ! „Какого прикажете, Ваше Благородіе?“ „А какого поймаешь“, спокойно отвѣтилъ дворянинъ. Тутъ всѣ людоѣды какъ прыснутъ! Кто туда, кто сюда, этотъ въ дверь, тотъ въ окно: всѣ разбѣжались,—только ихъ и видѣли. А Иванъ Иванычъ забралъ людоѣдскую шкатулку, а въ ней были большія деньги, и вернулся, какъ ни въ чемъ не бывало, домой. Такъ на

вѣкъ за нимъ и осталось прозвище—безстрашный дворянинъ.

Въ студенческіе годы я лѣтніе мѣсяцы, тотчасъ же послѣ экзаменовъ, проводилъ въ Спасскомъ, выѣзжая оттуда лишь на охоту, да къ кому-либо изъ немногочисленныхъ нашихъ сосѣдей. Жилось тогда хорошо, пожалуй такъ же радостно, какъ въ дѣтствѣ. Рѣка, озера, болота, луга и лѣсъ давали намъ все, чѣмъ ихъ щедро надѣлила природа, а окружающіе люди лишь помогали всѣмъ этимъ пользоваться. Но одно лѣто, впрочемъ, не полностью, а лишь въ части, прошло достаточно тяжко; это было въ холерный годъ. Старшіе въ домѣ помнили еще „холеру-морбусъ", свирѣпствовавшую въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, и разсказы ихъ объ этой болѣзни, несомнѣнно преувеличенные, волновали все населеніе Спасскаго, грамотная часть котораго слѣдила за движеніемъ холеры въ Россіи по газетамъ. Болѣзнь двигалась прямо на насъ и это побуждало готовиться къ борьбѣ съ ней; мы выписали изъ Москвы студента-медика V курса, запаслись противохолерной провизіей въ видѣ Иноземцевскихъ капель и множества другихъ лѣкарствъ въ жидкомъ видѣ и въ порошкахъ, рекомендованныхъ Медицинскимъ Департаментомъ, и ждали. Бесѣды наши невольно часто велись на холерныя темы и мы тщетно старались выяснить для себя степень заразительности этой болѣзни и способъ ея распространенія по воздуху, водѣ или непосредственной передачей отъ человѣка къ человѣку. Наконецъ, эпидемія вторглась въ нашу округу и принялась за свое дѣло энергично и безпощадно. Двигалась эпидемія быстро: только что до насъ дошла вѣсть, что въ селѣ, отстоящемъ отъ Спасскаго верстахъ въ 30, было нѣсколько случаевъ смерти отъ холеры, какъ уже въ непосредственномъ сосѣдствѣ и въ самомъ Спасскомъ начались заболѣванія. Первые же случаи были прямо молніеносные: нашъ поваръ, кото-

рому, совершенно здоровому, вечеромъ хозяйка заказывала обѣдъ, ночью, еще до разсвѣта, скончался въ жестокихъ судорогахъ; въ нѣсколько часовъ умеръ нашъ охотникъ Матвѣй, сильно выпившій съ вечера, и умеръ пьяный, не приходя въ сознаніе; еще быстрѣе скончался діаконъ Спасской церкви, человѣкъ тоже сильно злоупотреблявшій виномъ. Съ села ежедневно доходили вѣсти о новыхъ заболѣваніяхъ и смерти кого-либо изъ крестьянъ. Населеніе лежащаго верстахъ въ трехъ отъ Спасскаго сельца чуть не поголовно вымерло въ недѣлю. Нашъ лѣсной сторожъ, старикъ, жившій въ бору въ совершенномъ уединеніи, такъ какъ онъ, имѣя запасъ пшена, соли и сухого хлѣба недѣли на двѣ, не выходилъ изъ лѣса, былъ найденъ мертвымъ по дорогѣ изъ лѣса на усадьбу; почувствовавъ себя плохо, онъ рѣшился пойти къ намъ, но дорогой, очевидно, припадки болѣзни усилились, онъ ослабѣлъ, свалился и тутъ же скончался.

И въ нашей семьѣ не обошлось безъ тяжелой потери дорогого намъ человѣка; прямо-таки страшно было жить. Хотѣлось бѣжать изъ зачумленной мѣстности подальше, на сѣверъ, гдѣ въ то время не было холеры, за границу; но всѣмъ уѣхать было нельзя, а тѣмъ, кто былъ свободенъ, казалось слишкомъ тяжелымъ покинуть остальныхъ въ такой бѣдѣ, и вся наша Спасская колонія все холерное время провела на мѣстѣ, не разставаясь. Врачебная помощь населенію въ сущности вовсе не оказывалась правительственными и общественными агентами. Къ этому и не было возможности: земство тогда только что было введено, еще не организовалось и не въ силахъ было что-либо предпринять. На всю нашу большую округу былъ на лицо одинъ земскій врачъ, жившій въ селѣ при маленькой больничкѣ на четыре койки. Ни правительственныхъ, ни частныхъ врачей въ уѣздѣ не было, и не откуда было ихъ пригласить, тѣмъ болѣе, что холера свирѣпствовала и въ

городахъ и всѣ тамошніе врачи были завалены работой. Приглашенный нами студентъ-медикъ, прекраснѣйшій юноша, работалъ, возясь съ заболѣвающими въ Спасскомъ и въ ближайшемъ сосѣдствѣ, не покладая рукъ, и даже самъ перенесъ легкій припадокъ холеры, но, разумѣется, его не могло хватить даже для одного. Спасскаго. На помощь ему, а также земскому врачу, явились добровольцы-санитары; взяли на себя эти обязанности нѣсколько молодыхъ людей изъ нашего общества. Имъ приходилось „лѣчить“ самостоятельно, обращаться за совѣтомъ къ доктору не было возможности. И вотъ они, устроивъ походную ящикъ-аптечку, въ которой находились всѣ извѣстныя въ то время лѣкарственныя средства (въ томъ числѣ горчичники, перцовка для растиранія и т. п.), разъѣзжали днемъ, а нерѣдко и ночью, на бѣговыхъ дрожкахъ по Спасскому и по сосѣдству, давали лѣкарства заболѣвшимъ, сами растирали ихъ и обучали семейныхъ, устанавливали режимъ для выздоравливающихъ и многимъ, думается, помогли. Особенно энергично работали упоминавшійся уже мною Василій Павловичъ Прокунинъ и Николай Александровичъ Бухманъ. Но нерѣдко имъ приходилось встрѣчаться съ недовѣріемъ семьи заболѣвшаго къ рекомендуемымъ средствамъ и особенно часто бывали случаи нарушенія діеты, вызывавшія при начавшемся улучшеніи, рецидивъ, всегда кончавшійся смертью. Больному, вопреки запрета, давали выпить холодной браги или квасу, не отказывали въ огурцѣ, дѣтей снабжали зелеными яблоками и т. п. Но случаевъ озлобленнаго недовѣрія сельскаго населенія, страха предъ лѣкарствами самозванныхъ докторовъ у насъ совсѣмъ не было. Случались и комическіе эпизоды: такъ, жена заболѣвшаго мельника поставила ему горчичникъ, не какъ было указано на животъ, а на затылокъ, — и мельникъ быстро поправился; кто-то изъ больныхъ съ такимъ же благимъ результатомъ вы-

пилъ всю перцовку, данную ему для растиранія тѣла и т. п.

Помню изъ той же эпохи одно лѣто, долго мучившее насъ страшнымъ зноемъ и жестокой засухой. Въ восточной полосѣ Россіи приволжскаго бассейна, гдѣ расположено Спасское, сухое лѣто не рѣдкое явленіе, но наступившіе въ этомъ году зной и сушь были явленіемъ выдающимся. Въ теченіе, кажется, двухъ мѣсяцевъ не выпало ни капли дождя; ни одной тучки или даже облачка не показывалось на небѣ; оно стало сѣровато-грязнымъ, голубой цвѣтъ и прозрачность его утратились; съ полдня весь небосклонъ затягивался сѣрой одноцвѣтной пеленой, сквозь которую лучи солнца едва проникали, а освѣщеніе становилось зловѣщимъ, съ красноватымъ огненнымъ оттѣнкомъ, какъ бы въ преддверіи ада. Пелена, замѣтная въ воздухѣ и вблизи, не спасала отъ жары; напротивъ, отъ нея казалось еще душнѣе и дышалось тяжелѣе. Дали какъ будто и не бывало, весь горизонтъ былъ закутанъ густой бѣловатой мглой и въ воздухѣ пахло гарью. Гдѣ-то далеко горѣли лѣса, да и въ ближайшей мѣстности надъ лѣсомъ, тянущимся вдоль Цны верстъ на сто, поднимались кое-гдѣ черные клубы дыма, узкіе въ основаніи, расширявшіеся къ верху и разстилавшіеся надалеко по вѣтру. Горѣли тоже поблизости торфяныя болота, давая бѣлый дымъ и распространяя кругомъ специфическій удушливый запахъ свой; нѣсколько разъ загоралось жнивье и даже рожь на корню отъ огня, зароненнаго крестьянами, убиравшими хлѣбъ и разводившими для варки обѣда костеръ. Пожары въ деревняхъ стали явленіемъ обычнымъ; выгорали цѣлыя села, и что ни ночь, то гдѣ-либо свѣтилось зарево дальняго или близкаго пожара и почти ежедневно раздавались тревожные звуки набата. Тяжелое было время.

Уже въ іюлѣ листва на кустарникахъ совершенно

посохла, да и деревья опускали и роняли поблекшіе и пожелтѣвшіе листья; „яровые“ погибали, трава выгорѣла, такъ что скотъ голодалъ и находилъ кое-какой кормъ только въ болотахъ и низинахъ, гдѣ въ обычную пору пройти нельзя отъ воды; скотъ болѣлъ „ящуромъ“ и кое-гдѣ начался падежъ.

Пыль стала общимъ бичемъ; не только по большой дорогѣ, но и проселками она лежала въ колеяхъ сплошнымъ пухлымъ слоемъ; всякая телѣга, даже пѣшеходъ, поднимали ее въ воздухъ, гдѣ она надолго оставалась, не падая на землю; бывало, когда поѣдешь куда-либо, то по всѣмъ направленіямъ видишь столбы пыли, двигавшіеся какъ смерчи по воздуху и безошибочно указывавшіе, гдѣ пролегаютъ дороги; а въ селахъ свѣта Божьяго не было видно отъ нея, особливо вечерами, когда возвращаются съ выпаса стада; объ эту пору на улицѣ въ двухъ шагахъ ничего разглядѣть нельзя было и густая пыль надолго, какъ туча, надвисала надъ селомъ. Земля растрескалась и такъ загрубѣла, что пахота стала невозможной. Въ рѣкахъ и озерахъ вода сильно убыла, ручьи и болотца совсѣмъ пересохли, „угорѣли“, даже въ колодцахъ вода пропадала.

Помню, что, благодаря такой жуткой обстановкѣ, въ народѣ пошли разнообразные, значительно фантастическіе и волнующіе слухи и росказни. Говорили, что „моровая язва“ и „черная смерть“ идутъ и даже называли село, гдѣ будто ежедневно въ церковь выносятъ по девяти покойниковъ, но хоронятъ ихъ, по приказанію начальства, ночами, крадучись, и на особомъ кладбищѣ. Шелъ говоръ о томъ, что наступаетъ конецъ свѣта; гдѣ-то въ Саратовской губерніи видѣли даже самого антихриста — врага рода человѣческаго, какъ онъ, собиравшуюся было на небѣ дождевую тучку, отмахнулъ платкомъ; это замѣтилъ бывшій на охотѣ помѣщикъ и выстрѣлилъ въ злодѣя изъ ружья чуть не въ упоръ, но тотъ только засмѣялся, погрозилъ помѣ-

щику и исчезъ, а охотникъ тутъ же упалъ мертвый, сразу почернѣвъ. Говорилось, что „мга" все будетъ усиливаться и мы въ ней, наконецъ, задохнемся; „странніи люди" пугали всячески бабъ, совѣтуя поститься и готовиться къ смерти; „пожарныя" бабы съ ребятишками бродили во множествѣ по деревнямъ и помѣщичьимъ усадьбамъ, собирая „на погорѣлое", и разстраивая народъ разсказами о томъ, какъ въ полчаса выгорѣло цѣлое село и какъ сами онѣ выскочили изъ пылавшей избы въ чемъ были, едва успѣвъ вытащить дѣтей, а все „доброе" ихъ сгорѣло. И у насъ всѣхъ, наконецъ, въ душу невольно проникали тоска и робость предъ чѣмъ-то непостижимымъ, но неотвратимымъ, совершавшимся въ природѣ; мы переживали словно новую Египетскую казнь, и намъ казалось, что такъ оно всегда и будетъ и мы навѣки останемся въ этой тяготѣ.

Съ утра уже становилось томительно жарко и къ двѣнадцати часамъ наступала такая духота, что, не дѣлая никакого движенія, мы все-таки совершенно раскисали, слабѣли и чувствовали себя прямо больными. Приходилось удивляться выносливости крестьянъ, справлявшихся все-таки съ тяжелыми полевыми работами. Наступавшій вечеръ не приносилъ достаточнаго облегченія, и солнце, садясь все красное, жгло косыми лучами, казалось, еще сильнѣе; даже ночь давала сравнительно мало прохлады и спать въ комнатахъ было отъ духоты трудно.

И наши и сосѣдніе крестьяне, да и помѣщики, молебствовали о дождѣ и нерѣдко приходилось видѣть какъ въ полѣ, межками, медленно двигалась, поднимая неизбѣжную пыль, сѣрая кучка народа безъ шапокъ, и надъ ней въ воздухѣ колебались хоругви, а впереди шли бабы въ бѣлыхъ платкахъ на головахъ и, несмотря на жару, въ кафтанахъ, несшія большой деревянный крестъ и образа съ придѣланными къ нимъ внизу дер-

жалками, а за ними двигались въ старыхъ полинявшихъ ризахъ священникъ съ сіявшимъ крестомъ и діаконъ.

Какъ ни было весело и энергично наше молодое общество, но въ это лѣто мы очень присмирѣли и бóльшею частью сидѣли дома, гдѣ было всетаки прохладнѣе и купались по нѣскольку разъ на дню; оживали мы какъ слѣдуетъ лишь съ наступленіемъ темноты и тутъ, бывало, цѣлыя ночи напролетъ просиживали въ саду на берегу Челновой, компаніей и въ одиночку. Охотиться было невозможно, да и дичи въ болотахъ не было и мы даже къ сосѣдямъ не показывались. И все это томленіе и уныніе окончилось, помню, въ концѣ іюля сразу, въ одинъ мигъ, словно волшебствомъ. Совершила эту перемѣну и спасла насъ отъ долгаго мученія гроза. Какъ-то ко времени захода солнца, на западѣ, вдоль горизонта, обозначилась болѣе темная полоса. Мы поняли, что это собралась наконецъ, первая за два мѣсяца, тучка. Дѣйствительно къ слѣдующему утру все небо затянулось свѣтло-сѣрыми облаками и настала еще бóльшая, совсѣмъ безвѣтренная, духота; но къ полудню показалась быстро надвигавшаяся черная туча, по мѣрѣ приближенія разроставшаяся и расползавшаяся по небу съ клубившейся впереди ея бѣлой каймой, и наконецъ надъ Спасскомъ разразилась давно жданная величественная гроза. Она шла сперва съ глухимъ шумомъ, по мѣрѣ приближенія усиливавшимся и скоро превратившимся въ могучіе удары и раскаты грома, а передъ ней пронесся сильнѣйшій вихрь, поднявшій въ одинъ мигъ въ воздухъ всю пыль, унесшій куда то съ собой валявшіеся на землѣ сухіе листья и ворвавшійся въ домъ, гдѣ онъ захлопалъ дверями, разбилъ стекло въ незапертой оконной рамѣ, сорвалъ деревянные „жалузи“, раскидалъ лежавшія въ кабинетѣ на столѣ бумаги, а въ саду въ одинъ мигъ выворотилъ съ корнемъ и поломалъ нѣсколько деревьевъ. Послѣ этого натиска вѣтра въ наступившей на мгновеніе полной тишинѣ

раздался сразу такой сильный, падавшій съ верху, треснувшій безъ раскатовъ, ударъ грома, что, казалось, что-то рухнуло въ самомъ домѣ, зазвенѣли стекла въ окнахъ и Домаша-горничная дѣвочка, несшая въ это время по корридору подносъ съ чайнымъ приборомъ, выронила его съ испуга и, какъ ошалѣлая, убѣжала въ дѣвичью, гдѣ забралась на постель подъ одѣяло. Видно было, какъ на темномъ фонѣ тучи ослѣпительно бѣлая молнія безъ зигзаговъ, прямою стрѣлой, ударила внизъ, совсѣмъ рядомъ съ нами. Прорвался наконецъ ливень, да такой, что въ одинъ мигъ на дворѣ и на дорожкахъ сада появились ручьи и лужи со вскакивавшими и лопавшимися тутъ же пузырями и подъ веселый шумъ котораго такъ и хотѣлось крикнуть: „Такъ его! Наддай еще малость!“

Этой сильнѣйшей грозой, въ концѣ концовъ надѣлавшей тоже бѣдъ, такъ какъ ея сопровождалъ мѣстами градъ, ударомъ молніи были убиты пастухъ съ подпаскомъ, укрывшіеся подъ деревомъ, да прорвало плотины чуть ли не на всѣхъ, расположенныхъ по Челновой, мельницахъ, окончилось наше Вавилонское плѣненіе, какъ мы прозвали описанную, не повторявшуюся потомъ жару, и спасская жизнь вошла въ свою обычную колею.

Въ юношескихъ годахъ отъѣздъ изъ деревни въ Москву осенью не представлялся уже столь огорчительнымъ какъ въ дѣтствѣ; привлекала Москва, только что открывшаяся тогда желѣзная дорога, доходившая отъ Москвы сперва лишь до Коломны, а потомъ до Рязани, Козлова и наконецъ Моршанска. Это значительно сокращало ктомуже путь, а сперва веселило какъ новинка. Приходилось выѣзжать изъ Спасскаго съ такимъ разсчетомъ, чтобы попасть, напримѣръ въ Рязань, къ отходу поѣзда на Москву, что было не такъ легко сдѣлать въ виду разстоянія въ двѣсти слишкомъ верстъ и возможности дорожныхъ приключеній въ видѣ по-

ломки экипажа, отсутствія на станціяхъ лошадей и тому подобнаго. Но зато особенно весело было подъѣзжать къ новенькому желѣзнодорожному зданію съ увѣренностью, что опозданія нѣтъ и слыпать ликующіе звуки паровозныхъ свистковъ. На станціи можно было вымыться, даже переодѣться, какъ слѣдуетъ пообѣдать... Все это, а потомъ и самая ѣзда въ вагонѣ, безъ толчковъ, въ покойномъ положеніи, безъ пыли, заботъ о лошадяхъ, казалось послѣ прежней тяжелой ѣзды, нерѣдко въ почтовой телѣжкѣ, на перекладныхъ съ покрикиваніями на задремавшаго вмѣстѣ съ лошадьми ямщика"—пошелъ"!—чѣмъ то волшебнымъ, высшимъ комфортомъ, хотя первые вагоны были далеко неудобны и не всѣ зимой даже отапливались. Добравшись до начала желѣзной дороги (Коломна, Рязань) въ своемъ экипажѣ, мы его сдавали на храненіе на какомъ либо постояломъ дворѣ и забирали его вновь на обратномъ пути въ деревню, иной разъ по истеченіи цѣлой зимы. Ѣздили мы, молодежь, если не на перекладныхъ, то въ тарантасахъ, экипажахъ, уже рѣдкихъ теперь въ Европейской Россіи, или реформировавшихся въ полурессорную коляску. Прежняго фасона тарантасовъ теперь нигдѣ ужъ не встрѣтишь; а тогда славились Тамбовскіе тарантасы (мастера Оводова) съ сидѣніемъ, и Казанскіе безъ сидѣнья, замѣнявшагося периной и подушками, на которыхъ путники дорогой возлежали какъ въ кибиткѣ. Тарантасы бывали не только двумѣстные, но и четвероместные, которые на подобіе ландо можно было совсѣмъ закрыть и застегнуть кожей въ ненастное время, при чемъ внутри тарантаса становилось темно, такъ какъ въ боковыхъ кожаныхъ стѣнкахъ имѣлись лишь совсѣмъ маленькія окошечки. Иные тарантасы бывали довольно покойны, другіе напротивъ невыносимо тряски, но всѣ,—надо имъ отдать справедливость,—крѣпки и стойки и очень укладисты. Прежній дорожный тарантасъ (я не говорю про Си-

бирь) вымеръ, онъ экипажъ прошлаго; но память о немъ сохранится, онъ достойно воспѣтъ графомъ Владиміромъ Андреевичемъ Соллогубомъ въ его знаменитомъ разсказѣ, озаглавленномъ „Тарантасъ", изданнымъ съ соотвѣтственными рисунками.

Пріѣхавъ въ Москву для поступленія въ Университетъ въ 1865 году еще въ августѣ, я не остался въ городѣ; одинъ изъ старшихъ братьевъ вывезъ меня въ рядъ подмосковныхъ усадебъ, принадлежавшихъ родственникамъ, расположенныхъ въ Подольскомъ уѣздѣ въ сосѣдствѣ другъ отъ друга. Начали мы съ Поливанова, оттуда перебрались въ Троицкое, прежнюю резиденцію главы дома князей Оболенскихъ Андрея Петровича, тогда уже покойнаго, доставшееся его старшему сыну, гдѣ въ то время кромѣ его личной семьи, жила многочисленная семья сестры Андрея Петровича Н. А. Озеровой, а оттуда мы уже въ довольно большой, хотя и родственной, компаніи, дѣлали наѣзды въ Акулинино къ Княжнѣ Аграфенѣ Александровнѣ Оболенской и Евреиновымъ, въ Меньшово къ Лопухинымъ, кажется еще въ Воробьево, Крекшино. Тогда всѣ поименованныя мной усадьбы были полны молодежью, нѣсколько постарше меня, изъ которой теперь мало кто остался въ живыхъ, но которые тогда веселились во-всю.

Въ тѣ годы родственныя связи были крѣпче теперешнихъ и младшее поколѣніе обязательно являлось на поклонъ къ старшимъ родственникамъ. Помню, что въ большіе праздники обязательно было являться съ поздравленіемъ не только къ дѣдушкѣ (grand oncle) князю Сергѣю Петровичу Оболенскому, но и ко всѣмъ роднымъ и двоюроднымъ дядямъ и теткамъ, а ихъ имѣлось у меня именно въ Москвѣ очень много (припоминаю двѣнадцать безусловно обязательныхъ родственныхъ визитовъ) и, бывало, жестоко прозябнешь въ Рождество и Новый годъ, дѣлая визиты, да еще по тогда-

шней модѣ въ „цилиндрѣ“ (студенческая форма не существовала въ шестидесятыхъ годахъ.)

За время пребыванія въ Университетѣ я, принимая участіе во всѣхъ, кажется, существовавшихъ тогда студенческихъ кружкахъ, работая и занимаясь не по однимъ лекціямъ, успѣвалъ однако, вѣроятно благодаря накопленному въ отроческіе годы въ деревнѣ здоровью, бывать и въ театральныхъ и музыкальныхъ кругахъ и принимать участіе въ легкомысленной жизни товарищей и Москвичей старше меня. За эти годы я ознакомился со всей тогдашней Москвой, совершенно не похожей на теперешнюю. Всего менѣе я вращался въ „большомъ свѣтѣ“ и, побывавъ на двухъ-трехъ большихъ балахъ, нашелъ ихъ скучными и отказался отъ такого рода увеселеній. Товарищескія собранія и серьезныя, и легкомысленныя, на которыхъ мы, бывало, спорили цѣлыя ночи напролетъ, театральный міръ, общество артистовъ были мнѣ ближе и, внѣ научныхъ занятій, я жилъ и „былъ дома“ именно въ этомъ кругу, посѣщая впрочемъ и другіе слои московскаго общества.

Очень интересны были спѣвки хора музыкальнаго общества, состоявшаго исключительно изъ любителей, благодаря тому, что имъ управлялъ всегда самъ Николай Григорьевичъ Рубинштейнъ. Возни ему съ нами-любителями было много, такъ какъ онъ добивался и въ концѣ концовъ достигалъ отчетливаго исполненія разучиваемыхъ пьесъ, которыя онъ самъ выбиралъ. Иные пассажи онъ заставлялъ повторять чуть ли не по десяти разъ подрядъ, то всѣмъ вмѣстѣ, то отдѣльно по голосамъ, т. е. однихъ теноровъ, дискантовъ и такъ далѣе. Наконецъ если дѣло рѣшительно не шло впередъ, то Рубинштейнъ, сломавъ одну, а то и двѣ дирижерскія палочки и накричавъ на насъ во всю, выбиралъ отдѣльныхъ лицъ изъ хора и заставлялъ ихъ пропѣть свою партію solo, что повергало въ совершенный ужасъ

избраннаго, особенно если это было лицо женскаго пола, всѣ представительницы котораго безмѣрно боялись, но въ той же степени и обожали, Николая Григорьевича. Впрочемъ его боялись не только дамы и тенора, но даже басы, люди какъ извѣстно солидные. Разъ,—это было уже не на репетиціи, а на публичномъ исполнительномъ собраніи,—я жестоко провинился: я ошибся въ счетѣ и на цѣлый тактъ раньше, чѣмъ слѣдовало вступать басамъ, ктому же на forte и высокомъ „До", рявкнулъ одинъ. Къ счастію Рубинштейнъ (я его тоже боялся хотя былъ съ нимъ на „ты", по старой памяти; онъ дружилъ со старшими братьями и въ моемъ дѣтствѣ часто бывалъ у насъ) смотрѣлъ въ другую сторону, и я, замѣтивъ свою ошибку, немедленно присѣлъ, коллеги не выдали меня и Рубинштейнъ такъ и не узналъ кто именно провинился. На спѣвкахъ хору аккомпанировалъ на рояли Лангеръ, въ противоположность горячему темпераменту Рубинштейна, всегда невозмутимый и терпѣливый. Изъ участницъ хора припоминаю уже не молодую даму Голынскую, которой старикъ В. А. Соллогубъ посвятилъ одно четверостишіе, княжну Мещерскую, барышень Фэ и Ленгольдъ, а изъ мужчинъ стараго Москвича Пестова, недавно скончавшагося, долгіе годы состоявшаго членомъ Московскаго Окружнаго Суда.

Въ качествѣ члена-исполнителя музыкальнаго общества мнѣ пришлось разъ пѣть на сценѣ Большого театра, къ благополучію публики не solo, ибо голосъ у меня былъ, при порядочной общей музыкальности, очень неважный. Произошло это слѣдующимъ образомъ: въ Москву пріѣхалъ, кажется это было въ 1866 г., извѣстный композиторъ Фелисіенъ Давидъ, имѣя въ виду ознакомить москвичей съ своими произведеніями: ораторіями „Пустыня" и „Колумбъ". Въ обѣихъ пьесахъ принималъ выдающееся участіе хоръ. Считая хоръ русской оперы недостаточнымъ, Ф. Давидъ попросилъ

Рубинштейна уступить ему хоръ музыкальнаго общества. Въ силу любительскаго состава хора это было невозможно, но Рубинштейнъ на одной изъ спѣвокъ предложилъ желающимъ принять участіе въ устраиваемыхъ Ф. Давидомъ концертахъ. Нѣсколько лицъ, а въ томъ числѣ и я, согласились и на слѣдующій же день явились на первую спѣвку въ репетиціонный залъ Большого театра. Кромѣ насъ—любителей и театральнаго хора были на лицо приглашенные Давидомъ пѣвчіе. Намъ роздали ноты и началась спѣвка; исполненіе сразу привело композитора, сперва въ недоумѣніе, а вскорѣ въ состояніе близкое бѣшенству. Вмѣсто стройной звучности получалась невѣроятнѣйшая путаница и гадость. Давидъ—небольшого роста старичекъ, очень оживленный и сильно жестикулировавшій, прыгалъ, отбивалъ руками и ногами тактъ, самъ пѣлъ съ нами, останавливалъ насъ, бѣгалъ по залѣ, кричалъ и, наконецъ, въ отчаяньи свалился на скамейку и остановилъ пѣніе. Тутъ кажется оперный хомейстеръ сообщилъ ему, что весь вредъ происходитъ отъ пѣвчихъ, которые зная основательно свои „крючки“, надлежаще по нотамъ читать не могутъ. Попробовали устранить пѣвчихъ, дѣло сразу наладилось и ихъ отпустили совсѣмъ. Исполненіе „Колумба“ въ Большомъ театрѣ сопровождалось живыми картинами, изображавшими различныя перипетіи открытія Америки, а исполняя „Пустыню“ хоръ выступалъ въ длинныхъ восточныхъ одѣяніяхъ съ дорожными посохами въ рукахъ. Репетиціи на сценѣ и самое исполненіе ораторій Давида, помню, были намъ, хористамъ-любителямъ, очень по душѣ.

Пѣть въ тѣ годы мнѣ приходилось много; между товарищами-студентами составился церковный хоръ, въ который я тоже вступилъ. Обучалъ насъ, а иногда и велъ нашу капеллу при богослуженіяхъ, помощникъ регента Синодальнаго хора, а при его отсутствіи управлялъ нами нашъ товарищъ князь Александръ Дмитріевичъ Оболенскій

(нынѣ членъ Государственнаго Совѣта), обладавшій небольшимъ теноромъ, но превосходнымъ слухомъ и отличнымъ знаніемъ интерваловъ вообще, а церковнаго пѣнія въ особенности. Спѣвались мы всегда у него, а пѣли за обѣдней обычно „у Антипія“, въ маленькой церкви у существовавшаго еще тогда „Колымажнаго двора“, на мѣстѣ котораго воздвигнутъ теперь Музей Александра III. Пѣли мы еще иногда въ церкви, что на Остоженкѣ, почти противъ Коммерческой Академіи и на всенощныхъ въ знакомыхъ частныхъ домахъ.

Но въ гораздо большей степени чѣмъ въ публичномъ пѣніи мнѣ приходилось тогда участвовать въ любительскихъ спектакляхъ и устраивать ихъ. Среди товарищей-студентовъ я выдѣлялся нѣкоторой опытностью въ театральномъ дѣлѣ, такъ какъ много „игралъ“ дома и былъ достаточно знакомъ съ драматической литературой. Поэтому меня призывали на помощь какъ только гдѣ-либо между знакомыми затѣвался спектакль. Мнѣ между прочимъ приходилось играть на спектакляхъ, дававшихся кружкомъ любителей въ помѣщеніи гимнастическаго заведенія Пуаре на Петровкѣ, гдѣ было много дѣйствительно талантливыхъ и опытныхъ актеровъ и актрисъ любителей, а въ томъ числѣ двѣ барышни Пуаре—Александра и Евгенія Яковлевны, ихъ братъ Виталій, Макшеевъ, К. С. Шиловскій (оба поступили потомъ на сцену Малаго театра), Запольскій, Урусовъ, Борисовскій и другіе.

Въ этой же труппѣ выступалъ тогда очень популярный въ то время Московскій Мировой Судья М. М. Багриновскій,—человѣкъ талантливый, умѣвшій соединять во время публичнаго разбирательства судебныхъ дѣлъ безобидный юморъ, привлекавшій въ его камеру много публики, съ серьезнымъ, добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу, хотя бы и мелкому. У Багриновскаго, по субботамъ, вечерами собиралось довольно многолюдное молодое общество, состоявшее изъ лицъ, близкихъ

къ драматическому искусству или музыкѣ; эти вечера, при совершенной простотѣ обстановки и взаимныхъ отношеній проходили очень оживленно и весело. Тутъ декламировали, читали, пѣли и нерѣдко превосходно, ибо Багриновскихъ посѣщали настоящіе артисты и ученики молодой Консерваторіи, играли на разныхъ инструментахъ и танцовали. Каждую субботу подавался, пользовавшійся извѣстностью, приготовлявшійся самой хозяйкою, глинтвейнъ.

Кажется осенью 1866 года мнѣ вмѣстѣ съ бывшимъ тогда на II курсѣ медицинскаго факультета А. Б. Фохтомъ (нынѣ извѣстнымъ профессоромъ) пришлось участвовать въ спектаклѣ, устроенномъ Подольскимъ любительскимъ кружкомъ, къ которому принадлежали общіе наши друзья, въ Ивановскомъ, лежащемъ подъ самымъ Подольскомъ великолѣпномъ, тогда пустовавшемъ, имѣніи, нѣкогда принадлежавшемъ графу Закревскому. Вспоминаю, что въ числѣ нѣсколькихъ пьесъ, которыя шли тогда, исполнялся водевиль „Простушка и воспитанная", въ которомъ я и Фохтъ „гастролировали", играя впрочемъ и въ другихъ пьесахъ этого спектакля, причемъ Фохтъ звонко высокимъ теноромъ распѣвалъ куплеты и пѣсни, вставленныя въ водевиль, и пѣлъ и игралъ отлично. Публики на спектаклѣ было много, а въ томъ числѣ большое количество нашихъ университетскихъ товарищей, спеціально пріѣхавшихъ изъ Москвы смотрѣть на насъ. Мы, конечно, заслужили у нихъ блестящій успѣхъ, а послѣ спектакля, такъ какъ надо было ждать поѣзда желѣзной дороги до утра, устроились въ одной изъ многочисленныхъ пустыхъ комнатъ громаднаго барскаго дома-дворца, и тамъ, раскупоривъ привезенную съ собой винную провизію, при содѣйствіи тамошняго слѣдователя Богаевскаго, варили и пили жженку, пѣли, отчаянно веселились, чѣмъ кажется очень надоѣли милой и любезно къ намъ относившейся супругѣ Богаевскаго, и нако-

нецъ, уже по восходѣ солнца, пѣшкомъ, шествуя съ пѣніемъ, добрались до недалекой, сравнительно, станціи желѣзной дороги при чемъ крайне удивляли видомъ своимъ встрѣчныхъ аборигеновъ, которыхъ мы неизмѣнно спрашивали: „Не знаете ли вы случайно гдѣ здѣсь Подольскъ“? Пѣли мы за жженкой кромѣ обычныхъ русскихъ пѣсенъ бывшія тогда въ ходу студенческія, сочиненныя еще до насъ, а именно: „Пора огонь небесный товарищи гасить“, „Наша жизнь коротка“, „Четыре года я гуляю въ фуражкѣ мятой, но лихой“, „Настоечка двойная, настоечка тройная“.

Вспоминаю интересные по составу исполнителей и по успѣшности исполненія спектакли у Лопухиныхъ въ ихъ старомъ, гостепріимномъ, очень характерномъ для старой Москвы, домѣ на Молчановкѣ (нынѣ Хомякова). Великолѣпно играла, вообще выдававшаяся талантливостью младшая изъ семьи Лопухиныхъ, Эмилія Алексѣевна, вышедшая впослѣдствіи замужъ за графа П. А. Капниста, нынѣ уже покойная. Хорошей партнершей ей была княжна Л. Н. Трубецкая; въ числѣ исполнителей состояли: знаменитый актеръ любитель Лашкевичъ, описанный въ романѣ Маркевича „Четверть вѣка назадъ“ подъ прозвищемъ „фанатика“, не менѣе извѣстный любитель Щербачевъ, разъ выступилъ на Лопухинской сценѣ Петръ Федоровичъ Самаринъ, а подбиралъ куплеты для водевилей и разъ аккомпанировалъ намъ П. И. Чайковскій.

У Лопухиныхъ и безъ спектаклей всегда бывало весело и пріятно. Большая простота царила въ обиходѣ дома, типично стариннаго во всемъ, въ архитектурѣ (онъ былъ съ мезониномъ), расположеніи комнатъ, въ одной изъ которыхъ были налицо излюбленныя въ старину колонны, въ меблировкѣ. Да и жизнь семьи сложилась по-Московски, въ совершенной простотѣ, хозяйственной нетребовательности, но безграничной гостепріимности, ласковости и добродушіи.

Помнится даже входная дверь Лопухинскаго дома днемъ обычно не запиралась, а въ передней часто не было никого изъ прислуги и верхняя одежда своихъ и гостей висѣла и лежала на деревянномъ диванѣ въ безпорядкѣ. Во флигелѣ ихъ дома часто живали не только члены семьи и родственныя лица, но просто хорошіе знакомые и друзья дома. Старшіе иногда и не знали, что число обитателей флигеля увеличилось новымъ гостемъ. У Лопухиныхъ собиралось все лучшее Московское общество, лучшее въ дѣйствительномъ значеніи этого слова: у нихъ бывали и свѣтскія дамы и молодые люди, и представители тогдашней интеллигенціи, литераторы, художники, музыканты. Всѣ члены семьи были люди одаренные. Александръ Алексѣевичъ Лопухинъ былъ Московскимъ Мировымъ Судьею перваго состава, а потомъ занялъ выдающееся положеніе въ судебномъ мірѣ; о младшемъ Лопухинѣ Сергѣѣ Алексѣевичѣ я уже писалъ, какъ о человѣкѣ совершенно выдающемся.—Глава семьи, занимавшій одно время мѣсто прокурора Синодальной типографіи,—Алексѣй Александровичъ и проживавшая въ его семьѣ сестра его старушка Марья Александровна были въ свое всемя въ очень дружескихъ, близкихъ отношеніяхъ съ поэтомъ Лермонтовымъ.

Вспоминаю очень удачные спектакли у Е. Н. и Н. Ф. Самариныхъ и у Мартыновыхъ. Къ участію въ этихъ спектакляхъ я уговорилъ товарища по университету Федю Соллогуба, тогда еще совершенно чуждаго Мельпоменѣ и, кажется, этимъ положилъ начало развившейся въ немъ потомъ до страсти любви къ театру.

Участвуя обычно въ организаціи концертовъ съ благотворительной цѣлью, мнѣ приходилось знакомиться съ личнымъ персоналомъ пѣвшей по зимамъ въ Москвѣ Итальянской оперы; съ нѣкоторыми пѣвцами и пѣвицами я вступалъ въ длившуюся поневолѣ короткое время дружбу, въ томъ числѣ, помню, съ баритономъ

Падиллой и басомъ-буффомъ Босси, а изъ пѣвицъ съ чрезвычайно миловидной Джуліей Бенатти, обладавшей очень маленькимъ, но пріятнымъ сопрано и веселымъ нравомъ. Ей, совсѣмъ молоденькой, было, повидимому, весело болтать со мною и нѣсколькими товарищами, посѣщавшими гостиницу Лабади на Лубянкѣ, гдѣ жила почти вся итальянская труппа. Мы познакомили ее съ выдающимися романсами Глинки и Дорогомыжскаго, пѣли съ ней даже дуэты, учили говорить по-русски, поддерживали ее въ ея выступленіяхъ въ оперѣ и концертахъ, и у Бенатти составилось, повидимому, убѣжденіе, что мы—Московское студенчество общественная сила и можемъ вліять даже на дирекцію казенныхъ театровъ, а что я одинъ изъ главарей студенчества („Un des doyens“). И вотъ, когда на слѣдующій послѣ ея пребыванія въ Москвѣ годъ, импрессаріо Итальянской оперы, повидимому, не собирался пригласить ее на гастроли въ Москву, пришедшуюся ей по вкусу, Бенатти написала мнѣ письмо, въ которомъ просила меня и вообще студентовъ Московскаго Университета повліять на администрацію Большого театра въ томъ направленіи, чтобы ее непремѣнно включили въ составъ итальянской оперы. Не зная моего личнаго адреса, она направила его такъ: „Moscou Université. A M-r Davidoff“. Въ то время на математическомъ факультетѣ состоялъ кажется деканомъ профессоръ математики Давыдовъ и письмо, конечно, было доставлено ему. Не сомнѣваясь въ томъ, что письмо направлено именно къ нему, профессоръ вскрылъ его и сталъ читать. Будучи глубокимъ ученымъ, къ тому же представителемъ отвлеченной науки—высшей математики, Давыдовъ не сразу постигъ, что письмо не касалось его, а дочиталъ таки, съ громаднымъ недоумѣніемъ, до конца и убѣдился наконецъ, что Бенатти писала не ему. Не зная, что дѣлать съ письмомъ, онъ передалъ о случившемся нашему субъ-инспектору П. П. Барсову, дружившему со сту-

дентами, а тотъ, узнавъ, что дѣло касалось оперы и вообще театра, догадался, что адресатъ не кто иной, какъ я, такъ какъ въ университетѣ знали, что я близокъ театру. Я подтвердилъ Барсову, что знаю M-lle Benatti и что она могла мнѣ послать письмо, и мнѣ было назначено въ профессорской личное свиданіе съ Давидовымъ, который самъ передалъ мнѣ письмо пѣвицы, извинившись въ невольной некорректности.

А разъ я былъ свидѣтелемъ недоразумѣнія совсѣмъ другого рода. Это было въ 1866 году, вскорѣ послѣ покушенія Каракозова на жизнь императора Александра Николаевича. Въ дворянскомъ собраніи американскій скрипачъ-виртуозъ Олебуль давалъ концертъ, окончившійся по требованію публики исполненіемъ оркестромъ, которымъ дирижировалъ Н. Г. Рубинштейнъ, „Боже царя храни“. Часть публики, въ средѣ которой было не мало студентовъ, подхватили гимнъ и вышли на улицу съ пѣніемъ его. Порядочная кучка пѣвшихъ, уже па улицѣ, увидавъ выходившаго изъ собранія подъ руку съ Олебулемъ Рубинштейна, окружила его и упросила продирижировать пѣніемъ. Рубинштейнъ согласился и, не оставляя Олебуля, съ которымъ они собирались гдѣ-то вмѣстѣ обѣдать, пошелъ впереди пѣвшей толпы. А она все увеличивалась, такъ какъ день былъ праздничный, а кромѣ того какъ разъ въ это время на Красной площади праздновалось избавленіе Государя отъ опасности и шло угощеніе народа. Толпа, бывшая на Красной площади, съ криками „ура“ поглотила пѣвцовъ съ дирижеромъ и повлекла ихъ за собою, требуя повторенія гимна. Рубинштейна и невольно шедшаго съ нимъ неразлучно Олебуля подняли на руки и, донеся ихъ до Лобнаго мѣста, поставили на него, и съ этой трибуны Рубинштейнъ еще разъ продирижировалъ гимнъ, пѣвшійся очень нестройно, но внушительно, уже тысячнымъ хоромъ. Кликамъ „ура“ не было конца и подъ нихъ старикъ Олебуль любезно

раскланивался на лобномъ мѣстѣ съ толпой, снимая шляпу и махая ею. Онъ, не зная въ чемъ дѣло и не понимая русскаго языка, вообразилъ, что это публика, восхищенная его игрой, устроила ему овацію. Не безъ труда удалось освободить Рубинштейна съ его компаньономъ и провести ихъ черезъ толпу, которая продолжала пѣть и волноваться, и, насколько помню, двинулась съ Красной площади къ Генералъ-Губернаторскому дому. Ужъ не знаю, разъяснилъ ли Рубинштейнъ Олебулю недоразумѣніе, или американскій виртуозъ такъ и остался при убѣжденіи, что въ Москвѣ оцѣнили его талантъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо и чествовали его дѣйствительно грандіозно.

Состоя на первомъ курсѣ юридическаго факультета, въ 1865 году, я засталъ между прочимъ кружокъ студентовъ и только что окончившихъ курсъ молодыхъ людей-германофиловъ. Почти всѣ члены этого совершенно свободнаго, не регистрованнаго, кружка бывали въ теченіе нѣсколькихъ семестровъ въ нѣмецкихъ университетахъ, въ Галле или Гейдельбергѣ. Иные изъ нихъ серьезно и много работали у тамошнихъ профессоровъ, а другіе увлекались болѣе легкомысленными занятіями тогдашнихъ нѣмецкихъ буршей, дрались на „шлегерахъ“ (рапирахъ), о чемъ даже свидѣтельствовали оставшіеся у нихъ на лицѣ рубцы, и не пропускали веселыхъ пивныхъ „коммершовъ“ нѣмецкихъ товарищей. Они завели, по примѣру нѣмцевъ, и въ Москвѣ такую Bier Kneipe, гдѣ члены кружка обязательно собирались по субботамъ вечеромъ. Помѣщалось собраніе это въ двухъ комнатахъ надъ пивной Даніельсона, находившейся въ небольшомъ бѣломъ домикѣ на Тверскомъ бульварѣ, теперь уже не существующемъ, въ его мезонинѣ, по субботамъ недоступномъ постороннимъ посѣтителямъ. И тутъ происходила точная копія нѣмецкихъ студенческихъ „коммершевъ“: пѣлись нѣмецкія студенческія пѣсни, происходили разныя церемоніи

въ родѣ „Fuchs-ritt“ (пѣніе тутъ кончалось стихомъ: „So wird der Fuchs zûm Bursch“) Salamander Reiben и т. п. Была введена строгая нѣмецкая дисциплина, и выпивалось большое количество пива. Помнится, одинъ изъ посѣтителей субботъ разъ достигъ 22 бутылокъ пива. Послѣ одного изъ такихъ собраній, очень затянувшагося,—а дѣло было весной,—молодая компанія, выйдя изъ пивной и, очутившись на прилегающемъ къ ней Тверскомъ бульварѣ, пустынномъ въ этотъ часъ, было четыре утра, подбодренная, послѣ душной пивной, свѣжимъ весеннимъ воздухомъ, весело и шаловливо настроенная, рѣшила пройти бульваръ до конца его „чехардой“, то-есть перепрыгивая, при постоянномъ движеніи впередъ и перемѣнѣ мѣстъ, одинъ черезъ другого. Такъ и было сдѣлано. Это столь оригинальное для городского бульвара, удачно исполненное, шествіе привело въ совершенный восторгъ обывателя, повидимому, изъ мѣщанъ, стоявшаго въ концѣ бульвара и все время слѣдившаго за игравшими. Когда совершился послѣдній прыжокъ онъ, радостно улыбаясь, закричалъ: „Вотъ оно Сулье-то! Ура!“ Надо сказать въ разъясненіе восклицанія обывателя, что въ то время былъ въ Москвѣ, находившійся на Воздвиженкѣ, охотно посѣщавшійся публикой, циркъ „Сулье“.

Кромѣ упомянутыхъ мною раньше товарищей по Университету, близкихъ мнѣ Муромцева, Духовского, Муравьева, князя Л. С. Голицына, Соллогуба и Прокуниныхъ назову еще братьевъ Мартыновыхъ. Старшій изъ нихъ Сергѣй, поступившій по окончаніи курса въ 1869 году въ число кандидатовъ на судебныя должности при Московскомъ Окружномъ судѣ, быстро выдвинулся, какъ блестящій ораторъ, на поручавшихся ему судомъ (тогда кандидатамъ и въ Москвѣ давались такія порученія) защитахъ, но вскорѣ же ушелъ навсегда въ провинцію и оставилъ судебное вѣдомство; въ одно время со мной были въ Университетѣ и дружили со мной

князь Владимиръ Михайловичъ Голицынъ—бывшій Московскій Городской Голова, а нынѣ почетный гражданинъ г. Москвы, Лешковъ—сынъ профессора и декана юридическаго факультета, скончавшійся уже лѣтъ 15 тому назадъ, братья Архиповы, Перфильевъ, Комсинъ, и князья Оболенскіе. Наибольшую извѣстность изъ нихъ пріобрѣли Н. В. Муравьевъ, долго занимавшій постъ Министра Юстиціи, и С. А. Муромцевъ, съ которымъ у меня до послѣдняго дня его жизни сохранились близкія дружескія отношенія.

С. А. Муромцевъ уже въ университетѣ проявлялъ всѣ тѣ качества и выдающіяся способности, которыя въ концѣ его карьеры, полной свѣта и тѣней, славы и горечи, вызвали, вполнѣ справедливо и заслуженно, избраніе его на первый государственно-общественный постъ политически обновленной Россіи. Онъ усидчиво и съ бо́льшимъ, думается, чѣмъ кто либо изъ насъ проникновеніемъ углублялся въ изучаемыя имъ науки, весь отдаваясь этому дѣлу, твердо держался разъ принятаго рѣшенія и неуклонно шелъ къ осуществленію задуманнаго; въ рѣчахъ его не было показного краснорѣчія и пафоса, онѣ отличались спокойствіемъ, положительностью и серьезностью содержанія, рѣдко свойственными молодежи. Въ средѣ товарищей С. А. пользовался уваженіемъ и авторитетомъ, хотя не стремился къ нимъ и не былъ признаннымъ главой какого либо кружка. Одно время Муромцевъ былъ очень близокъ съ товарищемъ своимъ по факультету и курсу княземъ Л. С. Голицынымъ, недавно скончавшимся.

Въ тѣ годы Голицынъ являлъ изъ себя очень оригинальную фигуру. Человѣкъ богатый, воспитывавшійся частью въ Польшѣ, частью во Франціи, онъ лѣтъ двадцати поступилъ на службу въ Министерство Иностранныхъ дѣлъ, при чемъ въ то время почти совершенно не владѣлъ русскимъ языкомъ. Но министерская служба и петербургская свѣтская жизнь

не удовлетворили его; онъ вышелъ въ отставку, энергично принялся за изученіе русскаго языка и уже вскорѣ, выдержавъ при гимназіи надлежащій экзаменъ, вступилъ на юридическій факультетъ Московскаго Университета. Занимался онъ урывками, запоемъ, запираясь одинъ или съ кѣмъ-либо изъ пріятелей и работая днемъ и ночью, а тамъ внезапно совсѣмъ исчезалъ изъ Москвы, устраивалъ свои матеріальныя дѣла, ѣздилъ за границу. Постоянной квартиры у него, кажется, не было; онъ жилъ то у кого либо изъ товарищей, то въ Кокоревкѣ, гдѣ у него собирались его многочисленные друзья (Муромцевъ, Duховской, Фуксъ, Элкинъ и многіе другіе). Голицынъ особенно увлекался римскимъ правомъ и пожалуй еще болѣе представителемъ этой дисциплины въ Московскомъ университетѣ Н. И. Крыловымъ, который съ своей стороны симпатизировалъ Голицыну, издавшему, между прочимъ, прекрасно составленный при содѣйствіи Муромцева и Фукса курсъ лекцій Крылова по римскому праву. По окончаніи курса въ Университетѣ Голицынъ долгое время штудировалъ римское право у Іеринга, признавшаго его и Муромцева од-

Князь Левъ Сергѣевичъ Голицынъ
на I курсѣ Московскаго Университета.

ними изъ лучшихъ своихъ учениковъ. Голицынъ не признавалъ въ то время никакихъ условностей и общепринятаго порядка жизни и часто превращалъ ночь въ день и наоборотъ. Во время болѣе усиленныхъ научныхъ занятій, обычно съ Января, я переселялся къ Мартыновымъ, съ однимъ изъ которыхъ работалъ вмѣстѣ, и тутъ нерѣдко къ намъ являлся совершенно неожиданно Голицынъ, котораго мы нигдѣ не встрѣчали уже мѣсяца два, среди ночи, поднималъ насъ безжалостно, и у насъ начинался споръ, длившійся чуть ли не сутки, сперва на темы научнаго характера, а затѣмъ и на общественныя, политическія и другія. Спорщикъ въ то время Голицынъ былъ отчаянный. Говорилъ онъ хорошо, но часто путалъ русскій языкъ съ французскимъ, выражаясь по-русски не всегда понятно. Экзамены держалъ онъ въ университетѣ всегда удачно, (судя по ставившимся ему отмѣткамъ), но я не вполнѣ увѣренъ въ томъ, что его отвѣты точно совпадали съ вопросами, стоявшими въ экзаменаціонной программѣ профессора. Разъ съ нимъ по такому, или близкому сему поводу, произошелъ инцидентъ. Это случилось на экзаменѣ у профессора Юркевича, читавшаго намъ исторію философіи права. Взявъ билетъ, Голицынъ началъ отвѣчать, развивая предъ профессоромъ на своемъ особомъ діалектѣ, и не особенно понятно, какое-то положеніе, вѣроятно не безъ внесенія въ него личныхъ его взглядовъ. Юркевичъ нѣкоторое время слушалъ Голицына, пробовалъ раза два остановить его краснорѣчіе и возвратить къ существу билета, но Голицынъ уже занесся и, забывъ, что онъ на экзаменѣ, говорилъ, говорилъ... Наконецъ Юркевичъ вскочилъ, застучалъ по столу и, поблѣднѣвъ отъ волненія, объявилъ Голицыну, что онъ прекращаетъ экзаменъ и ставитъ ему единицу, такъ какъ онъ ничего не знаетъ и несетъ какой-то сумбуръ. Голицынъ разсвирѣпѣлъ, обидѣвшись на то, что его прервали, и на слово сумбуръ и, стук-

нувъ кулакомъ по столу такъ, что стоявшая на немъ чернильница опрокинулась и залила сукно и бумаги.

Кчязь Владиміръ Сергѣевичъ Оболенскій.

заревѣлъ на профессора: „Вы не смѣете так со мной говорить, извольте меня выслушать“... Юркевичъ былъ

совсѣмъ миніатюрный человѣчекъ, сухой, словно пергаментный, бритый, въ синихъ очкахъ, а Голицынъ большого роста, широкоплечій, съ крупными чертами лица, большой бородой и длинной шевелюрой, а голосъ у него былъ громоподобный. Юркевичъ растерялся, дрогнулъ и быстро исчезъ изъ аудиторіи, гдѣ Голицынъ, оставшись въ качествѣ побѣдителя, продолжалъ ораторствовать предъ многочисленными слушателями, сбѣжавшимися на поднятый имъ шумъ. Исторія эта кончилась взаимными извиненіями Юркевича и Голицына и переэкзаменовкой послѣдняго предъ особой комиссіей, которую онъ успѣшно выдержалъ.

Въ громадной вереницѣ университетскихъ товарищей и друзей юности, память моя всегда отличаетъ и охотно останавливается на давно уже скончавшемся князѣ Владимірѣ Сергѣевичѣ Оболенскомъ. Онъ представлялъ изъ себя рѣдкое явленіе—человѣка исключительной порядочности, благородства и душевной чистоты. Это была вполнѣ цѣльная натура, не знавшая никакихъ компромиссовъ, открытая, съ твердымъ характеромъ, направленная исключительно на добро какъ онъ его понималъ. Міровозрѣнія наши, особенно по вопросамъ соціальнымъ, религіознымъ, государствовѣдѣнія и многимъ другимъ, разнились довольно радикально, но тѣмъ не менѣе я уважалъ и любилъ Владиміра Сергѣевича какъ рѣдко кого. Я увѣренъ что во всю свою жизнь онъ ни разу не сказалъ неправды, даже въ мелочномъ, не обманулъ никого, не поступился ради личной выгоды какимъ либо убѣжденіемъ своимъ. Про Оболенскаго нѣмцы сказали бы: „Ein Mann—ein Wort“. Окончивъ курсъ въ Московскомъ Университетѣ, онъ поступилъ на военную службу, которая существующей въ ней дисциплиной, опредѣленностью задачъ и взглядовъ плѣняла его больше, чѣмъ какая-либо другая дѣятельность, доступная личнымъ колебаніямъ и сомнѣніямъ. Онъ служилъ въ одномъ изъ гвардейскихъ

полковъ и, конечно, вскорѣ же сталъ въ положеніе выдающагося офицера, такъ какъ безъ какого либо послабленія исполнялъ всѣ, хотя бы и самыя скучныя, связанныя съ должностью, обязанности,—чувство долга было ему органически присуще. А затѣмъ и товарищи и начальники не могли не полюбить его уже за выдающуюся доброту и простой, веселый нравъ. По прошествіи немногихъ лѣтъ онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ тогдашнему наслѣднику, а затѣмъ Императору Александру III. По восшествіи на престолъ Государь назначилъ Оболенскаго на должность гофмаршала, въ каковой онъ и пребывалъ до своей смерти, послѣдовавшей въ 18... году. Насколько мнѣ извѣстно Государь былъ лично расположенъ къ Оболенскому, цѣня его прямоту, доброту и откровенность. Пребываніе на вершинѣ, вблизи носителей власти, ради которой не мало борьбы совершалось и совершается близь источника ея, не измѣнило Владиміра Сергѣевича ни на іоту, и онъ остался, занимая высокую должность при дворѣ, тѣмъ же простымъ, добродушнымъ и, главное, благороднымъ человѣкомъ, какимъ онъ былъ въ Университетѣ.

Перфильевъ и Комсинъ, съ которыми я дружилъ еще въ дѣтствѣ, бывая въ Тамбовѣ, воспитывались въ Тамбовской гимназіи, такъ какъ ихъ семьи корененные Тамбовскія помѣщичьи. С. И. Комсинъ по днесь здравствуетъ, проживая частью въ своемъ имѣніи, а частью въ Петроградѣ, т. к. онъ состоитъ выборнымъ членомъ государственнаго Совѣта; долгое время служилъ по судебному вѣдомству и служилъ именно такъ, какъ оно указано въ судебныхъ уставахъ и какъ первыми судебными дѣятелями понимались ихъ обязанности. Вся судебная дѣятельность С. И. прошла въ Тамбовѣ; началъ онъ ее въ качествѣ кандидата и спеціализировался на уголовныхъ защитахъ, ведя ихъ блестяще. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ былъ назначенъ Товарищемъ Прокурора, а затѣмъ вскорѣ членомъ Тамбов-

скаго Окружнаго Суда и наконецъ Товарищемъ председателя по гражданскому отдѣленію. С. И.,—знатоку гражданскаго права и вообще тонкому юристу,—предлагались другія назначенія и повышенія, но онъ отказывался отъ нихъ, совершенно удовлетворяясь взятымъ имъ на себя скромнымъ, но полезнымъ и чуждымъ всякому внѣсудебному вѣянію, дѣломъ. Къ тому же С. И., коренной тамбовецъ, живая лѣтопись былой и позднѣйшей общественной жизни Тамбова и всей губерніи, не хотѣлъ разставаться съ мѣстностью, гдѣ онъ долго работалъ въ качествѣ земскаго гласнаго и пользовался выдающимся значеніемъ и авторитетомъ. Оставилъ онъ судебное вѣдомство, когда былъ избранъ членомъ Государственной Думы, въ которой онъ немедленно занялъ видное положеніе. Ѳ. В. Перфильевъ скончался совсѣмъ еще молодымъ, лѣтъ двадцать пять тому назадъ. Онъ въ то время состоялъ Товарищемъ Прокурора Московскаго Окружнаго Суда. Перфильевъ обладалъ поэтическимъ даромъ; стихотворенія его мало извѣстны, такъ какъ напечатано ихъ было очень немного, и, кажется только въ „Русскомъ Вѣстникѣ“; они

Графъ Ѳедоръ Львовичъ Соллогубъ.

благозвучны, красивы и симпатичны по мысли, вложенной въ нихъ; въ сущности онъ еще только начиналъ работать надъ своимъ дарованіемъ, развитію котораго положила предѣлъ его преждевременная смерть.

Воспоминаніямъ о другѣ моемъ Федорѣ Львовичѣ Соллогубѣ я уже посвятилъ цѣлую главу, но личность этого талантливѣйшаго человѣка настолько разнообразна и привлекательна, что неудержимо хочется говорить о немъ еще и еще. Въ немъ удивительно сливались наклонность и способность къ серьезному методичному труду съ расположеніемъ къ безшабашной фантастикѣ, богемству и буффонадѣ. Такъ, между прочимъ, онъ одно время увлекался фокусами, зависящими отъ ловкости рукъ и находчивости фокусника, и долго работалъ изучая это искусство; Соллогубъ добился своего и дѣлалъ великолѣпно фокусы съ игральными картами, папиросами, монетами, исчезновеніемъ вещей, вообще всѣ тѣ, что требуютъ быстроты и ловкости движенія рукъ; онъ превосходно жонглировалъ, „игралъ" шарами, бросалъ въ цѣль ножами и т. п. Онъ кстати основательно изучилъ бытъ циркистовъ, атлетовъ и артистовъ по части жонглированія, собираясь написать очеркъ изъ жизни ихъ. Соллогубъ, пользуясь этими своими познаніями, любилъ учинить какую нибудь шутку. Такъ, разъ, лѣтомъ, сидя съ пріятелемъ въ вагонѣ II класса поѣзда Курской дороги, шедшаго изъ Москвы на Серпуховъ, близъ котораго Соллогубъ одно время жилъ, у открытаго окна, онъ пообѣщалъ пріятелю, что не сказавъ ни слова выживетъ съ противоположной имъ скамейкѣ сѣвшаго тамъ господина, на видъ приказчика или не крупнаго торговца, поставившаго подлѣ себя стариннаго фасона, съ ковровымъ верхомъ, саквояжъ. Соллогубъ сперва долго и внимательно смотрѣлъ на жилетную пуговицу своего товарища, а затѣмъ внезапнымъ движеніемъ руки словно поймалъ на ней мѣдный пятакъ, который тотчасъ же съ брезгливой миной,

какъ нѣчто совершенно отвратительное, выкинулъ въ окно. Немного погодя онъ добылъ такой же пятакъ, и тоже выбросилъ его, уже изъ колѣнки пріятеля, потомъ изъ его носа, а наконецъ, видимо къ собственному удивленію, изъ своего уха. Сидѣвшій напротивъ Соллогуба пассажиръ, молча и неодобрительно смотрѣлъ на эти занятія, и вскорѣ, тяжело вздохнувъ, всталъ, взялъ свой мѣшокъ и, не сказавъ ни слова, ушелъ въ другое отдѣленіе. Соллогубъ обладалъ небольшой способностью магнетизированія: напримѣръ, сидя въ театрѣ и глядя въ упоръ въ затылокъ избранной имъ дамы или кавалера, онъ заставлялъ это лицо обернуться къ нему. А разъ, тоже въ вагонѣ желѣзной дороги, онъ при мнѣ объявилъ, что заставитъ одну пассажирку почесать свой носъ съ лѣвой стороны, и дѣйствительно добился этого, только глядя на нее. Онъ никогда не игралъ въ карты, не понимая даже прелести азарта, но иногда, шутки, ради, не предупредивъ о своемъ тайномъ замыслѣ, садился за какую-нибудь игру, азартную или такую, при которой ему приходилось „сдавать", и съ мѣста начиналъ выигрывать во-всю, шулерничая самымъ отчаяннымъ, но незамѣтнымъ для партнеровъ, образомъ, о чемъ онъ, конечно, вскорѣ же объявлялъ и показывалъ, какъ именно слѣдуетъ незамѣтно, не рискуя быть побитымъ шандалами, подбирать и подмѣнивать карты. Я уже упоминалъ о томъ, что Соллогубъ бродилъ разъ по Италіи пѣшкомъ съ К. С. Шиловскимъ, увлекая въ качествѣ artistes forains деревенскую публику въ тавернахъ игрою на гитарѣ и пѣніемъ Шиловскаго, а такъ же фокусами и жонглированіемъ Соллогуба. Ему часто приходилось жить за границей, особенно въ Италіи, къ которой онъ чувствовалъ всегда большое влеченіе, интересуясь ея стариной и произведеніями искусства; но слишкомъ долгое пребываніе внѣ Россіи, даже въ Италіи, утомляло его и на него нападало Heimweh, его начинало неудержимо тянуть домой, на родину. Какъ-то такое его настроеніе вызвало у него слѣдующій экспромтъ

Мнѣ надоѣли акведукты,
Каррарскій мраморъ, Ватиканъ
И пряно-сладостные фрукты
Благословенныхъ южныхъ странъ!
Безукоризненные лики
Холодно мраморныхъ боговъ
Я-бъ отдалъ всѣ за фунтъ брусники,
За вонь дегтярныхъ сапоговъ!

Федоръ Львовичъ былъ типичный русскій человѣкъ, обладавшій всѣми характерными чертами, положительными и отрицательными, нашей расы. Ему органически близокъ былъ самый складъ, мотивъ русской народной поэзіи; рѣдко кто такъ близко чувствовалъ и понималъ красоту и поэзію нашихъ народныхъ сказокъ и былинъ; онъ умѣлъ передавать эту спеціальную красоту, что у него сказалось главнымъ образомъ въ прелестныхъ иллюстраціяхъ, о которыхъ я уже говорилъ, доступныхъ и теперь публикѣ и въ многочисленныхъ рисункахъ, имѣющихъ отношеніе къ былинамъ, разбросанныхъ его разсѣянной, не дорожившей собственнымъ талантомъ, рукою по бѣлу свѣту. Но это проникновеніе въ русское творчество сквозитъ у Соллогуба и въ нѣкоторыхъ его стихотвореніяхъ, кажущихся по темѣ, по замыслу, незначительными, но увлекательныхъ, на мой взглядъ, именно тѣмъ, что въ нихъ чувствуется, прямо звучитъ нѣчто свое, родное, открывается красота русской сказки и пѣсни, наивная, и въ то же время, полная своеобразнаго юмора. Таковы, напримѣръ, его:

Ночная пѣснь.

Вкругъ уснувшей земли
Сонъ съ дремою прошли
Къ полуночи обычнымъ дозоромъ.

Заглянули въ лѣса,
Оглядѣли поля
Своимъ тихимъ лелѣющимъ взоромъ.
Садъ душистый, село,
Огородъ и гумно
Облетѣли неслышнымъ полетомъ:
Спитъ въ лѣсу лѣсовикъ,
Спитъ въ водѣ водяникъ —
Сонъ съ дремой легли на нихъ гнетомъ.
Позабывши обходъ,
Сторожъ спитъ у воротъ,
Головою склонясь на ограду.
И собаки кругомъ
Спятъ, свернувшись клубкомъ...
Сонъ съ дремою проходятъ по саду:
Заглянули въ окно —
Тамъ все тихо, темно,
Челядь спитъ по клѣтямъ и чуланамъ.
Спитъ твой грозный отецъ
Недвижимъ какъ мертвецъ,
За столомъ съ недопитымъ стаканомъ.
Въ своемъ теремѣ мать
Ужъ легла на кровать
И, крестясь, мирнымъ сномъ засыпаетъ...
Вкругъ уснувшей земли
Сонъ съ дремою прошли...
Милый твой подъ окномъ распѣваетъ!

II.

Лѣтнія грезы.

Въ болотѣ мшистомъ бѣсъ аукнулъ,
Въ бору сычъ голосъ подаетъ,
Въ деревнѣ сторожъ въ доску стукнулъ,
Ужъ время за полночь идетъ...

По тихимъ заводямъ русалочки толпою,
Какъ рыбки плещутся при мѣсяцѣ лучахъ
И гребень золотой съ прозрачною рукою
Мелькаетъ, словно лучъ, въ зеленыхъ волосахъ.
А дядя водяной,—забавникъ бородатый,
На берегу сидитъ. Съ нимъ лѣсовикъ рогатый
Бесѣду важную, какъ лѣса гулъ, ведетъ...
А тамъ, высоко надъ землею,
Какъ лебедь тихою рѣкою,
Луна спокойная плыветъ.

III.

Призывъ.

Выходи! Луна мерцаетъ,
Ночь такъ дивно хороша!
Мы пойдемъ лѣсной тропою
Молчаливо, не спѣша.
Мы пойдемъ,—и вслѣдъ за нами
Полетитъ видѣній рой....
Всѣ мечты моей созданья
Поведешь ты за собой.
Выходи! Уже на небѣ
Водятъ звѣзды хороводъ...
Повернемъ заснувшей степью
Мы направо изъ воротъ.
По дорогѣ серебристой,
Какъ по млечному пути,
Далеко въ такую пору
Можно, милая, уйти!
Или нѣтъ! Иди скорѣе,
Сядемъ въ лодку мы съ тобой,
Понесемся по теченью
Перекатною волной.
Выходи лишь! Степь и рѣчку,

Лѣсъ и звѣзды, и луну
Мнѣ не нужно, дорогая,
Нужно мнѣ тебя одну!
Твою тихую походку,
Звукъ задумчивыхъ рѣчей
И душой твоей согрѣтый
Свѣтъ привѣтливый очей!

Какъ просты, а въ тоже время красивы эти небольшія стихотворенія, безъискусственно безъ надуманныхъ выраженій, ломанья, хорошимъ русскимъ языкомъ передающія впечатлѣнія и мысли, навѣянныя картиной деревенскаго вечера, встрѣчи...

Но и совершенно иные пріемы стихосложенія были не чужды Соллогубу. Вотъ, напримѣръ, стихотвореніе совсѣмъ другого склада:

Дракарь.

И плещется тихое море
И тихую пѣсню поетъ
Про старое мертвое горе
И мертвое снова живетъ.

Съ богатаго дальняго юга
Росписанный дракарь летитъ,
Съ волною играя упругой
И веслами пѣну кропитъ.

Въ кругу, на помостѣ высокомъ,
Лихіе варяги сидятъ
И сытаго хищника окомъ
На берегъ зеленый глядятъ.

Добычей наполнены трюмы,
О славѣ ихъ скальды поютъ,

Ихъ тянетъ на сѣверъ угрюмый.
Но до̊логъ до родины путь.

Вотъ ночь наступила, а съ нею
Примчался ликующій шквалъ,
И море вскипѣло, темнѣя,
И вздыбился пѣнистый валъ.

По утру вновь солнце блистало
Надъ зеркаломъ стихнувшихъ водъ
И моря лазурь отражала
Сверкающихъ чаекъ полетъ.

Подъ тихою гладью морскою,
Залитый соленой водой,
Съ дружиной своей боевою
Спитъ дракарь, пробитый скалой...

И плещется тихое море
И тихую пѣсню поетъ
Про старое мертвое горе,
И мертвое снова живетъ.

Заканчивая отрывочныя воспоминанія мои о дорогомъ другѣ молодости, приведу еще одно его стихотворное письмо ко мнѣ, отвѣтъ на какое то мое „испанистое" шуточное посланіе, въ которомъ говорилось объ „Инесѣ, Тибрѣ, гитарѣ, шпагѣ и ревности".

Кокоша, я лежу въ постели
Не бездыханенъ, но больной:
Бѣлки глазные пожелтѣли,
Печенка же гора горой!
Ланиты блѣдныя ввалились,
Печально удлинился носъ,
На подбородкѣ появилось
Колючихъ множество волосъ;

И я лежу въ тоскѣ унынья,
Забытъ привычный кликъ побѣдъ,
Позеленѣлъ весь, какъ полынь, я
И чашка чаю—мой обѣдъ.
Къ ножнамъ клинокъ приржавѣлъ шпаги
И не мечей мнѣ слышенъ звонъ,
А только звякъ микстурной фляги
Объ пузырекъ съ „Лодеколонъ“.
На стѣнкѣ безъ употребленья
Виситъ уныло епанча,
Друзья ночного похожденья —
Съ ней два заржавленныхъ ключа.
Увы! Два перла мірозданья
Напрасно ждутъ желанный звукъ —
Ключа знакомое щелканье
И тайной двери легкій стукъ.
О да! Вѣрна моя Эльвира,
Инеса мнѣ не измѣнитъ,
Скорѣй волна Гвадалквивира
Отъ моря въ горы побѣжитъ.
Но если бы... О духи ада!..
Но если бы, когда нибудь
Чужой гитары серенада
Имъ взволновало тайно грудь...
О ядъ! О кровь! О шпаги жало!
О сердцу сладостная месть...
Ой-ой! Опять вотъ больно стало,
И скрючило,—ни встать, ни сѣсть!..

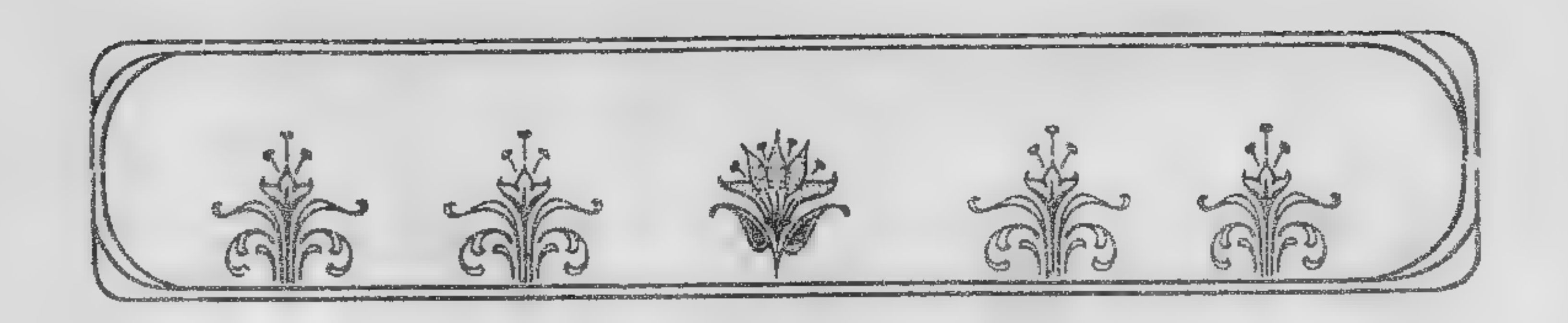
Этими обрывками воспоминаній изъ поры дѣтства и ранней юности я пока ограничиваю первую главу моей книги, не оставляя однако намѣренія составить и издать воспоминанія изъ позднѣйшей эпохи, обнимающія и Московскій періодъ моей жизни, Университетскую дѣятельность и послѣдніе годы моей судебной службы.

II.

Князь С. Н. Трубецкой.

Князь С. Н. Трубецкой.

29-го сентября 1914 года минула девятая годовщина кончины Сергѣя Николаевича Трубецкого. Его личность, такая живая, энергичная, полная духовнаго движенія, его кипучая дѣятельность, его мысли,—все это уже прошлое. О немъ можно лишь вспоминать. Но не только можно, а должно. Слишкомъ значительна и духовно богата личность С. Н., чтобы забыть о ней; чувствуется потребность хотя на-время вернуть ее изъ прошлаго и дать себѣ отчетъ въ томъ, каковъ именно былъ Трубецкой, чего можно было отъ него ожидать, и чего мы лишились, потерявъ его. Къ счастію, С. Н. не весь ушелъ; многое оставилъ онъ намъ въ своихъ твореніяхъ; въ нихъ отразилась лишь часть его мыслей, онъ не успѣлъ печатнымъ словомъ высказать все свое міросозерцаніе, коснуться всѣхъ сторонъ нашей жизни, не все написанное имъ къ тому же легко доступно читателю, стоящему въ сторонѣ отъ философіи, но тѣмъ не менѣе, литературное богатство, оставленное намъ въ наслѣдіе С. Н., велико и важно. Въ моихъ воспоминаніяхъ я не задаюсь цѣлью дать критическій очеркъ его творчества, анализъ его работъ и дополнить картину его міросозерцанія. Я просто изложу то, что знаю о немъ, опишу его, какъ человѣка.

С. Н. я зналъ еще въ дѣтствѣ его, насъ связывали, помимо дружбы, родственныя узы, но искреннѣйшая моя привязанность къ нему и почитаніе памяти

его не вызовутъ съ моей стороны преувеличенія его достоинствъ; я передамъ совершенно объективно все мнѣ о немъ извѣстное, и близость моя съ нимъ послужитъ лишь достовѣрнымъ источникомъ, изъ котораго я буду черпать мои воспоминанія.

Кн. С. Н. Трубецкой и В. С. Соловьевъ.

Родители С. Н. хорошо извѣстны Москвѣ. Они еще не такъ давно сошли въ могилу. Много Москвичей и теперь безъ сомнѣнія помнятъ высокую, но уже сутуловатую, фигуру отца С. Н., князя Николая Петро-

вича Трубецкого,—состоявшаго съ основанія Московскаго отдѣленія русскаго музыкальнаго Общества безсмѣннымъ Директоромъ его,—медленно входящаго въ Дворянское Собраніе, а позднѣе въ залъ Консерваторіи во время исполнительныхъ собраній Общества. Николай Петровичъ, коренной Москвичъ, проживая въ Москвѣ (лѣтъ 10 онъ провелъ съ семьей въ Калугѣ), былъ извѣстенъ какъ дѣйствительный любитель и знатокъ музыки. Онъ въ значительной степени содѣйствовалъ открытію въ Москвѣ музыкальнаго Общества и учрежденію Консерваторіи, энергично работая на этомъ поприщѣ съ Н. Г. Рубинштейномъ, съ которымъ его связывала близкая дружба. У Н. П. собирались, впрочемъ, не только музыкальные дѣятели Москвы, но и представители другихъ отдѣловъ искусства. Супруга князя и мать С. Н., Софья Алексѣевна, рожденная Лопухина (о семьѣ Лопухиныхъ я уже говорилъ въ этой книгѣ), выдающаяся умомъ, развитіемъ и общей талантливостью, жила исключительно въ тѣсномъ семейномъ кругу, посвятивъ себя полностью воспитанію своихъ дѣтей. Она далеко не ограничивалась обычными заботами о физическомъ здоровьѣ дѣтей, но столько же, если не больше вниманія удѣляла ихъ нравственному и умственному развитію, сама непосредственно заботясь о немъ и входя во всѣ интересы и самую жизнь дѣтей. Слѣдя за ходомъ ученья сыновей, она сама изучала, напримѣръ, латинскую грамматику. Эти ея заботы не были напрасны; вліяніе Софьи Алексѣевны на дѣтей было велико и благотворно, авторитетность ея не пала, когда они уже вышли изъ дѣтства и, конечно, во многомъ ея вліяніе сказалось на нихъ въ зрѣломъ возрастѣ. Впрочемъ и физически и духовнымъ складомъ многіе изъ молодыхъ Трубецкихъ, а въ особенности С. Н., походили на Софью Алексѣевну, воплотивъ въ себѣ черты Лопухинской семьи, а также лучшія свойства отца.

С. Н. унаслѣдствовалъ отъ родителей музыкальность и любовь ко всему художественному, соединенную съ тонкимъ его пониманіемъ. Но не эта сторона духовной жизни человѣка влекла его къ себѣ. По мѣрѣ развитія въ немъ все болѣе и болѣе сказывалась наклонность къ отвлеченному мышленію, къ философіи и охватывала горячая, я готовъ сказать страстная. жажда знанія, стремленіе къ наукѣ. Знаніе давалось ему легко, и прирожденныя способности вѣрно указывали ему уже въ ранней молодости путь, которымъ надо идти, чтобы пріобщиться наукѣ. Еще въ гимназическіе годы (С. Н. учился въ Калужской гимназіи) онъ независимо отъ занятій въ гимназіи, какъ бы не чувствовавшихся даже имъ, работалъ по интересующимъ его предметамъ,—а именно по философіи, богословію и отчасти классическимъ языкамъ и литературѣ, не разбрасываясь, не какъ случайный дилетантъ, а методично, серьезно, благодаря чему, вступая въ 1881 году на историко-филологическій факультетъ Московскаго Университета, онъ не былъ новичкомъ въ дѣлѣ усвоенія научныхъ истинъ и по многимъ отдѣламъ университетской программы могъ, да и работалъ, самостоятельно, не нуждаясь въ посторонней помощи. Характернѣйшей чертой С. Н. была любовь къ наукѣ въ самомъ широкомъ и полномъ значеніи этого слова. Онъ любилъ науку не только какъ нѣчто, стоящее внѣ его, привлекательное, но трудно доступное, дающееся лишь при утомительномъ, тяжеломъ трудѣ. Наука была его стихіей; работая научно онъ „былъ дома“, въ своей сферѣ, работа эта не мучила, не утомляла его, а напротивъ въ ней онъ находилъ полное удовлетвореніе и отдохновеніе отъ тяжело давившей его, временами, окружающей общественности и иныхъ трудовъ и заботъ, взваленныхъ впослѣдствіи судьбою на его плечи. С. Н. обладалъ выдающеюся работоспособностью и усидчивостью, на первый взглядъ какъ бы противо-

рѣчившей даже его подвижной, впечатлительной натурѣ и нѣкоторой страстности. Но всѣ эти черты уживались въ немъ, уравновѣшиваемыя и регулируемыя при научныхъ работахъ его любовью къ наукѣ.

Часто наука, постоянная работа въ ней и для нея, беретъ у человѣка все, составляетъ его исключительное содержаніе и одна господствуетъ въ жизни, подчиняя себѣ все остальное и отчуждая отъ другихъ факторовъ. Но не таковъ былъ С. Н. Сухостш, научнаго педантизма, отчужденія отъ жизни и высокомѣрнаго презрѣнія къ ней въ немъ не было и слѣда. Напротивъ, жизненность въ немъ била ключомъ, и душа его давала отзвукъ на все прекрасное, истинное, не замыкалась въ одной какой-либо области. Кропотливый работникъ въ тѣ моменты научнаго изслѣдованія, когда это требовалось для успѣха работы, философъ и глубокій религіозный мыслитель, въ теченіе всей своей жизни проводившій большую часть времени за книгами и творческой научной работой. С. Н. не отказывался однако отъ міра и людей, не отряхалъ жизненнаго праха, его идеально чистое, благородное сердце не теряло потребности въ общеніи съ людьми, въ дѣятельной любви къ нимъ. Поэзія, музыка, живопись, скульптура, театръ, красота—въ чемъ бы она ни проявлялась, если только она не была мишурной,—все это было близко ему, волновало и увлекало его. Казалось духовными очами онъ, не будучи спеціалистомъ, проникалъ въ самую сущность заинтересовавшаго его отдѣла человѣческаго творчества и вѣрно оцѣнивалъ его, легко находя драгоцѣнную крупицу тамъ, гдѣ она существовала, и откидывая все ненужное, наносное, иногда пошлое и мелкое, что окружало и скрывало ее отъ глазъ большинства. Послѣ упорной, требовавшей умственнаго напряженія работы, онъ умѣлъ перейти, не нарушая своего душевнаго равновѣсія, къ веселой бесѣдѣ среди друзей, оживляя ее

присущимъ ему блестящимъ юморомъ, увлекая всѣхъ своею живостью и талантливостью. Рядомъ съ такимъ замѣчательнннымъ, выдающимся научнымъ трудомъ какъ его „Логосъ", С. Н. написалъ для семейнаго или интимнаго круга друзей немало юмористическихъ вещей, благозвучныхъ, остроумныхъ, иногда ѣдкихъ и справедливо гнѣвныхъ, бичующихъ стиховъ. Такихъ, носящихъ характеръ гнѣвныхъ памфлетовъ, произведеній немало у С. Н. и въ прозѣ. Часть ихъ имѣется въ посмертномъ изданіи его сочиненій. С. Н. не относился вообще безразлично къ совершавшемуся вокругъ него; гнѣвъ и негодованіе были не чужды ему, и онъ умѣлъ, никогда впрочемъ не нарушая надлежащихъ границъ, давать имъ исходъ. Будучи человѣкомъ безусловно добрымъ и обычно мягкимъ, онъ умѣлъ однако въ случаѣ необходимости дать рѣзкій отпоръ и высказать прямо въ лицо свое негодованіе тому, кто его заслуживалъ.

Экспансивнымъ С. Н. не былъ; онъ никому не навязывался, но также никого и не чуждался, а съ людьми, сколько-нибудь ему близкими, былъ всегда откровененъ; скрытность, что-либо подобное хитрости, были совершенно чужды С. Н.,—онъ былъ человѣкъ въ полной мѣрѣ правдивый и довѣрчивый. Практичность, обыденная, сказывающаяся въ умѣломъ устройствѣ личныхъ дѣлъ матерьяльныхъ и карьерныхъ, не была свойственна С. Н., но онъ обладалъ совершенно иной практичностью, проявлявшейся въ его общественной дѣятельности. Онъ умѣлъ на этомъ поприщѣ достигать положительныхъ результатовъ, умѣлъ объединять людей разныхъ взглядовъ и направлять ихъ дѣятельность къ одной общей цѣли; онъ былъ удачный организаторъ и умѣлъ, будучи идеалистомъ чистой воды, итти для осуществленія задуманнаго благого дѣла на извѣстные компромиссы именно въ той степени, при которой они не грозили искаженіемъ заложенныхъ

въ дѣло принциповъ. Громадную помощь въ этомъ отношеніи оказывала С. Н. его обаятельность и убѣжденіе лицъ, къ которымъ онъ обращался, въ его искренности, умѣ и благородствѣ мыслей. С. Н. убѣждалъ и побѣждалъ слушателей своими выступленіями и рѣчами, хотя краснорѣчіемъ онъ не обладалъ. Рѣчь его не отличалась ни красотой выраженій и образовъ, ни плавностью, но въ ней звучала глубокая убѣжденность, вѣра въ дѣло, за которое онъ ратовалъ, неотразимая логика и та особенная духовная сила, не поддающаяся учету, неуловимая, зависящая отъ особой талантливости, но властно покоряющая слушателей. Мнѣ многократно приходилось присутствовать при словесныхъ выступленіяхъ С. Н. въ совершенно различныхъ по личному составу собраніяхъ и быть свидѣтелемъ производимаго имъ на слушателей впечатлѣнія, склонявшаго принципіальныхъ противниковъ его къ уступкамъ и даже принятію полностью его мнѣній. Особенно рельефно сказывалась эта, свойственная С. Н., сила убѣжденія на студенческихъ собраніяхъ и, между прочимъ, имъ же организованнаго студенческаго историко-филологическаго общества. Въ то время (1902—1904 гг.) „политическія“ теченія проникли и въ академическую жизнь и, волнуя и возбуждая университетскую молодежь, вызывали съ ея стороны радикальныя выступленія, протесты и всевозможныя нападки даже на бюро историко филологическаго общества, въ сущности вызываемыя только охватившимъ студенчество возбужденіемъ, потребностью протеста, во что бы то ни стало. Во главѣ бюро стоялъ основатель и руководитель общества Трубецкой, а слѣдовательно протесты направлялись и противъ него. Но стоило только Трубецкому выступить въ засѣданіи общества съ рѣчью, съ увѣщаніемъ, и протесты и нападки падали сами собой и нападавшіе, въ числѣ другихъ, бурно аплодировали и привѣтствовали слова С. Н: такъ они всегда были искренни, убѣдительны и

будили въ сердцахъ молодыхъ слушателей и оппонентовъ лишь благородныя чувства.

Одинъ изъ бывшихъ слушателей С. Н. профессоръ С. А. Котляревскій, вспоминая объ университетскихъ лекціяхъ С. Н. по греческой философіи и о впечатлѣніи, производимомъ имъ на аудиторію, говоритъ между прочимъ: „передъ нимъ (слушателемъ) раскрывалась глава изъ исторіи человѣческой мысли,—одна изъ самыхъ важныхъ, интересныхъ главъ,—но раскрывалось и нѣчто большее. Передъ его взоромъ наивный мифологическій образъ давалъ толчекъ къ первымъ философскимъ исканіямъ; проходили художественные образы Гераклита и Демокрита, софистовъ и Сократа. Платона и Аристотеля, и у слушателя постепенно укрѣплялось сознаніе, что здѣсь дается нѣкоторое откровеніе мірового разума, что здѣсь поднимаются вопросы, которые являются самыми жизненными и для современнаго человѣчества. И это откровеніе говорило, конечно, не только уму; я никогда не забуду лекціи, посвященной Федону, въ которой С. Н. смогъ поднять аудиторію до переживанія истиннаго пафоса—это была уже не лекція, это былъ истинный гимнъ безсмертію“......

Характерной чертой личности С. Н. было его расположеніе и любовь къ молодежи. Это чувство проявлялось въ С. Н. очень сильно и побуждало его къ ряду дѣйствій на пользу молодежи, далеко не легкихъ. Любовь эта не была просто прирожденнымъ, безотчетнымъ чувствомъ, она связывалась съ любовью С. Н. къ наукѣ, съ стремленіемъ ко всему тому, что дѣйствительно цѣнно въ жизни,—къ прогрессу. Въ молодежи С. Н. видѣлъ наиболѣе воспріимчивую для добраго сѣмени почву, тотъ сосудъ, въ которомъ наилучше можетъ сохраниться и усовершенствоваться та драгоцѣнная влага, которой суждено со временемъ утолить испытываемую человѣчествомъ духовную жажду.

Во всѣхъ публичныхъ выступленіяхъ С. Н. увле-

калъ своихъ слушателей, и я вспоминаю лишь нѣсколько, носившихъ частный характеръ, но весьма многолюдныхъ, вечернихъ собесѣдованій Московскаго дворянства (кажется въ 1903 году), имѣвшихъ мѣсто кажется во время губернскаго очередного собранія., на которыхъ (я говорю про большинство) все сказанное С. Н. не только не имѣло успѣха, но, напротивъ, вызывало совершенно отрицательное отношеніе. На этихъ собраніяхъ обсуждалось внутреннее состояніе Россіи въ связи съ начавшимся въ населеніи броженіемъ и способы улучшенія этого положенія, казавшагося С. Н. грознымъ, при чемъ имъ указывались необходимыя для этого мѣры, общаго характера и касавшіяся спеціально воспитанія подрастающаго поколѣнія. Какія были эти мѣры мы знаемъ изъ статей и рѣчей С. Н., имѣющихся въ печати,—суть ихъ сводилась къ указанію на необходимость введенія у насъ народнаго представительства, перехода къ правовому строю и строго закономѣрному управленію. Помню, что наиболѣе энергичными противниками С. Н. на этихъ собраніяхъ были братья Самарины и Иловайскій, извѣстный составленными имъ учебными книжками по исторіи.

Будучи не только ученымъ, но и мыслителемъ-философомъ, С. Н. не могъ не страдать разсѣянностью, этимъ недостаткомъ, свойственнымъ большинству людей, живущихъ внѣ мелкихъ житейскихъ заботъ и интересовъ. И дѣствительно разсѣянность его была весьма значительна, усиливаясь на внѣшній видъ еще тѣмъ, что С. Н. былъ нѣсколько близорукъ. Случалось, что онъ вызывалъ чье либо недовольство, не узнавъ, напримѣръ, при встрѣчѣ знакомаго, забывъ о приглашеніи или о часѣ назначеннаго дѣлового свиданія и не явившись на таковое. Я знаю случай, когда онъ, взявъ съ одной родственницей билеты на какой то спектакль, долго не могъ добраться до него, ибо по разсѣянности дважды попадалъ не въ надлежащій те-

атръ, откуда ему разумѣется приходилось быстро отступать, при чемъ онъ забрелъ даже въ существовавшій тогда архи-легкомысленный театръ Омона, надъ чѣмъ самъ впослѣдствіи много смѣялся. Сколько разъ С. Н., уходя надѣвалъ мое пальто и галоши, къ которымъ онъ, казалось, питалъ особое расположеніе. Какъ-то лѣтомъ, которое С. Н. проводилъ съ семьей въ подмосковномъ имѣніи, но по дѣламъ пріѣзжалъ въ Москву, гдѣ квартира его стояла пустой, онъ уже вечеромъ зашелъ ко мнѣ и долго съ жаромъ бесѣдовалъ объ университетскихъ дѣлахъ, стараясь однако при этомъ вспомнить, о чемъ то нужномъ, что ускользнуло изъ его памяти. Наконецъ, уже собираясь уходить, онъ вспомнилъ, въ чемъ дѣло; оказалось, что онъ въ этотъ день не успѣлъ, да и все забывалъ пообѣдать и хотѣлъ попросить меня дать ему чѣмъ-нибудь закусить; но и эта потребность, хотя онъ въ теченіе цѣлаго дня оставался безъ пищи, исчезла изъ его памяти.

С. Н. вообще совсѣмъ не берегъ себя и постоянно переутомлялся физически и духовно, между тѣмъ какъ даже небольшое утомленіе было для него гибельно. Онъ не обладалъ крѣпкимъ организмомъ, физическая сторона его личности не соотвѣтствовала его духовной мощи; онъ казался хрупкимъ, недостаточно крѣпкаго, слишкомъ утонченнаго сложенія; въ глазахъ его, полныхъ духовной энергіи, мыслей, а временами и вдохновенія, не отражалась физическая сила,—напротивъ часто въ нихъ сказывалось утомленіе, также какъ на его всегда блѣдномъ лицѣ. Сердце у С. Н. тоже было не изъ крѣпкихъ, но нервная система его не была слабой и помогала не замѣчать или побѣждать физическое утомленіе. Въ послѣдніе годы жизни С. Н. страдалъ очень часто сердечными перебоями, требовавшими хотя бы для временнаго успокоенія сердца полнаго отдыха—физическаго и умственнаго, устраненія себя отъ скольно-нибудь волнующей и утомляющей работы.

Но именно въ это время судьба властно толкнула С. Н. въ круговоротъ лихорадочной, въ высшей степени обостренной общественной дѣятельности и борьбы, потребовавшей, вмѣсто отдыха, напряженія всѣхъ силъ и способностей С. Н., и онъ не счелъ возможнымъ уклониться отъ общественнаго призыва и, сознавая всю неминуемую опасность для себя этого пути, пошелъ тѣмъ не менѣе имъ.

Разсѣянность, о которой я говорилъ, и постоянная потребность работы мысли, благодаря которой С. Н. всегда былъ умственно занятъ и казался лицамъ, которыя мало его знали, отсутствующимъ, не замѣчающимъ ихъ, создавали фикцію равнодушія С. Н. ко всему, непосредственно его не касавшемуся, даже фикцію эгоизма. Но это была именно фикція, ибо на самомъ дѣлѣ Трубецкой обладалъ любвеобильнымъ сердцемъ и добротой, сказывавшейся не въ сантиментальныхъ фразахъ и настроеніяхъ, а въ дѣйствіяхъ, направленныхъ на оказаніе помощи лицамъ, къ нему обратившимся. И помощь эта оказывалась наиболѣе пріемлемымъ для нуждающагося способомъ. Я лично знаю, какихъ хлопотъ иной разъ стоили С. Н. старанія пособить очень многимъ обращавшимся къ нему, наиболѣе изъ среды молодежи. Даже живя за границей, нигдѣ не бывая, погруженный исключительно въ научныя занятія, онъ не отказывалъ въ помощи и самыхъ разнообразныхъ хлопотахъ за обращавшихся къ нему и за границей соотечественниковъ; мнѣ это хорошо извѣстно, такъ какъ С. Н. часто въ подобныхъ случаяхъ писалъ именно мнѣ, давая разныя порученія.

Въ чувствахъ своихъ С. Н. оставался всегда неизмѣннымъ: онъ умѣлъ быть настоящимъ другомъ. Поэтому всѣ, близко знавшіе Трубецкого, чувствовали къ нему, кромѣ уваженія, дружеское расположеніе, а многіе прямо любовь и безграничную преданность.

Въ интимномъ обществѣ, въ серьезномъ научномъ спорѣ и за веселой бесѣдой С. Н. былъ незамѣнимъ. Онъ легко оживлялся, остроумная шутка поднимала его настроеніе, которое въ часы, когда онъ не работалъ и не имѣлось на лицо печальныхъ или возмущавшихъ его событій, дѣйствовавшихъ на него удручающе, бывало бодрымъ и веселымъ, и тогда С. Н. становился центромъ бесѣды, блестѣвшей юморомъ, сопровождавшейся импровизаціями, иногда декламаціей, разсказами, бесѣдой, разстаться съ которой было прямо трудно, почему она иногда дѣйствительно „затягивалась“ далеко за полночь. „Подобныя собесѣдованія возникали нерѣдко по окончаніи засѣданія какого-либо ученаго общества, чаще всего психологическаго, гдѣ-нибудь въ скромномъ ресторанѣ. Собесѣдниками бывали въ большинствѣ случаевъ профессора Университета и другіе члены разнообразныхъ обществъ, засѣданія которыхъ посѣщалъ С. Н. Въ числѣ собесѣдниковъ бывали часто покойные: близкій другъ Трубецкого В. С. Соловьевъ, В. П. Преображенскій. В. О. Ключевскій, Н. Я. Гротъ, Ѳ. Е. Коршъ, В. А. Гольцевъ и понынѣ здравствующіе Л. М. Лопатинъ, Г. А. Рачинскій, Н. А. Иванцовъ. Тѣ же лица и многія другія встрѣчались нерѣдко въ теченіе зимы вечерами у М. Н. Лопатина, а позднѣе у меня, и всегда присутствіе С. Н. придавало особую прелесть и оживленіе этимъ частнымъ собраніямъ. Между прочимъ на одномъ изъ нихъ, сопровождавшемъ засѣданіе психологическаго общества, послѣ долгихъ преній былъ подвергнутъ закрытой баллотировкѣ вопросъ о безсмертіи души и рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, но лишь большинствомъ одного голоса.

По окончаніи курса въ Калужской гимназіи и вступленіи въ Университетъ, С. Н., семья котораго еще оставалась въ Калугѣ, жилъ нѣкоторое время у занимавшаго тогда должность попечителя Московскаго ок-

руга графа П. А. Капниста, женатаго на родной теткѣ С. Н. Эмиліи Алексѣевнѣ, рожденной Лопухиной. Въ теченіе этого юношескаго періода жизни С. Н, въ свободное отъ научныхъ занятій время, часто видался съ Ф. Л. Соллогубомъ, при чемъ совмѣстно съ нимъ, а также и одинъ, создалъ рядъ стихотворныхъ юмористическихъ произведеній въ драматической формѣ, а также въ прозѣ. Произведенія эти, къ сожалѣнію, сохранившіяся далеко не полностью, были представлены въ самой простой постановкѣ, какъ шутки, каковыми онѣ и были, безъ сцены, у Капнистовъ, гдѣ въ то время вечерами довольно часто собиралась молодежь. въ числѣ которой было много талантливыхъ юношей. Эти шуточныя и миніатюрныя драмы, оперы и шарады, полныя остроумія, веселья, были не чужды вопросовъ, интересовавшихъ въ то время общество. Въ нихъ, даже и въ легкой шуточной формѣ, сказывались способности С. Н., какъ писателя.

Трубецкой, такъ же какъ близкій другъ и во многомъ единомышленникъ его В. С. Соловьевъ, цѣнилъ шуточно-сатирическій жанръ литературы въ духѣ многочисленныхъ произведеній графа А. Толстого, А. Жемчужникова („Кузьма Прутковъ“) и графа Ф. Л. Соллогуба. Соловьевъ, какъ извѣстно, написалъ немало прекрасныхъ, изданныхъ уже теперь, стихотвореній этого направленія и даже цѣлую пьесу „Бѣлая лилія“, а Соллогубъ, кромѣ массы мелкихъ произведеній, сочинилъ крупную вещь „Соловьевъ въ Фиваидѣ“. С. Н. не только въ юношескіе годы, но и позднѣе, было создано много такихъ же произведеній. Часть ихъ, хотя и облеченная въ юмористическую форму, полна крупнаго значенія; въ такихъ статьяхъ С. Н. затрогивалъ насущные общественные вопросы, нападая, какъ всегда, на общественное и политическое зло, неправду и лицемѣріе. Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній имѣются въ собраніи сочиненій Трубецкого. Изъ нихъ я

назову: „Правдивую исторію живого слова“, „Сказку объ ощипанной жаръ-птицѣ“ и „фрейлейнъ“. Но много вещей не были опубликованы, а между тѣмъ ихъ нельзя не признать выдающимися по существу и формѣ. Такова, напримѣръ, серьезная по замыслу и трагическая по глубинѣ ея мысли „сказка объ Аримаспахъ“ или веселая „Исторія о принцѣ Шарманъ“.

Одно время онъ и Соллогубъ помѣщали шуточныя сочиненія въ составлявшемся дѣтьми С. Н. (когда имъ было лѣтъ около десяти) домашнемъ журналѣ; я позволю себѣ привести сохранившіеся у меня три разсказа С. Н., появившіеся своевременно въ этомъ журналѣ.

I.

Сѣрная кислота.

Сѣрная кислота есть вредный и крѣпкій напитокъ, употребляемый обычно при обработкѣ маталловъ.

Однажды родители маленькаго Коли, дабы испытать его, удаляясь на прогулку, оставили на столѣ сосудъ съ сѣрной кислотой, которую маленькій Коля не замедлилъ выпить. Но, о ужасъ, сѣрная кислота сожгла не только его передникъ и новое платье, но и всѣ его внутренности, вслѣдствіе чего маленькій Коля опасно заболѣлъ и непремѣнно бы умеръ, если бы ему не была своевременно оказана медицинская помощь.

— Не вредный и крѣпкій напитокъ, а твое невоздержаніе и непослушаніе были причиной твоего злоключенія,—сказали родители маленькаго Коли, вернувшись домой.

II.

Маленькій математикъ.

Маленькій Петя былъ чрезвычайно острый ребенокъ. Однажды извѣстный математикъ, желая испытать

его умственныя способности, спросилъ его: сколько тебѣ лѣтъ мой милый?

— Если бы восемь лѣтъ тому назадъ,—отвѣчалъ онъ,—вы сложили бы моего папеньку съ моей маменькой и, помноживъ на бабушку, раздѣлили бы на дѣдушку,—у васъ ничего бы не получилось.

Родители строго наказали маленькаго Петю за его необдуманный отвѣтъ.

III.

Маленькій лѣнтяй.

Маленькій Андрюша былъ чрезвычайно лѣнивый ребенокъ. Однажды, желая устыдить его, отецъ, указывая при прогулкѣ на муравейникъ, сказалъ: „Посмотри, мой милый, во сколько разъ это маленькое животное меньше тебя и восколько же трудолюбивѣе“!

На другой день, проходя мимо означеннаго муравейника, изумленный отецъ увидалъ другой, вдвое больше перваго.

Его насыпалъ исправившійся малютка.

По окончаніи въ 1885 году курса на историко-филологическомъ факультетѣ, С. Н. былъ оставленъ при университетѣ по каѳедрѣ философіи и въ 1888 году зачисленъ приватъ доцентомъ съ возложеніемъ на него чтенія курса по философіи, а въ 1890 году, по представленіи и защитѣ диссертаціи на тему „метафизика въ древней Греціи“, получилъ ученую степень магистра. За это время, проживая въ Москвѣ, С. Н. женился на княжнѣ Прасковьѣ Владиміровнѣ Оболенской, а затѣмъ въ теченіе трехъ лѣтъ (съ перерывомъ) работалъ въ научномъ отношеніи за границей, въ Германіи. Въ 1900 году С. Н. защитилъ съ выдающимся успѣхомъ, превратившимся въ громадную овацію, сдѣланную ему переполнившей актовый залъ публикой

изъ студентовъ и постороннихъ лицъ, диссертацію „Ученіе о логосѣ въ его исторіи, томъ I", и, получивъ степень доктора философіи, былъ назначенъ профессоромъ.

Въ 1905 году С. Н. былъ избранъ совѣтомъ Московскаго Университета на должность ректора. 7 сентября послѣдовало утвержденіе его, а 29 сентября онъ скончался.

Вотъ сухое, формулярообразное описаніе жизни и университетской дѣятельности С. Н.; оно какъ будто ничего не говоритъ читателю, но для современника С. Н. и для того, кто знаетъ внутреннюю исторію Россіи за годы съ 1890 по 1906 и сколько-нибудь знакомъ съ теченіемъ за это время отечественной академической жизни, оно полно быстро возроставшимъ значеніемъ С. Н., какъ кабинетнаго ученаго, какъ руководителя университетской молодежи и члена московской профессорской коллегіи, какъ публициста и, наконецъ, общественнаго дѣятеля.

При С. Н. во все время его преподавательской дѣятельности въ университетѣ составлялся кружокъ болѣе другихъ интересующихся философіей слушателей, его непосредственныхъ учениковъ, съ которыми онъ занимался разъ или два въ недѣлю у себя на дому. Изъ нихъ помню Поливанова, Фохта, Кубицкаго, Эрна и другихъ.

Со временемъ у С. Н. явилась мысль образовать студенческое научное общество, ядромъ котораго долженъ былъ послужить кружокъ его учениковъ. Мысль эта была съ восторгомъ принята его ближайшими слушателями, и вскорѣ возникло историко-филологическое студенческое общество, предсѣдательское мѣсто въ бюро котораго занялъ С. Н., а секретаремъ былъ избранъ А. И. Анисимовъ. Общество это, задавшееся цѣлью содѣйствовать общенію на научной почвѣ студентовъ и служить культурнымъ центромъ тѣмъ, кто

серьезно относился къ дѣлу просвѣщенія, очень скоро пріобрѣло симпатіи университетской молодежи, разрослось численно и должно организовалось, положивъ основаніе библіотекѣ, создавъ читальню и устраивая засѣданія съ докладами членовъ его на научныя темы, секціонныя и общія. Общество вскорѣ же послѣ его основанія разбилось на нѣсколько секцій: экономическую, криминалистическую, секцію соціальныхъ наукъ, цивилистическую, литературную и другія, при чемъ во всѣхъ отдѣлахъ общества занятія шли вплоть до волненій 1905 года непрерывно, и засѣданія охотно посѣщались студентами. Первое публичное торжественное собраніе общества (публичное, то-есть открытое не для однихъ членовъ общества, а для всего студенчества) прошло, я помню, въ переполненной большой аудиторіи блистательно и стало крупнымъ событіемъ академической жизни. Въ числѣ ораторовъ выступали профессора и студенты; особенно сильное впечатлѣніе произвела рѣчь профессора П. И. Новгородцева. Не только радостью, счастьемъ сіяло лицо С. Н., когда на этомъ, а потомъ на секціонныхъ собраніяхъ, ученики его и другіе студенты выступали съ научными рефератами, когда между ними завязывался горячій научный споръ, поднимались интересныя пренія и на почвѣ академической науки воочію зарождалась органическая связь и извѣстная близость между преподавателями и слушателями. Это эпоха, предшествовавшая потрясеніямъ 1905 года, была полна интереса и, казалось, обѣщала направить теченіе академической жизни въ надлежащее русло. Мнѣ пришлось тогда взять на себя предсѣдательство въ криминалистической секціи общества, а позднѣе быть товарищемъ предсѣдателя Общества и, наконецъ, исправлять должность предсѣдателя; но это было уже въ 1904 году, когда настроеніе студенчества круто измѣнилось, и вопросы внутренней политики поглотили (конечно, временно) интересы научные. Обще-

ство, при такомъ настроеніи студенчества распадалось, засѣданія его, проходившія слишкомъ бурно, не могли собираться, и, наконецъ—послѣ смерти С. Н. и декабрькихъ событій,—Общество совсѣмъ замерло и само собой ликвидировалось. Оно возродилось-было въ 1910 году, назвавшись студенческимъ научнымъ обществомъ памяти С. Н. Трубецкого, къ нему перешла и библіотека прежняго общества, открытіе его дѣятельности сопровождалось общимъ сочувствіемъ студенчества и профессуры, молодое общество, принявъ программу прежняго, пошло дѣятельно и удачно по его стопамъ, но академическая судьба не пощадила и его. Общество процвѣтало при новомъ режимѣ во время ректорства А. А. Мануилова и наступившемъ было нормальномъ теченіи научныхъ занятій, но возникшія на почвѣ удаленія изъ университета вольныхъ слушательницъ, воспрещенія собраній и вслѣдствіе подобныхъ же причинъ, волненія и безпорядки, окончившіеся, уже при министрѣ Народнаго Просвѣщенія Л. А. Кассо, исключеніемъ изъ профессорской коллегіи гг. Мануилова, Мензбира и Минакова и добровольнымъ оставленіемъ, при этихъ условіяхъ, университета профессорами и другими лицами преподавательскаго персонала въ количествѣ болѣе ста человѣкъ, вызвали крушеніе и этого, связаннаго съ именемъ Трубецкого, общества, которое ликвидировалось формально постановленіемъ общаго собранія его членовъ, передавшаго въ городской университетъ имени Шанявскаго всю свою библіотеку.

Но въ 1903 году Историко-филологическое общество жило полной жизнью, и въ этомъ именно году С. Н. удалось осуществить давно задуманную имъ для членовъ общества, но съ правомъ и для другихъ студентовъ присоединиться къ ней, экскурсію въ Грецію. Культурное значеніе непосредственнаго ознакомленія съ памятниками зодчества и ваянія и другими художественными произведеніями классической Греціи, по-

сѣщенія такихъ мѣстъ, какъ Дельфы, Олимпія, Микены, не могло подлежать сомнѣнію и представлялось желательнымъ не только для слушателей С. Н., занимавшихся подъ его руководствомъ изученіемъ исторіи эллинской культуры и древне-греческой философіи, но и для другихъ студентовъ, серьезно преданныхъ научной работѣ и стремившихся къ духовному развитію. Наконецъ, путешествіе по Греціи представлялось и лично С. Н., не бывавшему еще въ Элладѣ, весьма заманчивымъ. Въ теченіе всей почти зимы 1902—1903 г. Трубецкой, при содѣйствіи нѣсколькихъ ближайшихъ учениковъ, занимался разработкой плана и программы этого путешествія; оно, конечно, не должно было носить характеръ увеселительной поѣздки; важно было придать ему интересъ научный. Въ этомъ направленіи и была С. Н. создана программа поѣздки, и было обезпечено участіе въ ней спеціалистовъ профессоровъ Никитскаго, Мальмберга и секретаря Русскаго археологическаго общества въ Константинополѣ Леппера. Устройство экскурсіи, первой въ этомъ родѣ у насъ, потребовало много напряженной работы и хлопотъ. С. Н. сносился съ Министерствами Народнаго Просвѣщенія, Иностранныхъ Дѣлъ и Путей Сообщенія, съ управленіемъ желѣзныхъ дорогъ, обществомъ пароходства и торговли, съ правительствомъ Греціи и нашимъ тамошнимъ посольствомъ. Находившійся въ этомъ году въ Греціи, гдѣ онъ заканчивалъ одну научную работу, профессоръ Никитскій озаботился тамъ заблаговременно не только пріисканіемъ помѣщенія экскурсантамъ въ Афинахъ и другихъ мѣстностяхъ, но имъ были подготовлены всѣ условія и мелочи, необходимыя для удобнаго посѣщенія и осмотра большимъ количествомъ людей заразъ такихъ сравнительно отдаленныхъ и не обладающихъ ни гостиницами, ни средствами сообщенія, мѣстъ, какъ, напримѣръ, Дельфы. С. Н. выхлопоталъ даже небольшую субсидію изъ Министерства На-

роднаго Просвѣщенія и добился значительнаго пониженія, какъ желѣзнодорожнаго, такъ и пароходнаго тарифа, благодаря чему участіе въ длившейся болѣе мѣсяца экскурсіи съ платою за весь проѣздъ, пребываніе въ Греціи, разъѣзды, полное содержаніе и другіе расходы обошлось каждому студенту всего около 60 рублей. Хозяйственная сторона была тоже настолько оборудована, что были заказаны и выписаны изъ Вѣны для всѣхъ участниковъ экскурсіи дешевые и удобные дорожные костюмы.

Въ іюлѣ всѣ приготовленія были закончены и экскурсія историко-филологическаго общества выѣхала изъ Москвы 29 іюля (1903 года), по Московско-Курской желѣзной дорогѣ въ четырехъ, спеціально отведенныхъ намъ (я былъ однимъ изъ участниковъ поѣздки) до Одессы вагонахъ: трехъ III-го класса и одного II-го. Общее количество экскурсантовъ было 140 или нѣсколько больше; профессоровъ и приватъ-доцентовъ было семь человѣкъ, кажется два оставленныхъ при университетѣ, одинъ лаборантъ, священникъ, читавшій лекціи въ Московскомъ университетѣ Н. А. Поповъ, нѣсколько врачей, а остальные были студенты, изъ коихъ 45 человѣкъ историко-филологическаго факультета. Преподавательскій персоналъ былъ таковъ: Трубецкой, Л. М. Лопатинъ, Мальмбергъ, И. Ф. Огневъ, уже названный Н. А. Поповъ и я. Профессоръ Никитскій присоединился къ намъ уже въ Афинахъ, а г. Лепперъ въ Константинополѣ.

Экскурсія по составу своему представляла какъ бы университетскій микрокосмъ—Московское студенчество во всемъ его разнообразіи; въ числѣ студентовъ, принимавшихъ участіе въ поѣздкѣ, были представители, кажется, всѣхъ народностей Россійской имперіи, посылающихъ своихъ сыновъ въ Московскій университетъ; были молодые люди изъ богатыхъ семей, изъ достаточнаго класса и студенты, существующіе исключительно

на средства, добываемыя личнымъ зароботкомъ. Но, несмотря на такое разнообразіе, общество наше въ цѣломъ было едино и быстро сорганизовалось въ общественную единицу, всѣ члены которой, какъ только дѣло касалось общаго интереса, дѣйствовали заодно. Во все время путешествія молодое общество, безусловно предоставленное само себѣ, держало себя съ величайшимъ тактомъ и достоинствомъ. А тактъ и сдержанность были необходимы, ибо вездѣ молодые экскурсанты обращали на себя вниманіе, не смѣшиваясь съ аборигенами, благодаря уже численности своей и внѣшности,—всѣ были одѣты въ одинаковые костюмы. Въ Афинахъ за членами экскурсіи очень внимательно слѣдили и вначалѣ даже недружелюбно (при входѣ въ Пирей намъ съ одного встрѣчнаго парохода свистали), предполагая, кажется, что москвичи все-таки варвары; о каждомъ шагѣ экскурсантовъ печаталось въ мѣстныхъ газетахъ. Но всѣмъ, кто желалъ видѣть въ нашихъ юношахъ варваровъ, пришлось разочароваться, ибо нельзя было лучше поддержать на чужбинѣ честь и достоинство Московскаго студенчества, что и отразилось въ концѣ концовъ на отзывахъ греческой ежедневной печати и въ измѣнившемся отношеніи къ экскурсантамъ Афинскаго населенія. Надо замѣтить, что проявленная по отношенію къ намъ греческимъ обществомъ холодность зависѣла отъ причинъ внѣшне-политическаго характера, вліяющихъ на тамошнее населеніе въ гораздо большей степени, чѣмъ, напримѣръ, у насъ. Отсутствіе столкновеній въ средѣ экскурсантовъ, веселое, неизмѣнно бодрое, радостное настроеніе молодежи, серьезное отношеніе ко всему, что требовало вниманія и терпѣливаго осмотра, искренній горячій спросъ на научныя разъясненія,—все это дѣлало нашу экскурсію поистинѣ исключительной и увлекательной. Это былъ, созданный Трубецкимъ, долгій и чудный праздникъ, не грубый разгульный, а праздникъ интеллигентной молодежи,

сознательно радовавшейся и увлекавшейся и дивной красотой южной природы, и тѣмъ, что мы на классической почвѣ Эллады, между уцѣлѣвшими еще развалинами и остатками этой удивительной античной культуры, давно знакомой, но лишь по книгамъ. А всѣхъ болѣе, надо думать, радовался успѣху поѣздки и такой оцѣнкѣ ея молодежью инициаторъ ея—Трубецкой. Я не сомнѣваюсь, что эти 5 недѣль были однимъ изъ наиболѣе счастливыхъ періодовъ жизни С. Н. Онъ лично во все время экскурсіи былъ неутомимъ и, вмѣстѣ съ гг. Мальмбергомъ, Никитскимъ и Лепперомъ, руководилъ молодежью при осмотрахъ, не пропуская рѣшительно ничего, входилъ въ сношенія съ представителями мѣстной власти, съ учеными обществами, произносилъ офиціальныя рѣчи и тосты, а въ небольшой деревнѣ, недалеко отъ Дельфъ, гдѣ мы остановились для краткаго отдыха, отвѣчалъ на привѣтствіе старика сельскаго учителя, выражавшаго радость по поводу того, что ему пришлось наконецъ встрѣтиться съ русскими,—содѣйствовавшими освобожденію отъ турецкаго ига его родины,—отвѣчалъ рѣчью на древне-греческомъ языкѣ.

Много интереснаго дала всѣмъ участникамъ ея наша экскурсія и я увѣренъ, что у всѣхъ членовъ ея сохранились наилучшія воспоминанія о ней и благодарное чувство къ организатору ея—Трубецкому. Оживленно и весело началось и окончилось это путешествіе. Тотчасъ же по выѣздѣ изъ Москвы въ студенческихъ вагонахъ водворился удивительный порядокъ: мѣста распредѣлились, студенты разбились на группы съ выборными старостами, тутъ же въ вагонахъ были устроены почтовое отдѣленіе, фотографія, справочное бюро, чайная съ тремя громадными самоварами, кладовая и аптека, гдѣ помѣстились ѣхавшіе съ нами врачи, наладился стройный хоръ. Шумно и весело проходили общіе обѣды, заказываемые заблаговременно по телеграфу казначеемъ и главнымъ хозяйственнымъ

распорядителемъ,—тогда еще студентомъ,—Н. А. Гейнике, обладающимъ, какъ оказалось, блистательными административными способностями, энергіей и неутомимостью, а также зычнымъ голосомъ, раздававшимся надалеко, когда онъ созывалъ старостъ на засѣданіе, или всѣхъ членовъ экскурсіи на общее собраніе, а то возглашалъ: „г. старосты, пожалуйте виноградъ принимать!"

За время пребыванія въ Греціи экскурсанты прослушали 2 интересныя лекціи о раскопкахъ Трои и на островѣ Кефалоніи (бывшая Итака), прочитанныя спеціально намъ извѣстнымъ нѣмецкимъ археологомъ профессоромъ Дерпфельдомъ. А на развалинахъ храма въ Олимпіи давалъ объясненіе и тоже прочелъ очень содержательную и живую лекцію (по французски) главный директоръ всѣхъ музеевъ въ Греціи извѣстный ученый Кавадіасъ, которому правительствомъ была поручена забота объ ознакомленіи насъ со всѣмъ, достойнымъ вниманія въ художественномъ и научномъ отношеніяхъ. Вообще официальная Греція проявила большую заботливость о насъ; намъ для плаванія вокругъ береговъ Греціи былъ предоставленъ военный пароходъ „Канарисъ", капитанъ и офицеры котораго были какъ нельзя болѣе любезны. Въ Коринфѣ насъ встрѣтилъ мѣстный губернаторъ, а въ Олимпіи всему нашему обществу былъ предложенъ торжественный обѣдъ съ рѣчами и тостами, послѣ котораго развеселившіеся студенты пѣли и Gaudeamus, и русскія пѣсни и плясали, и, вѣроятно, впервые огласили священную долину Алфея переливами „Вдоль по матушкѣ по Волгѣ". Въ Элевзинѣ намъ устроилъ пріемъ и угощеніе греческій коммерсантъ и поставщикъ русскихъ судовъ, стоявшихъ тогда въ Греціи, г. Вріонисъ. На самомъ берегу моря, тамъ гдѣ нѣкогда происходили извѣстныя религіозныя торжества, были поставлены простые столы и скамьи, тутъ же на вертелѣ жарился цѣлый баранъ,

столы были завалены всевозможными фруктами и мѣстное, очень вкусное, легкое вино, стоявшее въ глиняныхъ кувшинахъ-амфорахъ, не оскудѣвало. Мы, старшіе, угощали съ своей стороны въ Коринфѣ мѣстнаго губернатора, сопровождавшаго насъ повсюду, уполномоченнаго греческаго археологическаго общества г. Николаидиса и офицеровъ „Канариса“, изъ которыхъ назову весьма развитого и интереснаго врача греческаго флота г. Апостолидиса. Ресторагоръ, которому мы заказывали ужинъ, оказался немного говорящимъ по русски; онъ содержалъ во время нашей войны съ Турціей 1878 года ресторанъ въ Санъ-Стефано и смѣло объявилъ намъ, что онъ все хорошо устроитъ, такъ какъ знаетъ русскій вкусъ,—нужно, чтобы была икра въ видѣ закуски и, чтобы съ перваго же блюда, подавалось шампанское. Помню, что сидѣвшій за этимъ ужиномъ рядомъ со мною Коринфскій губернаторъ очень удивлялся тому, что не только князь Трубецкой, но я и другіе говоримъ свободно по французски и по нѣмецки; онъ, повидимому, тоже не очень вѣрилъ въ нашу культурность, хотя бы и въ профессорской средѣ.

Припоминаю лекцію, прочитанную экскурсантамъ докторомъ богословія, священникомъ, ѣздившимъ съ нами, Н. А. Поповымъ, о Константинопольскихъ старинныхъ православныхъ храмахъ, использованныхъ турками въ качествѣ мечетей, и о другихъ памятникахъ Царьграда. Обстановка ея была вполнѣ оригинальная: читалась лекція въ морѣ, на пароходѣ Россійскаго общества „Николай II“, вечеромъ, наканунѣ нашего прихода въ Константинополь. Большую часть времени, при переходѣ изъ Одессы въ Константинополь, все наше общество проводило на верхней палубѣ, гдѣ студенты за длиннѣйшимъ столомъ и обѣдали, благо погода во все время нашей поѣздки была прекрасная, но на ночь студенты уходили въ отведенное исключительно имъ помѣщеніе въ трюмѣ, состоявшее изъ длиннаго кори-

дора съ нарами, передъ которымъ имѣлось пустое помѣщеніе, съ примыкавшимъ къ нему съ одной стороны чѣмъ то въ родѣ полка или полатей (это было переселенческое, или вѣрнѣе паломническое отдѣленіе). И вотъ въ этой первой комнатѣ-каютѣ и учредилась аудиторія: профессоръ устроился на легкомъ складномъ стулѣ въ центрѣ помѣщенія, а слушатели, въ томъ числѣ, конечно, Трубецкой и остальные профессора, размѣстились въ большинствѣ кругомъ него, сидя прямо на полу; кое-кто стоялъ у поддерживавшихъ верхъ каюты желѣзныхъ шестахъ, а остальные, такъ какъ больше не было мѣста, залегли на полатяхъ. Наступалъ уже вечеръ, и все помѣщеніе довольно скудно освѣщалось лампой, висѣвшей у потолка. Лекція была интересна, и аудиторія слушала ее со вниманіемъ въ полумракѣ и полной тишинѣ, нарушавшейся лишь звуками, свойственными находящемуся въ движеніи пароходу, и плескомъ волнъ о борта его.

Въ томъ же пароходномъ (уже на обратномъ пути въ Одессу) помѣщеніи мнѣ, по просьбѣ С. Н, который былъ въ то время чѣмъ-то занятъ, пришлось держать общему собранію экскурсантовъ рѣчь, имѣвшую успокоить появившееся у нихъ недовольство, между прочимъ и на бюро историко-филологическаго общества, за то, что въ числѣ нашихъ товарищей оказался молодой человѣкъ, кажется, не имѣвшій права, по какимъ то формальнымъ причинамъ, участвовать въ экскурсіи; недовольство это объяснялось тѣмъ, что комплектъ путешественниковъ былъ полонъ и нѣсколькимъ лицамъ пришлось отказать въ участіи въ поѣздкѣ. Сначала молодежь, вѣроятно уже нѣсколько утомившаяся отъ поѣздки, горячилась, требовала разслѣдованія инцидента и исключенія неправильно, по ея мнѣнію, принятаго товарища, но благодушное настроеніе было все-таки настолько велико, что послѣ немногихъ моихъ словъ о ничтожности даннаго случая, при явномъ отсут-

ствіи какого и чьего-либо злоупотребленія, горячность-нападокъ уменьшилась. Подъ конецъ собранія я заявилъ, что сейчасъ дѣло во всякомъ случаѣ поправить нельзя, ибо сомнительнаго пассажира нельзя же потопить, а высадить на необитаемый островъ, какъ бы оно слѣдовало, немыслимо, ибо на Черномъ морѣ островов нѣтъ, и что начавшаяся было какъ разъ въ это время легкая качка служитъ прекраснымъ основаніемъ для закрытія собранія; какъ разъ въ этотъ моментъ крупная волна чувствительно поддала и опустила мѣсто собранія, и всѣ при общемъ хохотѣ и веселыхъ кликахъ единогласно приняли мое предложеніе объ оставленіи дѣла безъ послѣдствій и ни о какомъ недовольствѣ между ними не было рѣчи и потомъ.

Былъ съ нами на обратномъ пути изъ Одессы такой забавный случай: въ Одессѣ Трубецкой покинулъ экскурсію, поручивъ заботу о ней мнѣ, а въ Кіевѣ часть экскурсантовъ отдѣлилась отъ главной партіи, и тутъ передъ отходомъ поѣзда, на вокзалѣ, оставшіеся въ Кіевѣ, при прощаніи съ нами, ѣхавшими въ Москву, сказали нѣсколько теплыхъ словъ завѣдывавшимъ поѣздкою и, спросивъ вина, выпили по бокалу вмѣстѣ съ отъѣзжавшими за наше здоровье; кто-то изъ нашихъ отвѣчалъ кіевлянамъ, но въ это время раздался второй звонокъ, и мы бросились на платформу. Однако къ нашему ужасу оказалось, что выходная дверь заперта, и у нея стоятъ два жандарма, строго объявившіе намъ, что насъ не выпустятъ и что мы арестованы, такъ какъ митинги кіевскимъ студентамъ запрещены, и жандармы обязаны составить о происшедшемъ протоколъ. Мы, конечно, стали объясняться, но время шло, и, вѣроятно, поѣздъ ушелъ бы безъ насъ, если бы кто то изъ старостъ не догадался показать бывшіе у него въ сумкѣ наши проѣздные билеты. Жандармы повѣрили тутъ, что мы мирные путешественники, совершенно ни на что не посягающіе, двери платформы от-

крылись и мы, добѣжавъ до нашихъ вагоновъ, успѣли всетаки попасть въ нихъ при кликахъ „ура“ провожавшихъ насъ товарищей.

Припоминается мнѣ тоже такой эпизодъ изъ нашего морского путешествія: мы шли уже изъ Смирны въ ирПей; былъ канунъ какого-то праздника и у команды парохода „Николай II“ возникла мысль попросить ѣхавшаго съ нами священника Н. А. Попова отслужить всенощную; Н. А., съ которымъ были крестъ, евангеліе и епитрахиль, охотно согласился, а между экскурсантами нашлось достаточное количество лицъ, знакомыхъ съ церковными напѣвами, пожелавшихъ принять участіе пѣніемъ въ служеніи всенощной, а въ ихъ числѣ тудеснтъ, раньше, въ бытность свою учителемъ, дирижировавшій церковнымъ хоромъ. Подъ его водительствомъ и при содѣйствіи Н. А. устроилась спѣвка, и вечеромъ, при наступившей уже темнотѣ на открйыто палубѣ, на кормѣ, у аналоя, освѣщеннаго сверху электрической лампой, была отслужена всенощная. Картина этого вечерняго, въ открытомъ морѣ, богослуженія была оригинальна и красива. Хорошо исполненные хоромъ молодыхъ голосовъ мелодичные церковные напѣвы уносились вдаль съ нашего парохода и были слышны встрѣчнымъ и шедшимъ въ одномъ съ нами направленіи судамъ, которыя, въ виду близости береговъ Греціи, часто попадались намъ.

Экскурсанты, разставаясь съ Трубецкимъ въ Одессѣ, стуроили ему, провожая его на поѣздъ, горячую, шумную овацію, съ рѣчами, въ которыхъ выражалась благодарность за всѣ его хлопоты и сказывалась искренняя любовь молодежи къ С. Н. Эта благодарность была, конечно, въ полной мѣрѣ заслужена С. Н., лишь при удивительной энергіи и настойчивости котораго могла состояться и столь блистательно пройти Афинская экскурсія. Я быть можетъ слишкомъ подробно остановился на описаніи ея, но это путешествіе въ моей памяти

тѣсно, нераздѣлимо связывается съ С. Н., воплощавшимъ тутъ въ дѣло свою мечту—пріобщить нашу университетскую молодежь къ дѣйствительной культурѣ, развить и поддержать въ ней вкусъ и стремленіе къ духовной сторонѣ жизни, къ красотѣ въ мірѣ художествъ и въ природѣ, къ научному изслѣдованію, а также къ общественности. Прощаясь со студентами, Трубецкой съ своей стороны высказалъ имъ благодарность за ихъ отношеніе къ экскурсіи и за вѣрное пониманіе ея значенія и цѣли. Во мнѣ лично Афинская экскурсія оставила впечатлѣніе свѣтлаго, радостнаго, ничѣмъ не омрачившагося, а въ то же время полнаго серьезнаго значенія, времени, проведеннаго въ исключительномъ, въ качественномъ отношеніи, обществѣ, и при выдающейся по интересу и красотѣ обстановкѣ, которой содѣйствовала даже погода, ни разу намъ не измѣнившая и не омрачившаяся.

Не только въ недавнемъ, но и въ отдаленномъ прошломъ жизни Московскаго Университета мы не найдемъ академическаго дѣятеля въ званіи простого профессора, имѣвшаго такое значительное вліяніе на положеніе нашей высшей школы, какъ С. Н. Мы можемъ, къ счастію, назвать много именъ ученыхъ, прославившихъ Московскій Университетъ, содѣйствовавшихъ установленію лучшихъ его традицій и имѣвшихъ выдающееся вліяніе на учащуюся молодежь; достаточно вспомнить Грановскаго, Чичерина, Чупрова, но имъ не пришлось пережить тотъ особенно острый періодъ университетскихъ волненій и безпорядковъ, завершившихся всеобщей студенческой забастовкой и сопровождавшихся такими правительственными мѣропріятіями, какъ отдача студентовъ „въ солдаты", массовыя административныя ссылки на дальній Сѣверъ и тому подобное. Эти безпорядки вынудили профессорскую коллегію выступить наконецъ самостоятельно, не какъ правленіе, носящее

характеръ обычнаго „начальства“, а какъ коллегію, дѣйствительно, по самому своему назначенію, стоящую во главѣ Университета, долженствующую по этому управлять имъ и вліять на его судьбу, а не быть случайнымъ, безправнымъ собраніемъ лицъ, читающихъ лекціи студентамъ и получающихъ за это каждое 20-е число жалованье. Эта обязанность выпала на долю болѣе прогрессивной части профессоровъ того времени, въ числѣ которыхъ былъ конечно и Трубецкой. Лозунгомъ его было „Университетъ для науки, а не для политики“, но университетъ автономный, авторитетный въ лицѣ профессоровъ средѣ студенчества, обладающій Совѣтомъ, самостоятельно и безъ вмѣшательства педелей и инспекціи вершающій судьбы свои. Лозунгъ этотъ объединилъ большинство профессоровъ и выдвинулъ на первое мѣсто С. Н. Вопросы университетской жизни, возможные способы успокоенія студенческихъ волненій и прекращенія такого ненормальнаго явленія, какъ забастовка высшихъ учебныхъ заведеній, горячо обсуждались на совершенно частныхъ собраніяхъ профессоровъ, имѣвшихъ мѣсто первоначально, до отъѣзда его за границу, у П. Г. Виноградова, а потомъ обыкновенно у А. Б. Фохта, и нерѣдко затѣмъ отражались на постановленіяхъ совѣта. Кружокъ этотъ не имѣлъ въ себѣ ничего формальнаго, это было просто собраніе хорошо между собой знакомыхъ и единомышленно настроенныхъ лицъ, а потому въ немъ не было офиціальнаго предсѣдателя, но первенствующее значеніе въ немъ имѣлъ именно Трубецкой.

Въ результатѣ собесѣдованій, и какъ плодъ общей работы и мысли, явилась извѣстная записка Трубецкого по университетскому вопросу, имѣвшая рѣшающее вліяніе на поворотъ правительственной политики по отношенію къ высшей школѣ, выразившійся, между прочимъ, въ дарованіи университетамъ, если не полной академической автономіи, то признанія за совѣтами

обязанности дѣйствительнаго управленія университетомъ, права на выборъ Ректора и Декановъ и уничтоженіе инспекціи. Записка, о которой мы говоримъ, имѣется въ I томѣ твореній С. Н. Въ ней Трубецкой указывалъ какъ на самую необходимую мѣру для упорядоченія и поднятія нашей высшей школы на немедленное введеніе...“ коренной реформы, которая уничтожила бы вышеуказанные недостатки академическаго строя, вернула бы совѣтамъ ихъ корпоративное устройство, ихъ прежнюю самостоятельность и авторитетъ, ввѣривъ имъ веденіе университетскаго дѣла и устроеніе студенчества. Это первый необходимый шагъ для умиротворенія университетовъ, для ихъ нравственнаго подъема, необходимое условіе внутренняго порядка высшей школы.“ Въ концѣ записки Трубецкой останавливался на положеніи у насъ средней школы, настоятельно требующей, по его мнѣнію, реформы, при чемъ высказалъ, что „пока средняя школа будетъ давать университетамъ молодыхъ людей, недостаточно приготовленныхъ къ высшему научному образованію, пока въ ней не будетъ той здоровой дисциплины, которая дается правильнымъ и серьезнымъ умственнымъ трудомъ и поддерживается довѣріемъ къ школѣ со стороны общества и семьи,—не можетъ быть прочнаго фундамента и у высшей школы. Здѣсь потребуется громадная и продолжительная созидательная работа, къ которой государство должно привлечь всѣ просвѣщенныя силы страны“... „Въ школѣ—все будущее Россіи, и никакія жертвы, необходимыя для ея устроенія и подъема, не должны останавливать правительство, которое хочетъ блага страны и пожелаетъ поднять свой авторитетъ“.

Въ сознаніи того, что университетъ обязанъ послѣдовавшей реформой именно Трубецкому, добивавшемуся улучшенія академическаго строя не только путемъ составленія и представленія въ надлежащія

сферы докладной записки, но и путемъ переговоровъ и личнаго воздѣйствія на лицъ, стоявшихъ близко у власти, Совѣтъ московскаго университета избралъ С. Н. первымь своимъ выборномъ Ректоромъ. Къ этому времени авторитетъ Трубецкого въ профессорской средѣ установился совершенно твердо и къ нему, какъ къ руководителю Университета, относились съ полнымъ довѣріемъ члены Совѣта различныхъ взглядовъ и направленія; полное единодушіе въ совѣтѣ было достигнуто благодаря вліянію С. Н. и довѣрію къ нему. Вотъ какъ описываетъ профессоръ П. И. Новгородцевъ вступленіе Трубецкого на должность Ректора: „Мнѣ вспоминается вечеръ, когда въ Совѣтѣ Московскаго Университета мы избрали С. Н. въ Ректоры. Всѣ мы въ тотъ памятный вечеръ переживали свѣтлое, радостное, но вмѣстѣ и тревожное, настроеніе. Мы чувствовали, что среди насъ рождается новая жизнь, что въ наши руки отдано великое дѣло, но мы испытывали также и тревогу за будущее. А онъ, нашъ новый Ректоръ, самъ глубоко взволнованный и глубоко волнуя насъ чарующей силой своего слова, говорилъ: чего бояться намъ? Университетъ одержалъ великую нравственную побѣду. Мы получили разомъ то, чего желали; мы побѣдили силы реакціи. Неужели бояться намъ общества, нашей молодежи? Вѣдь не останутся же они слѣпыми къ торжеству свѣтлаго начала въ университетѣ. Правда, все бушуетъ вокругъ, волны захлестываютъ; мы ждемъ, чтобы онѣ успокоились... Будемъ вѣрить въ наше дѣло и въ нашу молодежь...“

Я лично вспоминаю вечеръ наканунѣ засѣданія Совѣта, имѣвшаго избрать ректора, С. Н. еще не переѣзжалъ въ Москву изъ подмосковнаго имѣнія, гдѣ онъ проводилъ то лѣто съ семьей, но вечеромъ долженъ былъ пріѣхать прямо съ поѣзда ко мнѣ. Въ Фохтовскомъ кружкѣ, да и между другими профессорами, съ полною опредѣленностью выяснилось къ тому времени,

что ректорство на новыхъ началахъ будетъ предложено Трубецкому. Такой выборъ былъ неизбѣженъ: борцомъ за автономію университета, по молчаливому согласію всѣхъ, выступилъ Трубецкой и въ этой борьбѣ именно онъ, благодаря своей убѣжденности, вѣрѣ въ университетское дѣло и присущимъ ему способностямъ побѣдилъ. Ему и надлежало передать побѣдные лавры и неизбѣжныя тернія, ожидавшія перваго руководителя реформировавшагося университета. Никто другой въ этотъ моментъ не могъ, помимо Трубецкого, получить большинство голосовъ, ничье имя даже не называлось, какъ возможнаго второго кандидата. С. Н. о такомъ молчаливомъ рѣшеніи всей профессорской коллегіи не зналъ, хотя, конечно онъ предвидѣлъ возможность и даже вѣроятность постановки его кандидатуры и по этому поводу выслушалъ уже со стороны членовъ своей семьи не мало убѣжденій въ необходимости отказаться отъ принятія ректорства въ виду плохого состоянія за послѣднее время его здоровья, а именно разнообразныхъ сердечныхъ недомоганій на почвѣ склероза. Въ числѣ собравшихся у меня въ тотъ вечеръ профессоровъ находились, если память мнѣ не измѣняетъ, А. Б. Фохтъ, А. А. Мануиловъ, В. М. Хвостовъ, Б. К. Млодзѣевскій, П. И. Новгородцевъ, В. И. Вернадскій, И. К. Спижарный. С. Н. долго не пріѣзжалъ, такъ какъ поѣздъ почему то опоздалъ. Раздался звонокъ у входной двери; было ясно, что это Трубецкой; всѣ мы примолкли и въ великомъ волненіи ждали его появленія; а когда онъ вошелъ,—то всѣ, не сговариваясь, по какому то общему неудержимому побужденію, встрѣтили его аплодисментами. С. Н. понялъ надлежаще это общее привѣтствіе, поблагодарилъ и тутъ же совершенно просто передалъ о томъ, что его лично влечетъ открывающаяся перспектива широкой дѣятельности на пользу Университета, что онъ, независимо отъ этого, сознаетъ своей обязанностью, разъ какъ

рѣшеніе Совѣта таково, принять должность ректора, но что его страшитъ мысль, что онъ физически не въ состояніи будетъ надлежаще выполнить новыя служебныя функціи вслѣдствіе плохого состоянія здоровья. Присутствующіе знали о болѣзни сердца и зависящей отъ этого постоянной угрозы С. Н.; объ этомъ и ему, и коллегамъ говорилъ не разъ, предупреждая ихъ, лечившій С. Н. профессоръ Фохтъ, и въ этотъ вечеръ говорившій о необходимости для Трубецкого не новой работы, а отдыха, но избраніе его, хотя бы съ тѣмъ, чтобы онъ лишь въ теченіе нѣкотораго времени отправлялъ обязанности ректора, казалось всѣмъ, да и самому Трубецкому, необходимымъ. Да всѣ къ тому же сознавали, что это избраніе неизбѣжно, ибо Совѣтъ уже окончательно предрѣшилъ его. Остатокъ вечера прошелъ въ бесѣдѣ о ректорствѣ и тутъ же С. Н., самъ волнуясь и при большомъ волненіи всѣхъ присутствовавшихъ, сознававшихъ важность рѣшавшагося вопроса, заявилъ, что онъ не откажется отъ выборовъ и приметъ назначеніе. На слѣдующій день Трубецкой былъ избранъ. Сказанная имъ тогда рѣчь также помѣщена въ сборникѣ его сочиненій.

За короткій срокъ ректорства Трубецкого, ему съ выбраннымъ тогда же въ помощники ректора А. А. Мануиловымъ пришлось пережить не мало волненій и хлопотъ. Студенчество не успокоилось и при новомъ режимѣ, что было понятно и ожидалось Трубецкимъ, такъ какъ движеніе университетской молодежи къ этому времени уже вышло изъ рамокъ академическихъ требованій и, отражая на себѣ общее настроеніе, приняло характеръ политическій. Но чѣмъ бы студенческія выступленія ни были вызваны, съ ними надо было бороться, считаясь въ то же время съ требованіями администраціи, и, наконецъ, приходилось вводить новый режимъ. Всему этому С. Н. отдался полностью. Это время профессоръ Мануиловъ описываетъ такъ:

„Трубецкой не былъ только теоретикомъ университетской автономіи. Когда наступило время проводить ее въ жизнь, онъ не остановился передъ практическимъ дѣломъ, вполнѣ сознавая его громадныя трудности. Онъ имѣлъ мужественную рѣшимость взяться за него и, сдѣлавшись ректоромъ, со всей страстностью своей натуры сталъ проводить принципы, отъ осуществленія которыхъ ожидалъ возрожденія школы. Эти принципы стали традиціей Московскаго университета. Убѣжденный защитникъ идеи, что университетъ долженъ служить только наукѣ, С. Н. не страшился открыто высказывать и проводить эту идею, которая въ то время далеко не была популярной. Мужество и прямота были его отличительными чертами. Онъ не боялся высказывать своихъ взглядовъ, какъ бы они ни расходились съ мнѣніями и настроеніемъ большинства. Онъ былъ въ этомъ отношеніи человѣкомъ исключительной силы. Этимъ свойствомъ С. Н. объясняется крупное значеніе его кратковременнаго ректорства: извѣстно, что онъ былъ ректоромъ всего 27 дней. Мнѣ вспоминается послѣдняя поѣздка С. Н. въ Петербургъ. Она была связана съ дѣломъ устройства университета на новыхъ началахъ. Мы возлагали на нее большія надежды. Въ день отъѣзда С. Н. происходило засѣданіе правленія, послѣднее подъ его предсѣдательствомъ. Засѣданіе кончилось поздно, онъ спѣшилъ. Мы напутствовали его добрыми пожеланіями и простились съ нимъ. Мы не знали, что простились навсегда...“

Скончался С. Н. въ Петербургѣ 29 сентября, на второй день своего пріѣзда. Онъ былъ какъ разъ у Министра Народнаго Просвѣщенія и развивалъ предъ нимъ планъ намѣченныхъ имъ реформъ. и тутъ вдругъ его собесѣдникъ замѣтилъ, что С. Н. сталъ говорить невнятно, а затѣмъ опустилъ голову и словно задремалъ. Присутствовавшіе послали немедленно за врачомъ, и С. Н., бывшаго въ полубезсознательномъ состо-

янія, отвезли въ больницу гдѣ онъ, не приходя въ полное сознаніе, къ вечеру того же дня скончался, какъ выяснилось при произведенномъ вскрытіи тѣла, отъ кровоизліянія въ полость мозга, вызваннаго, на почвѣ сильнаго склероза сосудовъ, общимъ переутомленіемъ.

Смерть С. Н. была жестокимъ ударомъ, поразившимъ не только семью его, близкихъ друзей, профессуру и студенчество Московскаго Университета, но и все русское общество, наиболѣе прогрессивная часть котораго провидѣла въ лицѣ Трубецкого своего вождя, того, кто въ нужный историческій моментъ съумѣлъ бы объединить только что зародившіяся, но уже начавшія взаимную борьбу, партіи и создать пріемлемую для представителей власти съ одной стороны, и общества съ другой, политическую программу и могъ бы съ достаточнымъ авторитетомъ занять, при ожидавшемся введеніи представительнаго строя, выдающійся постъ. Похороны Трубецкого еще памятны, думается, Москвичамъ; эта церемонія, длившаяся съ утра до поздняго вечера, грандіозностью своей по массѣ народа, принявшаго въ ней участіе, превзошла все бывавшее прежде при отдачѣ послѣдняго долга выдающемуся человѣку. Это не было прощаніе съ человѣкомъ науки, съ первымъ выборнымъ ректоромъ, толпа казалось чествовала наиболѣе память отошедшаго въ вѣчность политическаго дѣятеля. Этотъ оттѣнокъ, даже со стороны части студенчества, вызывался между прочимъ возбужденнымъ настроеніемъ населенія, въ то время уже близкомъ революціонному. Во время медленнаго движенія похоронной процессіи въ рядахъ, сопровождавшихъ ее, раздавалось молитвенное пѣніе, но временами звучали такія пѣсни, какъ „Марсельеза" и „Вы жертвою пали", что отнюдь не совпадало съ направленіемъ покойнаго, такъ же, какъ то обстоятельство, что во время его отпѣванія въ университетской церкви, въ томъ же

зданіи, въ нѣсколькихъ аудиторіяхъ раздавались такія же пѣсни. На гробъ С. Н. были возложены и вѣнки съ бѣлыми лиліями, и вѣнки съ ярко красными лентами, — цвѣтъ, который С. Н. никогда не признавалъ „своимъ“. Эти явленія, хотя они и сопровождали похороны С. Н., не относились лично къ нему, они были неизбѣжной тогда данью времени.

Я уже говорилъ о томъ, что научная работа, хотя и составлявшая главное содержаніе жизни С. Н., не поглощала его полностью, и его впечатлительная натура не оставалась равнодушной къ тому, что совершалось кругомъ него въ общественномъ отношеніи и не только по дѣламъ университета, но и въ другихъ сферахъ. А все, что совершалось въ то время,—я говорю про періодъ съ 1896 по 1905 годъ,—вызывало энергичные протесты со стороны С. Н., направлявшіеся имъ одинаково и въ сторону реакціонной политики правительства, и въ сторону той части общества, настроеніе и выступленія которой представлялись С. Н. ошибочными, вредными и преувеличенными, могущими затормозить или даже остановить начавшееся поступательное движеніе. Трубецкой говорилъ про себя, что онъ „консерваторъ“, что выражалось въ томъ, что онъ въ религіозномъ отношеніи былъ человѣкъ глубоко вѣрующій, а въ отношеніи общественнаго и политическаго прогресса стоялъ за достиженіе его путемъ эволюціи, а не революціи. Взгляды и убѣжденія Трубецкого по общественнымъ вопросамъ хорошо извѣстны, и я на изложеніи ихъ останавливаться не буду, сославшись на многочисленныя статьи С. Н. по этимъ вопросамъ, печатавшіяся въ свое время въ газетахъ и журналахъ и включенныя въ настоящее время въ полное собраніе его сочиненій. Приведу лишь небольшія выдержки изъ статьи, написанной имъ всего за 3 мѣсяца до кончины, въ маѣ 1905 года для журнала „Московская Недѣля“, редакторство котораго С. Н. взялъ-было на себя.

„Среди военной грозы, среди тяжкихъ внутреннихъ потрясеній взошла заря нашего обновленія, заря великихъ и трудныхъ дней. Есть сознаніе, что необъятное поле раскрывается предъ нами все шире и шире, что оно зоветъ работниковъ, что теперь можно жить и умереть для великаго, свѣтлаго дѣла. Мы не знаемъ еще, каковъ будетъ разливъ, но мы знаемъ, что и воды разлива сойдутъ... Намъ нуженъ внѣшній и внутренній миръ, миръ центра и миръ нашихъ окраинъ, миръ политическій и соціальный. И во главѣ вопросовъ внутренней жизни сталъ вопросъ о коренной политической реформѣ, объ устроеніи политической свободы Россіи на началахъ народнаго представительства... Только такая реформа выведетъ насъ изъ того состоянія анархіи и смуты, въ которомъ мы живемъ, дастъ намъ истинный, прочный государственный порядокъ и сильную, авторитетную правительственную власть, столь необходимую для осуществленія всѣхъ прочихъ неотложныхъ реформъ... Народное представительство должно обезпечить внутренній миръ страны, столь глубоко возмущенный, и скрѣпить внутренними узами единство разнообразныхъ частей великой Имперіи; оно должно обезпечить прочный государственный порядокъ, свободу и права всѣхъ гражданъ безъ различія племени и вѣроисповѣданія и оно должно служить залогомъ широкаго развитія мѣстнаго и областного самоуправленія".

Въ приведенныхъ словахъ сказывается политическое credo Трубецкого. Оно было высказано въ передовой статьѣ перваго номера отъ 12 мая 1905 г. задуманнаго С. Н. еженедѣльнаго періодическаго изданія „Московская Недѣля". Она должна была служить печатнымъ органомъ кружка прогрессистовъ, собравшагося подъ знаменемъ Трубецкого, въ которомъ участвовали, работая непосредственно въ журналѣ, слѣдующія лица: профессоръ В. И. Вернадскій, профессоръ М. Я. Герценштейнъ, Ф. А. Головинъ, приватъ-доцентъ Н. В. Давыдовъ, князья Павелъ и Петръ Д.

Долгоруковы, приватъ-доцентъ Ф. Ф. Кошкинъ, А. А. Корниловъ, приватъ-доцентъ С. А. Котляревскій, Н. Н. Львовъ, профессоръ А. А. Мануиловъ, С. А. Муромцевъ, профессоръ П. И. Новгородцевъ, приватъ-доцентъ Г. К. Рахмановъ, Ю. А. Новосильцевъ, И. И. Петрункевичъ, В. А. Розенбергъ, профессора князья С. Н. и Е. Н. Трубецкіе, профессоръ В. М. Хвостовъ, князь Д. И. Шаховской и В. С. Якушкинъ. Журналъ долженъ былъ служить, будучи независимымъ, правдивымъ, безпартійнымъ, къ укрѣпленію порядка, установленію въ Россіи правового режима, дѣйствительной свободы совѣсти, слова и печати, къ уничтоженію абсолютизма, произвола и насилія, откуда бы они ни исходили, къ упорядоченію низшей, средней и высшей школы и проведенію необходимыхъ реформъ въ администраціи, церкви, судѣ и мѣстномъ самоуправленіи. Но какъ ни странно,— мирно и правомѣрно настроенный органъ печати не могъ осуществиться: первый же напечатанный № вызвалъ арестъ его цензурнымъ вѣдомствомъ и возбужденіе преслѣдованія противъ Трубецкого по 1035 ст. Уложенія о наказаніяхъ, при чемъ той же участи подверглись и послѣдующіе 2 и 3 №№ „Недѣли“. Для выясненія причины столь свирѣпаго и явно несоотвѣтствующаго содержанію журнала отношенія правительственной цензуры къ „Московской Недѣлѣ“ С. Н. отправился въ Петербургъ, гдѣ въ Главномъ управленіи по дѣламъ печати ему было высказано, что журналъ признается вѣдомствомъ вреднымъ на томъ основаніи, что онъ, идя по курсу нежелательному съ точки зрѣнія правительства, слишкомъ умѣренъ, вѣрнѣе недостаточно радикаленъ и, будучи органомъ солиднымъ, тѣмъ самымъ (т. е. своею умѣренностью) и опасенъ, что еще усугубляется именами лицъ, принимающихъ въ немъ участіе. Трубецкой и члены редакціи, убѣдившись такимъ образомъ въ тщетѣ своего начинанія, рѣшили прекратить изданіе; преслѣдованіе Трубецкого по 1035 ст. Уложенія о наказаніяхъ, оказавшееся какимъ - то

„академическимъ“, ибо, какъ говорили въ цензурномъ вѣдомствѣ, оно возбуждено лишь для рѣшенія судомъ вопроса о томъ, представляется ли содержаніе № 1 „Недѣли“ преступнымъ, было, конечно, судомъ прекращено и арестъ съ „Недѣли“ снятъ; но послѣднее состоялось уже послѣ смерти С. Н.

Дѣятельность С. Н. по общественнымъ вопросамъ не ограничилась, какъ извѣстно, университетской реформой и многочисленными статьями; группа общественныхъ работниковъ, къ которой въ началѣ ея организаціи принадлежалъ,—вѣрнѣе даже создалъ ее, Д. Н. Шиповъ, устроившая извѣстные земскіе съѣзды и позднѣйшія собранія, привлекла С. Н. въ виду выдающихся качествъ его, какъ смѣлаго и твердаго борца за идею и правое дѣло, въ свою среду, гдѣ онъ не разъ выступалъ, произнося рѣчи, и въ молчаливомъ согласіи признала его своимъ предсѣдателемъ. Съ выдающимся успѣхомъ имъ было исполнено порученіе этой группы представить Государю во время аудіенціи членовъ ея въ Царскомъ Селѣ, словесный докладъ объ общемъ положеніи Россіи и о желательныхъ реформахъ.

Законченныя научныя работы С. Н. напечатаны въ посмертномъ изданіи его твореній, но преждевременная смерть, унесшая его въ возрастѣ сорока трехъ лѣтъ, оборвала его творчество и работу его философской мысли въ моментъ ея развитія, далекаго еще до послѣдняго слова. Въ лицѣ С. Н. наука и религіозная мысль понесли тяжелую и невознаградимую потерю.

И еще черта: отдаваясь научной работѣ, отчасти публицистикѣ, университету, участвуя въ общественной дѣятельности, а въ то же время не запираясь отъ сношеній съ коллегами и друзьями, С. Н. находилъ достаточно времени и для своей семьи, въ тѣсномъ кругу которой онъ особенно любилъ проводить сколько-нибудь свободные часы, лично слѣдя за воспитаніемъ дѣтей.

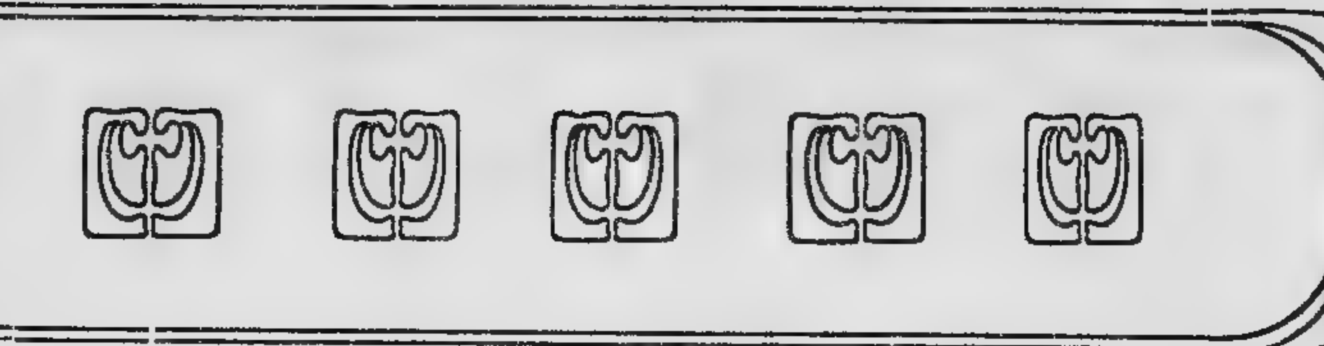
Супруга С. Н. Прасковья Владиміровна (она

скончалась 24 ноября 1914 г.), богато одаренная отъ природы духовными качествами, была ближайшимъ другомъ и совѣтникомъ мужа не только во всѣхъ обстоятельствахъ ихъ личной жизни и по вопросамъ воспитанія дѣтей, но и по отдѣлу научныхъ и литературныхъ работъ его. Обладая твердымъ характеромъ, выдающеюся правдивостью, какъ бы культомъ правды, сознаніемъ необходимости строгаго исполненія лежащихъ на человѣкѣ прирожденныхъ и принятыхъ на себя обязанностей, Прасковья Влидиміровна благотворно вліяла на С. Н., помогая ему въ разрѣшеніи встрѣчавшихся на его пути сложныхъ жизненныхъ вопросовъ, поддерживая въ немъ бодрость и энергію въ борьбѣ съ тѣмъ, что она правильно и въ полномъ единеніи съ нимъ считала зломъ. Людямъ постороннимъ, мало знавшимъ Прасковью Владиміровну, она казалось женщиной гордой, холодной, чуждой общественности, заинтересованной только своимъ семейнымъ кругомъ. Но на самомъ дѣлѣ это было далеко не такъ: Прасковья Владиміровна обладала несомнѣнной добротой и человѣколюбіемъ, которыя и проявляла въ заботахъ и хлопотахъ о лицахъ, нуждавшихся въ помощи; она раздѣляла чувство дружбы мужа къ людямъ близкимъ ему и внѣ ихъ семейнаго круга, и въ обществѣ ихъ была обаятельна, привлекая хорошо знавшихъ ее природнымъ умомъ, благородствомъ мыслей и серьезнымъ развитіемъ. Она обладала выдающимися музыкальными способностями и вкусомъ и виртуозно играла на фортепіано.

Оканчивая этотъ очеркъ, посвященный дорогому и близкому мнѣ С. Н. Трубецкому, я боюсь, что мнѣ не удалось оживить предъ читателемъ личность его, дать почувствовать удивительную его обаятельность и человѣчность, привлекавшую къ нему сердца и умы людей; задача эта, пожалуй, вообще не по силамъ простому печатному слову и можетъ быть выполнена лишь на почвѣ художественнаго творчества.

III.

Изъ воспоминаній о В. С. Соловьевѣ.

III

Изъ воспоминаній о В. С. Соловьевѣ.

Остановившись въ воспоминаніяхъ моихъ на личности С. Н. Трубецкого, я вижу въ прошломъ, рядомъ съ нимъ покойнаго друга его, философа Владиміра Сергѣевича Соловьева, внутренній и внѣшній обликъ котораго, у каждаго, кто его зналъ, не могъ не остаться рельефно врѣзаннымъ въ памяти. Высокій (въ сущности лишь казавшійся высокимъ), тонкій, изящный, съ головой пророка и блѣднымъ красивымъ лицомъ, обрамленнымъ длинными, спадавшими волосами, онъ напоминалъ Іоанна Крестителя на картинѣ Иванова и производилъ взглядомъ большихъ, казавшихся синими, глазъ своихъ, блестѣвшихъ иной разъ въ бесѣдѣ вдохновеніемъ, поразительное впечатлѣніе. Нельзя было усомниться, увидавъ Соловьева, что передъ вами особый человѣкъ, — пророкъ, геніальный поэтъ... На немъ лежала печать высшей духовной силы и одаренности; не показалось бы невѣроятнымъ, если бы вокругъ его лба засіяли лучи. Такимъ былъ Соловьевъ, когда я послѣ долгаго перерыва встрѣтилъ его вновь, уже зрѣлымъ мужемъ, въ Москвѣ у Трубецкихъ; но я помню его еще совсѣмъ юнымъ студентомъ, еще не установившимся, „ищущимъ", но уже и тогда обѣщавшимъ выйти на особую дорогу, освѣтивъ ее своимъ дарованіемъ.

Я былъ товарищемъ по университету со старшимъ братомъ Владиміра Сергѣевича, Всеволодомъ, авторомъ, впослѣдствіи, нѣсколькихъ, охотно читавшихся въ свое время большою публикою, историческихъ романовъ, и

хорошо помню отца его С. М. Соловьева, лекціи котораго по русской исторіи мнѣ пришлось слушать на первомъ курсѣ юридическаго факультета, лекціи, полныя интереса, читавшіяся имъ торжественно громкимъ

звучнымъ голосомъ, почему то прервавшіяся со второго семестра. Нѣсколько разъ я его встрѣчалъ и внѣ университета (въ шестидесятыхъ годахъ), а именно лѣтомъ въ подмосковной дачной мѣстности около деревни Иванькова и великолѣпной усадьбы княгини Шаховской. Встрѣчалъ я его въ тамошнемъ паркѣ, гуляющимъ неизмѣнно со своей семьей,—важнаго и величаваго, красиваго старца съ бѣлой бородой, производившаго впечатлѣніе удивительнаго спокойствія и уравновѣшенности. Съ В. С. я познакомился у Ф. Л. Соллогуба въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Обоихъ этихъ талантлид выхъ людей, т огда еще совсѣмъ молодыхъ, столь раз ныхъ, казалось бы, по воззрѣніямъ, по отношенію хотя бы къ религіи, ко всему мистическому, по самой ихъ жизни и интересамъ, связывала большая дружба, выросшая на почвѣ какой то общности даже въ ихъ разномысліи; общность эта, очевидно, происходила отъ склонности обоихъ ко всему художественному, къ фантастикѣ, къ поэзіи въ особенности, и отъ потребности въ созданіи поэтическихъ образовъ въ стихотворной формѣ и въ такомъ же творчествѣ, но юмористическаго характера, въ духѣ Кузьмы Пруткова, которымъ оба одинаково восхищались. Оба написали небольшія стихотворенія подъ заглавіемъ „Чѣмъ люди живы;“ въ нихъ, несмотря на указанное уже мною коренное различіе міровоззрѣнія авторовъ тоже чувствуется нѣкоторая общность. Стихотвореніе Соллогуба „Чѣмъ люди живы“ приведено мною въ очеркѣ, посвященномъ ему (Въ первомъ томѣ моей книги „Изъ прошлаго“), и я его цитировать здѣсь не буду, а вотъ два первыхъ четверостишія хранящагося у меня въ подлинникѣ наброска Соловьева на ту же тему:

Люди живы Божьей лаской,
Что на всѣхъ незримо льется,
Божьимъ словомъ, что безмолвно

Во вселенной раздается.
Люди живы той любовью,
Что атомъ къ атому тянетъ,
Что надъ смертью торжествуетъ
И въ аду не перестанетъ...

Соллогубъ написалъ интереснѣйшую поэму, придавъ ей драматическую форму, „Соловьевъ въ Фиваидѣ“, (содержаніе и отрывки поэмы приведены въ первомъ томѣ моей книги), къ сожалѣнію не закончивъ ее, и въ этой „мистеріи“ изобразилъ борьбу діавола съ Соловьевымъ и побѣду послѣдняго. Поэма, талантливо написанная, интересная въ массѣ художественныхъ мелочей и остроумныхъ подробностей, во всемъ, что касается главнаго ея содержанія,—то есть борьбы Соловьева съ духомъ зла, изложена въ шуточной, юмористической формѣ, представляетъ изъ себя кякъ бы каррикатуру на Соловьева въ его вѣрѣ въ реальное существованіе діавола, а между тѣмъ В. С., убѣжденно говорившій о діаволѣ, какъ о чемъ то дѣйствительно существующемъ, очень оцѣнилъ поэму Соллогуба, жалѣлъ, что она не закончена и распространялъ ее между знакомыми. У меня хранится письмо В. С, къ одной его хорошей знакомой, въ которомъ встрѣчается такое мѣсто:

Соловьева въ Фиваидѣ
Вамъ списали въ лучшемъ видѣ
Въ черную тетрадь.

Иронизированіе Соллогуба надъ борьбой Соловьева съ діаволомъ не только не огорчало его, но напротивъ сближало съ Соллогубомъ, который, въ противоположность В. С., не вѣря въ духовную сторону „спиритизма“, охотно посѣщалъ спиритическіе сеансы и дружилъ съ медіумами профессіоналами и дилетантами, интересуясь технической стороной дѣла, тѣмъ какъ эти господа

производятъ тѣ и другія явленія. Соловьевъ, напротивъ, допуская шарлатанство и обманы со стороны медіумовъ, не сомнѣвался, однако, въ возможности реальнаго проявленія сношеній духовнаго міра съ нашимъ и самъ на себѣ не разъ испытывалъ такое проявленіе. Соллогубъ писалъ, напримѣръ:

Насталъ полночи часъ...
Забыли черти насъ!
Стоитъ недвижимъ столъ,
Не слышно стука въ полъ.
Сѣлъ „нѣкто" на диванъ,
И стукнуло въ стаканъ —
Слуга то невзначай
Имъ двинулъ, ставя чай.
Увы внутри столовъ
Нѣтъ больше дьяволовъ!

А Соловьевъ не разъ говорилъ, что иногда ему приходится, когда онъ остается одинъ въ комнатѣ или даже при другихъ, явственно слышать легкіе удары въ окружающіе его предметы, не производимые находящимися тутъ же или невдалекѣ лицами. С. Н. Трубецкой разсказывалъ мнѣ, что разъ, когда онъ вдвоемъ съ Соловьевымъ ужиналъ въ общей залѣ какого то ресторана, В. С. во время оживленнаго разговора, внезапно поблѣднѣвъ, откинулся, замолчавъ, на спинку стула и такъ пробылъ нѣкоторое время съ закрытыми глазами, какъ бы въ безсознательномъ состояніи. С. Н. не нарушилъ его, а когда Соловьевъ раскрылъ глаза и „ожилъ", онъ сообщилъ, что ему представилось видѣніе,—кто-то несуществующій приходилъ къ нему. Было такъ, что Соловьевъ вѣрилъ въ ближайшее сосѣдство надземнаго міра, а Соллогубъ не только не вѣрилъ, но иронизировалъ надъ этимъ и выставлялъ Соловьева въ смѣшномъ видѣ, а между тѣмъ они въ совершенствѣ

понимали другъ друга и очень любили быть во взаимномъ обществѣ.

Соловьевъ обладалъ въ молодости сердцемъ, отдававшимся порою чувству любви, именуемой платонической; Соллогубъ тоже съ своей стороны легко увлекался, но онъ не признавалъ исключительно духовной близости съ женщиной и доказывалъ, опираясь на природу человѣка, въ равной степени обладающаго духовными и физическими наклонностями, необходимость въ настоящемъ чувствѣ любви единенія обѣихъ сторонъ человѣка—духовной и физической. Въ этомъ они опять радикально расходились, и Соллогубъ опять таки не воздержался отъ стихотворнаго выпада въ сторону Соловьева, написавъ слѣдующее:

Подражаніе Фирдуси.

(Посвяшается В. С. Соловьеву).

Пара спати: Гдѣ же? Осмѣлюсь спросить высоко опоясаннаго господина моего?
За предѣлами сущаго...
Изъ санскритской драмы: „Облако мысли“,

—

„Небольшія стаи кряковыхъ утокъ окончательно разбиваются на пары, понимаются и дѣлаются смирнѣе“.
Аксаковъ „Записки охотника“.

Не унывай пѣвецъ! Омойся, остригися!
И тусклый свой сапогъ вновь лакомъ наведи.
Для лиры новою струной обзаведися
И пѣсни новыя на новый ладъ веди.
Не для тебя зима, не для тебя морозы,
Пѣвцамъ не суждена холодной ночи мгла,
Для нихъ цвѣтутъ весь годъ въ садахъ Богдада розы

И сладкій имъ шербетъ красотка припасла.
Съ высокой грудію, съ очами антилопы,
Она весь день толчетъ и мнетъ рахатъ-лукумъ.
Ты юной дѣвѣ въ честь—весь день скандируй стопы
Подъ сладкій ступки стукъ и лавра легкій шумъ.
Въ тѣни зеленыхъ рощъ и благовонныхъ кущей
Пускай она толчетъ! А ты ей пой, да пой,
Пока толкомое не станетъ сладкой гущей,
Доколь пѣвомое не станетъ чепухой.
Достигнувши сего,—печали позабывши,
Хватай ее, о другъ, безтрепетной рукой,
И жизни тайный смыслъ ей трепетно прививши,
Ты вкусишь творчества торжественный покой.

Соловьевъ, получивъ это стихотвореніе, много смѣялся, такъ же какъ надъ рисункомъ Соллогуба, на которомъ В. С. изображенъ въ видѣ воспѣтаго самимъ же Соловьевымъ пророка, одѣтаго въ мантію изъ двухъ рогожекъ, окруженнаго недоумѣвающими собаками, между тѣмъ какъ къ нему, видимо въ видахъ ареста пророка, перелѣзаетъ черезъ заборъ, городовой. Стихотвореніе, о которомъ я говорю, напечатано, но я напомню его читателямъ этого очерка.

Пророкъ.

Угнетаемый насиліемъ
Черни дикой и тупой
Онъ питался сухожиліемъ
И яичной скорлупой.
Изъ кулей рогожныхъ мантію
Онъ себѣ соорудилъ
И всецѣло въ некромантію
Умъ и сердце погрузилъ.
Со стихіями надзвѣздными
Онъ въ сношенія вступалъ,

Проводилъ онъ дни надъ безднами
И въ болотахъ ночевалъ.
А когда, порой, въ селенія
Онъ задумчиво входилъ,
Всѣхъ собакъ въ недоумѣніе
Образъ дивный приводилъ.
Но органами правительства,
Бывъ безъ вида обрѣтенъ,
Тотчасъ онъ на мѣсто жительства
По этапу водворенъ.

Рисунокъ Соллогуба достоинствами своими не уступалъ стихотворенію, его вдохновившему, а это произведеніе юмористической музы В. С. нельзя не признать классическимъ по отдѣлу подобныхъ твореній. Оно было написано Соловьевымъ, кажется, по поводу бывшаго съ нимъ эпизода, закончившагося тѣмъ, что его было арестовали въ Петербургѣ, поѣхавъ куда, онъ забылъ захватить паспортъ, и его выручилъ уже изъ бѣды близкій ему князь А. Д. Оболенскій, занимавшій въ то время видный постъ въ Петербургѣ.

И С. Н. Трубецкой и Ф. Л. Соллогубъ отличались разсѣянностью и малою заботой лично о себѣ и мелкихъ удобствахъ жизни, а Соллогубъ до кончины не зналъ, какъ велики его личныя матерьяльныя средства и не придавалъ никакого значенія деньгамъ. Но эти черты нашли полное свое развитіе именно въ личности В. С. Онъ нерѣдко совершенно забывалъ о томъ, что нормально люди каждодневно и регулярно обѣдаютъ, а въ большинствѣ еще и завтракаютъ или ужинаютъ, и питался чѣмъ и какъ придется, пропуская въ этомъ отношеніи даже сутки и больше. Соловьевъ поступалъ такъ вовсе не по соображеніямъ аскетизма,—аскетомъ онъ не былъ и съ точки зрѣнія принципа не считалъ нужнымъ избѣгать вкусной кухни и тонкихъ напитковъ; но *потребности* въ баловствѣ подобнаго рода онъ не

ощущалъ и отсутствіе удобствъ жизни его не безпокоило. Къ деньгамъ онъ относился тоже очень своеобразно: средства Соловьева были весьма ограниченныя, онъ жилъ почти исключительно литературнымъ заработкомъ. Но когда онъ получалъ гонораръ, то есть становился временнымъ обладателемъ нѣкоторой денежной суммы,—онъ тратилъ деньги, какъ будто капиталу его не было предѣловъ и онъ прирожденный богачъ. Совсѣмъ не любовь къ роскоши или желаніе произвести впечатлѣніе тратами руководили тутъ В. С., а скорѣе чувство ничтожества денегъ, пренебреженіе къ власти ихъ и самая простая мысль—разъ какъ есть деньги, надо ихъ тратить, ибо таково ихъ назначеніе. Просившему у Соловьева денегъ взаймы или прямо въ видѣ дара и помощи,—разъ какъ В. С. былъ въ этотъ моментъ „богачемъ",—не бывало отказа и, конечно, при такихъ условіяхъ матерьяльная обезпеченность В. С. длилась не долго.

Не подлежитъ сомнѣнію, что образъ жизни Соловьева,—онъ прожилъ жизнь холостякомъ,—напоминавшій существованіе пророка, описаннаго въ приведенномъ мною стихотвореніи (одежда изъ рогожи, питаніе—яичная скорлупа и ночлегъ—болота), содѣйствовалъ зарожденію и развитію въ немъ болѣзней, сведшихъ его преждевременно въ могилу. Онъ не обращалъ никакого вниманія на случавшееся съ нимъ нездоровье, самъ никогда къ врачебной помощи не обращался, а къ тому же жилъ, не считаясь съ нормальными, здоровыми условіями жизни. Едва ли когда либо онъ провелъ цѣлую ночь во снѣ; обычно онъ работалъ,—а читалъ и писалъ В. С. невѣроятно много,—ночью, уснувъ немного лишь съ вечера. Слабый на видъ организмъ его какъ будто не зналъ утомленія, физическая сторона его побѣждалась въ полной мѣрѣ духовной, и В. С. дѣйствительно не замѣчалъ усталости и не обращалъ на нее вниманія, какъ и на другія физическія явленія и ощу-

щенія, съ которыми на самомъ дѣлѣ ему, при малѣйшей заботѣ о себѣ, было бы необходимо считаться.

В. С, несомнѣнно первый по значенію въ наукѣ русскій мыслитель и, хотя сущность его заключалась именно въ философіи и религіозной вѣрѣ, былъ въ жизни, въ промежуткахъ между работой, человѣкомъ общительнымъ, оживленнымъ, любившимъ общество и охотно проводившимъ время въ кругу друзей за веселой бесѣдой, въ которую онъ вносилъ свойственный ему юморъ и фантазію. Онъ охотно бывалъ въ дамскомъ обществѣ, велъ съ друзьями обоего пола большую оживленную переписку, въ высшей степени интересную и остроумную, наполняя письма небольшими стихотворными экспромтами; его цѣнили поэтому не только въ „академической" средѣ, между профессорами и учеными, но и въ разнообразныхъ слояхъ общества. Поэтому у В. С. было много друзей, особенно знакомыхъ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, но, хотя онъ чаще жилъ въ Петербургѣ, симпатизировалъ онъ больше Московской жизни и часто бывалъ въ Москвѣ. Особенно близкими ему людьми были Москвичи профессора Л. М. Лопатинъ, С. Н. Трубецкой, В. П. Преображенскій и Н. Я Гротъ. У В. С. легко было вызвать смѣхъ, а смѣялся онъ очень громко и долго, почти истерично, о чемъ даже предупреждалъ, бывая гдѣ нибудь въ семейномъ домѣ въ первый разъ.

Въ 1896 году В. С. читалъ у С. Н. Трубецкого по только что законченной имъ рукописи свои „три разговора",—произведеніе, въ которомъ онъ между прочимъ полемизируетъ съ Л. Н. Толстымъ, съ которымъ онъ всегда ярко расходился въ воззрѣніяхъ. Мнѣ думается, что это расхожденіе съ Толстымъ зависѣло у обоихъ писателей отъ радикальнаго различія ихъ натуръ, оно образовывалось первоначально скорѣй подъ вліяніемъ чувства, чѣмъ строгой умственной посылки, которая уже являлась потомъ, чтобы подкрѣпить, подыскавъ нуж-

ныя положенія, почувствованное. Соловьевъ-мистикъ, вѣрующій поэтъ, испытывавшій явленія „видѣній“, слышавшій вокругъ себя необъяснимыя звуки, *не могъ* быть единомышленникомъ Толстого-реалиста, отвергающаго все „чудесное“, все, не принимаемое его разумомъ. Но для меня, въ самой ихъ глубинѣ, оба они были люди одной вѣры, всю свою жизнь отдавшіе исканію истины и служенію добру.

Кромѣ супруговъ Трубецкихъ при чтеніи Соловьевымъ его произведенія присутствовали я и Л. М. Лопатинъ. По окончаніи (кажется чтеніе длилось два вечера) и по поводу его возникли, конечно, пренія, и я—прирожденный толстовецъ—потщился было отстаивать предъ тремя философами взгляды Льва Николаевича; но эта смѣлая попытка очень быстро окончилась совершеннымъ разгромомъ выдвинутыхъ мною положеній и я, побѣжденный, но не убѣжденный неотразимыми доводами моихъ противниковъ,—они же друзья,—замолчалъ.

Послѣднее мое свиданіе съ В. С. состоялось при очень странной обстановкѣ дней за десять съ небольшимъ предъ его кончиной. Это было 15 іюля 1900 г. Я тогда еще состоялъ Предсѣдателемъ Московскаго Окружнаго Суда и оставался, безъ семьи, одинъ въ Москвѣ, въ ожиданіи моего ваканта, начинавшагося 17 іюля. С. Н. Трубецкой лѣто это проводилъ съ семьей въ „Узкомъ“, подмосковномъ имѣніи единокровнаго брата своего П. Н. Трубецкого, который пребывалъ въ другомъ своемъ имѣніи, на Дону. Еще наканунѣ я по телефону, имѣющемуся въ „Узкомъ“, сговорился съ Трубецкимъ о томъ, что пріѣду къ нему 15-го въ Узкое, отстоящее отъ Москвы верстахъ въ 14, обѣдать часамъ къ пяти.

Вернувшись домой изъ Окружнаго Суда въ третьемъ часу, я замѣтилъ, что въ передней на вѣшалкѣ кромѣ моего пальто виситъ чья-то „разлетайка“. На

вопросъ мой, кто это у меня, старый и добродушный служитель мой Иванъ невозмутимо отвѣтилъ: „Не знаю, больной какой-то“, а на вопросъ, да гдѣ же онъ, объяснилъ.—„въ кабинетѣ Вашемъ лежитъ, конечно“. На восклицаніе мое, какъ же это ты пускаешь ко мнѣ въ кабинетъ незнакомыхъ больныхъ, Иванъ ничего не отвѣтилъ, и я отправился въ кабинетъ. Тамъ на широкомъ и низкомъ диванѣ дѣйствительно лежалъ незнакомецъ, обернувшись лицомъ къ стѣнѣ и такъ положивъ голову на принесенную ему Иваномъ съ моей постели подушку, что я лица его не могъ разглядѣть, но замѣтилъ только, что незнакомецъ былъ коротко остриженъ. Я постоялъ надъ нимъ, кашлянулъ, что то громко сказалъ, но лежавшій человѣкъ молчалъ и не мѣнялъ позы. Я совершенно растерялся, не зная, что надо въ подобныхъ странныхъ случаяхъ дѣлать (не караулъ же кричать!), но въ это время больной обернулся, взглянулъ на меня, и я узналъ въ немъ Владиміра Сергѣевича.

Онъ очень измѣнился, что зависѣло, главнымъ образомъ оттого, что онъ остригъ обычно длинные волосы свои, а кромѣ того онъ былъ смертельно блѣденъ. На вопросъ, что съ нимъ, В. С. отвѣтилъ, что сейчасъ чувствуетъ морскую болѣзнь, и что ему надо немного отлежаться, а что завернулъ онъ ко мнѣ, пріѣхавъ нынче изъ Петербурга, такъ какъ въ редакціи журнала „Вопросы философіи и психологіи“, ему сказали, что я ѣду нынче къ Трубецкому, куда онъ проситъ и его захватить. Я, конечно, согласился, но В. С. былъ настолько плохъ на видъ, что я усомнился въ возможности везти его въ „Узкое“ и отправился на телефонъ, чтобы спросить у Трубецкого совѣта. С. Н. отвѣтилъ, что если у Соловьева тошнота и головокруженіе, то его можно везти, что такія явленія у него бываютъ не рѣдко, какъ результатъ малокровія мозга. Я предупредилъ Трубецкого, что мы запоздаемъ и пошелъ къ Соловьеву;

онъ продолжалъ лежать, пилъ глотками содовую воду, иногда словно забывался, но черезъ мгновеніе уже болталъ, сообщивъ мнѣ между прочимъ, что получилъ въ редакціи „Вопросовъ“ авансъ, чему чрезвычайно радъ, такъ какъ это компенсируетъ полученную въ день именинъ (15 іюля—празднованіе Св. Владиміра) болѣзнь; это онъ даже передалъ въ формѣ четверостишія, которое я не записалъ и забылъ.

Совсѣмъ недавно, уже послѣ написанія этой статьи и по поводу ея, я получилъ письмо отъ работавшаго въ 1900 году въ редакціи „Вопросовъ философіи и психологіи“ въ качествѣ секретаря Ю. И. Айхенвальда, въ которомъ приведено четверостишіе, о которомъ говорю; В. С. самъ записалъ его 15 Іюля въ редакціи журнала и просилъ передать Ю. И. Айхенвальду. Вотъ это четверостошіе, хранящееся въ подлинникѣ у Айхенвальда:

Свою къ журналу близость ощущаю.
Она отнынѣ для меня не миѳъ:
„На чай“ въ казенныхъ „знакахъ“ получивъ,
Я пью еще стаканъ естественнаго чая.

Почетный имениникъ психологическаго общества и его журнала. *Владимиръ Соловьевъ*

15 іюля 1900 г. Москва.

Время шло, а В. С. просилъ дать ему еще полежать; уже было больше пяти часовъ, и я предложилъ Соловьеву, отложивъ поѣздку въ Узкое, остаться и переночевать у меня, а къ Трубецкому отправиться завтра. Но онъ ни за что не соглашался отложить до слѣдующаго дня посѣщеніе Трубецкого и наконецъ объявилъ, что такъ какъ я, повидимому, не хочу ѣхать то онъ отправится одинъ. При этомъ В. С. дѣйствительно всталъ и отправился, плохо стоя на ногахъ отъ

слабости, въ переднюю. Оставить его силою у себя я не рѣшился, и предпочелъ везти В. С. въ Узкое. Другихъ кромѣ связки книгъ вещей съ нимъ не было, и остановился ли онъ гдѣ либо въ Москвѣ, я отъ него добиться не могъ; онъ повторялъ упорно только одно: „я долженъ нынче быть у Трубецкого".

Я нанялъ „лихача" и не безъ труда помогъ В. С. влѣзть въ пролетку, которую пришлось закрыть, такъ какъ начиналъ накрапывать дождь. Когда мы вышли на крыльцо, къ В. С. подбѣжалъ нищій и бросился цѣловать его руки, приговаривая, „ангелъ Владиміръ Сергѣевичъ, именинникъ!" Соловьевъ вынулъ изъ кармана, не глядя, и подалъ нищему какой то скомканный кредитный билетъ, объяснивъ, что это его собственный нищій, который всегда предчувствуетъ время его пріѣзда въ Москву и, гдѣ бы онъ ни остановился, безошибочно находитъ его.

Этотъ нищій и поднесь существуетъ, пребывая всего чаще около крыльца дома Л. М. Лопатина или около церкви Покрова въ Левшинѣ; онъ одѣтъ довольно чисто и прежде носилъ фуражку съ краснымъ околышемъ; у него сѣдая борода, и онъ нерѣдко бывалъ трезвъ; между нашими общими знакомыми онъ извѣстенъ какъ „Соловьевскій нищій".

Поѣздка наша въ Узкое была не только тяжела, но прямо кошмарна; В. С. совсѣмъ ослабѣлъ, и его приходилось держать, а между тѣмъ движеніе пролетки возбудило въ немъ вновь морскую болѣзнь; дождь усилился и мочилъ наши ноги, и стало, благодаря вѣтру, холодно. Ѣхали мы очень тихо, такъ какъ на шоссе растворилась липкая грязь, и пролетка скользила набокъ и было уже темно. Въ одномъ мѣстѣ дороги В. С, попросилъ остановиться, чтобы немного отдохнуть, добавивъ „а то пожалуй сейчасъ умру". И это казалось, судя по слабости В. С., совершенно возможнымъ. Но вскорѣ онъ попросилъ ѣхать дальше, сказавъ, что чув-

ствовалъ то самое, что долженъ ощущать воробей, когда его ощипываютъ, и прибавилъ, „съ вами этого конечно не могло случиться“. Вообще, несмотря на слабость и страданіе, въ промежутки, когда ему дѣлалось лучше, В. С., какъ всегда, острилъ, поднималъ самого себя на смѣхъ и извинялся, что такъ мучаетъ меня своимъ нездоровьемъ.

Пріѣхали мы въ Узкое поздно; Соловьевъ былъ такъ слабъ, что его пришлось изъ пролетки вынести на рукахъ. Его тотчасъ же положили въ кабинетѣ на диванъ и онъ, очень довольный, что добрался, всетаки, до Трубецкихъ, просилъ, чтобы дали ему покойно полежать. Трубецкой продолжалъ еще думать, что болѣзненное состояніе В. С. обычный припадокъ его малокровія мозга, но на слѣдующее же утро выяснилось, что положеніе В. С. гораздо серьезнѣе и тяжелѣе.

Я эту ночь провелъ тоже въ Узкомъ и утромъ видѣлся съ В. С., который, хотя продолжалъ лежать, уговаривалъ меня не ѣхать, какъ я собирался, на другой же день къ себѣ въ деревню, а подождать немного, пока онъ поправится, и отправиться вмѣстѣ съ нимъ къ нашимъ общимъ друзьямъ Мартыновымъ. Трубецкому В. С. передалъ, что этою ночью онъ видѣлъ во снѣ, но совершено явственно, Лихунчана, который на древне-греческомъ языкѣ сказалъ ему, что онъ вскорѣ умретъ. Соловьевъ въ это утро не былъ въ забытьѣ, онъ даже весело острилъ, но память ему ужъ измѣняла и онъ, напримѣръ, не могъ вспомнить, гдѣ онъ, пріѣхавъ въ Москву, оставилъ свои вещи, оказавшіяся потомъ въ „Славянскомъ базарѣ“. Мнѣ въ это же утро надо было вернуться въ Москву, чтобы въ Судѣ сдать должность моему замѣстителю на время лѣтняго ваканта, и я ухалъ изъ „Узкаго“, не дождавшись явки врача, за которымъ послали Трубецкіе. Провожая меня, Прасковья Владиміровна Трубецкая сказала, что она увѣрена вопреки мнѣнію С. Н., что Соловьевъ не поправится;

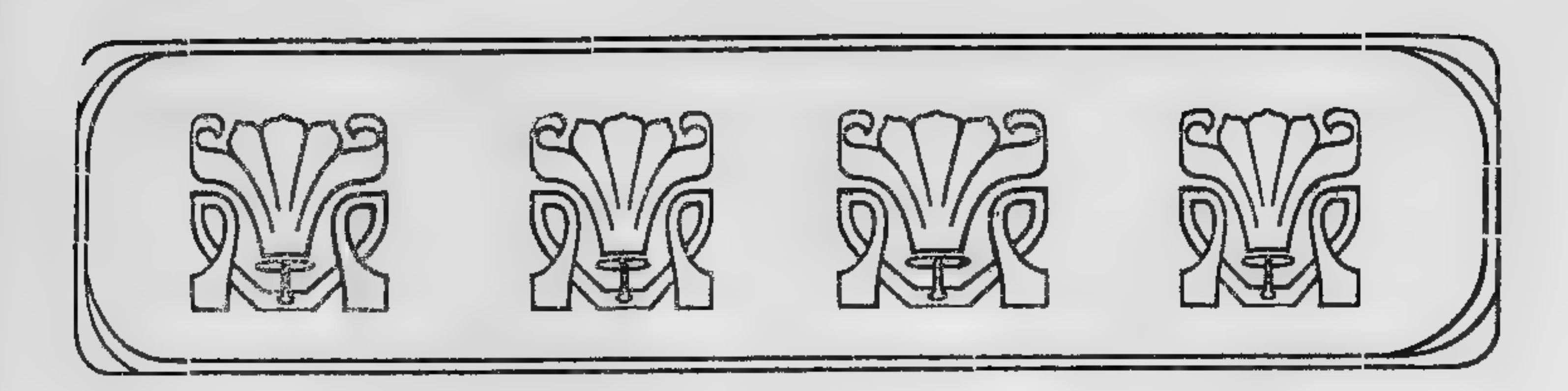
при этомъ она вспомнила, что какъ-то разставаясь съ В. С., она сказала ему „прощайте“, но онъ поправилъ ее, сказавъ „пока до свиданія, а не прощайте. Мы навѣрное увидимся, я передъ смертью пріѣду къ Вамъ“. Несознаваемымъ предчувствіемъ В. С. смерти она объясняла такое упорное стремленіе его добраться къ Трубецкимъ, ибо ни экстреннаго, ни простого дѣла у него въ то время къ С. Н. не было.

Оставивъ Узкое, я былъ вынужденъ по своимъ дѣламъ на слѣдующій же день ѣхать въ деревню, но успѣлъ узнать отъ Трубецкихъ, что врачъ нашелъ положеніе В. С. очень тяжелымъ и опаснымъ, а болѣзнь его даже затруднялся опредѣлить, такъ какъ, казалось, всѣ жизненные органы Соловьева находятся въ очень плохомъ состояніи; но наиболѣе рельефно опредѣлялась болѣзнь почекъ. Какъ извѣстно, В. С., проболѣвъ въ Узкомъ у Трубецкихъ дней 14, скончался тамъ, причемъ почти все время находился въ состояніи забытья и галлюцинировалъ.

IV.

Михаилъ Николаевичъ Лопатинъ.

□ □ □

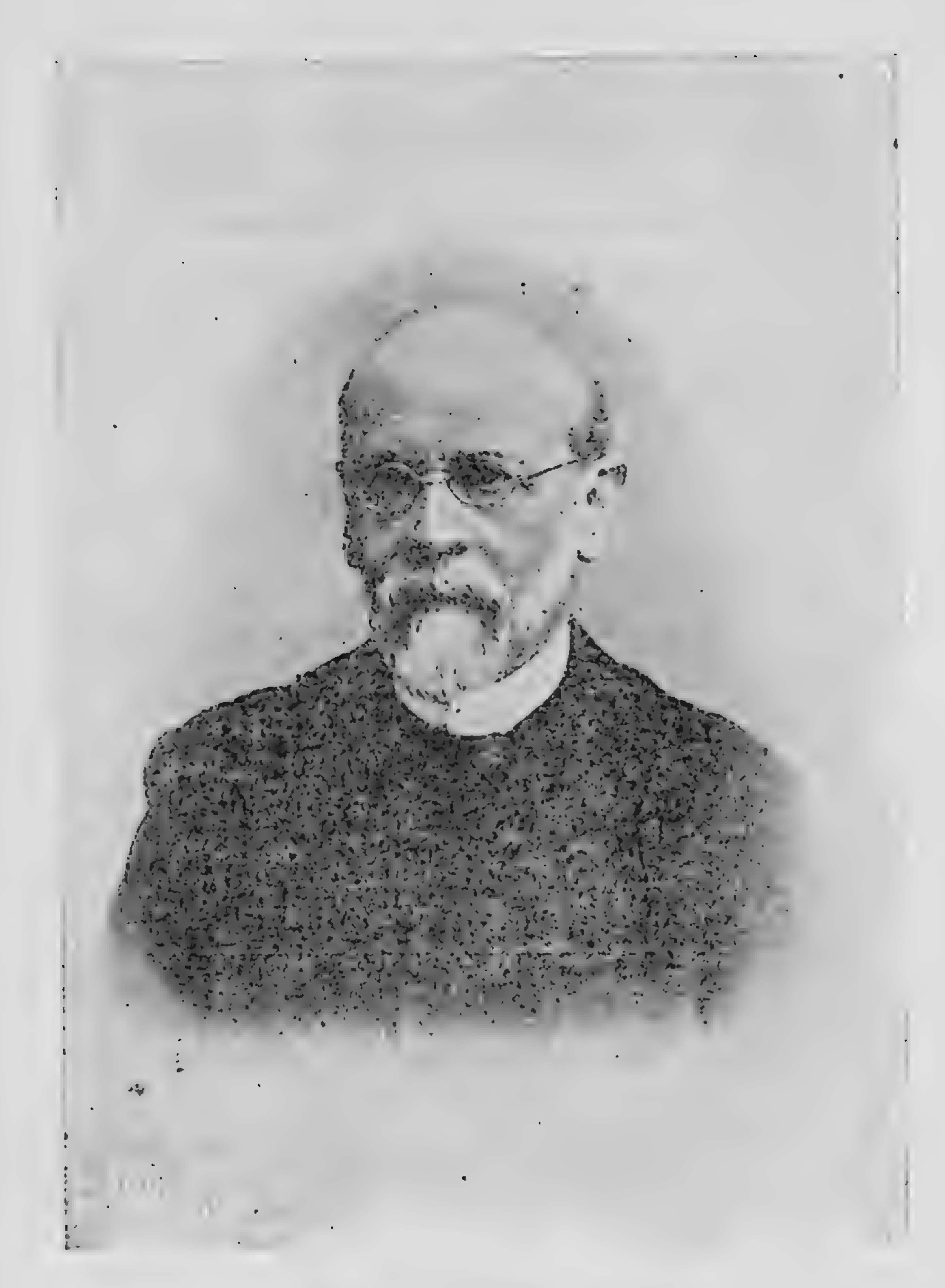

IV.

Михаилъ Николаевичъ Лопатинъ.

Наше судебное вѣдомство, основаніе которому положили уставы Императора Александра II, за время полувѣкового своего существованія дало немало получившихъ общую извѣстность дѣятелей не только на судебномъ, но и на болѣе широкомъ поприщѣ. Но въ настоящемъ очеркѣ я буду говорить не о нихъ, а о лицѣ, менѣе извѣстномъ, дѣятельность котораго не выходила за предѣлы судебной сферы, но который зато далъ намъ обликъ настоящаго судьи, такого, какой въ видѣ идеала былъ очерченъ судебными уставами. Я еще и потому посвящаю ему эти нѣсколько страницъ, что хорошо зналъ его не только какъ судью, но какъ прекраснѣйшаго, рѣдкаго по нравственнымъ качествамъ, человѣка. Таковымъ былъ дѣйствительно во всѣхъ отношеніяхъ Михаилъ Николаевичъ Лопатинъ.

20 ноября 1914 года наступило пятидесятилѣтіе Судебныхъ Уставовъ 1864 года, и въ близкую юбилею дату умѣстно вспомнить человѣка, который привѣтствовалъ этотъ кодексъ еще до законодательнаго его утвержденія, еще въ видѣ проекта, а затѣмъ участвовалъ во введеніи его въ дѣйствіе, въ правильномъ, съ первыхъ шаговъ, примѣненіи на дѣлѣ его положеній и статутовъ и надлежащемъ толкованіи какъ общихъ принциповъ новаго суда, такъ и отдѣльныхъ процессуальныхъ нормъ. Михаилъ Николаевичъ былъ

М. Н. ЛОПАТИНЪ.

однимъ изъ тѣхъ судебныхъ дѣятелей, которые сразу сроднились съ Судебными Уставами, полюбили ихъ за

ихъ духовное содержаніе и за тѣ новые пути, которые они открыли, и въ нихъ же черпали силы и разумѣніе для отстаиванія казавшихся въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія многимъ вольнодумными и опасными, такихъ положеній, какъ дѣйствительное равенство всѣхъ передъ закономъ, уваженіе къ личности человѣка, хотя бы состоящаго подъ судомъ, судейская независимость, корпоративное устройство адвокатуры и участіе народа въ лицѣ присяжныхъ въ отправленіи правосудія.

Всѣ эти положенія, не только не знакомыя прежнему нашему дореформенному судебному укладу, но даже противорѣчившія ему въ его многовѣковой практикѣ, быстро вошли, однако, въ русскую жизнь и привились къ ней, благодаря первымъ судейскимъ работникамъ и тому увлеченію и глубокому вліянію, которое произвелъ новый законодательный актъ на общество. Дѣйствительно, творцы уставовъ сумѣли создать выдающійся кодексъ,—книгу прямо вдохновенную; они вложили въ сухія, строгія, казалось бы, требованія положительнаго закона столько мягкости, гуманности, идеальной справедливости, что оживили статьи и даже „примѣчанія“. Книга эта стала откровеніемъ для большинства лицъ, призванныхъ въ 1866 году творить судъ по ея велѣніямъ, и тѣхъ, которые прониклись искренно ея духомъ, повѣрили ей, признали ее настольной, она вывела на надлежащій путь.

Судебные Уставы во многомъ уже не тѣ, какими они были обнародованы въ 1864 году; они подверглись многочисленнымъ измѣненіямъ и даже искаженіямъ, творцы ихъ почили всѣ, и уже немного осталось между нами лицъ, участвовавшихъ въ открытіи новыхъ судовъ, а между тѣмъ русское правосудіе, стоявшее, по признанію всѣхъ безпристрастныхъ людей, высоко до тѣхъ поръ, пока внутренняя „политика“ не проникала въ судебную среду и дѣятели ея не подводились усиленно подъ одинъ общій служебный ранжиръ и не считали

себя чиновниками, обязано главнымъ образомъ именно имъ—судебнымъ пiонерамъ—этимъ положенiемъ. Судебные люди перваго призыва не только сами прониклись великими принципами, положенными въ основанiе Судебныхъ Уставовъ, но воспитали тотъ же духъ, то же пониманiе судейскихъ обязанностей въ своихъ младшихъ товарищахъ и послѣдователяхъ, создали классическiй типъ судьи, прокурора, защитника,—типъ, который уже не можетъ утратиться, хотя бы временно онъ и игнорировался. Уже въ силу этого имена наиболѣе выдающихся изъ нихъ не должны быть забыты нашей благодарною памятью; о нихъ надлежитъ напоминать обществу. Многое въ этомъ отношенiи сдѣлано А. Ф. Кони; по тѣмъ же побужденiямъ я остановлю на нѣкоторое время вниманiе читателя на личности М. Н. Лопатина.

М. Н., сошедшiй въ могилу 24 ноября 1900 года 77 лѣтъ, прослужилъ по судебному вѣдомству сорокъ девять лѣтъ,—съ 1859 по май 1899 г., выйдя въ отставку всего за годъ съ небольшимъ до своей смерти. Внѣшняя его бiографiя коротка и проста: происходя изъ старинной, но небогатой, дворянской семьи, М. Н. окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ по юридическому факультету со степенью кандидата въ 1847 году; въ слѣдующемъ году онъ поступилъ на государственную службу, которая вся для него протекла въ Москвѣ, въ контору Государственнаго коммерческаго банка, гдѣ, какъ то видно изъ его формуляра, онъ въ 1849 году былъ награжденъ выдачею ему 10 руб. Въ 1850 году М. Н. перешелъ канцелярскимъ чиновникомъ въ Московскiй Сенатъ и занималъ тамъ послѣдовательно разныя канцелярскiя должности до важнаго поста оберъ-секретаря VII департамента включительно; въ 1866 году онъ получилъ назначенiе товарищемъ предсѣдателя Московскаго Окружнаго Суда, въ 1870 году членомъ Московской судебной Палаты и въ 1883 году предсѣ-

дателемъ департамента той же Палаты. При выходѣ въ отставку съ этой должности М. Н. имѣлъ чинъ тайнаго совѣтника и знаки орденовъ Св. Станислава, Анны I степени и Владиміра II степени.

Но не этими внѣшними отличіями, которымъ самъ М. Н. придавалъ лишь то значеніе, которое они дѣйствительно имѣютъ, возвысилась личность его и пріобрѣла въ свое время то вліяніе и значеніе въ судебной средѣ, которое поставило М. Н. въ положеніе учителя и толкователя основныхъ положеній суда. Многолѣтняя судейская дѣятельность его, протекавшая гласно, на глазахъ сослуживцевъ, сторонъ (М. Н. былъ цивилистомъ) и заинтересованныхъ лицъ, лучше рѣчей, статей и лекцій указывала, какъ онъ понималъ и выполнялъ принятыя на себя обязанности. Неизмѣнная объективность, спокойствіе и обдуманность, недопустимость посторонняго вліянія, откуда бы оно ни исходило, благодушіе, терпѣніе, знаніе и тонкое пониманіе закона и задачъ суда, добросовѣстное изученіе каждаго подлежавшаго разрѣшенію дѣла,—вотъ тѣ выдающіяся качества, которыя выдѣляли М. Н. какъ судью. Не разъ М. Н., въ противоположность юристамъ, считающимъ наиболѣе существеннымъ въ гражданскомъ процессѣ соблюденіе формальной стороны, подстрочное примѣненіе статей закона и разъясненій Сената, признавалъ наиболѣе важнымъ внутреннюю справедливость рѣшенія, этическую его сторону, иногда нѣсколько расходящуюся съ буквой, но не духомъ, закона. Но не только добросовѣстнымъ исполненіемъ прямыхъ профессіональныхъ обязанностей объяснялось обаяніе М. Н. и благотворное вліяніе его, а удивительной чистотой и благородствомъ всей его личности. Судью отъ человѣка не отдѣлишь: такое положеніе вѣрно на каждомъ поприщѣ, но оно особенно рельефно чувствуется въ судейской сферѣ. Истинный судья, уважающій свое званіе, долженъ быть чистъ не только въ отправленіи

своихъ служебныхъ обязанностей, но и въ частной жизни. Судебную дѣятельность нельзя приравнивать къ какой-либо другой; судьѣ приходится разрѣшать споры гражданскаго и уголовнаго характера, отъ рѣшенія которыхъ часто зависитъ честь и благосостояніе стоящихъ предъ судомъ, а потому судья долженъ внушать уваженіе и довѣріе не только своими юридическими познаніями, умомъ и опытомъ, но и духовной стороной, самой жизнью своей. Подобно тому, какъ въ служителѣ алтаря вѣрующій желаетъ видѣть нравственнаго человѣка, правдиваго, а не притворяющагося благочестивымъ, такъ и въ судьѣ общество жаждетъ видѣть мужа добра и чести. И такого судью общество имѣло въ лицѣ М. Н., жизнь котораго, прошедшая на глазахъ москвичей, была чиста и свѣтла, какъ кристаллъ.

Исторія нашего реформированнаго въ 1866 году суда и Судебныхъ Уставовъ полна за всѣ пятьдесятъ лѣтъ ея существованія борьбы за основные принципы судоустройства и судопроизводства. Почти съ первыхъ же дней функціонированія судебныхъ органовъ въ реакціонной части общества и печати и въ правительственныхъ сферахъ, отнесшихся съ недовѣріемъ къ суду и его дѣятельности, начались выпады противъ него, возникли обвиненія въ потрясеніи основъ, въ колебаніи значенія власти, чуть ли не въ поощреніи преступленій. Наличнымъ судебнымъ дѣятелямъ, горячо въ первое время отстаивавшимъ неприкосновенность уставовъ, приходилось все время быть на-стражѣ и бороться съ указанными вѣяніями, далеко не всегда побѣдоносно, при чемъ борьба эта лично бывала тяжела. Съ теченіемъ времени уже не только извнѣ, но и въ самомъ вѣдомствѣ стали возникать теченія, если не прямо враждебныя духу уставовъ, то все-таки признававшія ихъ кое-въ чемъ ошибочными и подлежащими реформѣ,—теченія, допускавшія въ видѣ компро-

мисса умаленіе судейской независимости, сокращеніе компетенціи народнаго суда и тому подобныя мѣропріятія. Многіе могли совершенно искренно колебаться, и вотъ при встрѣчѣ съ такими явленіями и взглядами авторитетный голосъ М. Н. Лопатина былъ особенно дорогъ; онъ доказывалъ неосновательность новыхъ теченій, останавливалъ отъ вступленія на опасный путь компромиссовъ, предостерегалъ отъ соблазна службы ради карьеры, а не ради самаго дѣла, и выводилъ тѣхъ, кто могъ и хотѣлъ понять его, на настоящую дорогу. М. Н. слушали, вѣрили ему, зная, что онъ непосредственно участвовалъ въ возведеніи судебнаго зданія, и зная его лично. М. Н. не могъ не вліять на непредубѣжденнаго человѣка,—такъ ясна, проста и убѣдительна была его рѣчь и такою искренностью и умомъ вѣяло отъ нея.

М. Н. выступалъ не только на судебномъ поприщѣ: ему была не чужда и литературная дѣятельность. Въ пятидесятыхъ годахъ онъ напечаталъ рядъ статей по общественнымъ вопросамъ подъ псевдонимомъ „М. Юрьинъ". Статьи его печатались отдѣльными брошюрами и появлялись въ тогдашнихъ журналахъ [1]). Онѣ интересны вдвойнѣ—и какъ памятники публичныхъ теченій и воззрѣній общества половины прошлаго столѣтія и какъ духовный автопортретъ самого М. Н., откровенно высказывавшаго свои взгляды въ этихъ статьяхъ.

Въ одной изъ монографій, озаглавленной „Споръ объ общинномъ владѣніи землей" [2]), М. Н. останавливается на опредѣленіи понятія „соціализма" и, отвергая господствовавшее пониманіе его, какъ явленія безпочвеннаго и опаснаго, признаетъ соціализмъ политико-экономической наукой о трудѣ, собственности и богат-

---

1) „Атеней". 1856 г. № 44.

2) Напр., въ „Отечеств. Зап." 1959 г. № 5 въ защиту общины *Ред.*

ствѣ. По мнѣнію М. Н. страхъ передъ соціалистическими теоріями у насъ въ Россіи, напрасенъ:... „тѣ начала,— говоритъ онъ,—соціализма, которыя грозятъ гибелью и разрушеніемъ Европѣ, давнымъ давно присущи нашему народу“ и не только безвредны, но зиждительны. Такое положеніе авторъ объясняетъ инымъ, чѣмъ въ Европѣ, происхожденіемъ у насъ собственности и особымъ взглядомъ на землю, которая нераздѣльна съ трудомъ и, составляя достояніе каждаго, уже привела къ образованію земельной общины, являющейся у насъ оплотомъ консерватизма, обезпечивающимъ Россію отъ безземельнаго пролетаріата, сосредоточенія богатствъ въ однѣхъ рукахъ и пауперизма. Въ концѣ статьи говорится: „Мы не можемъ не чувствовать всѣмъ сердцемъ, какъ неудержимо должна воспрянуть личность русскаго крестьянина при первомъ пробужденіи его духа свободою, образованіемъ и развитіемъ потребностей, какое могучее начало внесетъ она въ общину и какая просторная и роскошная почва готовится въ сельскомъ быту для свободной экономической ассоціаціи не капиталовъ только, на что и западный человѣкъ способенъ, но ассоціаціи производительнаго труда и дѣйствительной работы“.

Уже по этой статьѣ мы видимъ, кто ея авторъ: это человѣкъ образованный, раздѣляющій взгляды славянофиловъ, поборникъ освобожденія крестьянъ съ надѣленіемъ ихъ землей, идеалистъ въ общественномъ и консерваторъ въ политическомъ отношеніи, жаждущій однако прогресса. Въ такомъ же общемъ направленіи составлена статья „О государственныхъ идеалахъ Западной Европы“ [1]); въ ней М. Н., говоря объ англійской конституціи и признавая блага ея, обезпечивающія каждому политическую и индивидуальную свободу, выражаетъ мысль, что такой строй могъ развиться

---

[1]) „День“. 1862 г. № 50.

исключительно въ Англіи подъ вліяніемъ ея совершенно особыхъ историческихъ условій и національнаго духа, что, перенесенная на другую почву, такая конституція не привьется. Недостатки англійскаго государственнаго строя авторъ видитъ въ томъ, что онъ не обезпечилъ населеніе отъ безземелія, пауперизма, экономическаго рабства и привилегированнаго положенія цѣлыхъ сословныхъ группъ.

Наибольшій интересъ представляютъ статьи М. Н., въ которыхъ онъ говоритъ объ ожидавшемся новомъ судѣ, основныя положенія котораго были уже опубликованы, а затѣмъ, еще до введенія ихъ, обнародованы и подлинные уставы. Статьи эти, печатавшіяся въ газетѣ „День“, относятся къ 1863—1865 годамъ и знаменательны тѣмъ, что написаны лицомъ, служившимъ въ старыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, гдѣ онъ занималъ достаточно выдающуюся должность оберъ-секретаря Сената. Останавливаясь въ одной изъ статей на столь развитомъ у насъ въ прежнее время сутяжничествѣ, авторъ пишетъ: „Цѣлые поѣзда просителей тянулись въ наши столицы и города хлопотать о своихъ процессахъ, бросая семьи и хозяйства. Тамъ, наполняя каждое будничное утро непривѣтливыя прихожія нашихъ присутственныхъ мѣстъ, проводили они цѣлые дни, недѣли и мѣсяцы въ тоскливомъ ожиданіи окончанія и рѣшенія безтолковыхъ своихъ дѣлъ... Цѣлыя крестьянскія деревни раззорялись исками, которые, будучи безусловно справедливы, велись такимъ безграмотнымъ и уродливымъ образомъ, что не было никакой возможности ихъ выиграть“... Авторъ видѣлъ спасеніе отъ такого положенія дѣла, отъ несвѣдущихъ безнравственныхъ стряпчихъ и ходатаевъ, въ созданіи и правильной организаціи адвокатуры. Въ представителяхъ ея М. Н. хотѣлъ видѣть лицъ, обладающихъ такимъ же юридическимъ и нравственнымъ цензомъ, какъ у судей, юридическими помощниками которыхъ

должны стать адвокаты, задающіеся лишь тѣмъ, „чтобы въ уголовномъ дѣлѣ оправдать дѣйствительно невиннаго и не допустить дѣйствительно виновнаго понести незаслуженное наказаніе, въ гражданскомъ же дѣлѣ—искать только того, что слѣдуетъ по закону". Въ ихъ же задачу, по мнѣнію автора, должна была войти забота о томъ, чтобы „оживить, какъ можно скорѣе, чувство законности, которое почти одеревенѣло въ насъ, возстановить смыслъ юридической нравственности и возродить, наконецъ, хоть юридическое уваженіе къ личности". Далѣе авторъ доказывалъ необходимость ближайшей связи адвокатуры съ судомъ.

Столь же вѣрный взглядъ высказывалъ М. Н. и по вопросу о размѣрахъ судейскаго жалованья, считая большіе оклады, наподобіе существующихъ въ Англіи, не по средствамъ Россіи и вообще нежелательными. Скромное обезпеченіе—вотъ то, что необходимо судьѣ, и притомъ почти одинаковое на разныхъ ступеняхъ судебной іерархіи, такъ какъ для судьи, „къ какой бы инстанціи онъ ни принадлежалъ, требуются одни и тѣ же качества и достоинства"... „Если бы однѣ только матеріальныя выгоды служили побужденіемъ къ общественной дѣятельности, то отъ общественной нравственности осталось бы очень немного, а отъ юридической честности не осталось бы, пожалуй, ничего". Попутно М. Н. возражалъ и противъ привлеченія къ новой судебной службѣ чрезмѣрнымъ повышеніемъ ранга судей. Въ статьѣ, озаглавленной „Наше безлюдье и наша дѣйствительность" М. Н. доказывалъ, что общепризнанное положеніе, что „у насъ нѣтъ людей", совершенно невѣрно. „Люди у насъ есть и явятся къ дѣлу по первому призыву, лишь бы дѣло было настоящее, достойное, а призывъ искренній".

М. Н. провелъ всю свою жизнь въ Москвѣ, даже и на лѣто поселяясь съ семьей гдѣ-нибудь поблизости въ дачной мѣстности, за послѣднее время въ Царицынѣ.

Онъ былъ типичнымъ москвичомъ, сохранившимъ во многомъ,—даже въ воззрѣніяхъ, окрашенныхъ московскимъ славянофильствомъ,—въ привычкахъ, въ домашней семейной обстановкѣ, старый московскій укладъ. Домъ его, оставшійся и теперь еще въ прежнемъ своемъ состояніи, стоящій въ самомъ центрѣ былой московской интеллигентной обывательщины, въ Гагаринскомъ переулкѣ, близъ „Сивцеваго Вражка", „Мертваго переулка" и „Успенья на могильцахъ", могъ бы быть цѣликомъ поставленъ въ музей московской старины, если бы таковой существовалъ, такъ онъ соотвѣтствуетъ прежнимъ московскимъ жилымъ постройкамъ. Деревянный, съ бѣлыми колоннами, съ параднымъ крыльцомъ, мезониномъ, неуклюжими воротами, садомъ, обнесеннымъ деревяннымъ заборомъ, флигелемъ, онъ видомъ своимъ до сихъ поръ радуетъ любителя нашей старины. И внутренняя его обстановка и расположеніе комнатъ даютъ точное представленіе о прежнемъ обиходѣ: небольшой съ низкимъ потолкомъ кабинетъ съ каминомъ, коридоръ, чрезвычайно крутая съ колѣнцемъ и темная лѣстница наверхъ и тамъ совсѣмъ низкія маленькія комнаты—дѣтскія. Да всего 15 лѣтъ тому назадъ можно было ежедневно встрѣтить на Пречистенскомъ бульварѣ трогательную пару, старика и старушку, аккуратно, немного по-старомодному одѣтыхъ, медленно, съ видимой заботой другъ о другѣ, идущихъ подъ-руку и серьезно, но въ то же время ласково смотрящихъ на встрѣчныхъ. Это были М. Н. съ женою, внѣшностью совершенно подходившіе къ своимъ воззрѣніямъ, къ ихъ тихой, скромной, достойной жизни и всей ея обстановкѣ. Даже посторонніе, не знавшіе, съ кѣмъ они встрѣтились, радовались въ душѣ, глядя на Лопатиныхъ, и ласково улыбались.

М. Н. и въ частной жизни своей, помимо литературныхъ работъ, не оставался безъ значенія для интеллигентнаго общества Москвы. Онъ былъ близокъ съ ли-

цами, выдающимися на томъ или другомъ поприщѣ общественной дѣятельности, литературы и науки. Около него издавна ютился кружокъ москвичей этого лагеря. Кружокъ, носившій совершенно частный характеръ, мѣнялся съ теченіемъ времени въ своемъ составѣ,—старики уходили, замѣняя себя болѣе молодыми, новыя вѣянія проникали въ Лопатинскій кружокъ, въ немъ обсуждались новыя задачи общественныя и научныя, но общее прогрессивное направленіе, не становившееся однако никогда радикальнымъ и зависѣвшее отъ неизмѣнявшейся духовно личности М. Н., оставалось все то же. Въ сороковыхъ, пятидесятыхъ, шестидесятыхъ и даже еще семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія такіе частные кружки были въ Москвѣ нерѣдки; они оживляли общественную мысль, становились свѣточами, около которыхъ собирались для обмѣна взглядами лучшіе люди той эпохи. Но со временемъ, подъ вліяніемъ разнообразныхъ условій, при сильно измѣнившемся темпѣ и тонѣ московской жизни, кружки эти стали разстраиваться и замирать. Но кружокъ лицъ, собиравшихся въ гостепріимномъ домѣ Лопатиныхъ, не распался; думается, что онъ былъ единственнымъ въ Москвѣ, сохранившимъ прежній характеръ за послѣднія десятилѣтія. У М. Н. до болѣзни, положившей конецъ его жизни, собирались профессора Московскаго университета, литераторы, судебные и другіе общественные дѣятели,—и пожилые и совсѣмъ еще молодые люди. Въ давно прошедшемъ времени въ его кабинетѣ встрѣчались И. С. Аксаковъ, С. М. Соловьевъ, Д. Ѳ. Самаринъ, И. Ф. Тютчевъ, А. Ф. Писемскій, А. И. Иванцовъ-Платоновъ, С. А. Юрьевъ, С. А. Усовъ, Л. И. Поливановъ, Гиляровъ-Платоновъ, Л. Н. Толстой, А. А. Фетъ, А. И. Кошелевъ, М. Г. Черняевъ, а позднѣе В. С. Соловьевъ, Ф. Е. Коршъ, Н. Я. Гротъ, В. О. Ключевскій, князь С. Н. Трубецкой и многіе другіе. Въ кабинетѣ велись серьезные разговоры, возникали горячіе споры,

а въ зальцѣ, служившей и столовой, налаживалось пѣніе, организованное молодежью, и становилось непринужденно весело. Я увѣренъ, что у каждаго, посѣщавшаго „среды“ М. Н., остались наилучшія о нихъ воспоминанія. Хозяинъ дома, полный жизни, дѣйствительнаго интереса ко всему, выходящему изъ круга мелкой повседневной жизни, умѣлъ вызвать серьезный интересный разговоръ и дать каждому высказаться. Ласковый, привѣтливый, всегда ровный, М. Н. однимъ видомъ своимъ подбодрялъ настроеніе гостей своихъ и оживлялъ ихъ. А молодежь, особенно горячо любившая и уважавшая М. Н., прислушивалась къ его словамъ, вѣрила имъ и многое доброе заимствовала изъ слышаннаго отъ него по средамъ.

Какъ свѣтлы и благородны принципы, составляющіе сущность Судебныхъ Уставовъ Александра II, такъ свѣтла и прекрасна была личность одного изъ проводившихъ въ жизнь эти принципы— М. Н. Лопатина, ни разу во всю свою долгую жизнь не отступившаго отъ нихъ ни въ чемъ. Объ этомъ въ полувѣковую годовщину уставовъ, мнѣ, хорошо знавшему М. Н., хотѣлось напомнить теперешнему обществу.

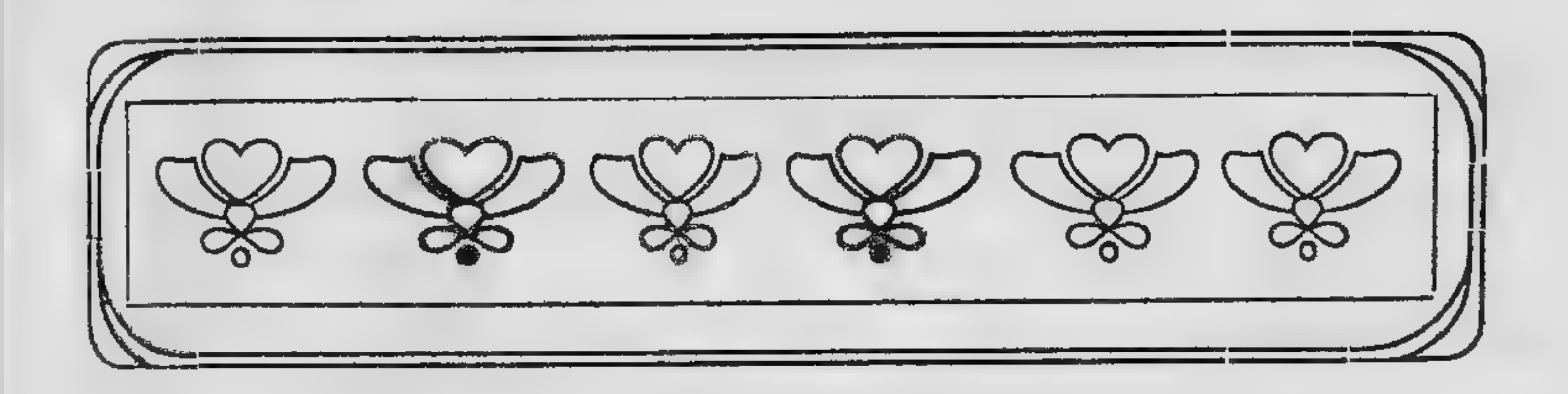

ОЧЕРКИ БЫЛОГО.

V.

Минай и Васька.

V.

Минай и Васька.

Оба они были въ прошломъ, а Васька Лашманъ и въ очень даже отдаленномъ, моими спутниками на охотѣ. Но лишь въ этомъ было что-либо общее между ними; во всемъ остальномъ они представляли изъ себя совершенно различные типы. Оба были страстными охотниками, но Минай, хотя охотился и рыбачилъ, не оставлялъ крестьянства, не покидалъ родного села и дѣлилъ съ односельцами его интересы, состоя домохозяиномъ, членомъ схода и главою семьи. А Васька, хотя и неприрожденный дворовый, попалъ въ ранней молодости въ это положеніе и, не имѣя своей земли, не былъ ни къ чему прикрѣпленъ и сталъ настоящимъ „егеремъ" при господахъ.

Миная, крестьянина, сосѣдняго съ Спасскимъ села, я зналъ давно и всегда удивлялся и тому, что онъ не погибаетъ съ ежегодно увеличивавшейся семьей своей отъ голода, холода и болѣзней, и тому, что онъ всегда въ хорошемъ настроеніи духа, даже веселъ и замѣчательно беззаботенъ.

Земли у него и его односельцевъ было мало, они сидѣли на нищенскомъ, даровомъ надѣлѣ, а потому одной своей землей обходиться не могли; каждый домохозяинъ обязательно „прикупалъ" себѣ (т. е. бралъ въ аренду) или на года, или на одинъ хлѣбъ, извѣстное

количество земли; иные дворы посильнѣй держали и по многу десятинъ. Но Минай даже надѣльной земли не касался, у него и на огородѣ не росло ничего, кромѣ крапивы да лопуховъ; избенка его съ однимъ окошкомъ и съѣхавшей набокъ соломенной крышей, топившаяся еще по-черному, стояла на „новомъ" мѣстѣ, куда Миная выселили послѣ семейнаго раздѣла, за крестьянскими коноплянниками, на краю узкаго выгона, близъ поросшаго камышомъ рѣчного разлива. Саженяхъ въ пятнадцати отъ его двора начиналось уже топкое болото, въ которомъ я ежегодно находилъ бекасовъ. Эта близость воды и камышей и опредѣлила, повидимому, характеръ профессіи Миная,—онъ сталъ рыбакомъ и охотникомъ. Но эта же близость воды и болотъ вызывала у Миная и всѣхъ членовъ его семьи, особенно у дѣтей, которыхъ у него было, помнится, восемь человѣкъ, непрестанную лихорадку, въ пароксизмѣ которой уже всегда былъ кто-нибудь изъ обитателей его жалкаго жилища, обнесеннаго тощимъ плетнемъ, безъ гумна, риги, навѣсовъ, яблочнаго садика,—словомъ, всего того, что скрашиваетъ крестьянскую усадьбу.

Удивительное дѣло, лихорадка трепала Минаевыхъ дѣтей и жену его сколько и какъ хотѣла, на нихъ жалко взглянуть было, такими они казались заморышами, истощенными и слабыми, а между тѣмъ жена Миная, на видъ древняя старуха, ежегодно рожала сына или дочь, и всѣ дѣти безъ исключенія оставались въ живыхъ.

Не только лошади и коровы не было у Миная, но даже куры, и тѣ не водились въ его хозяйствѣ; какъ-то разъ завелъ онъ поросенка, на котораго семья смотрѣла съ гордостью, а дѣти провидѣли въ немъ удобнаго товарища игръ и забавъ, но,—увы!—онъ только одинъ день покрасовался передъ избой, привязанный веревкой поперекъ туловища къ колышку: въ первую же ночь его утащилъ волкъ. Единственная живность,

существовавшая кое-какъ у Миная, были кряковыя утки, да и съ тѣми ему не везло: какъ-то разъ на утренней зарѣ онъ самъ по ошибкѣ застрѣлилъ пару лучшихъ.

Съ перваго же нашего знакомства Минай меня совершенно поразилъ. Я охотился какъ-то одинъ въ недалекомъ отъ усадьбы Миная болотѣ и между прочимъ замѣтилъ, какъ спугнутый собакой дупель полетѣлъ къ рѣкѣ и опустился на небольшомъ островкѣ ея. Мнѣ захотѣлось разыскать его, и я пошелъ къ водѣ, надѣясь достать гдѣ-нибудь лодку, и на берегу встрѣтилъ крестьянина. Онъ стоялъ у воды босой, въ бѣлой рубахѣ и такихъ же штанахъ и въ рыжемъ, совершенно вытертомъ, армякѣ, повязанномъ вмѣсто пояса осокою; на головѣ его была истрепанная мѣховая шапка; высокій ростомъ, худой, желтый, съ росшей клочками бородкой, узкими голубыми глазами и большой шишкой на лѣвой скулѣ, онъ былъ удивительно типиченъ и интересенъ,— совсѣмъ выхваченный изъ сказки мужикъ-бобыль, горе-богатырь. Несмотря на то, что онъ былъ одѣтъ въ „рвань", было ясно, что онъ не нищій, а „хозяинъ", вольный человѣкъ. Когда я къ нему подошелъ, онъ весело подмигнулъ мнѣ и первый вступилъ въ разговоръ:

— Вамъ, баринъ, на островокъ переправиться? За дупелемъ? Тамъ онъ водится, дупель, его надысь даже порядочно тамъ было, я видалъ. Онъ, дупель это, туда летитъ на отдыхъ, на отдыхъ, значитъ, летитъ отъ коршуновъ. Очень коршуна проклятые донимаютъ его, а на острову кустъ и некосъ, опять кочка высокая, онъ и спасается, отъ коршуновъ спасается, хоронится... Я васъ предоставлю, я вѣдь тутъ завсегда. А вы не Спасскій будете?

Я отвѣтилъ, что Спасскій, и очень этимъ обрадовалъ Миная.

— Я и то вижу, что Спасскій, потому болѣе не-

кому. По выстрѣламъ обозначаетъ, слышу: пахъ-пахъ,— наши такъ не бьютъ, думаю.

Неподалеку стояла лодка, въ которую мы сѣли и поѣхали къ острову.

— Лодка-то признаться, не моя, а братнина,— продолжалъ Минай,—моя-то лопнула!—онъ весело засмѣялся.—Я ее въ городѣ взялъ за трешницу, пригналъ водою и сейчасъ снаряжать: размочилъ и вставилъ распорки, которыя, значитъ... распорки; ну, на зорькѣ прихожу это, а она какъ есть во всю треснула, треснула вся. Ахъ ты, головушка бѣдная! Что ты будешь дѣлать? Ну, я ее все-таки, лодку-то, прошпынтовалъ, засмолилъ какъ слѣдоваетъ, дно-то желѣзнымъ листочкомъ, признаться, маленько подбилъ, листочкомъ. Ну, поѣхалъ на ней, а она, горемычная, и расползлась. Такъ и бросилъ, не замай, полежитъ, може за зиму срастется!

Онъ помолчалъ немного.

— И ружья нѣту, вотъ видишь ты, какое дѣло... Отобрали! Изъ-за утокъ! Я это надысь на Кранду, въ казенную, значитъ, по дичи, по дичи, то-ись. Чирятъ тамъ, Боже мой, какъ много, даже удивительно! Сижу въ шалашѣ, а Иванъ Панкратьевъ тутъ какъ тутъ, тоже на лодкѣ, видишь ты! Сичасъ: „давай билетъ!" Какой у меня билетъ. И званія не было. Я ему и дичи посулилъ предоставить и насчетъ водочки это, водочки..- угощеніе значитъ; нѣтъ, и вниманія не взялъ, куды тамъ: не взялъ вниманія ничуть! Ружье отобралъ, да и не отдаетъ. „Неси, говоритъ, три рубли". А гдѣ я ему, нехорошему, доберу ихъ. Ни ружья, ни лодки, вотъ оказія!

Мнѣ впервые приходилось встрѣтить рыбака безъ лодки и охотника безъ ружья, а далѣе оказалось, что Минай не имѣетъ даже права рыбачить, такъ какъ рыбный ловъ снятъ другими крестьянами, да у него и сѣтей никогда не водилось. Онъ однако ловилъ-таки ры-

бу, но контрабандой, тайкомъ, ставя, гдѣ придется, свои тенета, ловилъ и на удочку и на перетягахъ; былъ у него еще и бредень, и имъ онъ лавливалъ съ женою мелкую рыбу и раковъ, которыхъ она потомъ съ кѣмъ-либо изъ старшихъ дѣтей носила на продажу въ близкій уѣздный городъ или къ кому-либо изъ помѣщиковъ.

Репутаціей, какъ оказалось, Минай пользовался неважной; зажиточные, солидные крестьяне не одобряли его, считая пустымъ малымъ, даже воромъ. Послѣднее званіе неправильно однако приписывалось Минаю: онъ не былъ воромъ, а лишь браконьеромъ, но зато браконьеромъ настоящимъ, прирожденнымъ, и на естественныя богатства, на все, даваемое самою природой, смотрѣлъ, какъ на общее добро, не стѣсняясь лѣсными порубками, потравами и „срываніемъ плодовъ не въ видѣ кражи“; въ тюрьмѣ онъ никогда не сиживалъ, да и въ волости судился рѣдко,—такъ, за мелкія провинности. Минай былъ хорошій стрѣлокъ, а лодкой правилъ на-рѣдкость и безъ устали: управляемый имъ челнокъ никогда, бывало, находу даже не шелохнется и быстро стрѣлою летитъ въ прямомъ направленіи, а онъ самъ, стоя на кормѣ, словно приросталъ къ ней.

Воду Минай любилъ сознательно и горячо, истинно наслаждаясь красотами природы и вольною жизнью лѣтомъ на просторѣ; онъ почти никогда, начиная съ апрѣля и вплоть до октября, и не ночевалъ въ избѣ, устраиваясь въ шалашѣ на маленькомъ пустовавшемъ островкѣ. Зимою онъ, случалось, тосковалъ, но работѣ все-таки не предавался, а промышлялъ кое-какъ охотой: ставилъ капканы на лисъ и волковъ, клалъ на приваду отраву волкамъ, стрѣлялъ по гумнамъ и огородамъ зайцевъ, а остальное время проводилъ, лежа на печи и мечтая о лѣтнемъ привольѣ.

Мечтатель онъ былъ вообще великій, и эта-то способность и поддерживала въ немъ, надо думать, бод-

рость духа и веселое настроеніе, несмотря на всевозможныя недостачи по хозяйству, болѣзни и частое сидѣнье съ семьей впроголодь. Съ первой же нашей встрѣчи онъ возложилъ на меня великія надежды и ждалъ съ увѣренностью обновленія къ лучшему своей жизни.

Мнѣ Минай, несмотря на свое легкомысліе и нѣкоторую некорректность, пришелся по душѣ добродушіемъ своимъ, любовью къ природѣ и твердою вѣрой въ то, что жизнь въ общемъ хороша и что для него тоже наступятъ лучшіе дни: пьяницей онъ не былъ, хотя отъ вина не отказывался, жену не билъ, а въ обществѣ, благодаря присущему ему юмору, былъ положительно пріятный человѣкъ. Помимо охоты я съ нимъ нерѣдко видался, побуждаемый тою же любовью къ водѣ, какъ и онъ; мы съ нимъ изъѣздили въ челнокѣ въ два весла Цну на далекое пространство, а осенью бивали на ней рыбу острогою. Я выручилъ, конечно, Минаю ружье, подарилъ ему хорошую лодку и помогъ пріобрѣсти лошадь, съ которой Минай собирался за зиму наработать извозомъ большое состояніе; но въ крупномъ, солидномъ ему рѣшительно не везло,—купленная имъ лошадь оказалась никуда негодною, надорванною клячей, его обманулъ цыганъ-барышникъ; Минай надумалъ лѣчить лошадь по указаніямъ мѣстнаго коновала, нѣсколько разъ бросавшаго ей кровь, и уморилъ ее въ очень непродолжительномъ времени.

Охотился я съ Минаемъ въ сдаваемыхъ мнѣ крестьянами болотахъ, лежащихъ вдоль Цны, которая въ дождливую пору, когда она полна, выливаетъ въ нихъ проточками излишекъ воды, не давая болотамъ, такимъ образомъ, совсѣмъ пересыхать. Отправляясь въ эти болота, лежавшія недалеко отъ насъ, я всегда заѣзжалъ за Минаемъ...

Какъ сейчасъ помню одну такую охоту. Раннимъ утромъ іюльскаго яснаго и жаркаго дня я, остановив-

шись у двора Миная, зашелъ съ нимъ въ начинавшееся тутъ же, въ двухъ шагахъ, болотце, питавшееся родникомъ, теченіе котораго, оставляя красноватыя, ржавыя, пятна, терялось въ трясинѣ.

Застрѣливъ тутъ пару бекасовъ, я отправился съ Минаемъ берегомъ Цны къ мѣсту, гдѣ стояла его лодка. Мы шли выгономъ вдоль рѣки, на которой въ нѣсколькихъ мѣстахъ у берега торчали плотики, гдѣ бабы мыли бѣлье, добираясь до нихъ по водѣ, для чего онѣ, не стѣсняясь публикой, высоко поднимали платье, обнажая совершенно ноги. Выгонъ былъ весь избитъ, въ водѣ у самаго берега росла красная трава „гречичникъ“, а дальше шла низкая и густая „придорожная“ трава, любимая гусями, которыхъ нѣсколько выводковъ гуляло тутъ подъ присмотромъ дѣвчонки; здѣсь же валялся неубраннымъ околѣвшій гусь, а въ сторонѣ отъ товарищей одиноко держался больной гусь, печальный на видъ; у него была испорчена, вѣроятно, или отдавлена чѣмъ-либо, лапа, потемнѣвшая и распухшая,—и онъ съ трудомъ двигался, держа больную лапу вытянутою впередъ. Ближе къ конoплянникамъ, замыкавшимъ съ противоположной рѣкѣ стороны выгонъ, виднѣлось нѣсколько круглыхъ точковъ и близъ каждаго изъ нихъ стоялъ отпряженный возъ съ обмолоченною рожью, а съ воза крестьянинъ подбрасывалъ лопатою высоко на воздухъ зерно, которое падало аккуратно въ одну кучу, а соръ относился вѣтромъ въ сторону; его отгребали бабы.

Минаева лодка была безъ скамейки, и я усѣлся на дно, ближе къ носу, держа ружье наготовѣ, на случай вылета утки; сперва мы двигались камышомъ, а потомъ выбрались на чистое широкое водное пространство, гдѣ имѣлось три островка, на которыхъ росъ мелкій ивнякъ и стояло по небольшому стогу сѣна; когда мы ѣхали проточкомъ между двухъ острововъ, Минай, не уменьшая хода быстро несшейся лодки, отъ движенія которой весело журчала у носа вода, заговорилъ:

— Это мѣсто, Николай Васильевичъ, омутъ, дна достать нельзя—нѣту его. Тутъ спервака нонѣ уходился парень, парень нашъ уходился; онъ у нашего же у мужичка въ работникахъ жилъ, это ихній стожокъ будетъ—и послалъ его хозяинъ на островъ стожокъ подправить малость жердями, жердями это; поѣхалъ онъ и не ворочается, не ворочается, значитъ. Ну, вечеромъ мужичокъ нашъ самъ за нимъ, за Иваномъ, собрался, куда, молъ, онъ дѣвался! Глядь,—стожокъ устроенъ, а на берегу лежитъ одежа его и обувочка, а его, этого человѣка, нѣту... искали, нѣту; ужъ на третій, что ли, день выплылъ подъ мельницей, выплылъ самъ, синій весь... Не иначе какъ его затянуло, то-ись въ водѣ.

Мы пристали къ противоположному берегу, откуда сразу начиналось главное болото. Сначала пришлось идти по чистому мѣсту, не глубоко залитому водой; трава тутъ была давно скошена и уже совсѣмъ сухая, то желтая, то загнившая и потемнѣвшая, лежала рядами, оставшись почему-то неубранной; слѣва шла некосьрѣзникъ, или какъ у насъ говорятъ „чаканъ", трава вышиной по поясъ, жесткая и острая, больно рѣжущая, и болѣе глубокая вода, а какъ разъ у нея, съ самой „вереи"—по выраженію Миная,—стали срываться бекасы, въ большинствѣ не допуская собаки до стойки. Дальше мнѣ попался поперечный проточекъ, вдоль котораго росли кусты, а трава была сильно помята и прибита скотиной; мѣстами виднѣлась грязца; съ нея слетѣли одинъ за другимъ десятокъ бекасовъ и, поднявшись зигзагами очень высоко, скрылись, постепенно теряясь въ бѣлой выси небосклона.

За грязцой пошло мѣсто посуше—кочкарникъ; собака моя сразу, на всемъ скаку, стала и замерла, вытянувъ прямо и неподвижно хвостъ, причемъ не двигала и мордой, повернутой круто вправо, и только губы у нея раздувались; я успѣлъ подойти вплотную, послалъ собаку впередъ, но она не двигалась и лишь

когда я сдѣлалъ шагъ, невдалекѣ и по направленію морды собаки вырвался съ шумомъ дупель и, поднявшись невысоко, полетѣлъ прямо отъ меня. Черезъ двѣ минуты онъ уже былъ у меня въ ягташѣ, а скоро и не одинъ онъ; въ кочкарникѣ оказалось порядочно дупелей, и мы поохотились въ полное наше удовольствіе.

Идя все прямо, я дошелъ, наконецъ, опять до рѣки, описавшей дугу, и двинулся низинкой вдоль ея берега, съ котораго слетѣла „ширинка" турухтановъ штукъ въ тридцать; въ одномъ мѣстѣ берегъ былъ совсѣмъ вровень съ водой, не отдѣлявшейся даже осокою отъ луга, при чемъ, однако, рѣка тутъ была сразу глубока; большой язь, дремавшій неподвижно, былъ виденъ въ глубинѣ, а мелкая плотва, блестя чешуйкой на солнцѣ, то здѣсь, то тамъ выскакивала изъ воды, спасаясь отъ крупной рыбы, которая тоже иногда, громко плеснувшись, показывалась наружу. На томъ, болѣе высокомъ берегу, поросшемъ отъ самой воды ежевикою и мелкимъ ивнякомъ, по которому лѣзла кверху павилика, вся усыпанная бѣлыми пахучими цвѣточками, и виднѣлись желтые ирисы и другіе цвѣты, тянулась обширная поляна съ поставленными у самой рѣки стогами сѣна, обнесенными оградой изъ жердей и тутъ же паслись крестьянскія лошади; онѣ стояли по двѣ и по три вмѣстѣ, вздрагивая и энергично отмахиваясь хвостами отъ оводовъ, слѣпней и иной кусающей твари, положивъ головы на спины другъ другу; одна валялась, подрыгивая ногами, а лошадки двѣ вошли неглубоко въ самую воду и остановились, непрестанно махая какъ заведенныя машинки, головами; слышалось фырканье лошадей и чавканье ихъ; въ воздухѣ носились, задавая круги, два коршуна, а по рѣкѣ съ одного берега на другой, перелетали, сіяя на солнцѣ лазурью перьевъ, зимородки.

Было очень жарко, рѣка протекала въ зеленыхъ берегахъ такая чистая, свѣжая, красивая, что я под-

дался соблазну и, быстро раздѣвшись, бросился въ воду.

Какое это было наслажденіе, когда выплывъ на середину рѣки я отдался ей, держась на спинѣ безъ движенія и понемногу погружаясь вглубь! Передать этого нельзя, лишь испытывавшій самъ купанье послѣ долгой тяжелой ходьбы подъ палящимъ солнцемъ и при такой обстановкѣ пойметъ меня. Усталость, жажда—все прошло, и я, вполнѣ освѣженный, пошелъ дальше.

Отъ рѣки пахло тиной, а слѣва несся великолѣпный запахъ сѣна и какого-то очень ароматичнаго болотнаго растенія, подкошеннаго и подсыхавшаго тутъ же. Между лугомъ и рѣкою шла ложбинка съ сочною травою и небольшими кое-гдѣ кочками,—мѣсто сырое, „потное“. Минай сразу объявилъ:

— Быть тутъ дупелю! Самое ему придовольствіе!

И дѣйствительно вскорѣ я уже стрѣлялъ по дупелю изъ-подъ стойки, но промахнулся первымъ выстрѣломъ, заспѣшивъ какъ всегда, а дать второй помѣшалъ дымъ, застлавшій дупеля; Минай замѣтилъ куда онъ пересѣлъ, мы навели на него собаку, но я опять, уже изъ обоихъ стволовъ, промахнулся; Ускоку моему такая стрѣльба надоѣла и онъ рѣшилъ самъ справиться съ дупелемъ и погнался за нимъ; дупель летѣлъ очень лѣниво и, какъ только мы отозвали собаку, опустился; я пошелъ прямо на него, поднялъ, первымъ выстрѣломъ „промазалъ“ таки, а вторымъ попалъ, но уже когда дупель летѣлъ надъ камышами; тамъ онъ свалился гдѣ-то въ густой заросли и такъ-таки и пропалъ для насъ. Ускокъ молча, съ глубокою укоризною посмотрѣлъ на меня, но въ сущности напрасно; въ общемъ я настрѣлялъ много дичи, а выходя изъ болота убилъ еще налетѣвшаго на меня неосторожно (онъ самъ гнался за бекасомъ) коршуна.

Дорогой Минай разсказалъ мнѣ, какъ у нихъ на селѣ умеръ недавно крестьянинъ „отъ жены“.

— На сходѣ у насъ надысь вино пили, потому писаря волостного къ нашему обчеству приписали; за согласіе, значитъ; и усадьбу ему отвели, усадьбу хорошую, на томъ порядкѣ, на старомъ. Ну, а Василій и польстись на вино на даровое, вотъ какъ польстился, не пожалѣлъ! Раза четыре подходилъ, а то и болѣ. Захмелѣлъ дюже, даже съ мѣста сойти не смогъ, тамъ и свалился, пьяный. Къ вечеру, слышь, добрался ко дворамъ, а на утро—что это такое? и встать не можетъ, невмоготу. Нутро горитъ все и подъ сердце подкатило, подъ сердце. Ну, онъ къ старухѣ своей, добудь, говоритъ, Анисья, винца, хучь бы косушку, полѣчи ты меня, Христа ради! А баба, это, пожалѣла денегъ. Лежи говоритъ и такъ, тебя, говоритъ, пьяницу стараго, не опоишь винищемъ-то, довольно съ тебя и вчерашняго! Ахъ, и грѣхи тяжкіе! Вѣдь съ того и померъ человѣкъ, что не дала ему баба вина. Пожалѣла малости самой, а что надѣлала, что надѣлала-то глупая! Весь день и и ночь воду онъ пилъ холодную, а на утро и кончаться сталъ. Пришли мы къ нему, по сосѣдству, проститься, проститься, значитъ, а онъ это и говоритъ: прощайте, отъ бабы кончаюсь, пожалѣла винца дать! Старуха-то его лежитъ у лавки, голоситъ... Ну, въ тотъ же день и померъ...

Въ концѣ концовъ мечтанія и надежды Миная не обманули его,—ему спустя лѣтъ двадцать послѣ того, какъ мы съ нимъ встрѣтились впервые, „повезло“ наконецъ и удалось таки „поправиться“. Зимы двѣ онъ провелъ гдѣ-то въ отхожемъ промыслѣ, кажется работая на Дону въ каменно-угольныхъ копяхъ, и нѣкоторую сумму принесъ домой, обзавелся сносною лошадью, подправилъ избу и надворныя постройки, а такъ какъ къ тому времени подросли двое старшихъ его сыновей, то онъ заарендовалъ участокъ земли, поручивъ его обработку дѣтямъ, а самъ лѣтомъ вошелъ въ компанію съ другими рыбаками, откупившими для рыбной ловли

рѣку, и зарабатывалъ таки кое-что этимъ промысломъ. Послѣ случившагося пожара, истребившаго чуть не полъ-села, на полученную страховую премію, и при моей помощи, онъ завелъ себѣ совсѣмъ приличную усадьбу: изба уже не склонялась, какъ прежняя, на сторону, на гумнѣ виднѣлась густо и гладко покрытая соломой рига, дворъ выглядѣлъ не хуже чѣмъ у другихъ, а со временемъ даже на огородѣ появились грядки съ огурцами, капустой и зацвѣла пахучая конопля. Конечно всему этому благополучію Минай былъ обязанъ главнымъ образомъ сыновьямъ, оказавшимся дѣльными, работящими парнями, но самъ онъ не сомнѣвался въ томъ, что дѣла свои поправилъ онъ лично. Минай съ годами мало, по крайней мѣрѣ наружно, старился, совсѣмъ не сѣдѣлъ и не только не бросилъ охоту, но попрежнему перебирался съ весны и до морозовъ въ шалашъ на островѣ, ежедневно, однако, бывая на усадьбѣ. Совсѣмъ недавно я съ нимъ былъ опять на охотѣ, при чемъ оказалось, что у него даже завелась лягавая собака, забѣжавшая откуда-то на болото и приставшая къ Минаю, признавъ въ немъ своего-брата-охотника. Собака была плохенькая и замѣчательно худа, дичь чуяла не очень, но и не гоняла, а убитую птицу разыскивала хорошо. Минай очень ею гордился и вообще сіялъ довольствомъ...

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ удалось ранней весною освободиться отъ текущихъ дѣлъ и я надумалъ съѣздить на нѣсколько дней въ Спасское,—принадлежащее въ настоящее время племянникамъ, одинъ изъ которыхъ жилъ тамъ въ это время съ семьей,—чтобы, вспомнивъ старые годы, полюбоваться разливомъ Цны и покататься на немъ въ лодкѣ, а кстати и пострѣлять на тягѣ. Спасское отстоитъ отъ станціи недавно по-

строенной подъѣздной вѣтки Рязанско-Уральской желѣзной дороги не болѣе, какъ въ двадцати верстахъ, но всетаки я смущался душою, сидя еще въ вагонѣ желѣзной дороги и представляя себѣ этотъ переѣздъ на лошадяхъ, ибо была налицо весенняя распутица, вещь, какъ извѣстно, не шуточная. Чѣмъ ближе подходилъ поѣздъ къ нашимъ мѣстамъ, тѣмъ все меньше и меньше виднѣлось на поляхъ снѣга, а подъ конецъ онъ встрѣчался небольшими пятнами только кое-гдѣ въ перелѣскахъ, да по сѣвернымъ склонамъ овраговъ. Не спѣшившій поѣздъ дошелъ наконецъ до конечной станціи — „Сосновки" и, какъ только я вышелъ изъ вагона на платформу, да и раньше еще, на послѣднихъ переѣздахъ, меня охватилъ рой воспоминаній изъ далекаго прошлаго; оно реально воскресло для меня, благодаря знакомой съ дѣтства мѣстности.

Ничего, какъ по крайней мѣрѣ казалось издали, не измѣнилось: вотъ безконечно длинное село Ламки, Козловская большая дорога съ тѣми же самыми ветлами, тотъ же деревянный мостъ черезъ оврагъ, а вотъ и „бугоръ", поросшій лѣсомъ, такой же красивый, казавшійся мнѣ въ дѣтствѣ таинственнымъ, страшнымъ и безпредѣльнымъ; бугоръ, обрывавшійся кое-гдѣ отвѣсною глиняною стѣной, въ которой виднѣлись отверстія ямъ-пещеръ, гдѣ, какъ мы думали въ дѣтствѣ, жили въ давнія времена разбойники и таились клады.

На этомъ бугрѣ былъ разъ, дѣйствительно, найденъ кладъ, котелъ со старинными монетами, и по народной молвѣ, давно, очень давно, когда еще весь этотъ край былъ покрытъ лѣсами, на бугрѣ находилось, будто, тайное пристанище разбойниковъ, грабившихъ на существовавшей уже тогда большой дорогѣ путниковъ. Дивный по красотѣ бугоръ, служившій намъ мѣстомъ прогулокъ, во времена дѣтства мѣстомъ игръ, а потомъ охоты по вальдшнепамъ, открывалъ съ одной

стороны широкій видъ на окрестности, а съ другой круто спускался къ громадному пруду, на противоположномъ берегу котораго вытягивался порядокъ избъ одной изъ слободъ многолюдной Сосновки, къ пруду, въ которомъ мы въ дѣтствѣ купались и ловили гольцовъ во множествѣ...

Въ давніе годы мы изъ Спасскаго постоянно ѣзжали въ Сосновку къ друзьямъ нашимъ Прокуниным.

Новенькое станціонное зданіе, на крыльцо котораго я вышелъ, оказалось выстроеннымъ на базарной площади, являвшей совсѣмъ прежній видъ: такая же она была грязная, съ двумя двухъэтажными трактирами, деревянными рядами лавокъ, одною каменною лавкой и большими неуклюжими вѣсами. Справа виднѣлся выгонъ все съ тою же вѣтряною мельницей и стоявшей въ своей оградѣ каменною церковью красивой архитектуры; вдали поднимала въ высь свою остроконечную крышу съ крестомъ другая церковь болѣе скромная, деревянная, очень состарившаяся. Виднѣлись и новости: большое, аккуратно построенное и содержимое, зданіе земской больницы, школа, домъ почтово-телеграфнаго отдѣленія и цѣлый рядъ хлѣбныхъ амбаровъ.

За мною была выслана телѣжка тройкою и я, размѣстивъ и укрѣпивъ небольшой багажъ, усѣлся и тронулся въ путь. Онъ оказался не такъ дуренъ, какъ я ожидалъ; особенно грязно и трудно было ѣхать лишь селами, а въ лѣсу, гдѣ дорога пролегала песками, да и полями, было недурно и часа черезъ два съ небольшимъ я добрался до Спасскаго не только не усталый, но, напротивъ, въ большомъ подъемѣ духа; деревенскій весенній воздухъ бодрилъ и веселилъ; онъ былъ не только свѣжъ и чистъ, но съ нимъ вдыхался непосредственный ароматъ земли; пахло черноземомъ, водою, слежавшимся листомъ, прошлогоднею оттаявшей травой.

И хотя еще и помина о зелени не было, но природа была уже хороша: бурный періодъ ранней весны, когда рѣками, шурша и ломаясь, идетъ ледъ, когда со всѣхъ сторонъ по склонамъ почвы стремительно несутся мутные ручьи, въ оврагахъ быстро образуются шумящіе, страшные своею разрушительною силой потоки, сносящіе плотины, когда надъ полями низко нависаетъ густой туманъ, а небо хмуро и темно, и обильно падающіе дожди смываютъ послѣдній снѣгъ, этотъ лихорадочный первый періодъ прошелъ. Весна попріутихла, словно отдыхая: воды слились съ полей и изъ лѣсовъ въ большіе водоемы, гдѣ разливъ держался долго, но уже мирно, не разрушая, не ломая ничего; земля начала просыхать и нагрѣваться подъ лучами засвѣтившаго на цѣлый рядъ дней солнца, почки на деревьяхъ разбухали и вездѣ слышался дневной и вечерній крикъ прилетѣвшихъ съ юга птицъ.

На слѣдующій по пріѣздѣ день всѣ мы, временные и постоянные обитатели Спасскаго мужеска пола, собрались на охоту, на тягу. Предстояло переѣхать на лодкахъ на ту сторону Цны, въ казенный лѣсъ, черезъ лугъ, представлявшій въ это время сплошное водное пространство шириною версты въ три-четыре, а въ длину тянущееся по теченію рѣки на очень далекое разстояніе. На громадной луговинѣ этой лежатъ нѣсколько озеръ, много болотъ и по ней кромѣ Цны протекаютъ, впадая въ нее и извиваясь на своемъ пути, еще двѣ рѣчонки. Но теперь была видна только вода, огромная площадь воды, ограниченная вначалѣ съ одной стороны лѣсомъ, тоже затопленнымъ, да высокою гатью-дамбою, по которой, какъ въ лагунахъ подъ Венеціей, шла большая дорога, омываемая съ обѣихъ сторонъ грязными волнами половодья, въ этомъ году очень высокаго. Весеннее солнце, еще не успѣвшее нагрѣть воздухъ, но нещадно ожигавшее лицо, оживляло однотонную картину разлива, воды котораго подальше отъ берега

блестѣли подъ лучами солнца, отражая ихъ, такъ что больно было смотрѣть, вблизи же плескались мутными, коричневыми волнами, покрывавшимися тамъ на просторѣ бѣлыми гребешками: дулъ сильный вѣтеръ.

Одѣвшись потеплѣе и какъ слѣдуетъ подпоясавшись, что для коренного русскаго человѣка является необходимымъ условіемъ долгой или нѣсколько опасной путины, мы разсѣлись въ трехъ небольшихъ рыбачьихъ лодкахъ, длинныхъ и узкихъ (не плоскодонкахъ) прямо на дно, на которое было навалено сѣно, и двинулись по разливу. Лодки съ мѣста стало слегка раскачивать, а когда мы выбрались на просторъ, гдѣ и вѣтеръ дулъ сильнѣе и было глубже, насъ стало порядочно качать и иная шальная волна захлестывала за бортъ и разбивалась о носъ лодки, обдавая насъ холодными брызгами. Плыли мы, несмотря на волненіе, шибко, огребаясь въ два весла, и часа черезъ полтора подъѣхали къ берегу.

Сразу надо было подняться на песчаный бугоръ, а тамъ оставалось до опушки лѣса съ полверсты открытымъ лугомъ.

Перейдя луговину, часть которой, и лѣтомъ болотистая, была теперь залита водой, мы вошли въ лѣсъ, начинавшійся у опушки кустами орѣшника, переходившими потомъ въ разнообразное мелколѣсье, и поднимавшійся затѣмъ сразу очень высокой стѣной дубовыхъ деревьевъ. Двигались мы просѣкою медленно, на каждомъ шагу приходилось перебираться черезъ ручьи или глубокія лужи. По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ высокой стѣнѣ стараго лѣса, мы оставляли на просѣкѣ по стрѣлку, а послѣдній изъ охотниковъ сталъ у самаго дубняка. Я выбралъ себѣ мѣсто приблизительно на полпути, на небольшой полянкѣ, поросшей мелкими кустами. Какъ разъ противъ меня клиномъ вдавался въ полянку густой и нѣсколько болѣе вытянувшійся, чѣмъ окружающія деревья, осинникъ; по полянѣ

шли рѣдкія, но очень высокія кочки, изъ которыхъ поднималась, частью поломавшаяся и пригнувшаяся, прошлогодняя сухая желтая болотная трава. Я усѣлся на кочкѣ у ольховаго куста и, какъ только затихли шаги и болтовня ушедшихъ впередъ охотниковъ, почувствовалъ себя въ знакомомъ охотничьемъ настроеніи при которомъ, благодаря дикости и пустынности окружающей природы, чувствуешь себя какъ бы затерявшимся въ этой природѣ, поглощеннымъ ею и отдаешься ей всѣми ощущеніями.

Солнце уже садилось, западъ былъ освѣщенъ красноватымъ свѣтомъ и невидимый хоръ исполнялъ „вечернюю зарю"; дивная симфонія слышалась въ воздухѣ, звучная и разнообразная по оркестровкѣ; основаніе ея, вѣрнѣе не прекращавшійся однообразный аккопманим:нтъ, составляли лягушки, вдругъ сразу загудѣвшія на лугу; на этомъ фонѣ, кромѣ немолчнаго щебетанія и посвистыванія мелкихъ пташекъ и басовыхъ нотъ бученя, слышались долетавшіе изъ сосѣдняго болота крики журавлей, кряканье взлетавшей гдѣнибудь утки и шипѣніе селезня; дикіе гуси кричали изрѣдка, и по лѣсу то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, поднималось пѣніе тетеревовъ, раздавался рѣзкій хохотъ совы или другого пернатаго хищника, а сверху доносились характерныя трели бекасовъ. Звуковъ было множество, это былъ дѣйствительно хоръ, весеннее славословіе, радостное и оживленное.

Заря побѣлѣла, вѣтеръ стихъ, влажный воздухъ ласкалъ лицо усилившимся, казалось, тепломъ; стало нѣсколько темнѣе. Недалеко отъ меня прогремѣлъ выстрѣлъ; я разслышалъ тяжелое шлепанье по водѣ чьихъ-то шаговъ и переговоры моихъ сосѣдей. И тутъ же раздалось, близко отъ меня и страшно громко, давно ожидаемое корканье. Заволновавшись по старой привычкѣ, я, держа ружье наготовѣ, озирался во всѣ стороны, но вальдшнепа не было видно, хотя корканье слышалось совсѣмъ рядомъ, немного лишь позади.

Этого вальдшнепа я такъ и не увидалъ, а также и еще нѣсколькихъ, пролетавшихъ около меня, но какъ будто нарочно минуя мою полянку. Уже немало выстрѣловъ было дано моими сосѣдями, но, наконецъ, пришла и моя очередь: поперекъ полянки тянулъ не спѣша вальдшнепъ; я выстрѣлилъ ему навстрѣчу, и второй разъ, но вальдшнепъ лишь метнулся въ сторону, измѣнивъ направленіе полета, и быстро пронесся мимо. Тяга была удачная, и мнѣ пришлось еще нѣсколько разъ стрѣлять, но убилъ я лишь одного вальдшнепа и провозился до полной темноты, разыскивая его въ молодомъ осинникѣ; въ концѣ-концовъ (я былъ безъ собаки) я его нашелъ-таки случайно, наступивъ на него.

Началось обычное послѣ охоты перекликаніе, и мы полегоньку двинулись къ рѣкѣ. Трофеями нашими оказались нѣсколько вальдшнеповъ, гусь и утка, тоже пролетѣвшіе достаточно низко черезъ линію стрѣлковъ. Птичій концертъ поослабѣлъ, много музыкантовъ отстало отъ хора, но лѣсъ все-таки былъ полонъ звуковъ. Ночь быстро надвигалась и темнота наступила значительная, часть неба закрылась облаками. Но все-таки, хотя мѣсяца не было, кое-что по близости разглядѣть можно еще было, особливо, когда мы спустились внизъ, къ водѣ.

Мы размѣстились на лодкахъ, края которыхъ весьма невысоко поднимались надъ уровнемъ воды, и поплыли. Я, какъ любитель гребного спорта, сѣлъ на носъ съ весломъ, и моя лодка, которою правилъ сзади, стоя на кормѣ, охотникъ-рыбакъ, знавшій наизусть всю эту мѣстность, даже когда она залита, пошла впередъ, указывая должное направленіе остальнымъ. Безпорядочное волненіе на разливѣ улеглось и лодки шли ровно и покойно, но была зыбь и отъ времени до времени насъ нагоняла широкая безшумная волна и плавно подымала и опускала.

Чудно было ѣхать: чувствовалось и по воздуху, и по движенію лодки, что мы на водѣ, слышалось всплескиваніе веселъ и шуршаніе ихъ о борты лодки, но благодаря полной темнотѣ воды не было видно, и даже когда мы въѣзжали въ кустъ прошлогодней осоки или камыша, то различить его было нельзя, а слышно было лишь какъ лодка раздвигала и сгибала его. Раза два наша флотилія спугивала утокъ; слышалось совсѣмъ рядомъ, какъ онѣ крякали и хлопали крыльями, взлетая. Мы ѣхали молча, изрѣдка перекликаясь съ одной лодки на другую, чтобы не разъѣхаться и не сбиться съ пути,—не хотѣлось нарушать торжественной тишины ночи.

И вдругъ до насъ долетѣлъ по водѣ далекій, чуть слышный, мелодичный, печальный звукъ; одно, два, три колебанія, вотъ немного послышнѣе, но звуки замерли; а тамъ опять, уже гораздо громче и ближе раздались удары въ церковный колоколъ и понеслись черезъ насъ назадъ, на тотъ берегъ и по всему разливу; я насчиталъ семь ударовъ, звучавшихъ густо, но словно подъ сурдинку, благодаря сырости воздуха. А вотъ и слѣва по водѣ, то ослабѣвая, то усиливаясь, раздался болѣе отдаленный звонъ.

Нашъ рулевой пересталъ огребаться, должно быть крестясь. Былъ страстной четвергъ и въ церквахъ Спасской и сосѣднихъ служились всенощныя со чтеніемъ „двѣнадцати Евангелій", сопровождаемымъ каждый разъ ударами въ колоколъ.

На берегу, къ которому мы направлялись, стали видны огоньки—освѣщенныя окна избъ, помогая намъ оріентироваться, а подъ конецъ вспыхнулъ у самой воды яркій огонь; запылала большая куча соломы, освѣщая разливъ на далекое пространство. Зажгли этотъ костеръ нарочно для насъ, какъ маякъ, и при его красноватомъ свѣтѣ мы причалили, въѣхавъ въ канаву, окружавшую прежде существовавшій въ этомъ

мѣстѣ огородъ, и побрели, шлепая по грязи большой дороги, а потомъ по саду, домой.

Поужинавъ и выпивъ чаю, мы скоро разошлись по своимъ угламъ, усталые, мечтающіе о снѣ и отдыхѣ. Но сонъ дался мнѣ не скоро. За ужиномъ мнѣ передали, что пока мы были на охотѣ ко мнѣ приходилъ изъ села старикъ и, узнавъ, что меня нѣтъ, пообѣщался придти въ другой разъ. На вопросъ мой—кто именно этотъ старикъ, прислуживавшій мальчикъ, изъ Спасскихъ, Карпушка, объявилъ, что онъ его не знаетъ, что онъ „странній" и велѣлъ про себя доложить, что былъ, молъ, Василій Лашманъ.

Васька Лашманъ! Господи, какъ это давно было! Такъ давно и все-таки такъ отчетливо, такъ картинно сохраняется въ моей памяти. Не даромъ онъ старикъ: тридцать слишкомъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я его не видалъ. Я легъ, думая о Лашманѣ, и думы эти долго не давали мнѣ заснуть.

Съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, я помню и „Ваську". Онъ не былъ нашимъ крѣпостнымъ, но жилъ въ Спасскомъ на барской усадьбѣ, потому что родители его служили у насъ по найму: отецъ его—Андрей Лашманъ, былъ постояннымъ годовымъ работникомъ, а мать стряпухой на застольной. Они были родомъ изъ сосѣдняго села, вольные люди изъ помѣщичьихъ, отпущенныхъ безъ надѣла, крестьянъ и поступили къ намъ тотчасъ послѣ реформы. Родители Васьки были простые и хорошіе люди, братья и сестры его ничѣмъ не выдѣлялись, но онъ былъ особенный человѣкъ. Мальчикомъ, а потомъ юношей, онъ не могъ не обратить на себя вниманія стройностью сложенія, правильностью чертъ красиваго лица, ловкостью и смѣлостью движеній и блестящими во всѣхъ отношеніяхъ способностями. Живые, черные глаза смотрѣли смѣло и умно, губы небольшого рта легко складывались то въ веселую, то въ презрительную усмѣшку, прямой носъ,

открытый лобъ были безупречны, и лицо выражало энергію и твердую волю.

Дѣтство мое и отрочество прошли въ Спасскомъ; запрета играть съ дворовыми мальчишками у насъ не было и, главнымъ образомъ зимою, время прогулокъ я проводилъ съ ними, а въ томъ числѣ съ Ваською, и сдружился съ нимъ. Онъ мастеръ былъ налаживать самыя замысловатыя игры, любилъ спортъ всякій и былъ удивительно „умѣлъ“ и предпріимчивъ. Случалось намъ предаваться и недозволеннымъ играмъ, мы бились на кулачкахъ, стѣна на стѣну, и тутъ уже, благодаря силѣ Васьки, всегда побѣждала та сторона, на которой онъ находился. Веселились мы не мало, катаясь въ устроенной Васькой на льду рѣки карусели, но особенно отличался онъ на большой ледяной горѣ, воздвигавшейся ежегодно въ Спасскомъ, въ саду; онъ одинъ изо всѣхъ насъ рѣшался скатываться, стоя на санкахъ и управляя ими лишь движеніемъ рукъ. И въ лѣтнихъ играхъ онъ былъ всегда первымъ: въ бабки съ нимъ играть нельзя было, онъ чуть не сразу сбивалъ длинный рядъ стоявшихъ на кону „казанковъ“, а „свинчатку“ (битокъ) бросалъ такъ, что слышно было, какъ она свиститъ по воздуху. Онъ отличался и въ „городкахъ“, и въ „чижикѣ“, и въ „лункахъ“, и весьма сознавалъ это и давалъ чувствовать свое превосходство.

Наука тоже далась Васькѣ легко; курсъ ученія у нашего сельскаго учителя Федора Макаровича, длившійся обычно три-четыре года, онъ прошелъ въ одну зиму, и бойко читалъ по церковному и по гражданскому, считалъ и даже писалъ сносно; дальнѣйше совершенствоваться въ наукахъ было негдѣ и теоретическое образованіе его остановилось.

Воспитанія онъ не получилъ, конечно, никакого, а оно-то ему было особенно нужно; необузданнаго мальчика было необходимо умѣло дисциплинировать, пріучить владѣть собой, сдерживаться, но всѣмъ этимъ,

разумѣется, некому было заниматься. Въ душѣ мальчика было много благородныхъ порывовъ, чувство справедливости было особенно присуще ему, онъ терпѣть не могъ лжи, заступался за обиженныхъ товарищей, держалъ данное слово; но эти хорошія качества исчезали въ немъ подъ вліяніемъ раздраженія и гнѣва; придя въ озлобленное и вообще возбужденное состояніе, онъ терялъ всякую способность разсуждать и совершалъ прямо дурные поступки, въ которыхъ часто потомъ раскаивался, а дерзости его, казалось, не было предѣловъ. Случалось, что, обозлившись на отца или мать за какое-нибудь несправедливое, по его мнѣнію, замѣчаніе или незаслуженный пинокъ, онъ грозилъ имъ невѣсть чѣмъ, лѣзъ на нихъ съ кулаками, а разъ, когда его за такое поведеніе высѣкли, онъ убѣжалъ съ усадьбы и пропадалъ болѣе недѣли; кончилось тѣмъ, что его, заболѣвшаго лихорадкою и совсѣмъ ослабѣвшаго, подобрали отправившіяся по грибы въ казенный лѣсъ спасскія бабы и доставили къ родителямъ. Все это время онъ таскался по лѣсу, а питался хлѣбомъ, добывая его ночами у насъ на усадьбѣ съ застольной, куда пробирался тайно; было ему тогда лѣтъ двѣнадцать.

Лашмана отдали въ ученье къ нашему кузнецу, работавшему на усадьбѣ; тотъ былъ малый добродушный, смирный и Васька съ нимъ ладилъ, хотя довольно часто, соскучившись однообразною работой, самовольно уходилъ съ нея и бродилъ, гдѣ придется.

Приблизительно тогда же, то-есть когда ему уже минуло лѣтъ шестнадцать, я началъ охотиться съ ружьемъ и его втянулъ въ это занятіе, снабдивъ старымъ ружьецомъ и дѣлясь порохомъ и дробью; очень скоро въ Васькѣ сказался прирожденный и страстный охотникъ, а стрѣлокъ изъ него вышелъ удивительный по мѣткости. Да не только стрѣлокъ. Черезъ какой-нибудь годъ послѣ того, какъ онъ впервые взялъ

ружье въ руки, онъ уже зналъ въ совершенствѣ привычки и нравы всевозможныхъ породъ дичи, какъ никто умѣлъ разыскать и высмотрѣть дичь, подманивалъ ее, поддѣлываясь подъ кряканье утки, дерганье перепела, чуфырканье тетерева, подвывалъ волковъ; весь обиходъ настоящаго охотника сталъ ему знакомъ, словно онъ проходилъ спеціальную егерскую школу.

Но увлеченіе охотой отбивало Василья на лѣтнее время, да и осенью, отъ правильной работы въ кузницѣ. Ученіе его окончилось, и вышелъ онъ плохимъ кузнецомъ, да и самъ онъ пренебрегалъ этимъ ремесломъ, не пришедшимся ему по вкусу. Ни нашъ, ни сельскій кузнецъ не принимали его въ помощники и съ годъ онъ, работая случайно кое-гдѣ и кое-какъ, а больше „лодырничая", какъ у насъ про него говорили, прожилъ въ Спасскомъ, совершенно огорчая поведеніемъ своимъ родителей. Плохо было дѣйствительно то, что Васька сталъ часто выпивать, а въ пьяномъ видѣ буянилъ и дрался. Лѣтомъ, съ начала охотничьяго сезона, Васька образумливался, совсѣмъ не пилъ и, занимая уже оффиціально у насъ положеніе егеря, съ выдачею ему жалованья, почти не жилъ на усадьбѣ, уходя въ дни, когда никто изъ насъ не охотился, съ ружьемъ на розыски дичи не только въ наши мѣста, но и дальше, въ казенныя дачи, и охотился вообще самъ, гдѣ придется, не стѣсняясь тѣмъ, что разрѣшенія на охоту въ той мѣстности мы не имѣли. Въ тѣ времена на охоту въ чужихъ мѣстахъ смотрѣли, какъ на нѣчто, хотя и легкомысленное, но допустимое, а егеря считали даже молодечествомъ выбить съ налета дичь въ какомъ-либо запретномъ мѣстѣ, казенномъ или частномъ, да еще подъ носомъ у лѣсной стражи или спеціальнаго караульнаго. Василій становился съ годами отчаяннымъ браконьеромъ; мои уговоры не дѣйствовали на него; онъ никакъ не могъ взять въ толкъ, какъ можно считать своей законной собственностью не

пойманную или застрѣленную дичь, свободно перелетающую съ мѣсто на мѣсто. Да и запретъ ходить по казенному лѣсу или крестьянскому, а то и господскому, болоту представлялся ему нелѣпымъ и несправедливымъ. Въ Васильѣ вообще наросталъ какой-то, ему самому неясный, протестъ противъ существующаго порядка. Всякіе запреты были ему не по душѣ, а начальство, устанавливающее и поддерживающее ихъ, тѣмъ болѣе. Все чаще и чаще намъ жаловались на Василья за его самовольство и озорство и сельское начальство› и лѣсные объѣздчики, и сосѣди-помѣщики. Мы старались усмирить предпріимчивость Василья, улаживали вызванныя имъ недоразумѣнія, и долгое время не отпускали со службы, цѣня его,—онъ былъ на охотѣ незамѣнимъ.

Какъ-то зимой,—меня не было въ Спасскомъ,—въ судьбѣ Лашмана произошелъ вызванный имъ самимъ кризисъ. Ни гончихъ, ни борзыхъ собакъ мы въ Спасскомъ не держали и зимой Василій, какъ егерь, былъ намъ не нуженъ, но—такъ какъ онъ былъ съ дѣтства свой на усадьбѣ, а мы его чрезвычайно цѣнили какъ охотника, то его оставляли при усадьбѣ, то на положеніи конюха, то кузнецомъ, а въ этомъ году опредѣлили на довольно фантастическую должность помощника дворецкаго. Обязанности этой службы очевидно не удовлетворяли Василія; онъ со скуки сталъ опять выпивать, а тамъ и вольничать: бралъ безъ дозволенія съ конюшни лошадь, запрягалъ въсани и самовольно уѣзжалъ куда ему хотѣлось съ ружьемъ, а то уходилъ пѣшкомъ съ усадьбы и съ недѣлю пропадалъ, неизвѣстно гдѣ. Съ отцомъ, хотѣвшимъ его на правахъ родителя, „поучить", расправился самымъ энергичнымъ образомъ, и наконецъ совсѣмъ пересталъ слушаться дворецкаго и нагрубилъ управляющему. Василія, хотя онъ и считался нашимъ любимчикомъ, пришлось разсчитать, предложить немедленно съѣхать съ усадьбы и не показываться больше на дворню.

Лашманъ, считавшій, что къ нему придрались и несправедливо уволили, написалъ мнѣ въ Москву, прося моего заступничества, но я не рѣшился отмѣнить распоряженія управляющаго, бывшее явно основательнымъ, и Василію пришлось покинуть Спасскую усадьбу. Это обстоятельство его глубоко оскорбило и обозлило, и онъ вскорѣ же выместилъ свое раздраженіе на дворецкомъ, подкарауливъ его въ уединенномъ мѣстѣ и сильно поколотивъ. Дворецкій пожаловался въ волостной судъ, и Лашмана приговорили къ аресту. Такого позора Васька не могъ выдержать и, пригрозивъ и судьямъ, и дворецкому, и управляющему „краснымъ пѣтухомъ", скрылся изъ Спасскаго, не простившись даже съ отцомъ.

Въ теченіе года о Лашманѣ доходили иногда въ Спасское слухи и очень для него неблагопріятные; говорили, что онъ въ дракѣ съ лѣсными объѣздчиками, хотѣвшими его задержать за самовольную гдѣ-то охоту, ранилъ одного изъ нихъ выстрѣломъ изъ ружья, за что его, будто, посадили въ тюрьму, что онъ оттуда бѣжалъ, водится съ плохими людьми, чуть ли не грабитъ на большой дорогѣ. Съ точностью я не знаю, какъ для Лашмана, объ отсутствіи котораго мы очень сожалѣли лѣтомъ, прошелъ этотъ годъ; но слухи о немъ были, очевидно, преувеличены и невѣрны. Позднею осенью мы узнали уже достовѣрно, что Василій досталъ изъ волости, къ которой семья его была приписана, такъ какъ онъ достигъ совершеннолѣтія, паспортъ и въ губернскомъ городѣ продалъ себя въ „охотники", то-есть вступилъ черезъ агента-спеціалиста въ договоръ съ богатымъ торговцемъ-мѣщаниномъ, сыну котораго приходилось идти въ солдаты, о поступленіи за него въ военную службу. Въ то еще дореформенное время общей воинской повинности не существовало и такія сдѣлки—пріобрѣтеніе зачетной рекрутской квитанціи—совершались даже не

рѣдко. Въ Спасское Васька не зашелъ, но переслалъ отцу съ вѣрной оказіей довольно крупный денежный кушъ при письмѣ, въ которомъ смиренно просилъ прощенія за прошлое и родительскаго благословенія на новую жизнь, которую обѣщалъ повести по-хорошему.

Лашмана приняли на военную службу. Хотя весьма рѣдко,—не чаще раза въ годъ,—онъ писалъ отцу, сообщая, что службою доволенъ и надѣется даже быть произведеннымъ въ унтеръ-офицеры. Мы порадовались за Ваську, но не судьба ему была идти общимъ путемъ, и вотъ чѣмъ кончилась внезапно его военная карьера.

Лашманъ на службѣ присмирѣлъ, выучился сдерживаться и, за весьма рѣдкими исключеніями, велъ себя прекрасно; за отличныя способности, расторопность, грамотность и нѣкоторое общее развитіе онъ цѣнился начальствомъ; случалось ему и въ полку выпивать, происходили иногда и ссоры, но до драки дѣло не доходило и изъ наказаній онъ подвергался, и то лишь въ началѣ службы, только назначенію на лишній караулъ; Лашманъ дѣйствительно имѣлъ быть произведеннымъ въ унтеръ-офицеры. Но какъ-то выпивъ лишнее съ товарищемъ, онъ, возвращаясь въ казарму, на дворѣ ея попался на глаза офицеру своего полка и, не разглядѣвъ его, не отдалъ чести. Въ иное время офицеръ, вѣроятно, сдѣлалъ бы видъ, что не замѣчаетъ подгулявшаго солдатика, но какъ нарочно въ этотъ разъ на дворѣ казармы было много нижнихъ чиновъ, видѣвшихъ всю сцену, и нѣсколько другихъ офицеровъ. Нельзя было оставить дѣло такъ. Офицеръ крикнулъ Лашману:

— Развѣ не видишь меня? И въ какомъ ты видѣ! Какого батальона и роты, какъ зовутъ? Гдѣ ты, мерзавецъ, такъ нализался?

Лашмана, возбужденнаго виномъ, передернуло, и обида закипѣла въ душѣ его.

— Накакъ нѣтъ, ваше благородіе,—смѣло ставъ передъ офицеромъ, отрапортовалъ онъ.

— Что никакъ нѣтъ? Не пьянъ развѣ!

— Я не мерзавецъ, ваше благородіе! Я такой же, какъ вы!

Сказалъ эти слова Лашманъ очень вызывающе, даже грубо, и офицеръ не выдержалъ. Разсердившись не въ мѣру въ свою очередь, онъ ударилъ Лашмана по лицу, а черезъ минуту лежалъ, сбитый отвѣтнымъ ударомъ Василья.

Лашмана, конечно, схватили, оттащили и заключили подъ стражу. Горячность и вино сослужили Лашману плохую службу: возникло серьезное дѣло. И непосредственному начальству Лашмана, и потерпѣвшему офицеру было жаль Василья, но онъ не могъ быть спасенъ и военный судъ приговорилъ его къ каторжнымъ работамъ.

Долго послѣ этого извѣстія не слыхалъ я ничего о Васькѣ. Отецъ его померъ, братья и сестры разбрелись изъ Спасскаго въ разныя стороны, но кто-то изъ нихъ остался на селѣ и отъ него, лѣтъ уже черезъ двадцать послѣ осужденія Лашмана, мы узнали, что Василій не погибъ. Онъ прислалъ письмо изъ Сибири, гдѣ жилъ на свободѣ, отбывъ сильно сокращенный ему по милостивому манифесту и за отличное поведеніе, срокъ каторги, въ качествѣ поселенца. Черезъ годъ пришло еще письмо, изъ котораго узнали, что Василій женился, что онъ уже приписанъ къ крестьянскому обществу и живетъ хорошо, благодаря охотѣ, бьетъ бѣлокъ, куницъ и соболей.

Въ этотъ мой пріѣздъ Василій Лашманъ, получившій разрѣшеніе на выѣздъ изъ Сибири, гостилъ съ женою въ Спасскомъ и, повидимому, пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы тутъ и остаться; охотой по дорого оплачивавшемуся пушнику звѣрю онъ разжился и присматривалъ себѣ поблизости клочекъ земли, который хотѣлъ ку-

пить, да собирался завести на селѣ какую-нибудь торговлю. Но мнѣ такъ и не пришлось его увидать. Вставъ поздно послѣ плохо проведенной ночи, я узналъ, что Василій заходилъ утромъ, но не дождавшись меня, опять ушелъ. Карпушка, докладывая о посѣщеніи Василія, хитро улыбался и добавилъ:

— Они выпимши и мнѣ двугривенный дали.

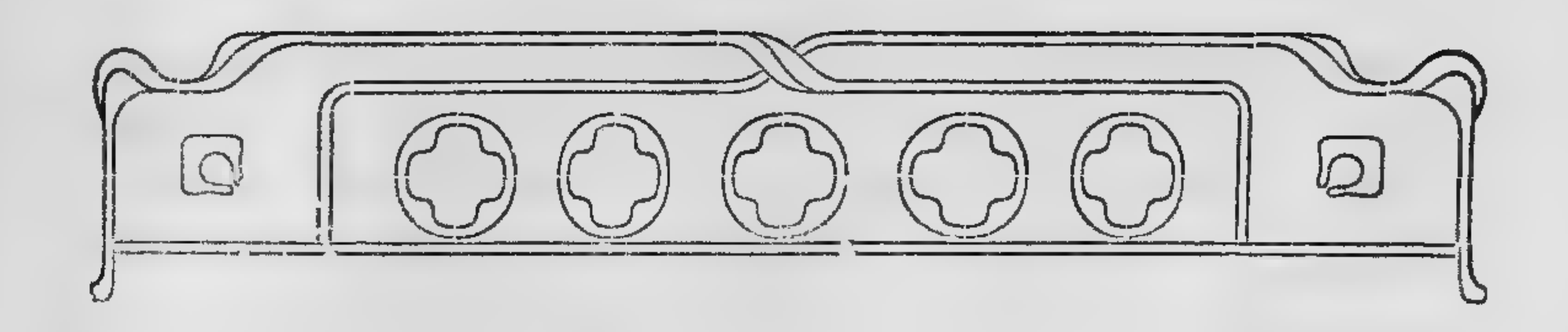
Черезъ недѣлю я уѣхалъ изъ Спасскаго, а въ этотъ періодъ времени Василій, запившій, по старой памяти, на Страстной, отбывалъ свою запойную повинность и самъ благоразумно рѣшилъ въ такомъ видѣ мнѣ не показываться.

Уѣзжая изъ Спасскаго, я не могъ похвалиться большимъ количествомъ убитой на мое ружье дичи, но погода все время благопріятствовала мнѣ и почти каждый вечеръ я стоялъ на тягѣ, а днемъ бродилъ по окрестностямъ, любуясь быстрымъ движеніемъ весны... При мнѣ уже зазеленѣла трава, въ лѣсу на полянкахъ появились цвѣты, стали развертываться почки на кустахъ, вода быстро спадала. Но въ самый день отъѣзда весна напомнила намъ, что она еще ранняя: съ утра повалилъ хлопьями мокрый снѣгъ пополамъ съ дождемъ, да при жестокомъ вѣтрѣ; поднялась своего рода метель, нагнавшая темноту и холодъ. Длилась такая погода цѣлый день, такъ что я, добравшись до Сосновской станціи въ обледенѣломъ пальто, обрадовался ей какъ невѣсть какому культурному учрежденію, и даже въ грязный и вонючій вагонъ желѣзной дороги сѣлъ не безъ удовольствія, ибо въ окно такъ и било снѣгомъ и стегало дождемъ по всему вагону.

VI.

Облава.

VI.

Облава.

Въ день облавы, съ утра, въ нижнемъ этажѣ нашего большого деревенскаго дома въ Спасскомъ на „мужской половинѣ“, гдѣ помѣщалась вся наша молодая компанія,—старшіе братья, я и нѣсколько пріѣхавшихъ къ намъ погостить моихъ товарищей по университету,—царило большое оживленіе, слышалось хлопанье дверей, бѣготня по коридору и призывы „Егора“, „Мишки“ и т. п.

Насъ разбудили еще при темнотѣ, и вскорѣ всѣ мы собрались въ библіотекѣ, служившей намъ охотничьею комнатой. Тамъ шелъ великій сумбуръ; мы при свѣтѣ двухъ свѣчекъ снаряжались на охоту: кто надѣвалъ высокіе сапоги, кто набивалъ патроны, насыпалъ порохъ въ пороховницу, кто разыскивалъ пропавшую въ послѣдній моментъ пистонницу, ежеминутно поминая по этому поводу чорта, кто перетягивался ременнымъ поясомъ, привѣшивая къ нему кинжалъ, и тутъ же мы, находу, пили чай и болтали про охоту, отъ которой ожидали очень многаго.

Этою осенью, несмотря на то, что шла еще первая половина сентября, къ намъ уже неоднократно обращались крестьяне, жалуясь, что волки задрали или поранили то жеребенка, то овцу, а потому мы и рѣшили устроить въ большомъ „Арбатскомъ“ лѣсу, верстъ за 10 отъ насъ, облаву спеціально по волкамъ; наканунѣ

охоты вернулись двое нашихъ егерей, подвывавшіе волковъ, и доложили, что въ лѣсу держатся два больших выводка. Снарядившись, наконецъ, мы вышли на крыльцо, у котораго стояли запряженныя тройкой дроги на шесть человѣкъ и двѣ телѣжки парою, разсѣлись, гдѣ кому пришлось, и поѣздъ нашъ двинулся въ путь. Уже совсѣмъ разсвѣло, было холодновато, но день обѣщалъ стать яснымъ; отъ рѣки и низкихъ мѣстъ поднимался густой туманъ. Свѣжій воздухъ, быстрая ѣзда по хорошей дорогѣ дѣйствовали возбуждающе; мы были въ наилучшемъ расположеніи духа и съ увлеченіемъ пѣли хоромъ довольно легкомысленную нѣмецкую охотничью пѣсню: „Und ist denn der Kittel von vorne? nicht zusammen" и т. д.

Когда мы подъѣхали къ сборному мѣсту, то солнце уже взошло, разогнавъ туманъ, и намъ представилась очень интересная и живописная картина: мы ѣхали лугами, низиной, а тутъ какъ разъ выбрались на возвышенность, откуда начинался лѣсъ, въ которомъ намъ предстояло охотиться; онъ былъ удивительно красивъ, благодаря осеннему разнообразію листвы; пожелтѣвшія деревья блестѣли будто золотомъ на общемъ болѣе темномъ фонѣ довольно еще густой зелени, на которой яркими пятнами выступала красная листва осинокъ и другихъ древесныхъ породъ. Съ возвышенности вся долина, которою мы ѣхали, окаймленная дальнею линіей лѣсовъ, замыкавшихъ ее съ одной стороны, была отчетливо видна; рѣка, то уходившая вдаль, то приближавшаяся къ дорогѣ, блестѣла на солнцѣ особенно ярко, какъ это бываетъ только въ хорошіе осенніе дни, и, отражая небо, казалась совсѣмъ голубой; разбросанныя по долинѣ небольшія ольховыя рощи выдѣлялись, благодаря ясности воздуха, рельефно, и казались нарочно посаженными клумбами декоративныхъ растеній, а заливной лугъ былъ зеленъ и красивъ какъ весною...

У опушки лѣса, гдѣ мы остановились, около избы

сторожа сидѣли и стояли большою толпой крестьяне-загонщики, мальчики и взрослые, всѣ съ дубинками; тутъ же виднѣлась телѣга съ тенетами, съѣстными припасами и боченкомъ водки и экипажъ пріѣхавшихъ раньше насъ сосѣдей, которые въ ожиданіи насъ сидѣли съ ружьями въ рукахъ на холмикѣ у самаго лѣса; въ толпѣ шелъ оживленный говоръ и слышался смѣхъ мальчишекъ.

Какъ только мы вышли изъ экипажей, къ намъ подошелъ, отдѣлившись отъ толпы, Марка, всегдашній заводчикъ облавы, набиравшейся нами въ сосѣднемъ селѣ, гдѣ крестьяне издавна хорошо знали эту охоту. Марка или Маркочка былъ прелестный старикъ: бодрый, энергичный, маленькаго роста, совсѣмъ бѣлый, но свѣжій и румяный, со свѣтлыми голубыми глазами; онъ обладалъ сильнымъ звонкимъ теноромъ, который мы всегда узнавали среди гама и крика облавщиковъ; съ нимъ же подошелъ и другой заправила облавы, Ѳедосъ, мужикъ корявый и несуразный не только наружностью, но и говоромъ, который не сразу можно было разобрать. Мы тотчасъ же приступили къ обсужденію съ ними вопросовъ о томъ, гдѣ сдѣлать первый загонъ, съ какой стороны начать гнать и т. п., а въ это время показался еще экипажъ, и мы узнали неизмѣнную тройку рыжихъ и широкія, низкія дроги нашихъ сосѣдей и большихъ друзей Прокуниныхъ, извѣщенныхъ нами заранѣе объ охотѣ. На козлахъ дрогъ виднѣлась съ дѣтства мнѣ знакомая фигура кучера Виссара въ рыжемъ архалукѣ, перетянутомъ ременнымъ поясомъ съ мѣднымъ наборомъ, въ высокомъ, невѣроятной формы, картузѣ. Виссаръ сидѣлъ, по своему обычаю, какъ изваяніе, безъ какого-либо движенія въ фигурѣ и даже на лицѣ, строгомъ и красивомъ. Мы уже распознали и сѣдоковъ, которые еще издали махали платками и что-то усиленно кричали, подъ конецъ же сдѣлали съ экипажа привѣтственный залпъ изъ ружей, на который наша моло-

дежь, не выдержавъ, отвѣтила пальбой и громкимъ „ура“, которое напрасно унимали болѣе солидные охотники, основательно замѣчая, что мы напугаемъ и разгонимъ волковъ. Но нельзя намъ было воздержаться: ужъ очень хорошо и весело было въ это ясное, солнечное утро, когда кругомъ все тоже, казалось, ликовало и было полно радости бытія.

Воодушевленіе наше послѣ встрѣчи дошло до апогея и распространилось на облавщиковъ, которые упросили угостить ихъ передъ началомъ работы стаканчикомъ водки; боченокъ раскупорили, съ телѣги достали нѣсколько ржаныхъ хлѣбовъ, и Яковъ Ивановичъ съ Васильемъ,—наши лейбъ-охотники,—поднесли загонщикамъ по чарочкѣ. Яковъ Ивановичъ не забылъ и себя и, покончивъ съ угощеніемъ, которое прошло чинно и степенно, сотворилъ татарскую молитву и выпилъ добрую порцію водки; татарская молитва Якова Ивановича была собственнымъ его изобрѣтеніемъ, примѣнялась же имъ исключительно на охотѣ, а именно передъ выпивкою, и состояла въ томъ, что онъ клалъ шапку на землю и три раза черезъ нее кувыркался; когда же бывалъ въ ударѣ, то валялъ потомъ въ присядку, припѣвая какую-то дребедень въ родѣ: „трюки-крюки шапку въ руки“.

Наконецъ, вся наша ватага двинулась къ мѣсту перваго загона; по мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, громкій говоръ стихалъ, а когда мы подошли къ опушкѣ лѣса, то всякій шумъ замолкъ, и мы переговаривались шепотомъ; облавщики, раздѣлившись на два крыла, разошлись въ разныя стороны и скрылись въ лѣсу, а насъ Марка повелъ на стрѣлковыя мѣста. Линія охотниковъ вытянулась вдоль опушки, при чемъ стрѣлковъ не хватило и съ одного края пришлось растянуть по кустамъ тенета и поставить нѣсколько крестьянъ съ дубинами. Мое мѣсто оказалось предпослѣднимъ, справа отъ меня сталъ одинъ изъ гости-

вшихъ у насъ товарищей, а слѣва,—крайнимъ къ тенетамъ,—Яковъ Ивановичъ. Какъ разъ передо мной лежало небольшое высохшее болото, поросшее лишь кое-гдѣ невысокими корявыми березками и тальникомъ, а на самой опушкѣ стояло нѣсколько крупныхъ березъ, у одной изъ которыхъ я и устроился.

Оглядѣвшись и убѣдившись, что я вижу обоихъ моихъ сосѣдей и что они тоже замѣтили выбранную мною позицію, я тщательно изучилъ лежавшее передо мною пространство, стараясь опредѣлить, откуда именно можетъ выбѣжать волкъ, и мысленно пристрѣливаясь; наконецъ, закуривъ папиросу, я сѣлъ на землю, прислонившись къ стволу березы. Несмотря на присутствіе массы народа, въ лѣсу господствовала совершенная тишина, нарушавшаяся лишь чириканьемъ пташекъ да присущимъ лѣсу, не потерявшему листвы, шелестомъ и шорохомъ. Тишина эта продолжалась долго, казалось, очень долго; ко мнѣ въ гости приходилъ мой сосѣдъ справа, поболталъ, выкурилъ папиросу и ушелъ на свой №, а въ лѣсу было все спокойно. Я, полулежа на мягкой, поросшей густымъ мохомъ торфяной землѣ болота, наслаждался теплымъ, но влажнымъ и ароматнымъ воздухомъ, свойственнымъ осенью лѣсу, и пригрѣтый солнцемъ, не то что задремалъ, а, задумавшись, Богъ знаетъ о чемъ, забылся...

Но вотъ раздался рѣзкій, посторонній лѣсу звукъ, я встрепенулся и вскочилъ на ноги; это мой сосѣдъ справа взвелъ курки ружья; я машинально послѣдовалъ его примѣру и сталъ прислушиваться: очень издалека, изъ глубины лѣса, до меня долетѣлъ звукъ человѣческаго голоса, не то окрикъ, не то оборвавшаяся пѣсня; немного спустя еще разъ, а затѣмъ все чаще и чаще, почти непрерывно, и уже не одинъ, а много голосовъ; я сталъ различать тонкія, дѣтскія покрикиванья, а вотъ слѣва и, какъ мнѣ показалось, гораздо ближе и гуще понеслась новая волна непрерывающих-

ся звуковъ, дикихъ, своеобразныхъ, но въ общемъ не лишенныхъ гармоничности, иногда замиравшихъ; на фонѣ этого хора выдѣлялись высокія ноты голосовъ мальчиковъ, донесся и теноръ Марки и явственно сталъ слышенъ шумъ и стукъ дубинокъ облавщиковъ по деревьямъ.

Трудно, передать какое волненіе охватываетъ охотника, особенно молодого, да еще на первой въ году облавѣ, при звукахъ начавшагося гона: сердце начинаетъ усиленно биться, по тѣлу пробѣгаетъ легкая дрожь и весь со страстью отдаешься слуху и зрѣнію, ожидая, что вотъ-вотъ изъ-за куста покажется голова звѣря. Между тѣмъ на правомъ крылѣ загонщиковъ что-то случилось; сперва голоса ихъ стали до меня долетать менѣе явственно, и я понялъ, что они спустились въ оврагъ, но вдругъ гулъ въ ихъ сторонѣ поднялся вдвое, втрое сильнѣе, крики и стуканье дубинокъ стали энергичнѣе, порывистѣе, страстнѣе; это были уже не методичныя, вялыя покрикиванья, а настоящій ревъ, можно было разслышать: „вотъ онъ, вотъ онъ!“—иногда выдѣлялся такой рѣзкій, отчаянный крикъ или визгъ, что онъ прямо пугалъ, и вотъ направо отъ меня по линіи охотниковъ раздался выстрѣлъ, а за нимъ вскорѣ два подрядъ и еще одинъ; съ лѣвой стороны крики облавщиковъ тоже стали слышнѣе, а волненіе мое все росло и росло.

Облава, видимо, приближалась; двѣ-три сороки, покрикивая и пересаживаясь съ березы на березу, пролетѣли изъ лѣса; на минуту, какъ мнѣ показалось, ближайшіе облавщики перестали шумѣть, словно пріуставъ, и мнѣ подумалось, что загонъ конченъ, какъ вдругъ я буквально обомлѣлъ, увидавъ, что справа черезъ болото, прямо на меня, бѣгутъ, легко перепрыгивая черезъ кочки и не особенно даже быстро, два волка. Я давно уже ждалъ появленія волковъ, но тутъ былъ совсѣмъ пораженъ, что „оно“ настало и такъ

просто; помню, что у меня мелькнула мысль: „да что это Паша не стрѣляетъ?“—и что я, неизвѣстно зачѣмъ, присѣлъ на корточки и въ такомъ неудобномъ положеніи выстрѣлилъ въ перваго волка; оба они продолжали бѣжать, я поднялся на ноги, далъ еще выстрѣлъ и увидалъ, что второй волкъ упалъ на передъ, перевернулся, вскочилъ и скрылся въ кустахъ. „Ушелъ“, подумалъ я и въ тотъ же моментъ услыхалъ совсѣмъ рядомъ слѣва два выстрѣла, слѣдовавшіе одинъ за другимъ, и жестокій гамъ облавщиковъ, выбѣгавшихъ изъ кустовъ съ крикомъ: „Вотъ онъ, вотъ онъ“; всѣ они бѣжали налѣво, откуда раздавались крики уже не гонные: „бей его“, „съѣстъ“, и я разслышалъ голосъ Якова Ивановича, звавшаго меня. На номерѣ нечего было больше дѣлать, и я, зарядивъ ружье, поспѣшилъ на полянку, расположенную противъ сосѣдняго номера слѣва; тамъ у опушки шла возня съ волкомъ: онъ, несмотря на тяжелую рану въ задъ, не только твердо сидѣлъ, но даже набрасывался на Якова Ивановича, хватая зубами дуло ружья, которое тотъ ему подставлялъ; на почтительномъ разстояніи отъ звѣря стояла толпа подростковъ, не рѣшаясь подойти поближе; но вотъ выбѣжали два-три здоровыхъ парня и въ нѣсколько ударовъ дубинками по головѣ волка убили его. Яковъ Ивановичъ, выпаливъ два раза въ волка, по которому я промахнулся, свалилъ его и, не зарядивъ ружья, бросился къ нему, полагая, что волкъ готовъ, но тотъ поднялся, сѣлъ на заднія лапы и, злобно щелкая зубами, порывался схватить набѣжавшаго вплотную Якова Ивановича, который сунулъ въ него ружьемъ; волкъ такъ сильно вцѣпился зубами въ ружье, что помялъ у дула стволы.

Пока мы возились съ волкомъ Якова Ивановича, облавщики съ гиканьемъ и свистомъ вытащили изъ кустовъ, въ болотѣ, моего волка; оказалось, что онъ, перекувыркнувшись, отбѣжалъ не болѣе десяти шаговъ

и упалъ въ кустахъ мертвый; ему попали въ бокъ четыре картечины. Облавщики подваливали къ намъ изъ лѣса оживленные, взволнованные, находу разсказывая, какъ они увидѣли волковъ, какъ одинъ громадный прорвался назадъ, при чемъ Марка чуть не поподчивалъ его дубинкой, и рѣшительно всѣ, проходя мимо убитыхъ волковъ, считали необходимымъ ударить ихъ палкой или толкнуть ногой, а мальчики дергали ихъ за хвосты и всячески теребили; подходили и охотники, тоже возбужденные и веселые, каждый со своимъ разсказомъ о вынесенныхъ впечатлѣніяхъ. Выяснилось, что убитъ еще волкъ (всѣ три переярка), одинъ ушелъ въ луга сквозь линію стрѣлковъ, да волка два, въ томъ числѣ матерый, прорвались назадъ между облавщиками.

Второй загонъ прошелъ безуспѣшно, а такъ какъ солнце перешло уже за полдень, то мы сдѣлали привалъ, чтобы дать облавщикамъ отдохнуть и позавтракать привезенною съ собою провизіей. Мы еще сидѣли и валялись, отдыхая на подушкахъ отъ сидѣнья въ экипажахъ, заѣдая завтракъ мелкими, но очень вкусными арбузами, добытыми нашими егерями съ сосѣднихъ бахчей, когда облавщики, тоже закусивъ, двинулись къ мѣсту третьяго загона, а скоро и мы сѣли въ экипажи и лѣсною дорожкой, не спѣша, доѣхали до пункта, намѣченнаго для начала охоты. На этотъ разъ стрѣлкамъ пришлось стать вдоль лѣсной просѣки; я попалъ, по жребію, опять на одинъ изъ фланговыхъ номеровъ, рядомъ съ нашимъ крестьяниномъ Васильемъ Журавлевымъ.

Василій,—нашъ общій любимецъ,—не состоялъ въ „заправскихъ" охотникахъ, у него даже не было своего ружья; онъ служилъ у насъ на мельницѣ „засыпкой" и принадлежалъ къ зажиточной крестьянской семьѣ; къ охотѣ пристрастили его мы, благодаря тому, что брали съ собою на утреннія зори по уткамъ, а брали мы его

ради его умѣнья выбирать на озерахъ наилучшія мѣста для шалашей,—умѣнья вообще разыскивать всякую дичь и удивительнаго пониманія и любви къ природѣ, а также ради на рѣдкость милаго, веселаго и услужливаго характера. Стройный, средняго роста, бѣлокурый, онъ былъ типичнымъ представителемъ великорусскаго племени: волосы его, лежавшіе прямо, къ концу прядей подвивались и обрамляли правильный овалъ лица съ открытымъ лбомъ, прямымъ, но крупнымъ носомъ, и большими сѣровато-голубыми глазами, свѣтившимися умомъ и ласкою, усы и бородка слегка лишь оттѣняли подбородокъ и полныя губы, постоянно складывавшіяся въ веселую улыбку; помню, что часто покрывавшая его тонкимъ слоемъ мучная пыль придавала его свѣжему румяному лицу, не поддававшемуся загару, совсѣмъ изящный видъ. Василью жилось отлично, жена и всѣ его семейные души въ немъ не чаяли, не одобряя лишь пристрастія его къ охотѣ, которую они считали пустымъ занятіемъ, даже плохимъ дѣломъ, съ руки „барамъ", да развѣ какому-нибудь бездомному крестьянину-забулдыгѣ.

Когда мы стали на мѣсто, Василій подошелъ ко мнѣ и весело, шепоткомъ, передалъ мнѣ, какъ на него въ послѣдній загонъ, словно нарочно, будто бы зная, что ихъ на этой облавѣ не велѣно стрѣлять, все выскакивали зайцы, а одинъ до того былъ пораженъ, увидавъ его, что сѣлъ на заднія лапы и засвистѣлъ. Поболтавъ, Василій ушелъ на свой номеръ, и вскорѣ издали послышался дававшій сигналъ къ началу охоты высокій теноръ Марки, и пошелъ гонъ; въ началѣ его надо мною черезъ просѣку невысоко и плавно пролетѣлъ вальдшнепъ, очевидно, спугнутый поднявшимся въ лѣсу шумомъ; когда облавщики были еще далеко, въ центрѣ и у праваго крыла послышались выстрѣлы и, судя по гону, ясно стало, что мы опять попали на волковъ.

Такъ и вышло на самомъ дѣлѣ, и когда мы собрались на просѣкѣ, то увидѣли убитаго матерого волка, лежавшаго тутъ же и издававшаго и мертвымъ отвратительное зловоніе, а другого волокли изъ лѣса за заднія лапы облавщики. Наши охотники, а въ томъ числѣ и Василій, снимали въ это время съ кустовъ тенета; кто-то крикнулъ Василья, и я видѣлъ, какъ онъ нагнулся къ кусту, взялъ свое ружье и пошелъ, было, къ нашей группѣ, но въ это самое время раздался выстрѣлъ; было ясно, что выстрѣлилъ нечаянно Василій.

Помнится, братъ крикнулъ ему:

— Василій, что ты дѣлаешь, ты этакъ какъ разъ кого-нибудь зацѣпишь! На что онъ отвѣтилъ:

— И то зацѣпишь.

Я пристально взглянулъ на Василія и дрогнулъ: онъ стоялъ у куста, держа въ правой рукѣ стволъ ружья, опустивъ прикладъ на землю, лицо его было совсѣмъ безкровно, глаза широко раскрылись, а на правомъ боку, на сѣромъ армякѣ его, явственно видно было круглое черное пятно, какъ бы дыра.

— Василій!—закричалъ я,—да ты въ себя попалъ?

Василій положилъ руку на то мѣсто, гдѣ я замѣтилъ пятно, и тихимъ голосомъ отвѣтилъ:

— Никакъ въ себя.

Всѣ мы бросились къ нему, не сознавая еще вполнѣ ужаса случившагося, кто-то крикнулъ:

— Давай ружье, скидавай кафтанъ!

Василій выронилъ ружье, но кафтанъ не далъ снять, а опять тихо, какъ бы виновато сказалъ:

— Убилъ себя,—снялъ шапку и опустился на колѣни; стоя на колѣняхъ, онъ три раза поклонился намъ до земли и еще тише, но внятно произнесъ:

— Простите меня Бога ради,—и перекрестился. Силы стали ему, однако, измѣнять и онъ съ кроткою, виноватою улыбкой опустился на землю.

Только тутъ мы, словно очнувшись, принялись помогать Василью, сняли съ него армякъ, положили бережно на спину, принесли воды, осмотрѣли и промыли рану; она была, очевидно, смертельная: въ правый бокъ, пониже груди, попалъ весь зарядъ—четырнадцать картечинъ.

Ужасный случай этотъ произошелъ такъ: Василій поставилъ ружье къ кусту, съ котораго снималъ тенета, и когда его позвали, машинально взялъ ружье за стволъ правою рукой и двинулся на зовъ, не оборачиваясь, а между тѣмъ ружье зацѣпилось опущеннымъ куркомъ за петлю сѣти, державшейся на кустѣ. Василій, не сообразивъ это, дернулъ ружье, курокъ взвелся и послѣдовалъ роковой выстрѣлъ.

Василій лежалъ теперь блѣдный, закрывъ глаза, тяжело дыша, и молчалъ; когда онъ заговорилъ, то попросилъ поскорѣе отвезти его въ ближайшее село прямо къ священнику, чтобъ успѣть пріобщиться Святыхъ Тайнъ; онъ наказывалъ еще передать отцу и женѣ, что Христомъ Богомъ молитъ у нихъ прощенія за причиненное горе, что нечаянно убилъ себя и что проситъ у всѣхъ, передъ кѣмъ провинился, простить его. Василій сознавалъ, что онъ умираетъ, и съ удивительною простотой и твердостью отнесся къ этому, но его мучила мысль о томъ, что онъ самъ виноватъ въ несчастномъ случаѣ, вызванномъ его неосторожностью, да еще не за дѣломъ, а на охотѣ, отъ которой его всегда отговаривали родные. Желаніе его исполнили, его перенесли и положили на дроги и повезли, насколько позволяла дорога, быстро въ отстоявшее отъ мѣста охоты верстахъ въ пяти село. Но Василій не доѣхалъ до него; дорогою онъ сперва лежалъ молча и не двигаясь, лишь крестясь отъ времени до времени, а потомъ попросилъ, чтобъ ему лицо накрыли платкомъ, и только тогда онъ раза три простоналъ и заметался... Когда подъѣхали къ селу, Василья не стало.

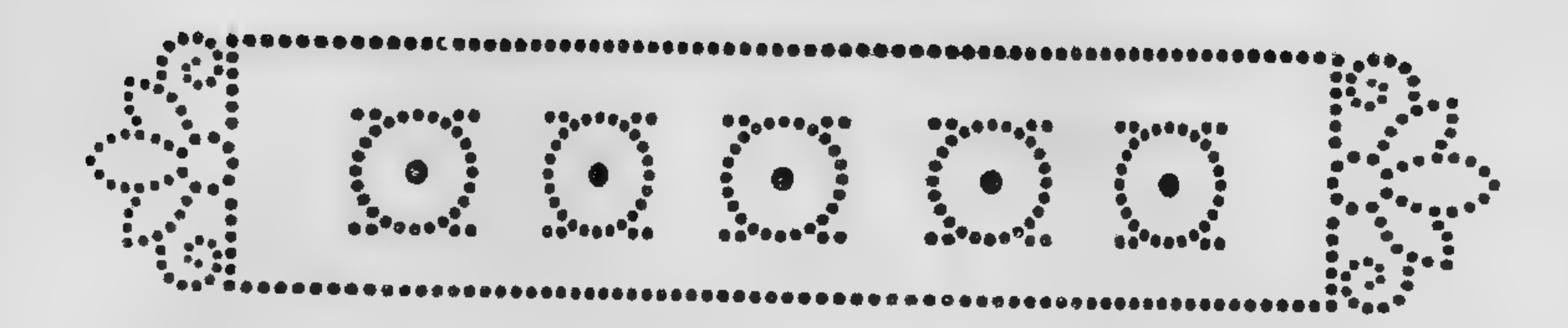
Такъ печально окончился начавшійся было безгранично весело день этотъ. Грустные, подавленные, съ тяжелымъ чувствомъ обиды, жестокой несправедливости и отвѣтственности за случившееся вернулись мы домой.

VII.

Былая провинція.

Былая провинція.

Въ губернскомъ городѣ N предстояли дворянскіе выборы,—эпоха въ прежніе годы знаменательная, во время которой губернская жизнь достигала своего апогея и всѣ элементы мѣстнаго общества, находясь въ состояніи высшаго напряженія силъ и способностей, давали наибольшее, что они могли дать... Въ это время, по сравненію съ нормальнымъ, день могъ быть сочтенъ за мѣсяцъ, и въ короткій срокъ—съ приготовленіями и эпилогомъ дворянское собраніе длилось не болѣе трехъ недѣль—совершалось такъ много, столь грандіозные результаты являлись на-лицо, что посторонній человѣкъ, да и сами участники губернской жизни, не могли не удивляться продуктивности ея.

Казалось, что на выборахъ не только подводился итогъ дѣятельности губернскаго общества за истекшее трехлѣтіе (очередныя дворянскія собранія бываютъ, какъ извѣстно, черезъ три года), но что общество и жило лишь въ ожиданіи этой эпохи и ради нея. И дѣйствительно, выборы давали смыслъ и красоту жизни общества, они вносили въ нее страстность и наконецъ, они были единственною ареной, на которой могла проявляться политическая самодѣятельность N-скихъ аборигентовъ. А потребность въ проявленіи политической самодѣятельности была всегда присуща жителямъ N-ской губерніи, очень можетъ быть оттого, что она свойственна вообще человѣку.

Самодѣятельность эта казалась къ тому же безусловно пріятной: она, во-первыхъ, была доступна не всѣмъ мѣстнымъ людямъ, а лишь привилегированнымъ, исключительно въ это время и лицезрѣвшимъ свои привилегіи, и не требовала отъ участниковъ выборовъ ни знаній, ни подготовки, ни какого-либо труда, обычно связанныхъ съ веденіемъ общественнаго дѣла, не представляла въ своемъ теченіи, хотя бы и бурномъ, риска подвергнуть агитатора особо строгой репрессіи власти и вообще какой-либо опасности; нужны были только рѣшительность и вдохновеніе.

Правда, какъ уже сказано, непосредственно въ самомъ выборномъ дѣлѣ принимали участіе лишь мѣстные дворяне-помѣщики, но представители остальныхъ классовъ населенія въ ту дальнюю пору,—начало 60-хъ годовъ,—не обижались на свое пассивное положеніе и довольствовались ролью зрителей совершавшихся великихъ событій, которыя къ тому же во всемъ кромѣ политической стороны вовлекали въ свой круговоротъ и прочихъ членовъ губернскаго общества. Наиболѣе заинтересованные политическими событіями, имѣвшими мѣсто во время выборовъ, кромѣ ихъ участниковъ, мѣстные сановники и чиновники, не дѣйствуя непосредственно сами на выборахъ, были однако имъ не чужды, вліяли на нихъ разными путями, принимали нерѣдко горячее участіе въ борьбѣ партій, интриговали. Другихъ классовъ населенія, строго говоря, тогда не было, не фактически конечно, а съ точки зрѣнія умозрительной, какъ членовъ общества, съ которыми стоило бы считаться.

Въ ту пору общественная жизнь въ городахъ была замѣчательно проста, и самый строй ея казался твердо и навсегда установленнымъ съ точнымъ распредѣленіемъ границъ, рода дѣятельности, правъ и обязанностей сословныхъ группъ и даже отдѣльныхъ лицъ. Существовали точно выработанные типы и шаблоны, къ кото-

рымъ и подгонялись въ большемъ или меньшемъ количествѣ всѣ обыватели. Всякій зналъ, напримѣръ, что такое военный офицеръ вообще и гусаръ въ особенности, и сами они это хорошо понимали и въ совершенствѣ выполняли свои обще-офицерскую и спеціально-гусарскую миссіи. Какъ только офицеръ начиналъ чувствовать духовныя потребности, превышающія нормальный военный обиходъ, то онъ, сознавая несоотвѣтствіе такого явленія съ предъявляемыми къ нему жизнью непреклонными требованіями, выходилъ въ отставку. Точно такъ же члены другихъ сословій жили жизнью, выработанною еще ихъ отцами, какъ по прописямъ, не уклоняясь отъ нихъ ни на іоту. Купецъ торговалъ бакалеей и галантереей, притомъ лично, стоя за прилавкомъ и зазывая покупателей, а въ коммерсанта еще не претворялся, въ картинахъ толка не понималъ и коллекцій не собиралъ; чиновникъ служилъ и не мнилъ себя ни на что иное способнымъ; мѣщанинъ занимался маклачествомъ и пѣтушьими боями. Все было отлично предусмотрѣно.

Были, конечно, и тогда люди „иныхъ профессій“, именуемыхъ нынѣ либеральными... Но въ то время, по правдѣ сказать, не существовало въ губерніяхъ ни „иныхъ профессій“, ни чего-либо либеральнаго. Учителя, напримѣръ, входили просто въ циклъ чиновниковъ, отличаясь отъ обычныхъ правительственныхъ агентовъ лишь тѣмъ, что меньше писали бумагъ и преподавали дѣтямъ такъ-называемыя науки. Жили еще въ N одинъ фотографъ и два аптекаря, да музыкантъ-піанистъ, но они были нѣмцы (одинъ аптекарь—полякъ). Нѣмцы вообще водились въ N-ской губерніи, занимая должности врачей, управляющихъ, директоровъ фабрикъ, учителей, изрѣдка коммерсантовъ или мастеровъ (настройщики, часовщики), но ихъ было не особенно много, и въ счетъ они не шли. Такъ просто—нѣмцы. Съ коренными обывателями они сносились охотно и любезно, но

въ интимность не входили и жили себѣ отдѣльнымъ міркомъ, не порывая связи съ родиной, будь она остзейской или чисто германской; они выписывали свои газеты и пиво въ боченкахъ, завели свою церковь съ органомъ и пасторомъ, посѣщали часто другъ-друга и даже устраивали литературные вечера, на которыхъ читали на разные голоса съ жестокимъ пафосомъ драмы Шиллера и Лессинга, не смущаясь нисколько тѣмъ, что иной разъ мужскую роль приходилось читать дамѣ и наоборотъ; торжественно и трогательно (а для N-скаго обывателя смѣшно) праздновали разные свои нѣмецкіе юбилеи, ради которыхъ украшали зеленью квартиру виновника торжества, говорили пышныя привѣтствія въ стихахъ, лили слезы и изображали на какихъ-нибудь фантастическихъ щитахъ и флагахъ „Willkommen", учиняли семейныя и общественныя елки, пѣли довольно скверно нѣмецкія пѣсни и... странно соединяли въ душѣ своей презрѣніе къ грубымъ жителямъ N съ любовью къ нимъ же, проявлявшеюся особенно горячо, когда эти нѣмцы уѣзжали къ себѣ домой, гдѣ они нерѣдко не находили ожидаемаго благополучія и начинали тосковать по болѣе широкой и привольной русской жизни.

Ну, а больше ужъ никого не было, за исключеніемъ развѣ „мужиковъ" и прислуги разныхъ категорій. Мужики,—крестьянами ихъ тогда еще никто не называлъ,—и въ то время составляли серьезный элементъ жизни, но исключительно деревенской; въ городѣ они теряли все свое значеніе и являлись въ таковой лишь въ видѣ просителей, таскаясь съ ранняго утра безъ всякой пользы, унылыми группами и съ непокрытыми головами, отъ одного подъѣзда присутственнаго мѣста къ другому, среди дня наполняли харчевни и простые трактиры, гдѣ ихъ по мѣрѣ силъ и возможности обирали или обыватели-маклаки, или писцы-чиновники, а вечеромъ уѣзжали изъ города обычно въ состояніи,

которое неправильно было бы назвать трезвымъ, уткнувшись лицомъ въ телѣгу или сани, за что немало страдали отъ кнутовъ обгонявшихъ ихъ или встрѣчныхъ ямщиковъ и кучеровъ.

Кромѣ мужиковъ, представители остальныхъ сословныхъ группъ въ дни дворянскаго собранія, и даже задолго до начала его, весьма оживлялись, а у мѣстныхъ дворянъ въ теченіе всего выборнаго сезона жизнь кипѣла ключомъ. Даже городъ принималъ иной внѣшній видъ, поражая неподготовленнаго зрителя сильнымъ движеніемъ на улицахъ, массою экипажей, эффектными шубами пріѣзжихъ дворянъ, блистательнымъ освѣщеніемъ по вечерамъ улицъ и магазиновъ и т. п. признаками, болѣе свойственными столицамъ, чѣмъ скромному N, въ которомъ въ обычное время горѣло всего-то не болѣе десятковъ трехъ уличныхъ фонарей (по-сосѣдству съ губернаторскимъ домомъ), а съ 9 часовъ вечера все населеніе отходило добросовѣстно ко сну, за исключеніемъ извозчиковъ, дожидавшихся господъ у подъѣзда „общественнаго клуба", и самихъ немногихъ клубскихъ посѣтителей. Извозчики, эти паріи человѣчества, и тѣ въ теченіе выборовъ расцвѣтали и, въ переносномъ, конечно, смыслѣ, отъѣдались на все остальное, кромѣ развѣ еще ярмарокъ, время. Обычно на нихъ никто не ѣздилъ, и было серьезно непонятно, что собственно побуждаетъ этихъ людей обзаводиться лошадьми, сбруей, экипажемъ и костюмомъ (костюмъ, положимъ, былъ неважный) и стоять безъ всякаго дѣла цѣлыми днями на „биржахъ". Но въ годы дворянскихъ выборовъ извозчики начинали работать еще задолго до собранія, во время котораго всѣ они поголовно разбирались пріѣзжими дворянами, никогда и никуда не ходившими пѣшкомъ и обычно бравшими возницъ безъ торга на цѣлый день.

Дня за три за четыре до открытія собранія можно было встрѣтить въ большомъ количествѣ въѣзжав-

шіе въ разныя заставы города и со всѣхъ его концовъ экипажи (желѣзныхъ дорогъ тогда въ провинціи еще не было), сани и возки съ сѣдоками въ медвѣжьихъ или енотовыхъ шубахъ и громадныхъ мѣховыхъ шапкахъ, запряженные собственными, а то ямскими лошадьми, и нырявшіе по неисчислимымъ и невѣроятно глубокимъ ухабамъ,—это начинался съѣздъ дворянъ. Одинокіе, особливо холостые, помѣщики останавливались въ гостиницахъ, а пріѣзжавшіе съ семействами—всегда у родственниковъ или знакомыхъ. Отели были нехороши въ N, да съ дамами считалось тогда зазорнымъ жить въ гостинцахъ. Несмотря на это, всѣ отели и даже постоялые дворы переполнялись пріѣзжими и тамъ воцарялись, вмѣсто обычнаго запустѣнія, шумъ, гамъ и веселіе немалое.

Общій видъ города N не отличался отъ обычнаго типа губернскихъ городовъ центральной полосы Россіи въ дореформенную эпоху. Городъ пересѣкала длиннѣйшая главная улица, на которой возвышались рядомъ съ небольшими деревянными домиками каменныя палаты мѣстныхъ богачей, лежали кое-гдѣ пустыри, красовались совершенно фантастическія по стилю постройки съ башнями, зубчатыми стѣнами, напоминавшія въ одно время и средневѣковый замокъ, и швейцарское шале, и русскую избу. Затѣмъ Садовая улица, дома которой укрывались отъ пыли чахлыми садочками и палисадниками; Базарная улица и площадь съ каменными рядами и магазинами довольно слабаго содержанія, множество боковыхъ улицъ и переулковъ, большею частью немощеныхъ, гдѣ низенькіе деревянные дома, нерѣдко прямо хибарки, чередовались съ посѣрѣвшими и погнувшимися впередъ или набокъ заборами,—улицъ, въ которыя осенью и весною въ распутицу въѣзжать было болѣе чѣмъ рискованно. Отдѣльно отъ другихъ стояли губернаторскій домъ и большое зданіе дворянскаго собранія; на берегу рѣки выдѣлялся массивный

соборъ, и, наконецъ, обращали на себя вниманіе острогъ, больница и театръ; церквей было много. Со зданій полицейскихъ частей поднимались въ высь пожарныя каланчи.

Во главѣ N-скаго общества въ описываемое время стоялъ, конечно, губернаторъ, чрезвычайно пріятный человѣкъ, тайный совѣтникъ и кавалеръ многихъ орденовъ, Николай Михайловичъ Чевцовъ. Въ молодости онъ служилъ въ гвардіи, но уже давно подвизался на поприщѣ гражданскомъ, а N-ской губерніей правилъ не менѣе 10 лѣтъ. Его превосходительство былъ, несмотря на изрядный возрастъ, очень красивъ и эффектенъ; высокій ростомъ, стройный, съ выраженіемъ благородства не только на челѣ, но даже въ походкѣ, со свѣжимъ лицомъ, украшеннымъ сѣдыми усами, отражавшимъ общее благоволеніе, рѣдко, лишь при необходимости покарать или обуздать строптивыхъ, временно омрачавшимся (онъ про эти случаи говорилъ: „j'ai du sevir"), съ карими глазами, легко проливавшими слезу умиленія,—онъ былъ настоящій начальникъ.

Никто, думается мнѣ, не умѣлъ такъ хорошо входить въ соборъ въ табельные дни или открывать дворянское собраніе, какъ Николай Михайловичъ. Шитый золотомъ мундиръ сидѣлъ на немъ неподражаемо элегантно и чрезвычайно шелъ къ нему; синяя лента лежала черезъ плечо, не дѣлая ни единой складки; звѣзды и другіе ордена покоились на его груди незыблемо, словно составляя часть его персоны; шпага не болталась безпомощно у бедра; стоялъ онъ въ соборѣ, выставивъ впередъ одну ногу и не шевелясь, но не по-солдатски, а съ торжественной граціей, сіяя сознаніемъ своей красоты и несравненнаго величія. И какъ онъ подходилъ ко кресту! Иныя дамы, классомъ не выше 8-го или изъ обывательскихъ, ходили въ соборъ не для молитвы, но только для того, чтобы посмотрѣть на Николая Михайловича, и невольно думали: „вотъ вѣдь и

не молодъ, а какъ пріятенъ“, и все такое прочее (дамы вообще влюблялись въ Николая Михайловича зачастую, а иныя довольно невоздержанно, что, при склонности Николая Михайловича къ дамской красотѣ, приводило ихъ легко ко взаимному сближенію).

Николай Михайловичъ управлялъ ввѣренной ему губерніей умѣренно и мягко, особо чудныхъ порядковъ не заводилъ, съ представителями другихъ вѣдомствъ и сословій не воевалъ, оставляя имъ достаточную свободу дѣйствій въ своей сферѣ и требуя лишь внѣшней покорности и ласки, при чемъ самъ искренно любилъ N-скихъ дѣятелей и называлъ ихъ, хотя бы они были даже враждебнаго вѣдомства, „своими“, и гордясь ими. Говоря про мѣстныхъ сановниковъ и чиновниковъ, онъ выражался всегда такъ: „мой прокуроръ“, „мой предводитель“, „моя губернія“. И онъ въ силу долгаго сидѣнья на томъ же воеводствѣ дѣйствительно чувствовалъ и вѣрилъ, что губернія принадлежитъ ему на вотчинномъ правѣ, что всѣ обыватели—его присные и обязаны по совѣсти любить, чтить и слушаться его. Онъ часто говорилъ на эту тему и, растрогавшись при мысли о собственной добротѣ, плакалъ и любилъ видѣть слезу сочувствія въ глазахъ собесѣдника.

Искренно благодушный, не знавшій вовсе ненависти, если когда-либо кому и вредившій, то неумышленно, такъ сказать, безсознательно, Николай Михайловичъ отступалъ въ одномъ случаѣ отъ своей доброты: онъ не переносилъ одного N-скаго аборигена, небогатаго помѣщика Петра Сергѣевича Одарина, вѣчно злился на него и, кажется, былъ способенъ задушить его собственными руками. Одаринъ проживалъ въ небольшомъ имѣніи своемъ съ крохотною усадьбой недалеко отъ N, но часто зимою наѣзжалъ въ городъ и даже устраивался мѣсяца на два, на три въ гостиницѣ; былъ онъ человѣкъ холостой и исполнялъ въ N обязанности „злого языка“ и остряка; про него люди пожилые го-

ворили, что онъ на все способенъ и ничего въ мірѣ не боится.

Въ оныя времена послѣднее качество было явленіемъ рѣдкимъ; тогда спасительный страхъ царилъ еще во всѣхъ сферахъ и люди всякихъ категорій ходили всегда болѣе или менѣе запуганные: мужики боялись господъ и особливо управителей; младшіе чиновники буквально трепетали передъ старшими, которые, съ своей стороны, боялись ревизіи и суда надъ собою; путники боялись разбойниковъ и мостовъ; купцы боялись чиновничьихъ поборовъ и воровъ; обыватели боялись полиціи и суда; люди низкаго происхожденія опасались чертей, вѣдьмъ и начальства; дѣти боялись (о, я это самъ хорошо помню! (розги; младшіе если не боялись, то притворялись, что боятся старшихъ; барышни боялись (но и любили тоже!) военныхъ офицеровъ; всѣ мѣстные жители боялись губернатора, т.-е. не губернатора лично,—никто, знавшій, напримѣръ Николая Михайловича, не могъ его бояться,—а власть губернаторскую, о которой никто достовѣрно не зналъ (не смотрѣть же въ самомъ дѣлѣ въ законахъ!), гдѣ она начинается и гдѣ кончается, и про безпредѣльность которой ходили самые фантастическіе разсказы; каждому думалось: а вдругъ онъ возьметъ да за фармазонство какое-нибудь и того: „хабенъ зи гевезенъ!“ Боялись, конечно (и резонно), жандармскаго штабъ-офицера. Наконецъ, кромѣ спеціальныхъ страховъ былъ страхъ вообще; многое казалось опаснымъ, подобно тому, какъ пѣтуху кажется страшнымъ и даже невозможнымъ переступить черезъ черту, сдѣланную передъ нимъ на полу мѣломъ. Такъ, простой народъ боялся ходить въ городской садъ, хотя входъ туда былъ разрѣшенъ всѣмъ; обыватели боялись курить на улицахъ, боялись открыто съѣсть скоромное въ солидный постъ, боялись всякаго собственнаго мнѣнія, несогласнаго съ рутиною, малѣйшаго нарушенія житейскаго этикета.

Одаринъ ничего такого не боялся: курилъ на улицахъ, полицеймейстеру умышленно не кланялся, публично говорилъ, что у порядочныхъ людей есть кодексъ, одинъ изъ статутовъ котораго воспрещаетъ быть „на ты“ съ жандармскимъ офицеромъ, въ клубѣ не платилъ штрафовъ, носилъ всегда въ карманѣ маленькій заряженный пистолетъ, не скрывалъ незаконнаго сожительства своего съ экономкою, не ѣлъ никогда постнаго, не ходилъ въ церковь даже въ большіе праздники, потѣшался надъ „всѣмъ святымъ“ и поднималъ на-смѣхъ рѣшительно всѣхъ, не стѣсняясь ни рангомъ, ни возрастомъ, ни поломъ, сочинялъ и читалъ стихи, или „вольные“, или такіе, что отъ нихъ покраснѣлъ бы самъ Барковъ—извѣстный авторъ-классикъ „этого“ направленія литературы, разсказывалъ анекдоты изъ мѣстной жизни и постоянно трунилъ надъ Николаемъ Михайловичемъ Чевцовымъ, при чемъ устраивался такъ, что губернаторъ каждый разъ узнавалъ про пущенные о немъ въ ходъ забавные разсказы.

А разсказамъ этимъ не было конца; Одаринъ въ лицахъ изображалъ, какъ Николай Михайловичъ вечеромъ отправляется incognito къ покровительствуемой имъ молодой вдовушкѣ и, будучи убѣжденъ въ секретѣ своего предпріятія, ходитъ пѣшкомъ, укрывши лицо епанчой, и не подозрѣвая, что вдова каждый разъ любезно предупреждается полицеймейстеромъ о выходѣ его превосходительства изъ дома, и что за нимъ на почтительной дистанціи слѣдуетъ помощникъ пристава, стоящіе же на пути городовые, увидя его, оборачиваются къ начальству спиной. По его словамъ, Николай Михайловичъ, объѣзжая недавно ввѣренную ему губернію, заснулъ въ дорожной каретѣ, а, пріѣхавъ на станцію, проснулся и замѣтилъ, что мѣстные становой и сотскіе осаживаютъ народъ, нарочно было-согнанный къ проѣзду его, но, въ виду сна генерала, оказавшійся неумѣстнымъ. Тогда онъ высунулся изъ

окна экипажа и мягко сказалъ сотскимъ, указывая рукою на крестьянъ:

— Оставьте ихъ, они такъ рѣдко меня видятъ!

Затѣмъ слѣдовали повѣствованія о томъ, какъ Николай Михайловичъ въ официальной бумагѣ смѣшалъ разъ петербургскую обсерваторію съ консерваторіей (дѣло шло о какой-то кометѣ), изъ-за чего произошла страшная путаница и длиннѣйшая разъяснительная переписка, длившаяся съ годъ, самъ же Николай Михайловичъ съ тѣхъ поръ сталъ избѣгать даже говорить о подобныхъ двусмысленныхъ учрежденіяхъ; о томъ, какъ Николай Михайловичъ, увлекшись молодой послушницей мѣстнаго женскаго монастыря, покушался-было при содѣйствіи полицеймейстера похитить ее, и, кажется, по чьему-то совѣту выписалъ для того изъ Испаніи веревочную лѣстницу, но въ послѣдній моментъ все разстроилось, потому что послушница покинула монастырь обыкновеннымъ способомъ и вышла за кого-то замужъ.

Супруга Николая Михайловича, дама худощавая и горделивая, не была похожа на мужа; если въ ней и была какая доброта, то она ни въ чемъ рѣшительно не проявлялась, а дурной нравъ ея, вызываемый частыми недомоганіями (главнымъ образомъ несвареніемъ желудка), былъ хорошо извѣстенъ всей губерніи. Николай Михайловичъ жестоко боялся супруги и въ частной жизни не выходилъ изъ ея воли; въ служебныя дѣла мужа Александра Петровна не вмѣшивалась и даже лежавшія на ней обязанности по представительству исполняла неохотно. Дѣтей у нихъ не было.

Вице-губернаторомъ въ N состоялъ въ то время сравнительно молодой и безусловно блестящій чиновникъ—Аркадій Борисовичъ Вицкій, камеръ-юнкеръ; богатый, хорошей фамиліи, красивый, благовоспитанный, выдержанный, разсчетливый, недалекій, а, главное, совершенно холостой и даже безъ какихъ-либо

указаній на что-нибудь подобное,—онъ привлекалъ сердца всѣхъ обитателей N, маменьками же былъ прямо боготворимъ и, конечно, совершенно помимо своей воли, вызывалъ между ними нерѣдко ссоры.

Маменьки были тогда существа особыя: во всемъ, кромѣ вопроса о выходѣ дочерей замужъ, онѣ были подобны остальнымъ людямъ; но какъ только дѣло касалось ихъ дочерей съ этой именно,—матримоніальной точки зрѣнія, то онѣ немедленно приходили въ состояніе экстаза, при которомъ теряли способность къ размышленію и пониманію, теряли здравый смыслъ и даже стыдъ и набрасывались на каждаго „жениха" съ цѣлью захватить его для своей дочери, отнюдь не останавливаясь на томъ, пригоденъ ли сей господинъ хотя сколько-нибудь въ мужья, хорошій ли онъ человѣкъ, можетъ ли онъ дать подобіе счастья ихъ дочери. Это было что-то инстинктивное, животное: выдать дочерей поскорѣе замужъ. Въ маменькахъ дѣйствовалъ, очевидно, помимо ихъ сознанія, законъ необходимости размноженія человѣчества съ соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ.

Начальники отдѣльныхъ частей въ N были такими, какими имъ тогда и полагалось быть, т. е. людьми неинтересными съ дамской точки зрѣнія и чуждыми духовной жизни. Не молодые, обычно тучные и легко потѣвшіе, не элегантные, они по утрамъ сидѣли въ своихъ присутствіяхъ, въ три часа плотно обѣдали, затѣмъ непремѣнно и подолгу спали, подымая храпъ на весь домъ, отпивались потомъ квасомъ и, сидя въ гостиной, облаченные въ халаты, раскладывали пасьянсы, а позднѣе на собственной сытой одиночкѣ, а то и парочкѣ, запряженной въ долгуши, ѣхали въ клубъ и предавались табелькѣ; по семейнымъ праздникамъ у нихъ собирались начальники, коллеги и кое-кто изъ общества на кулебяку или обѣдъ съ шампанскимъ. Нерѣдко обывательская дама или дѣвица, миловидная и веселая, составляла секретное счастіе

чиновной особы и заслуживала уваженіе, а то и зависть, сосѣдокъ, показывавшихъ ее другъ-другу, когда она, эффектно одѣтая, но скромно опустивъ долу очи, стояла по воскресеньямъ въ церкви, окруженная дѣтьми, достаточно на нее похожими. Но люди они были всегда солидные, богобоязненные, настоящіе столпы порядка, съ простыми, твердыми и удобными убѣжденіями, на все смотрѣли трезвенно и своего не упускали. Умѣренная, не грабительская, такъ сказать, не квалифицированная взятка, скорѣе благодарность, полученная съ соблюденіемъ должнаго decorum, не возмущала общества; она была слишкомъ обычнымъ и простымъ явленіемъ, всѣмъ понятнымъ, а потому хотя многихъ мѣстныхъ бюрократовъ и считали мздоимцами, но не гнушались ихъ и водили съ ними знакомство, какъ съ людьми нужными. Ихъ молодежь, а иногда и жены, бывали приняты въ помѣщичьихъ домахъ.

Исключеніе изъ описаннаго общаго типа крупныхъ губернскихъ чиновъ составлялъ управляющій акцизными сборами. Тогда это вѣдомство было только что изобрѣтено и, какъ новинка, чистенькая, не успѣвшая загрязниться, всѣмъ была пріятна послѣ откуповъ. Судебная реформа еще не наступала, статской служащей интересной молодежи не было; и тутъ какъ-разъ явились акцизные. За ними было обаяніе большихъ окладовъ, реформы, чего-то почти обличительнаго,—они, напримѣръ, открыто заявляли, что взятокъ не берутъ, и дѣйствительно не брали; потомъ они казались учеными или очень просвѣщенными, такъ какъ въ разговорѣ употребляли совсѣмъ просто такія слова, какъ „траллесъ“, „мензура“, „столько-то градусовъ спирта“, „ректификація“ и т. п., а главное они были, или по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ, замѣчательно элегантны,—та же гвардія въ статскомъ платьѣ.

Особую элегантность N-скихъ акцизниковъ надо

было приписать, впрочемъ, не самому учрежденію, а начальству ихъ. Этотъ постъ занималъ нѣкто фонъ-Дюне, красивый и импозантный господинъ, русскій, несмотря на нѣмецкую фамилію. Онъ великолѣпно поставилъ на общественной лѣстницѣ своихъ чиновниковъ и самъ, поселившись въ N, зажилъ совсѣмъ бариномъ съ тонкимъ пониманіемъ комфорта и порядочности. У него,—человѣкъ онъ былъ семейный,—собиралось всегда наилучшее общество, и вечера его не напоминали даже глухую провинцію: въ передней воздухъ былъ чистый, и не видно было сомнительной двери, присутствіе которой давало себя знать почти у всѣхъ обитателей N; водки съ нарѣзанной ломтиками копченой колбасой у него совсѣмъ не подавали, да и ужина не полагалось, а часовъ въ одиннадцать сервировали чай съ сандвичами и другими холодными блюдами и виномъ въ графинахъ; никто у него не напивался, не бывало громкихъ ссоръ за картами; въ его домѣ не пѣли никогда пѣсенъ хоромъ, не играли въ фанты и другія русскія „пти же", а занимались французскими charades en action и разыгрывали des proverbes; вообще все было красиво и прилично.

Такъ-называемыхъ молодыхъ людей было въ N много, женихъ еще водился. Были, напримѣръ, молодые помѣщики, или состоявшіе при родителяхъ, или самостоятельные; ихъ наѣзжало къ выборамъ даже великое множество. Не всѣ, конечно, были хороши; нѣкоторыхъ прямо-таки не слѣдовало пускать въ домъ, ибо могли они говорить лишь о лошадяхъ, собакахъ и билліардной игрѣ, передразнивали цыганъ-конокрадовъ, что очень немногихъ увеселяло, разсказывали о своихъ гомерическихъ, грубыхъ кутежахъ и попойкахъ и одѣты были глупо: въ высокіе сапоги, поддевку или казакинъ, перетянутый кожанымъ поясомъ съ серебрянымъ, черненымъ наборомъ, и непремѣнно дворянскую фуражку съ краснымъ околышемъ

или отставную военную, которую въ такомъ случаѣ носили на-бокъ; ихъ можно было видѣть разъѣзжающими по стогнамъ N въ маленькихъ, особенно низкихъ санкахъ, запряженныхъ одиночкою или всего чаще парой съ пристяжкой, правящихъ непремѣнно сами и безразсудно быстро несущихся, невзирая на встрѣчныхъ, при чемъ они, слѣдя за бѣгомъ лошади, перегибались и совсѣмъ почти вываливались изъ саней. Это былъ, строго говоря, плохой народъ, ненадежный, но, какъ съ женихами и на выборахъ, съ ними считались все-таки. Были и скромные молодые помѣщики—ученые и неученые, богатые и бѣдные, были офицеры пѣхотныхъ полковъ, а въ торжественныхъ случаяхъ въ N наѣзжали гусары, эскадрона два которыхъ стояли въ одномъ изъ сосѣднихъ городовъ.

Тогдашніе пѣхотные офицеры были очень полезные члены общества; покорности ихъ не было предѣловъ; они безропотно и буквально въ потѣ лица своего танцовали съ кѣмъ угодно и сколько угодно; являлись на всякое приглашеніе безъ опозданія, изображали какую угодно роль въ любительскихъ спектакляхъ, пѣли нѣжные романсы, женились по первому требованію, а сами по себѣ были люди скромные, не пьющіе или пьющіе умѣренно, для пользы, напримѣръ отъ желудка; кутежи между ними случались рѣдко, но, конечно, попадались люди склонные къ вину; тѣ просто были пьяницами и ежедневно, окончивъ свое небольшое военное дѣло, напивались и спали. Большею частью офицеры были люди добродушные и дольше 30-лѣтняго возраста не могли выдерживать холостого состоянія; женившись, они обычно выходили въ отставку и часто весьма бѣдствовали,—тутъ ужъ имъ становилось не до танцевъ, гостей и игры на гитарѣ, а приходилось, не покладая рукъ, работать для прокормленія семьи и многочисленныхъ собственныхъ оберъ-офицерскихъ дѣтей; работа эта находилась въ

разныхъ присутственныхъ мѣстахъ; иные пристраивались управляющими; счастливчики же, получившіе въ приданое небольшое имѣньице, поселялись въ немъ и отдавались съ упоеніемъ и всецѣло полевому и усадебному хозяйству.

Совсѣмъ иное являли собою кавалеристы и, напримѣръ, гусары. Большая часть гг. офицеровъ были люди если не богатые, то все-таки съ нѣкоторыми средствами, хватавшими имъ по крайней мѣрѣ на время ихъ гусарства. Изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей въ гусары не шли,—всѣ были чистокровные дворяне.

Лихіе были люди, безшабашные, веселые и великіе озорники. Венгерка съ серебряными шнурами, шпоры, волочившаяся по землѣ сабля придавали имъ какую-то размашистость. Многимъ и дѣйствительно по младости лѣтъ казалось все „трынъ-трава", а другіе въ этомъ слѣдовали полковымъ традиціямъ, модѣ и шли, пожалуй, дальше искреннихъ „вѣтрогоновъ". Это было то время, когда гусары, стоявшіе въ мѣстечкахъ на западной нашей границѣ, еще ѣздили другъ къ другу въ гости по грязи верхомъ на обывателяхъ изъ евреевъ, стрѣляли въ нихъ клюквой, провинившемуся передъ ними статскому мазали лицо горчицей или заставляли выпить смѣсь вина съ пивомъ, уксусомъ и елеемъ. Направленіе это отживало свой вѣкъ, но иногда ярко вспыхивало; во всякомъ случаѣ отъ тогдашняго гусара можно было ждать многаго. Кутили эти господа рѣзко, а потому далеко не всегда были пригодны къ посѣщенію баловъ и вечеровъ; банкъ и штосъ процвѣтали тоже въ средѣ ихъ въ полной, можно сказать, мѣрѣ, а отношеніе къ дамскому полу было неважное; но своего рода честь, полковая, карточная, лично фантастическая была присуща гусарамъ, и культъ ея приводилъ нерѣдко къ дуэлямъ, кончавшимся иной разъ весьма печально.

Что у стариннаго типичнаго гусара было на ду-

шѣ,—трудно сказать; вѣроятнѣе всего—большой хаосъ: развитія очень мало, начитанности никакой, религіозность лишь внѣшняя (большинство не вѣрило ни въ Бога, ни въ чорта), жизненныя правила искусственныя, увѣренность въ безнаканности за всякія дѣянія, не составляющія прямо уголовнаго преступленія... Къ счастію, все это скрашивалось русскимъ добродушіемъ и незлобивостью. Но, забывъ временно объ описанныхъ крупныхъ недостаткахъ, пріятно было посмотрѣть на гусара: будь онъ въ шинели въ накидку съ открытою, несмотря на морозъ, грудью и въ лихо надвинутой на бекрень фуражкѣ, въ парадномъ ли мундирѣ,—гусаръ, молодой, красивый, смѣлый, тароватый, производилъ почти эстетическое впечатлѣніе, былъ цѣльнымъ существомъ, веселилъ душу, привлекалъ взоры всѣхъ и сердца многихъ. Не даромъ въ тѣ времена сложилась пѣсня: „Какъ гусара не любить, это невозможно!“ И вотъ такіе-то люди періодически появлялись въ N, а во время выборовъ уже обязательно, и тогда зачиналось то самое веселіе, про которое принято говорить, „что чертямъ тошно“, и о какомъ мы теперь и понятія не имѣемъ.

Молодыхъ дамъ и барышень въ N существовало очень много; городъ сей всегда славился невѣстами, и надо сказать, что женская половина общества была представлена отлично; дѣвицы были красивыя, крупныя, здоровыя, одѣвались весьма изрядно и были расположены къ веселью и танцамъ, но въ то же время и къ семейной жизни.

Къ началу выборовъ N переполнился пріѣзжими дворянами; большинство явилось изъ своихъ деревень, но были и столичные гости, люди совсѣмъ именитые и даже сановные; пріѣхало нѣсколько настоящихъ гвардейцевъ. Въ день открытія дворянскаго собранія въ городѣ съ утра воцарилось большое движеніе. Около гостиницъ и нѣкоторыхъ частныхъ домовъ десятками

стояли извозчики, часто подвозя и увозя господъ, а на улицахъ мелькали быстро катившіяся сани съ сѣдоками, на лицахъ которыхъ было написано: „начинается". Всѣ уѣздные предводители уже съѣхались, и теперь гг. дворяне, надѣвъ мундиры, наносили имъ визиты и потомъ съ ними, а кто не успѣлъ, то отдѣльно, отправлялись къ губернскому предводителю.

Таковымъ состоялъ Сергѣй Сергѣевичъ Ардѣевъ, выбиравшійся уже четвертое трехлѣтіе подрядъ. Большой другъ губернатора, онъ очень подходилъ къ Николаю Михайловичу и по внѣшнимъ, и по внутреннимъ своимъ качествамъ. Отставной военный, раненый даже въ какое-то незначительное мѣсто въ турецкую кампанію, въ былые годы лихой кутила, очень красивый и представительный, т.-е. большой, толстый, съ пріятнымъ румянымъ лицомъ и круглыми оловяннаго цвѣта и выраженія глазами навыкатѣ и зычнымъ голосомъ, походкой съ перевалкою, рѣзкими, даже грубоватыми манерами, привычкою громко хохотать, Сергѣй Сергѣевичъ, несмотря на высокій постъ и изрядный чинъ, казался всѣмъ добрымъ малымъ, съ душой нараспашку. Съ нимъ многіе дворяне, вовсе даже не чиновные, были „на ты"; онъ считался настоящимъ русскимъ помѣщикомъ, предпочитавшимъ, какъ самъ говорилъ, во всемъ русское иностранному и вѣрившимъ, несмотря на недвусмысленный исходъ Крымской войны, что Россія непобѣдима и что мы „ихъ шапками закидаемъ, только скажи батюшка царь одно слово". Сергѣй Сергѣевичъ отмѣну крѣпостного права у себя на деревенской усадьбѣ не признавалъ и оставилъ въ своемъ имѣніи все по-старому; дворни онъ не распустилъ, назначивъ всѣмъ жалованье, но зато съ правомъ самоличной или на конюшнѣ расправы съ провинившимися попрежнему; на мужской половинѣ его дома дѣйствовали мальчики-казачки, а на дамской—бѣгали босикомъ дѣвчонки; онъ былъ увѣренъ, что его мужики и люди его обожаютъ,

преданы ему и всѣ замѣчательно хорошій народъ. Состояніе у Сергѣя Сергѣевича было очень большое, но обремененное крупными долгами, и дѣла, благодаря безпорядочности и безалаберности управленія, шли нехорошо; много денегъ убивалось на великолѣпный заводъ рысистыхъ лошадей и на прекрасную псовую охоту съ эффектнымъ выѣздомъ, да вообще на широкую гостепріимную жизнь. У Сергѣя Сергѣевича въ деревнѣ и въ N никогда не садилось за обѣдъ меньше 12—15 человѣкъ, а семья его состояла всего-на-всего изъ жены и двухъ сыновей-подростковъ; во всемъ было великое обиліе и въ пищѣ, и въ напиткахъ, но все было средняго качества, и въ обстановкѣ какъ деревенскаго, такъ и городского дома Сергѣя Сергѣевича, при нѣкоторой даже роскоши, царилъ великій безпорядокъ, не замѣчалось большой чистоплотности, а прислуга, вся конечно своя, являла довольно отвратительный видъ. Желудочныя способности были у него поразительныя, такъ же какъ способность, когда Сергѣй Сергѣевичъ уставалъ или выпивалъ въ достаточной степени, заснуть гдѣ бы и какъ ни пришлось, хотя бы находу, при чемъ храпѣніе его проникало всюду и слышалось даже на улицѣ. Французскимъ языкомъ Сергѣй Сергѣевичъ владѣлъ плохо и находилъ, что такъ оно и должно быть: „нашего брата, настоящаго русачка, вездѣ поймутъ, —говорилъ онъ, подмигивая собесѣднику,—особенно женскій полъ, ужъ это вы на меня положитесь, ну а больше намъ ничего и не надо!“ При этомъ Сергѣй Сергѣевичъ разсказывалъ какой-нибудь веселенькій анекдотъ, случившійся съ нимъ въ Парижѣ или Вѣнѣ, гоготалъ и трепалъ слушателя по плечу или по колѣнкѣ.

У Сергѣя Сергѣевича домашнимъ хозяйствомъ завѣдывала красивая, тоже въ русскомъ вкусѣ, экономка, но онъ и вида не подавалъ, что она ему пріятна не однимъ только умѣньемъ варить варенье. Посты онъ соблюдалъ, но съ разными исключеньицами, весьма

умалявшими аскетичность ихъ; церковныя богослуженія посѣщалъ охотно, стоя обычно въ алтарѣ и подпѣвая баскомъ, и чувствовалъ себя въ церкви, какъ дома, особенно же любилъ заупокойныя службы, но надъ священниками въ разговорѣ шутилъ и разсказывалъ о нихъ анекдоты. Привсемъ своемъ внѣшнемъ добродушіи и несомнѣнной безалаберности Сергѣй Сергѣевичъ былъ не безъ хитрости и собственные интересы ставилъ всегда на первый планъ; избраніе свое губернскимъ предводителемъ онъ очень цѣнилъ и втайнѣ мечталъ о приглашеніи его современемъ высшимъ правительствомъ на какой-либо важный постъ. Собственно настоящихъ принциповъ у Сергѣя Сергѣевича не было, во всякомъ случаѣ самъ онъ не сумѣлъ бы ихъ опредѣлить; да онъ въ такія тонкости не вникалъ, а просто жилъ въ свое удовольствіе, не задаваясь никакими „фанаберіями“, жилъ по шаблону, созданному до него, и искренно служилъ дворянству по мѣрѣ своего невеликаго разумѣнія, т.-е. всегда и по всѣмъ вопросамъ безъ разбора стоялъ на сторонѣ того или другого дворянина (по сравненію съ лицомъ иного сословія), или дворянскаго дѣла. Онъ обладалъ особымъ (того времени) дворянскимъ краснорѣчіемъ, довольно близкимъ военному, и очень любилъ всякія торжества публичнаго характера: молебствія съ водосвятіемъ, юбилейные обѣды съ тостами, встрѣчи и проводы высокопоставленныхъ лицъ, участіе въ депутаціяхъ и т. п.

Доброй и вѣрной подругой была Сергѣю Сергѣевичу супруга его Софья Александровна—дама во всѣхъ отношеніяхъ прекрасная; она и мужа любила, не замѣчая будто экономки, и свое положеніе „предводительши“ цѣнила, и дѣтьми занималась, хотя при нихъ состоялъ нѣмецъ-гувернеръ, и изъ себя была достаточно миловидна, несмотря на наступившій уже бальзаковскій возрастъ, а, главное, она была дама дѣятельная и для губернскаго общества положительно незамѣнимая; она

устраивала цѣлый рядъ фестиваловъ въ видѣ благородныхъ спектаклей, литературно-музыкальныхъ вечеровъ, лотерей и даже баловъ. Этими увеселеніями Софья Александровна умѣло пользовалась для привлеченія голосовъ въ пользу кандидатуры мужа и упроченія его положенія, и ее недаромъ N-скія дамы (адски проницательныя) прозвали „финмушей“.

Ардѣевы жили въ собственномъ домѣ. Въ описываемый день зала и гостиная ихъ были уже полны пріѣзжихъ дворянъ, когда, наконецъ, вышелъ хозяинъ въ мундирѣ и при звѣздѣ, извиняясь, что заставилъ ждать себя; онъ подходилъ къ каждому изъ посѣтителей, жалъ руку и почти безошибочно называлъ всѣхъ по имени и отчеству; любезенъ онъ былъ очень, но безъ тѣни панибратства, и на лицѣ его сохранялось выраженіе серьезной торжественности, приличествующее важности перваго дня собранія. Софья Александровна не выходила къ гостямъ, и въ залѣ не стоялъ, накрытый съ утра для холоднаго завтрака съ выпивкою столъ, какъ то бывало у Ардѣева потомъ въ остальные дни выборовъ. Кланялся Сергѣй Сергѣевичъ тоже не такъ, какъ всегда; это былъ еще не тотъ вполнѣ боярскій поклонъ, какой онъ отвѣшивалъ всему собранію по открытіи его (этимъ поклономъ Ардѣевъ славился далеко за предѣлами своей губерніи), но уже ясно было видно, что кланяется не простой смертный, что священнодѣйствіе началось и „голубчика Сергѣя Сергѣевича“ нѣтъ, а на-лицо губернскій предводитель.

— Господа,—обратился къ собравшимся у него дворянамъ Ардѣевъ,—благодарю за честь и радъ васъ видѣть у себя съ вашими избранниками во главѣ; жалѣю, что не всѣ почтили меня (это былъ намекъ на отсутствующаго съ своими дворянами N-скаго уѣзднаго предводителя Мстицкаго), но сознаю свои несовершен-

ства и не ропщу. Господа—время. Приступимте! Приглашаю васъ къ его превосходительству N-скому губернатору и въ собраніе.

Иванъ Петровичъ Мстицкій, про котораго намекалъ Сергѣй Сергѣевичъ, сталъ выдвигаться за послѣдніе годы на N-ской политической аренѣ. Онъ былъ мѣстный помѣщикъ не изъ бѣдныхъ, N-скій уѣздный предводитель и, такъ сказать, лидеръ молодой, либеральной, какъ ее называли въ N, партіи, къ которой примыкали всѣ недовольные Ардѣевымъ. Мстицкій совсѣмъ не походилъ на послѣдняго; онъ изъ себя былъ некрасивъ, носилъ очки, стригъ коротко волосы, мало говорилъ, но былъ дѣльный хозяинъ, окончилъ курсъ въ университетѣ и считался до извѣстной степени „краснымъ"; краснота его, впрочемъ, проявлялась лишь въ томъ, что онъ вина не пилъ, ни съ кѣмъ не былъ на ты, первому встрѣчному не выкладывалъ всю свою душу, не хвастался, рысистыхъ лошадей и собакъ не держалъ и не любилъ парадовъ, но сочувствовалъ всѣмъ вводившимся и ожидавшимся реформамъ, начиная съ главной—только что осуществившагося освобожденія крестьянъ. Опаснымъ въ немъ было одно,—онъ „пописывалъ" и отъ времени до времени печаталъ какія-либо статьи по сельскому хозяйству. Но Мстицкій пользовался большимъ вліяніемъ и уваженіемъ среди части N-ской дворянской молодежи, не сочувствовавшей „крѣпостническому" направленію, имѣвшему за собою, казалось, большинство дворянъ. Его цѣнили за его поведеніе въ прошломъ собраніи и въ губернскомъ комитетѣ, за его смѣлыя по тому времени рѣчи и поддержаніе, при обсужденіи условій освобожденія крестьянъ, широкихъ несословныхъ и гуманныхъ взглядовъ, а въ томъ числѣ надѣленія крестьянъ достаточнымъ количествомъ земли. Жена у Ивана Петровича была совсѣмъ простая женщина, т. е. обыкновенная, какихъ чрезвычайно много, скорѣе, впрочемъ, пріятная, но для общества обѣщав-

шая мало, такъ какъ она была чрезвычайно близорука и разсѣяна, всѣхъ и все путала и легко конфузилась. Иванъ Петровичъ уже вторые выборы нарушалъ спокойствіе Сергѣя Сергѣевича и Софьи Александровны, представляясь имъ серьезнымъ соперникомъ по предводительству. Страшнѣе всего было то, что Иванъ Петровичъ молчалъ, кандитатуры своей не выставлялъ, а потому бороться противъ него можно было лишь тайно. Къ счастью губернаторъ, хотя и былъ въ хорошихъ отношеніяхъ и съ Иваномъ Петровичемъ, всею душой сочувствовалъ Сергѣю Сергѣевичу и поддерживалъ его открыто.

А собраніе уже было готово къ принятію своихъ хозяевъ: паркетъ въ большой залѣ съ колоннами блестѣлъ какъ зеркало, швейцаръ и сторожа были трезвы и одѣты въ новую форму, вдоль стѣнъ залы, подъ гербами уѣздовъ, помѣщались уѣздные столы, покрытые зеленымъ сукномъ и окруженные стульями, а около нихъ суетились чиновники; по серединѣ, покоемъ, стоялъ губернскій столъ, а противъ него масса стульевъ. На хорахъ уже замѣчалось движеніе и, несмотря на ранній часъ, собралось много дамъ и дѣвицъ въ свѣтлыхъ платьяхъ; около нихъ мелькали мѣстные молодые люди. Въ боковой меньшей залѣ помѣщалась столовая, а за ней буфетъ съ ходомъ на кухню, изъ которой уже врывался чадъ и запахъ пригорѣлаго масла. Прилавокъ за буфетомъ былъ украшенъ массою закусокъ и бутылокъ, и лакеи, держа наготовѣ штопоры и салфетки, горѣли готовностью ринуться по первому призыву.

Наконецъ, зала стала наполняться; всѣ сперва подходили къ своимъ уѣзднымъ столамъ, чтобы записаться и справиться, кто пріѣхалъ, а затѣмъ спѣшили въ буфетъ и столовую. Экономные и непьющіе дворяне, закусившіе дома, расхаживали по залѣ, болтая. Явился самъ Ардѣевъ, озабоченный и въ сопровожденіи секретаря дворянства, несшаго подъ мышкою книгу законовъ

и кипу бумагъ; осмотрѣвшись, онъ призвалъ дворянина, извѣстнаго всей губерніи, очень крупныхъ размѣровъ, съ удивительно высокимъ и звонкимъ голосомъ, и назначилъ его герольдомъ, а затѣмъ велѣлъ предупредить въ буфетѣ, что сейчасъ пріѣдетъ губернаторъ, и послалъ кое-кого внизъ въ швейцарскую встрѣтить его превосходительство еще на лѣстницѣ. Скоро пришло извѣстіе, что губернаторъ ѣдетъ, и наличное дворянство вывалило изъ столовой и столпилось въ серединѣ залы. Показался губернаторъ въ полной парадной формѣ, предшествуемый герольдомъ и двумя депутатами, и тотчасъ же Сергѣй Сергѣевичъ, отдѣлившись отъ стоявшій впереди группы уѣздныхъ предводителей, пошелъ навстрѣчу Николаю Михайловичу, но не дойдя шаговъ трехъ до него, остановился и отвѣсилъ низкій поклонъ. Чевцовъ тоже остановился, выпрямился, окинулъ орлинымъ взглядомъ всю залу, нѣсколько поднялъ въ правой рукѣ треуголку и поклонился дворянамъ, поклонился прямо великолѣпно, какъ теперь не умѣютъ кланяться. Всѣ дворяне отвѣтили тѣмъ же и придвинулись къ Николаю Михайловичу, образовавъ кругъ.

— Господа N-скіе дворяне, привѣтствую васъ и приглашаю со свойственною вамъ сердечностью приступить къ важному дѣлу, возложенному на васъ волею высшаго правительства. Увѣренъ, что вы окажетесь на высотѣ положенія. Объявляю собраніе открытымъ.

Тутъ начались взаимныя рукопожатія. Лицо губернатора выражало уже одно дружеское расположеніе. Но все-таки Николай Михайловичъ оставался очень недолго и, отвѣсивъ общій поклонъ, двинулся къ выходу; губернскій съ уѣздными предводителями пошли его провожать, а также немалое количество и заурядныхъ дворянъ.

По уходѣ губернатора и послѣ присяги, въ собраніи началось то, что характеризовало прежде всѣ дворянскіе съѣзды и что называлось остряками-вольнодум-

цами „дворянской томой". Губернскій предводитель сталъ невидимъ, уѣздные тоже лишь на-время появлялись въ большей залѣ, спѣша къ своимъ столамъ и собирая у привезеннаго съ собою чиновника какія-то справки, или просматривая законы и бумаги. Дворяне пребывали большею частью въ столовой или буфетѣ, а то группами и въ одиночку ходили по залѣ; иные сидѣли уныло у своихъ столовъ; кое-кто уѣхалъ въ городъ по своимъ частнымъ дѣламъ; болѣе молодые и легкомысленные пробрались на хоры и любезничали съ дамами, принося имъ изъ буфета бутерброды и фрукты.

Интересную картину предоставляла большая зала; въ ней сошлись представители двухъ разныхъ эпохъ и поколѣній; дореформенная Русь стояла рядомъ съ реформируемой. Значительная часть дворянъ принадлежала къ первой категоріи, что въ совершенствѣ доказывалось внѣшнимъ ихъ видомъ. Одѣты они были въ стариннаго фасона дворянскіе мундиры съ высокими и широкими воротниками, достаточно почернѣвшими, подпиравшими имъ подбородокъ, съ крупнымъ аляповатымъ шитьемъ; мундиры эти не сходились у нихъ и застегивались лишь на верхнюю пуговицу; почти всѣ являли видъ коренастый, кряжистый, съ широкими затылками и апоплексической шеей; бороду рѣдко кто носилъ; ходили они и стояли особенно твердо и увѣренно и вообще являли видъ убѣжденный, дѣловой, знающій себѣ цѣну. Многіе изъ той же породы дворянъ, отставные военные, надѣли мундиры прежнихъ и весьма разнообразныхъ образцовъ; въ числѣ украшавшихъ грудь военныхъ орденовъ виднѣлось много боевыхъ знаковъ отличія—результаты Венгерской кампаніи, недавнаго покоренія Кавказа и Севастопольскаго сидѣнья. Входъ въ залу одного дворянина произвелъ большое впечатлѣніе: одѣтъ онъ былъ въ военную форму временъ Александра I, въ мундиръ съ фалдами въ родѣ фрака, и подъ мышкой держалъ противоестественную по величи-

нѣ треуголку; старъ и благообразенъ онъ былъ удивительно, совсѣмъ бѣлый, чистый, съ выцвѣтшими свѣтлыми глазами; ему помогали итти двое внуковъ; добравшись до своего уѣзднаго стола, онъ сѣлъ и до отъѣзда уже не поднимался, привѣтливо улыбаясь всѣмъ къ нему подходившимъ.

Дворянская молодежь, хотя и разныхъ лагерей, была одѣта одинаково и внѣшнихъ отличій по партіямъ не имѣла; дворянскіе мундиры ихъ были элегантны и съ иголочки, при короткихъ воротникахъ, изъ-за которыхъ виднѣлись крахмальная рубашка и бѣлый галстукъ, а не что-то черное, намотанное у стариковъ на шею; на нѣкоторыхъ были мундиры вѣдомствъ, въ которыхъ они служили, а между военными выдѣлялись эффектные своими ментиками и мѣховыми шапками лейбъ-гусары и бѣлые гвардейскіе кирасиры разныхъ полковъ, съ блестящими касками и громадными палашами. Изъ статскихъ особенно изящны и интересны были придворные кавалеры; они сами это сознавали и, чувствуя на себѣ взоры дамъ и лицъ мужескаго пола, держали себя великолѣпно. По залѣ, не заходя вовсе въ буфетъ, ходилъ, всегда окруженный какъ бы небольшой свитой, важный государственный сановникъ изъ N-скихъ дворянъ, неуклонно посѣщавшій выборы. Лицо его, блѣдное, съ правильными тонкими чертами, скорѣе напоминающими англо-саксонскую расу, съ холодными, сѣрыми глазами, обрамленное бакенбардами дипломатическаго фасона, было строго и даже при рѣдкой улыбкѣ не выражало рѣшительно ничего. Сановникъ говорилъ очень мало; онъ не принадлежалъ ни къ какой партіи.

По залѣ носился гулъ голосовъ, покрывавшійся иногда взрывами хохота или криками спора, вырывавшимися изъ столовой; чаще всего оттуда долеталъ даже до хоръ визгливый голосъ дворянина—оригинала Александра Павловича Иванова; въ углахъ залы, въ

швейцарской, на хорахъ собирались группы человѣкъ въ пять—шесть и оживленно разговаривали, внезапно умолкая, если подходилъ мало знакомый человѣкъ. Когда Ардѣевъ показывался въ залѣ, къ нему бросались дворяне, закидывая его вопросами, заявляя претензіи, но онъ, поблѣднѣвшій и взволнованный, только отмахивался и говорилъ: „сейчасъ кончится депутатское и тогда приглашу васъ къ губернскому столу“.

Для привычнаго глаза по множеству мелочей (напримѣръ, около дамъ на хорахъ было сравнительно мало дворянъ, даже сановникъ проявлялъ нѣкоторое оживленіе, секретарь дворянства, идя одинъ, произносилъ какъ бы въ забытіи: „эхъ, нужно же было, вѣдь говорили!“ и махалъ рукою) было ясно, что собраніе, еще ничего не видя, пришло въ особое нервное настроеніе, что нѣчто готовится и не миновать скандала. На вопросы молодыхъ наивныхъ дворянъ: „да что собственно случилось? почему мы не начинаемъ?“,—болѣе опытные отвѣчали съ досадой и даже рѣзко: „да ничего не случилось, идетъ депутатское собраніе, вотъ и все!“

Но изъ комнаты депутатскаго собранія доходили урывками тревожныя вѣсти. Еще наканунѣ произошло, какъ разсказывали, столкновеніе между Сергѣемъ Сергѣевичемъ и Мстицкимъ изъ-за довѣренности, выданной одному N-скому дворянину на право участія въ собраніи женой его; довѣренность была, несомнѣнно, по существу хорошая, но въ ней былъ какой-то формальный дефектъ, и Сергѣй Сергѣевичъ, придравшись къ нему, объявилъ Мстицкому, представившему довѣренность вмѣстѣ съ другими въ качествѣ N-скаго уѣзднаго предводителя, что она не годна и имъ, Ардѣевымъ, бракуется. Сказано это было нѣсколько грубо; Иванъ Петровичъ, обычно вовсе не воинственный, на этотъ разъ разсердился и заявилъ, что губернскій предводитель ничего самъ браковать не можетъ, а не угодно ли будетъ Ардѣеву, какъ того требуетъ законъ, доложить

дѣло депутатскому собранію. Въ депутатскомъ собраніи Сергѣй Сергѣевичъ доложилъ, что не только довѣренность составлена не по установленной формѣ, но что и лицо, представившее ее, въ сущности не имѣетъ права на участіе въ собраніи, ибо родъ его не записанъ въ дворянскія книги N-ской губерніи. Голоса раздѣлились. Ни Ардѣевъ, ни Мстицкій не уступали, а при голосованіи небольшимъ большинствомъ голосовъ прошелъ отказъ въ допущеніи довѣренности.

Вопросъ, очевидно, подлежалъ перенесенію на рѣшеніе собранія и по тону, въ которомъ велись дебаты въ „депутатскомъ", стало ясно, что дѣло серьезно, что оно касается не одной довѣренности, что тутъ пахнетъ принципами, что, повидимому, молодая партія желаетъ сразиться со старой, а главное, что должно произойти политическое столкновеніе между Ардѣевымъ и Мстицкимъ, и послѣдній вынуждается непреоборимою силой обстоятельствъ выдвинуть свою кандидатуру на губернскаго предводителя, на что за послѣднее время его сильно подбивали представители болѣе либеральныхъ вѣяній въ N-скомъ дворянствѣ.

Надо замѣтить, что N-скій уѣздъ уже болѣе года дулся на Ардѣева; Сергѣй Сергѣевичъ отъ времени до времени, достаточно увѣренный въ своемъ могуществѣ и значеніи, проявлялъ по разнымъ поводамъ нерасположеніе свое къ Мстицкому, отъ чего страдали въ большинствѣ случаевъ не самъ Мстицкій, а его дворяне, а, главное, онъ обидѣлъ уѣздъ, выразившись разъ публично про N-скихъ дворянъ, что они словно разночинцы, не понимаютъ и не поддерживаютъ интересовъ своего сословія и такихъ поставили на весь уѣздъ мировыхъ посредниковъ, что къ нимъ страшно дворянину на съѣздъ показаться, какъ-разъ засудятъ—„чистые санкюлоты". О такихъ рѣчахъ Ардѣева передали, конечно, и Мстицкому, и другимъ, и уѣздъ обидѣлся, особенно за наименованіе N-скихъ дворянъ санкюлота-

ми. Выходило нѣчто нешуточное, ибо N-скій уѣздъ былъ самый многочисленный, и въ немъ молодыхъ силъ было больше, чѣмъ въ другихъ уѣздахъ.

Наконецъ, депутатское собраніе кончилось; въ большой залѣ появились Сергѣй Сергѣевичъ, предводители и депутаты; къ нимъ бросились ихъ знакомые съ разспросами, буфетъ сталъ пустѣть, и дамы на хорахъ перестали отвѣчать кавалерамъ и обратили все свое вниманіе на происходившее внизу. Раздался зычный призывъ герольда: „господа N-скіе дворяне, пожалуйте къ губернскому столу!“ Уѣзды опустѣли, изъ столовой ушли послѣднія сидѣвшія тамъ лица, господа дворяне съ шумомъ двинулись къ стоявшему въ серединѣ залы столу и заняли мѣста вокругъ него; у самаго стола на болѣе высокихъ креслахъ сѣли уѣздные предводители,—и наступила поразительная тишина.

Ардѣевъ поднялся, отвѣсилъ знаменитый боярскій поклонъ и, вопреки своему обыкновенію, не сказавъ привѣтственнаго слова собранію, предложилъ выслушать подлежащіе законы и списокъ лицъ, имѣющихъ право непосредственно или чрезъ повѣренныхъ участія въ собраніи. Ардѣевъ былъ взволнованъ: онъ понялъ, что сдѣлалъ ошибку, не уступивъ Мстицкому въ вопросѣ о злополучной довѣренности, что симпатіи дворянства не на его сторонѣ, но теперь уступать было поздно и надо было итти впередъ въ томъ же направленіи. Чтеніе секретаремъ законовъ о томъ, кто въ правѣ участвовать въ собраніи и т. п., и поименного списка дворянъ длилось долго и вызвало лишь два—три замѣчанія, которыя безъ затрудненія были разъяснены. Но при объявленіи, что депутатскимъ собраніемъ устранена довѣренность г-жи Ровичъ, данная мужу на право участія въ выборахъ, поднялся самъ Ровичъ и дрожащимъ голосомъ, краснѣя и сбиваясь, заявилъ, что онъ протестуетъ, что довѣренность выдана ему дѣйствительно женою, а родъ его старинный дворян-

скій, извѣстный всей губерніи и изъ него и сейчасъ есть участники въ собраніи, а въ числѣ предковъ его было нѣсколько лицъ уѣздными предводителями.

Всталъ Мстицкій и объявилъ, что онъ удостовѣряетъ въ качествѣ N-скаго уѣзднаго предводителя правильность сказаннаго Ровичемъ. Мстицкій ничего не прибавилъ, говорилъ спокойно и сухо, но только-что онъ кончилъ, какъ въ залѣ раздались громкіе аплодисменты и крики: „вѣрно, вѣрно...Просимъ участвовать!" Начали аплодировать и кричать N-скіе уѣздные дворяне, но собраніе не даромъ еще до начала заволновалось; къ N-скому уѣзду сейчасъ же присоединились и другіе; молодая партія поняла, что дѣло не въ Ровичѣ, что онъ лишь случайный лозунгъ ея и что насталъ моментъ оформиться самой партіи, сплотиться,— ея въ сущности, какъ какой-нибудь организаціи, не существовало. Первый выстрѣлъ былъ сдѣланъ, и до сихъ поръ совсѣмъ мирно сидѣвшіе рядомъ и дружески бесѣдовавшіе сосѣди, изъ которыхъ одни зааплодировали, а другіе угрюмо молчали, поотодвинулись и косо взглянули другъ на друга.

Ардѣевъ въ довольно пространной рѣчи объяснилъ собранію, что онъ отлично знаетъ, что Ровичъ принадлежитъ къ дворянству, но что онъ, какъ губернскій предводитель, обязанъ соблюдать даже формальныя требованія закона, который не дозволяетъ участвовать въ собраніи лицамъ, не занесеннымъ въ дворянскія книги, а потому „пусть да извинитъ его господинъ Ровичъ, но онъ противъ его допущенія". Рѣчь Ардѣева тоже сопровождалась аплодисментами, но меньшими, чѣмъ обычно. Послѣ Ардѣева заговорили иные ораторы изъ той и другой партіи, то-есть за и противъ Ровича. Говорили на тему о значеніи дворянства, о заслугахъ предковъ Ровича, безкорыстно работавшихъ на пользу дворянства; говорили, что законы надо понимать по существу, по внутреннему ихъ смыс-

лу, а не по буквѣ, что заявленіе Ардѣева придирка, что собраніе автономно, что оно при всякихъ условіяхъ въ правѣ допустить дворянина въ свою среду. Съ другой стороны возражали, что это произволъ, потрясеніе основъ, что никакой автономіи у насъ нѣтъ и никогда, Богъ дастъ, не будетъ, что у насъ, слава Богу, не Западная Европа, что законы не зачѣмъ понимать, а надо просто ихъ исполнять, и, по мѣрѣ того, какъ время шло, рѣчи становились все горячѣе, страстнѣе, все болѣе уклонялись отъ главной темы, и волненіе между участниками спора росло и росло; ораторамъ не давали доканчивать, покушались говорить заразъ человѣка по три; иногда дворянину, только-что начинавшему излагать свое мнѣніе, кричали: „не надо... довольно!" Завязались тутъ же въ залѣ сепаратные споры между наиболѣе разгорячившимися членами; звонокъ предсѣдателя лишь на короткое время унималъ начавшійся шумъ. „Баллотировать!—кричали одни.—„Да что баллотировать-то?"—отвѣчали имъ.

Наконецъ, предсѣдатель добился сравнительной тишины. „Прекращаю преція,—объявилъ онъ,—и ставлю на разрѣшеніе слѣдующій вопросъ: угодно ли собранію признать, что господинъ Ровичъ на основаніи довѣренности своей супруги имѣетъ право участвовать въ собраніи? Кто согласенъ—встаетъ, несогласные же—сидятъ".

Часть дворянъ встала со своихъ мѣстъ, но къ подсчету голосовъ нельзя было приступить, такъ какъ шумъ въ залѣ поднялся ужаснѣйшій, и на Ардѣева набросились со всѣхъ сторонъ съ заявленіями, что вопросъ поставленъ неясно и невѣрно, и многіе не знали, сидѣть имъ или вставать, что въ вопросѣ заключается собственно два вопроса...

Такъ какъ сидѣньемъ и вставаньемъ не удалось разрѣшить вопроса, то Ардѣевъ, оставивъ ту же его редакцію, предложилъ иной способъ, а именно: не-

признающимъ за господиномъ Ровичемъ права на участіе въ собраніи перейти на правую сторону залы отъ губернскаго стола, а допускающимъ—на лѣвую сторону. Дворяне разошлись на двѣ стороны, и на взглядъ невозможно было разрѣшить, на чьей перевѣсъ: обѣ группы казались равномѣрными. Герольдъ и еще кто-то по указанію Сергѣя Сергѣевича стали считать господъ дворянъ справа; но это было дѣломъ нелегкимъ: всѣ такъ разгорячились, что не стояли на мѣстахъ и то одинъ, то другой дворянинъ переходили демаркаціонную линію, раздѣлявшую участниковъ на два лагеря, и вступали тамъ въ словесныя состязанія; ихъ окружали, на подмогу первому подходили его единомышленники, обѣ партіи сходились все ближе и ближе, болѣе горячіе или посильнѣе выпившіе такъ и лѣзли другъ на друга, иные обозлились дотого, что поблѣднѣли, у другихъ отъ великой страстности поднялись на затылкѣ хохлы,—казалось, что, того и гляди, начнется уже не словесный, а рукопашный бой...

На хорахъ тоже царило страшное возбужденіе; съ бывшею тамъ женою дворянина Ровича, изъ-за котораго весь сыръ-боръ загорѣлся, сдѣлалось дурно; ее вынесли и въ сосѣдней комнатѣ отпаивали водою, каковой инцидентъ, ставъ извѣстенъ внизу, подлилъ еще масла въ огонь; двѣ дамы наговорили другъ-другу дерзостей, а Софья Александровна, сознавая, что мужъ ея „зарвался“ и самъ портитъ свои шансы, не выдержала и, написавъ на клочкѣ бумаги: „прекрати сейчасъ дѣло Ровича, противъ тебя сильное изъ-за него возбужденіе“, отослала записку эту Сергѣю Сергѣевичу съ преданнымъ дворяниномъ.

Да Сергѣй Сергѣевичъ и самъ отлично видѣлъ, что съ самаго начала ему не повезло, что популярность его словно поколебалась; но онъ, во-первыхъ, тоже разгорячился, да и остановить начатое дѣло было трудно, а главное, онъ увидалъ, что надо немедленно

успокоить собраніе и развести бойцовъ, а то дѣло кончится крупнымъ и непріятнымъ скандаломъ. Онъ неистово зазвонилъ въ колокольчикъ, а герольдъ, войдя въ нейтральную полосу посрединѣ залы и выпрямившись во весь свой громадный ростъ, дивнымъ теноромъ, покрывшимъ шумъ споровъ, возгласилъ:

— Господа дворяне, пожалуйте къ уѣзднымъ столамъ!

Этотъ услышанный всѣми приказъ подѣйствовалъ магически; всѣ, даже самые озорные люди, сразу прекратили споры и, словно облитые изъ ведра холодной водой, пошли къ своимъ столамъ. Зала опустѣла въ серединѣ, и въ ней воцарилась сравнительная тишина. Мирное настроеніе немедленно смѣнило боевое, и господа дворяне, усѣвшись у своихъ столовъ, повели разговоры какъ ни въ чемъ не бывало и даже поднимали сами себя на смѣхъ по поводу охватившаго ихъ раздраженія. Одаринъ въ своемъ уѣздѣ разсказывалъ, что многіе его знакомые дворяне во время баллотировки вопроса о Ровичѣ вставаніемъ, будучи чрезмѣрно послѣдовательны, не рѣшались ни сидѣть ни стоять, такъ какъ находили, что довѣренность составлена незаконно, но что Ровичъ имѣетъ право на участіе въ собраніи, а поэтому избрали средній путь, а именно—легли на полъ, чему немедленно послѣдовалъ, но уже по совершенно другимъ основаніямъ, дворянинъ Михайловъ (всегда пьяный).

Большинство уѣздовъ, какъ оно выяснилось на совѣщаніи за уѣздными столами, остановились на томъ, чтобы рѣшить судьбу Ровича закрытой подачей голосовъ, и скоро сторожа принесли большой баллотировочный ящикъ и по залѣ раздались звуки паденія деревянныхъ шаровъ въ тарелки: это уѣздные предводители принимали счетомъ шары на свои уѣзды. Началась баллотировка, сопровождаемая какъ всегда зычнымъ вызываніемъ къ ящику уѣздовъ и отдѣльныхъ

дворянъ, пропадавшихъ обычно въ буфетѣ, и, наконецъ, подсчетъ шаровъ. Оказалось, что собраніе, хотя и незначительнымъ большинствомъ, признало за Ровичемъ право участія въ выборахъ, и объявленіе этого постановленія вызвало снова бурные аплодисменты молодой партіи, а Ровича поздравляли, какъ именинника, и ему пришлось тутъ же поставить нѣсколько бутылокъ шампанскаго, чтобы отпраздновать побѣду.

Сергѣй Сергѣевичъ, какъ только было объявлено рѣшеніе дѣла Ровича, прервалъ засѣданіе до слѣдующаго дня и покинулъ собраніе значительно удрученный, ибо былъ налицо первый за много лѣтъ провалъ его предложенія.

Дебаты по вопросу, возбужденному Ровичемъ, въ общемъ продлились долго, и засѣданіе закрылось вопреки обычаю поздно, уже при огняхъ. Несмотря на привычку большинства съѣхавшихся отдыхать днемъ достаточно основательно, жизнь не замерла въ N,—не такое было время, не до отдыха! И у губернатора былъ обѣдъ, и у Ардѣева, даже у Мстицкаго; акцизный генералъ кормилъ тоже кое-кого изъ пріѣзжихъ дворянъ; каждый N-скій обыватель наперебой старался залучить къ себѣ на обѣдъ пріѣзжаго дворянина получше, а потомъ, напримѣръ, вечеромъ въ клубѣ, вскользь и небрежно упомянуть: „у меня нынче обѣдалъ Алексѣй Сергѣевичъ и говоритъ“... Сказанное Алексѣемъ Сергѣевичемъ было не интересно,—важно было упомянуть о посѣщеніи его. Это была своего рода охота по красной дичи, спортъ, которому предавались не менѣе мужчинъ и дамы.

За обѣдомъ у Ардѣева говорили попросту объ его кандидатурѣ въ предводители; ясно было, что только въ этомъ и заключалось все значеніе собранія. Софья Александровна волновалась болѣе другихъ и умоляла Сергѣя Сергѣевича не раздражать черезчуръ противной партіи и быть вообще въ собраніи помягче. Послѣ

обѣда въ кабинетѣ хозяина сдѣлали съ помощью карандаша и бумаги приблизительный подсчетъ голосовъ; выходило, что побѣда должна быть неминуемо на сторонѣ Ардѣева. Былъ намѣченъ кандидатъ къ нему и принимались разныя мѣры; кое-куда въ уѣзды были посланы нарочные за неявившимися дворянами; было отправлено нѣсколько экстренныхъ писемъ съ требованіемъ доставленія довѣренностей; Сергѣй Сергѣевичъ разослалъ наиболѣе вліятельнымъ лицамъ приглашенія къ себѣ на большой, обѣщавшій быть лукулловскимъ, обѣдъ, назначенный наканунѣ предполагавшагося начала самыхъ выборовъ. Хлопоталъ далеко не одинъ Сергѣй Сергѣевичъ,—у него была масса помощниковъ, корыстныхъ и безкорыстныхъ.

Софья Александровна дѣйствовала во-всю. Она заранѣе рѣшила на какомъ-нибудь крупномъ дѣлѣ показать, чего она стоитъ, какъ общественный дѣятель, особенно по сравненію со Мстицкой. И въ умѣ ея созрѣлъ грандіозный планъ: она рѣшила дать во время выборовъ благородный спектакль въ пользу основаннаго ея мужемъ пріюта и поставить не что-нибудь, не „Бѣду отъ нѣжнаго сердца“, а Шекспировскаго „Гамлета“. Нечего и говорить, какихъ хлопотъ и трудовъ стоило оборудованіе такого дѣла, сколько нужно было имѣть изобрѣтательности, находчивости, ловкости... Но все пошло отлично. Городъ уступилъ безвозмездно зданіе театра, дилетантъ-художникъ нарисовалъ новыя декораціи, костюмы были сшиты подъ наблюденіемъ самой Софьи Александровны по рисункамъ чиновника особыхъ порученій, барона Занъ, а главное, Софья Александровна нашла, прямо изобрѣла дивнаго Гамлета.

Офелія давно у нея была намѣчена,—одна изъ десяти дочерей помѣщика Сергѣева, но Гамлетъ?.. Немало безсонныхъ ночей провела Софья Александровна рядомъ съ неудержимо храпѣвшимъ Сергѣемъ Сергѣевичемъ, разыскивая мысленно Гамлета, и, наконецъ

нашла его. Она остановилась на скромномъ, весьма юномъ преподавателѣ математики въ N-ской гимназіи, Ипполитѣ Алексѣевичѣ Павловѣ. Софья Александровна, когда произвела его въ Гамлеты, даже не была съ нимъ знакома,—она его видѣла всего раза три у обѣдни въ гимназіи, куда поблизости любила ходить; но, по ея глубокому убѣжденію, Павловъ не могъ не быть прекраснымъ Гамлетомъ. И дѣйствительно, il avait le phisique de l'emploi.: онъ былъ бѣлокуръ, съ большими голубыми, задумчивыми глазами, съ печатью мысли и и страданія на высокомъ челѣ и благороденъ въ движеніяхъ... Софья Александровна не имѣла тогда еще понятія о томъ, согласится ли онъ участвовать въ спектаклѣ.

Онъ согласился, хотя не легко это досталось Софьѣ Александровнѣ. Первоначально, когда Павловъ явился къ ней, вызванный ея любезной запиской, онъ наотрѣзъ отказался, сославшись на то, что никогда не игралъ и ни шагу не умѣетъ ступить на сценѣ. Софья Александровна приналегла, не жалѣя просьбъ и своего обаянія,—но Павловъ краснѣлъ, блѣднѣлъ, покрывался испариной, чуть не дошелъ до дурноты и слезъ, однако упорствовалъ. Софьей Александровной было пущено въ ходъ вліяніе директора гимназіи, губернатора, но будущій Гамлетъ сопротивлялся. Случай помогъ Софьѣ Александровнѣ: Павловъ узналъ, что роль Офеліи была предназначена Катѣ Сергѣевой и... немедленно согласился.

Семья Сергѣевыхъ была замѣчательна своею многочисленностью; у нихъ имѣлось налицо десять дочерей, изъ коихъ лишь двѣ были замужемъ (да и то за мѣстными офицерами, то-есть, въ сущности, остались въ семьѣ), и нѣсколько сыновей. Папаша обыкновенно содержался во внутреннихъ апартаментахъ и большею частью отдыхалъ, въ свободное же отъ сего занятія время читалъ отчеты по имѣнію, щелкалъ на счетахъ

и подводилъ итоги, а то раскладывалъ гранъ-пасьянсъ. Офиціально онъ показывался лишь къ обѣду и являлъ изъ себя отличнаго старика, сѣдовласаго, прихрамывавшаго, довольно глухого, но очень любезнаго. Папаша Сергѣевъ былъ всею душой расположенъ къ вину, но при столь многочисленной семьѣ рѣдко могъ удовлетворять свои вкусы, особенно дома; зато когда его отпускали въ клубъ, онъ уже непремѣнно, поигравъ немного въ преферансъ, напивался, никому тѣмъ не вредя, ибо человѣкъ былъ скромный и любвеобильный; самое худшее, что съ нимъ случалось, не шло дальше того, что онъ по ошибкѣ расцѣлуетъ совершенно незнакомаго человѣка или заснетъ въ столовой послѣ ужина. Сергѣевы пользовались нѣкоторымъ вѣсомъ въ N, ибо имѣли порядочное состояніе и раза два въ годъ давали настоящіе балы.

Павловъ давно уже былъ влюбленъ (тогда это такъ называлось) въ Екатерину Павловну Сергѣеву, еще съ тѣхъ поръ, какъ давалъ ей уроки ариѳметики, да и барышня, повидимому, достаточно сочувствовала своему учителю; но онъ былъ сынъ, хотя благородныхъ, но бѣдныхъ родителей, кажется, даже они были гораздо болѣе бѣдны, чѣмъ благородны; карьера ему предстояла неважная, трудно было надѣяться на согласіе Сергѣевыхъ, и Павловъ млѣлъ, страдалъ и молчалъ; то же дѣлала со своей стороны Катя Сергѣева, и имъ даже рѣдко приходилось видаться; а тутъ вдругъ — Гамлетъ и Офелія, мѣсяцы репитицій, закулисная обязательная интимность... всякій согласился бы на мѣстѣ Павлова.

Сначала, на первыхъ репетиціяхъ, онъ былъ невозможенъ,—чистый чурбанъ; читалъ онъ еще сносно, но зато ни одного естественнаго жеста, ни единаго свободнаго движенія, вѣчное ожиданіе реплики! Софья Александровна буквально плакала, плакала тайно и Катя Сергѣева, другіе участвующіе хохотали до упаду, и вся надежда возлагалась на Ваську Кулева.

Васька, какъ его всѣ звали въ N, числился чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ; всегда веселый, оживленный, ни въ чемъ не сомнѣвающійся, онъ физически даже больше походилъ на южанина; черномазый, кудрявый, красивый, онъ былъ, однако, уроженецъ N-ской губерніи; служилъ онъ слабо, но зато обладалъ недурнымъ теноромъ и игралъ на фортепіано и гитарѣ. Ваську всѣ любили, онъ былъ настоящій bout en train всякихъ увеселеній,—и актеръ, и режиссеръ, и присяжный устроитель пикниковъ.

Кулевъ со свойственною ему энергіей принялся за Павлова, обучалъ его всей роли съ голоса, толкалъ, вытаскивалъ на авансцену, уводилъ назадъ,—однако дѣло долго не шло на ладъ. Но любовь въ тѣ времена совершала чудеса, и одна, одна она, создала въ концѣ-концовъ изъ Павлова сноснаго лицедѣя! Онъ, по совѣту Кулева сталъ брать уроки фехтованія, гимнастики и танцевъ. Ежедневно, вернувшись изъ гимназіи, даже не пообѣдавъ, онъ надѣвалъ трико, фехтовалъ и цѣлыми часами передъ зеркаломъ закатывалъ во весь голосъ монологи и проходилъ роль Датскаго принца. Къ концу мѣсяца онъ обыгрался и въ иныхъ сценахъ былъ даже хорошъ. Изъ Сергѣевой вышла прелестная Офелія, а въ сценѣ сумашествія она производила прямо сильное впечатлѣніе. Гамлетъ вывозилъ Павлова: Екатерина Павловна явно благоволила ему; казалось вся семья Сергѣевыхъ стала къ нему любезнѣе; его пригласили на вечеръ къ губернатору, чего прежде не бывало, и въ душѣ его затеплилась надежда. Онъ готовъ былъ тридцать свѣчекъ поставить за упокой души Датскаго принца, а за Софью Александровну готовъ былъ въ огонь и въ воду. Но и она была довольна; спектакль казался обезпеченнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, о немъ говорилъ весь N, связывая его съ именемъ Ардѣевыхъ, и какъ-то невольно у всѣхъ успѣхъ его не раздѣлялся съ успѣхомъ на

выборахъ Сергѣя Сергѣевича. И въ тотъ, и другой вѣрили. Билеты были уже разобраны и предстояла послѣдняя генеральная репетиція.

У Мстицкаго, конечно, обѣдъ носилъ тоже политическій характеръ; ничего кромѣ „выборовъ“ въ N не существовало, никто въ это время даже не хворалъ серьезно и не умиралъ,—все это дѣлалось потомъ.

Мстицкій былъ нѣсколько смущенъ; ни онъ, ни жена его въ сущности не стремились занять постъ губернскаго предводителя, опасаясь и нравственной отвѣтственности и возможныхъ столкновеній, наконецъ, просто большихъ расходовъ, связанныхъ съ этою почетною должностью. Но сама судьба, казалось, властною рукой выдвигала кандидатуру Ивана Петровича; этотъ неожиданный инцидентъ съ Ровичемъ, побѣда молодой партіи, какъ будто даже обязывали... И Мстицкій рѣшилъ не уклоняться: онъ за обѣдомъ объявилъ своимъ гостямъ, все людямъ серьезнымъ, сдержаннымъ, и очень приличнымъ на видъ, что самъ ничего предпринимать не будетъ, но что если его выберутъ, то онъ пойдетъ.

Болѣе практическіе люди и у Мстицкаго занялись послѣ обѣда тѣмъ же дѣломъ, что у Ардѣева,—подсчетомъ голосовъ, при чемъ ничего вѣрнаго не получилось; однако друзьями Мстицкаго было рѣшено вести его кандидатуру открыто.

Существовала въ N нѣкоторая вдова, проводившая зиму въ городѣ, а лѣтомъ въ своемъ имѣніи, Ольга Петровна Веденина, дама достаточно молодая, красивая, веселая и смѣлая, пользовавшаяся во всю свободнымъ, независимымъ во всѣхъ отношеніяхъ положеніемъ въ свѣтѣ (она была бездѣтна и старшихъ, скучныхъ родственниковъ, не имѣла). Веденина считалась вообще въ N барыней нѣсколько легкомысленной, даже опасной, и не всѣ дамы къ ней ѣздили, но независимое ея положеніе, хорошіе обѣды и ужины, кото-

рыми она любила угощать гостей, располагали въ ея пользу, а такъ какъ она ничего явно некорректнаго не учиняла, то безпощадно обрушивались на нее лишь двѣ-три сверхдобродѣтельныя и злобныя дамы. У Вединой въ тотъ же день шелъ веселый обѣдъ; стариковъ не было вовсе, а кромѣ хозяйки участвовала лишь одна дама, такая же бойкая и хохотушка. Присутствовавшій на обѣдѣ Одаринъ объявилъ, что перешелъ въ партію Мстицкаго и все сдѣлаетъ для его торжества, хотя бы ради того только, чтобы насолить поддерживающему Ардѣева Николаю Михайловичу. Чевцовъ обозлилъ Одарина тѣмъ, что уговорилъ старшинъ клуба предложить общему собранію исключить его за неплатежъ штрафовъ и долговъ по клубу, Ардѣевъ же хотя и пообѣщалъ ему вступить на его защиту, но не посмѣлъ, и тѣмъ приготовилъ себѣ опаснаго врага.

Къ 8 часамъ вечера стали собираться гости къ губернатору, клубъ тоже наполнился посѣтителями, не пустовалъ и ресторанъ при лучшей гостиницѣ, гдѣ неумолчно хлопали пробки откупориваемыхъ шампанскихъ бутылокъ. Городъ вообще веселился, а тутъ еще Николай Михайловичъ вспомнилъ, что былъ званъ на вечеръ съ танцами къ городскому головѣ Нофріеву, и рѣшилъ учинить въ N сліяніе сословій, а кстати повеселить г.г. дворянъ съ ихъ семьями, вообще проявить отеческую заботливость о ввѣренныхъ его управленію людяхъ.

Дѣло въ томъ, что Нофріевъ пригласилъ къ себѣ на балъ, кромѣ мѣстнаго купечества и кое-кого изъ представителей столичнаго коммерческаго міра, лишь немногихъ и исключительно чиновныхъ особъ; но Николай Михайловичъ въ видахъ осуществленія своего плана рѣшилъ уговоритъ Нофріева позвать всю N-скую золотую молодежь обоего пола, конечно, съ родителями и этимъ сдѣлать первый шагъ къ тому, чтобы ку-

печескіе богатые дома,—а ихъ было въ N много,—открыли свои двери для дворянства и высшаго чиновничества,—однимъ словомъ, учинить сліяніе сословій подъ высшимъ надзоромъ и руководительствомъ его, Николая Михайловича, являющагося равно благосклоннымъ ко всѣмъ своимъ поданнымъ. Головѣ изобрѣтеніе начальства замѣчательно не понравилось, для него было очевидно, что никакого сліянія сословій не произойдетъ, да оно и не нужно, а что просто „господа" поугощаются на его счетъ, да еще какая-нибудь непріятность выйдетъ. Наконецъ, ему изъ-за своего рода гонора не хотѣлось звать къ себѣ мѣстное барство, хотя бы въ лицѣ ихъ молодежи.

Нофріевъ былъ благообразный старикъ, съ румянымъ, бритымъ лицомъ, голубыми глазами и хотя совершенно сѣдыми, но еще обильными и гладко причесанными волосами; носилъ онъ всегда неизмѣнно черную сюртучную пару, бѣлый галстукъ, а въ торжественныхъ случаяхъ картузъ замѣнялъ цилиндромъ. Онъ имѣлъ привычку низко кланяться, перегибаясь на двое, улыбаться и потирать руки. Выслушавъ Николая Михайловича, онъ сталъ-было отнѣкиваться, но Чевцовъ не поколебался; онъ въ дѣлахъ управленія, не требовавшихъ знанія законовъ и циркуляровъ, не терпѣлъ возраженій, а при сопротивленіи его волѣ горячился и сердился. Нофріеву пришлось-таки покориться капризу Николая Михайловича и позвать на балъ все N-ское общество: губернаторъ нужный былъ человѣкъ. Тогда съ желаніями начальника губерніи купечество считалосъ.

Иванъ Ивановичъ Нофріевъ жилъ, какъ жило все провинціальное купечество, выдѣляясь лишь тѣмъ, что ему въ качествѣ городского головы приходилось чаще сталкиваться съ чиновнымъ міромъ, бывать на офиціальныхъ торжествахъ и приглашать къ себѣ въ именинные дни всѣхъ представителей власти, начиная

съ архіерея и кончая почтмейстеромъ. Подобно другимъ купцамъ, онъ какъ членъ общества, былъ незамѣтенъ и, отбывъ свои занятія по торговлѣ или служебныя функціи, скрывался въ нѣдрахъ семьи. А семьи купеческія влачили тогда однообразные дни въ каменныхъ двухъэтажныхъ домахъ, необычайно крѣпко построенныхъ, безъ архитектурныхъ украшеній, но непремѣнно съ садомъ и широкимъ мощенымъ, чисто содержимымъ дворомъ, на которомъ стояли, имѣвшія солидныя желѣзныя двери, амбары и кладовыя съ галлерейками и переходами и ворота которыхъ были, кромѣ первыхъ дней Пасхи, Рождества и Новаго года, заперты. Внутренняя жизнь купеческихъ домовъ проявлялась извнѣ только наканунѣ праздниковъ сіяніемъ зажигавшихся передъ иконами во всѣхъ комнатахъ лампадъ; парадные покои съ симметрично разставленною, неуклюжей и тяжелой мебелью казались нежилыми, благодаря чехламъ на мебели и люстрахъ и отсутствію въ нихъ движенія.

Купцы, даже изъ молодыхъ, съ помѣщиками и чиновниками „не водились", не посѣщали мѣстныхъ ресторановъ и въ трактиры ходили только, когда было нужно по какому-нибудь дѣлу, ограничиваясь потребленіемъ чаю. Кутить на мѣстѣ было не принято, и наклонность свою въ этомъ направленіи и даже выдающуюся виртуозность купцы проявляли, отъѣзжая въ чужія мѣста, въ Москву, или на ярмарку, гдѣ раздѣлывали прямо чудеса и ухлопывали немало денегъ. Иные пили и безъ такихъ экстренныхъ случаевъ, но не публично, а какъ подобаетъ запойнымъ людямъ; начавъ дѣло это съ какихъ-либо именинъ, они продолжали его уже дома, запершись и нерѣдко содержа бутыль съ водкой или мадерой подъ подушкой постели. Бывали случаи когда семьѣ такого „закурившаго" купца приходилось очень плохо; онъ самодурничалъ и самоуправничалъ надъ своими чадами и домочадцами

какъ хотѣлъ, и спасенія отъ него, казалось, не было никакого. Но семья оберегала всячески и такую главу свою и лишь потомъ между разными тетушками свояченицами и золовками шли шепоткомъ разговоры о „самомъ“ и его мучительствахъ и чудачествахъ.

Скучно и забито шла жизнь молодежи; мальчики обучались нерѣдко въ гимназіи, но дальше четвертаго класса ихъ тамъ рѣдко держали; бывали, конечно, исключенія, но не часто. Дѣвицы получали воспитаніе въ мѣстномъ пансіонѣ, содержавшемся двумя старушками француженками; онѣ пріобрѣтали тамъ легонькое образованіе, нѣкоторое понятіе объ игрѣ на фортепіано, выучивались читать по французски, танцовать и „хорошимъ манерамъ“; тамъ же въ нихъ развивался вкусъ ко всему романическому и страстное желаніе выбраться изъ своей среды.

Такіе случаи бывали, однако, весьма рѣдко; нормально купеческая барышня рано выдавалась замужъ по избранію родителей, сопровождаемая некрупнымъ капиталомъ, но зато громаднымъ приданымъ—вещами, накапливавшимися маменькой, тетушками и бабушкой чуть ли не съ рожденія невѣсты и наполнявшими десятки большихъ красныхъ, обитыхъ сверху бѣлою жестью, сундуковъ. Женихъ бывалъ почти всегда свой братъ купецъ, и вскорѣ молодая, если прежде у нея и были какія особыя мечтанія, смирялась, переставала читать и увлекаться романами и отдавалась внутренней домашней жизни, которая въ сущности была не далека отъ гаремной и весьма подобна жизни всѣхъ русскихъ дамъ XVIII столѣтія. Дѣти, домашнее хозяйство, забота о мелкихъ удобствахъ мужа, боязнь его, кое-какіе довольно невинные въ большинствѣ обманы, возня съ прислугой, туалетная часть, церковный обиходъ, сложный и берущій немало времени, посѣщеніе и пріемъ знакомыхъ дамъ съ угощеніемъ чаемъ, сластями и наливками, разговоры, въ которыхъ повто-

рялось вяло все одно и то же, сплетни, немного оживлявшія этихъ дамъ, очень изрѣдка поѣздки съ мужемъ въ столицу, болѣзни... рожденіе дѣтей и дальнѣйшая возня съ ними... кое-когда романъ съ приказчикомъ, кончавшійся, если „она“ была вольной вдовой, бракомъ, узкій кругозоръ, допотопные упрямые взгляды... Молодежь въ большинствѣ встрѣчалась и веселилась лишь на вечеринкахъ и балахъ, дававшихся въ какіе-либо торжественные дни.

Въ семьѣ Нофріева, кромѣ супруги и двухъ сыновей, обучавшихся въ московской коммерческой академіи, имѣлись три дочки, двѣ изъ которыхъ были уже на возрастѣ и прошли науки въ мѣстномъ пансіонѣ. Старшая изъ дочерей, Машенька, была очень мила: стройная, изящная, съ черными глазами, блестѣвшими оживленіемъ и умомъ, темными, отъ природы завивавшимися волосами и тонкими чертами лица, она была и талантлива,—отлично играла на фортепіано и пѣла, а главное—она обладала удивительно веселымъ, жизнерадостнымъ характеромъ и незаурядной по тѣмъ временамъ смѣлостью. Съ матерью она дѣлала, что хотѣла, и даже на отца, человѣка довольно таки самостоятельнаго и крутого, имѣла вліяніе; сестра Душа, полненькое, бѣлокурое, хорошенькое и добродушное, но вялое существо, была у нея въ полномъ подчиненіи.

Привезенный Нофріевымъ домой приказъ губернатора звать на балъ господъ дворянъ съ семьями привелъ въ ужасъ супругу его, но зато необычайно обрадовалъ обѣихъ дочерей; перспектива потанцовать съ лучшими N-скими кавалерами, да еще съ пріѣзжими, только улыбалась имъ, а у Машеньки были и особыя соображенія. Она замѣтила, что появившійся недавно въ N молодой гусарскій офицеръ Черенинъ, красивый и элегантный, обратилъ на нее вниманіе, встрѣтивъ сперва просто на улицѣ; на другой день она опять его встрѣтила и поняла, что это не спроста, что Черенинъ

прослѣдилъ за ней и умышленно вышелъ на главную улицу въ одно время съ ней. Такъ, т. е. на улицѣ, они уже нѣсколько разъ встрѣчались, и Черенинъ понравился Машѣ; она просто увлеклась имъ. Въ семнадцать лѣтъ это, по крайней мѣрѣ прежде, дѣлалось очень легко, не нужно даже было настоящихъ свиданій и знакомства; взаимныя симпатіи передавались взглядами, а красавецъ гусаръ смотрѣлъ на нее при частыхъ, будто случайныхъ встрѣчахъ такъ ласково, даже робко, (это гусаръ-то!) и въ то же время такъ явно восхищаясь ею, что сомнѣній въ его чувствѣ у Машеньки быть не могло. Машенька до Черенина уже два раза влюблялась: первый разъ въ молоденькаго приказчика отца, приходившагося Нофріевымъ родственникомъ и потому жившаго у нихъ въ домѣ „въ племянникахъ", а второй разъ въ пансіонскаго учителя географіи Преображенскаго, человѣка хотя уже не очень молодого и не красиваго, но умнаго, талантливаго и задушевнаго, увлечься которымъ было не трудно и серьезно, если бы за нимъ не водилась привычка выпивать чуть ли не ежедневно. Но гусаръ однимъ своимъ появленіемъ затмилъ и троюроднаго братца, юношу довольно безцвѣтнаго, и Преображенскаго. Машенька почувствовала, что то была дѣтская игра, а вотъ теперь началось настоящее. Она сейчасъ же созналась въ новомъ своемъ чувствѣ Душѣ, и та съ полнымъ одобреніемъ отнеслась къ зарождавшемуся роману. Какъ-разъ въ первый день выборовъ Машенька получила записку отъ Черенина, доставленную ей одной изъ ихъ горничныхъ.

Въ запискѣ значилось слѣдующее: „Ради всего святого не сердитесь и дайте знать черезъ Аннушку (такъ звали горничную), какъ и гдѣ мнѣ вамъ представиться. Мнѣ необходимо вамъ сказать такъ много... Вашъ рабъ на всю жизнь Владимиръ Черенинъ".

Записка эта произвела сильное и надлежащее впечатлѣніе; обѣ сестры перечитывали ее чуть не по сто

разъ въ день, восхищаясь энергичною лаконичностью стиля, и рѣшили такъ или иначе устроить знакомство. И тутъ вотъ, какъ-разъ во-время, явился балъ со сліяніемъ сословій. Барышни немедленно на дивной розовой почтовой бумагѣ изобразили: „Будьте у насъ на балу съ другими дворянами", и, не подписавъ, но положивъ въ изящный конвертъ, сдали его Анютѣ для передачи куда слѣдуетъ.

Наступили и прошли второй и третій день собранія, не внесшіе замѣтнаго измѣненія въ положеніе партій, но еще рельефнѣе подчеркнувшіе существованіе ихъ и именно „старой и молодой", либеральной. Подпольная агитація шла во всю: орудовали и губернаторъ, и Ардѣевъ, и друзья Мстицкаго, и Одаринъ. Сего опаснаго человѣка кровно обидѣли Ардѣевъ и Чевцовъ, не позвавъ первый—на свой торжественный обѣдъ, а второй—на вечеръ. Къ тому же до Одарина дошелъ слухъ, что Ардѣевъ говорилъ въ клубѣ послѣ какого-то скандала, въ которомъ участвовалъ Одаринъ, что его слѣдуетъ исключить изъ клуба. Въ душѣ Одарина зажглись дикая злоба на Ардѣева и жажда мести. Онъ поклялся такъ ему насолить, чтобы онъ въ вѣкъ не забылъ, рѣшилъ сдѣлать все возможное, чтобы повредить его кандидатурѣ въ предводители и принялся горячо за это дѣло. Дамъ являлось на хоры все больше и больше, туалеты ихъ становились все изящнѣе, и сами онѣ, какъ пріѣзжія, такъ и городскія, все съ большимъ увлеченіемъ отдавались политикѣ, то-есть пропагандировали и рекомендовали въ уѣздные предводители и даже губернскаго пріятныхъ имъ людей.

За дворянствомъ весь N разбился на двѣ партіи: „ардѣевцевъ" и „мстицскихъ", и чуть не въ каждомъ домѣ шли споры о преимуществахъ стараго и новаго режима и, конечно, главнымъ образомъ, о личныхъ ка-

чествахъ лидеровъ обѣихъ партій. Мѣстный генералъ, командовавшій расположенными въ N-ской губерніи войсками, Николай Николаевичъ Строевъ былъ тоже на сторонѣ Ардѣева.

Теперь такихъ типичныхъ генераловъ до реформенной эпохи не увидишь, а тогда Николай Николаевичъ казался обыкновеннымъ человѣкомъ. Онъ и наружностью совершенно соотвѣтствовалъ своему амплуа: средняго роста, широкій въ плечахъ, прямо созданныхъ для ношенія густыхъ эполетъ, съ брюшкомъ, короткой шеей и строгимъ кирпичнаго цвѣта лицомъ, при узкихъ бакенбардахъ, доходившихъ отъ висковъ лишь до носа, онъ обладалъ громовымъ голосомъ, дѣлалъ страшные глаза, усердно ругался, могъ вспылить, на словахъ ссылалъ всѣхъ за малѣйшую провинность въ Сибирь—Тобольскъ, а на самомъ дѣлѣ былъ добрѣйшимъ и благороднымъ человѣкомъ и, кажется, никогда мухи не обидѣлъ. Говорилъ онъ, и притомъ страшно убѣжденно, невѣроятныя вещи; такъ, напримѣръ, онъ увѣрялъ, что всѣ россійскіе безпорядки и неустройство, существовавшіе—увы!—даже и въ доброе старое время, легко устранить, надо лишь обратиться къ розгѣ и всѣхъ пороть, но всѣхъ безъ исключенія.

— Начать съ меня,—говаривалъ генералъ,—а я выпорю бригаднаго, тотъ полковыхъ командировъ, они баталіонныхъ, эти ротныхъ и такъ далѣе до послѣдняго фурштата, и такъ-то все у насъ пойдетъ,—одно удовольствіе!

Непривычные къ Строеву люди терялись первоначально при провозглашеніи имъ столь радикальныхъ истинъ и не знали, шутитъ ли генералъ или говоритъ серьезно: очень уже невѣроятными казались предлагавшіяся имъ мѣры; напримѣръ, такой способъ лѣченія наисерьезнѣйшихъ болѣзней: „призвать врача, взять изъ аптеки прописанныя имъ лѣкарства, а затѣмъ всю эту

дрянь выбросить въ помойную яму, а самому отправиться въ баню, гдѣ хорошенько попариться, а дома потомъ напиться сухой малины и въ крайнемъ случаѣ поставить банки, а докторовъ къ чорту и въ шею“. Веселъ генералъ былъ рѣшительно всегда, и его въ N очень любили и знали рѣшительно всѣ, даже простые обыватели, съ которыми онъ, не гнушаясь, любилъ поболтать во время своихъ прогулокъ и часто засиживался въ разныхъ лавкахъ, балагуря съ хозяевами и сидѣльцами.

Управляющій акцизомъ всецѣло держался Мстицкаго, считая Ардѣева и все его общество грубымъ и неумѣющимъ жить. Очень многіе, впрочемъ, раза по три на день мѣняли, смотря по обстоятельствамъ и по лицамъ, съ которыми они сталкивались, убѣжденія и переходили то на одну, то на другую сторону. Оживленіе въ городѣ шло crescendo, а вмѣстѣ съ тѣмъ и количество потребляемаго шампанскаго и водки.

Четвертый день ознаменовался тѣмъ, что когда по прочтеніи отчета о состояніи какого-то содержимаго на дворянскія средства учрежденія собраніе, по предложенію одного дворянина, стало благодарить Ардѣева за заботы его о процвѣтаніи этого учрежденія, то дворяне N-скаго уѣзда не присоединились къ чествованію предводителя и демонстративно ушли изъ большой залы въ столовую.

Вечеръ этого дня прошелъ особенно бурно: былъ большой обѣдъ у Ардѣева, шла генеральная репетиція „Гамлета“, былъ вечеръ и у Мстицкаго; но гвоздемъ всего была званая жженка у ремонтера князя Орскаго. Князь былъ или казался очень богатымъ человѣкомъ, былъ окруженъ ореоломъ знатности, отъ него вѣяло высшимъ петербургскимъ свѣтомъ, а на этотъ разъ говорили еще, что онъ выписалъ для участія на своемъ вечерѣ хоръ цыганъ изъ Москвы, неполный, конечно, но лучшихъ

персонажей: старика Ивана Васильевича, тенора Михайлу, Александру Ивановну (высокое сопрано), Матрену (контральто) и еще человѣкъ пять-шесть.

На репетиціи „Гамлета“ присутствовали кое-кто изъ N-ской знати и, конечно, Николай Михайловичъ. Зрительная зала была освѣщена слабо и восхищала неофитовъ театральнаго дѣла какою-то таинственностью; на сценѣ соблюдался полный порядокъ, всѣ были въ костюмахъ и гримѣ, декораціи мѣнялись и даже въ антрактахъ игралъ оркестръ военной музыки. Репетиція шла отлично, если не считать чрезмѣрной продолжительности антрактовъ и совершеннаго, чисто-русскаго, неумѣнья участвующихъ носить костюмы и казаться благородными безъ особаго къ тому основанія, а просто потому, что на лицо „шпага, плащъ и шляпа съ перомъ“. Пожалуй, можно было еще замѣтить, что актеры и актрисы пускали въ ходъ все время одни и тѣ же жесты (сами по себѣ жесты были хороши, но надоѣдали) и ходили, какъ-будто у нихъ ноги были не свои, а взятыя на прокатъ; что иные говорили столь тихо, что и въ первомъ ряду ничего не было слышно, кромѣ долетавшихъ изъ-за кулисъ воззваній режиссера Васьки Кулева: „громче“, а тѣнь отца Гамлета ревѣла неподобающе для почтеннаго во всѣхъ отношеніяхъ привидѣнія, что рѣшительно всѣ смотрѣли упорно въ суфлерскую будку и иногда даже, обращаясь, должно-быть, къ сидящему тамъ лицу, произносили что-то и дѣлали укорительные жесты. Но не надо было забывать, что это былъ „благородный“, а не простой спектакль. Для любителей очень и очень мило, какъ вѣрно замѣтилъ фонъ-Дюне, съ чѣмъ согласился даже генералъ, добавивъ, однако, что онъ больше любитъ солдатскіе спектакли, на которыхъ очень хорошо представляютъ: „Непокорнаго сына Адольфа“ и „Милосердіе Тита“.

Николай Михайловичъ тоже одобрилъ игру и самый выборъ пьесы.

— Отличная пьеса,—говорилъ онъ Ардѣевой,—серьезная, съ направленіемъ, и нѣтъ ничего шокирующаго, тонъ хорошъ, не то что Островскій; у насъ не умѣютъ такъ писать. Только, Софья Александровна, два совѣта немного длинно, сократите! Можно кое-что выпустить, напримѣръ, у Гамлета, онъ слишкомъ много говоритъ; и еще,—это уже прямо необходимо!—измѣните... это съ черепомъ подлѣ могилы; или, самое лучшее,—совсѣмъ выпустите, или замѣните черепъ... ну, хоть кегельнымъ шаромъ, на которомъ можно нарисовать что-нибудь; а то у васъ настоящій черепъ,—это не годится даже съ точки зрѣнія нравовъ и религіи, это—профанація.

Софья Александровна сама уже давно смущалась участіемъ въ ея спектаклѣ черепа, который былъ взятъ Павловымъ изъ чего-то въ родѣ энциклопедическаго музея, состоявшаго при гимназіи, но не знала, какъ его замѣнить, а предложеніе Николая Михайловича развязало ей руки, и она тотчасъ же распорядилась, поручить барону Зану достать и соотвѣтственно размалевать кегельный шаръ.

Когда по окончаніи репетиціи режиссеръ Кулевъ, усталый, всклокоченный, даже охрипшій, весь перепачкавшійся отъ великаго старанія, и гримировавшій всѣхъ актеровъ старикъ-любитель Петровъ, считавшій себя знатокомъ театральнаго дѣла, вышли со сцены въ залу, то ихъ засыпали комплиментами за постановку Гамлета, пророча спектаклю полный, даже небывалый успѣхъ. Офелія и Гамлетъ превзошли себя, а Офелія была къ тому же такая хорошенькая, такая счастливая и довольная, да и Гамлетъ былъ такой радостный и сіяющій, что всѣ умилялись.

Кое-кто изъ приглашенныхъ критиковъ подумали про себя, что такое счастливое, веселое настроеніе, пожалуй, не вполнѣ подходитъ къ характерамъ и по-

ложенію Гамлета и Офеліи, ибо тѣмъ приходится переживать, по волѣ автора, довольно непріятные моменты, но вслухъ были высказаны лишь похвалы.

Репетиціи быстро двинули впередъ романъ Павлова съ Сергѣевой. Они „объяснились во взаимной любви", и было рѣшено, что Павловъ на слѣдующій день послѣ спектакля явится къ Сергѣевымъ и сдѣлаетъ родителямъ Офеліи офиціальное предложеніе.

Всѣ это видѣли, поняли и... даже порадовались, хотя Павловъ представлялъ изъ себя не Богъ знаетъ какого жениха; такъ обаятельно дѣйствуетъ на каждаго человѣка, хотя бы и эгоиста и съ огрубѣвшимъ отъ жизненной дряни сердцемъ, искреннее чувство двухъ довѣрчивыхъ молодыхъ существъ. Каждаго оно невольно подкупаетъ и каждому хочется помочь и самому повѣрить въ дѣйствительность и достижимость счастія. Гамлетъ и Офелія были счастливы до головокруженія, а, между тѣмъ, ближайшее будущее ихъ было уже чревато великою бѣдой.

Князь Орскій, хотя холостой человѣкъ, нанималъ въ Н. большой вполнѣ омеблированный домъ, собственники котораго неожиданно уѣхали на зиму въ Москву. Всѣ апартаменты обычнаго губернскаго типа и вкуса съ аркою, отдѣлявшей гостиную отъ залы, были въ этотъ вечеръ освѣщены уже съ восьми часовъ и къ девяти наполнились гостями. Вечеръ съ самаго начала обѣщалъ быть веселымъ; гостямъ сразу становилось пріятно и какъ-то особенно беззаботно; хозяинъ, веселый, ласковый, встрѣчалъ всѣхъ такъ мило и просто, вся обстановка дома свидѣтельствовала о такомъ довольствѣ, вкусѣ, тонкомъ пониманіи баловства и безусловномъ обиліи „плодовъ земныхъ" и всего прочаго, такая непринужденность царила въ обиходѣ дома, однако, безъ лишней распущенности, что на каждаго нисходило благодушно-легкомысленное настроеніе, и думалось: „А вѣдь хорошо!"...

Всѣмъ входящимъ подавали на подносахъ чай и пуншъ, а для любителей солиднаго угощенія въ отдѣльной „секретной" комнатѣ уже была поставлена водка съ закуской „начерно",—уступка провинціальному вкусу и привычкамъ; въ обѣихъ гостиныхъ тотчасъ же своими компаніями засѣли за преферансъ и вистъ, но въ кабинетѣ еще не приступали къ игрѣ,—тамъ была арена серьезной, то-есть азартной, игры по крупной. Часовъ въ десять хозяинъ предложилъ игравшимъ прервать партіи и пригласилъ всѣхъ въ залу; въ концѣ ея размѣстился полукругомъ цыганскій хоръ: дамы сидѣли, а кавалеры,—коричневые, носатые, съ гладко причесанными черными волосами,—стояли за стульями; въ центрѣ виднѣлся лысый, съ зачесанными съ висковъ рѣдкими волосами, улыбающійся Иванъ Васильевичъ съ гитарой въ рукахъ, раскланивавшійся со входящей публикой, изъ числа которой зналъ коекого по Москвѣ лично. Цыгане были въ такъ-называемыхъ національныхъ костюмахъ, и дамы тоже одѣлись парадно, то-есть страшно пестро и съ рѣдкимъ безвкусіемъ. Александра Ивановна,—покойная, важная, совсѣмъ непохожая типомъ на фараонку, также незамѣтно. больше улыбкою, кланялась знакомымъ; остальныя сидѣли молча, неподвижныя и суровыя, какъ фантастическія изваянія. Эффектъ вышелъ необыкновенный, гости всѣ убѣдились, что это дѣйствительно московскіе цыгане, лучшій хоръ Ивана Васильевича, дивно, неподражаемо игравшаго на гитарѣ.

Гости разсѣлись. Иванъ Васильевичъ подошелъ на цыпочкахъ къ Орскому, получилъ надлежащія указанія и, возвратившись къ хору, сказалъ нѣсколько словъ на особомъ гортанномъ нарѣчіи; кое-кто изъ цыганъ перемѣнились гитарами, Матреша сказала что-то какъ - будто страшно грубое Александрѣ Ивановнѣ, и Иванъ Васильевичъ, ставъ лицомъ къ хору въ центрѣ полукруга, поднялъ гитару, махнулъ ей, и

зала огласилась чрезвычайно громкимъ пѣніемъ, неожиданно рѣзкимъ, грубымъ даже, но могущественнымъ въ дикой гармоніи своей, захватывающимъ, поднимающимъ нервы. Пѣлась старая хоровая привѣтственная пѣснь; въ ней тактъ и удареніе казались сначала, неправильными, странными, слышались слишкомъ высокія, визгливыя ноты сопрано, мѣстами басы будто черезчуръ громко выдѣлялись,—но все это лишь сначала, а чѣмъ дальше, тѣмъ пѣснь становилась доступнѣе и понятнѣе, странность ея ритма, искусственность манеры пѣть исчезали, а она была такая энергичная, голосовой аккордъ звучалъ, несмотря на особенность тембра цыганъ, такъ безусловно вѣрно, такая лихость и веселіе слышались въ ней, что всѣ подпадали невольно подъ ея обаяніе, и она вскорѣ уже царила между присутствующими. Оставшіеся было въ гостиныхъ доигрывать пульки бросили, въ концѣ-концовъ карты, и пришли въ залу; у всѣхъ на лицахъ появилась улыбка веселія, и не напрасно хозяинъ распорядился подать шампанскаго,—и непьющіе не выдержали и потянулись за бокалами, а цыгане стояли и сидѣли все такіе неподвижные, безъ одного жеста,—на лицахъ ихъ не было никакого выраженія, и только Иванъ Васильевичъ, повертываясь на каблукахъ и на моментъ переставая аккомпанировать, помахивалъ, улыбаясь, гитарой, негромко притопывалъ ногой и изрѣдка бросалъ хору какія-то короткія непонятныя фразы.

Какъ только кончилась первая пѣснь, зала преисполнилась шумомъ, знакомые съ цыганками подбѣгали къ нимъ, здоровались со всѣхъ сторонъ, ихъ привѣтствовали, а Орскаго окружили, благодаря за чудный сюрпризъ, и наперерывъ просили заказать цыганамъ ту или другую пѣснь. Вскорѣ Матреша и теноръ Михайло пропѣли новый тогда цыганскій романсъ: „Скажи душою откровенной“ и пропѣли такъ дивно, такъ несомнѣнно увлекательно, что хотѣлось слушать

еще и еще, и только слушать.... и пить шампанское, которое и не оскудѣвало. Голосъ Матреши, задушевный и низкій, сильный, сливался съ нѣжнымъ, симпатичнымъ теноромъ Михайлы, и, казалось, гармонія эта, будила въ душѣ какіе-то особенно завѣтныя чувства, становилось грустно безъ всякой горечи, и грусть эта готова была тотчасъ же перейти въ безграничное веселье; это было непосредственное, простое наслажденіе музыкой.... Дуэтъ заставили нѣсколько разъ повторить; затѣмъ Александра Ивановна высокимъ, чистымъ и холоднымъ soprano пропѣла съ хоромъ: „Заложу я тройку борзыхъ", а по требованію кого-то изъ гостей — другую тройку дуэтомъ „Тройка мчится, тройка скачетъ вьется пыль изъ-подъ копытъ", съ припѣвомъ: „Ѣду, ѣду, ѣду къ ней, ѣду къ любушкѣ моей". Потомъ пошелъ безконечный рядъ романсовъ: „Не искушай" „Не уѣзжай, голубчикъ мой", „Я васъ любилъ", „Кубокъ янтарный", „Я цыганкой родилась", „Не мнѣ внимать напѣвъ волшебный" и другіе, которые пѣлись то соло, то дуэтомъ и даже тріо, а съ романсами перемежались хоровыя пѣсни русскія, цыганскія и малороссійскія: „Тихія долины", „Снѣги бѣлые пушисты", „Чоботы", „Лисичка", Чоловікъ сѣе жито", „Пропадай, моя телѣга" и т. п. Пѣсню — „Вечеркомъ красна дѣвица" запѣвала молодая цыганка съ неправильными чертами, скорѣе некрасивая, съ какимъ-то словно птичьимъ, худенькимъ лицомъ, но славными веселыми глазами; она сидѣла такъ неподвижно и прямо, такъ энергично, отчетливо и громко пѣла, такъ чудно выговаривала слова, при чемъ лицо ея оставалось не только равнодушнымъ, но даже было прямо мрачно, и только глаза играли, что впечатлѣніе получалось удивительное, и одинъ изъ гостей, уже немолодой человѣкъ, солидный, смотрѣлъ-смотрѣлъ на нее, да вдругъ не выдержалъ и, сорвавшись съ мѣста неожиданно даже для себя поцѣловалъ ее, придя въ дикій

восторгъ,—поцѣловалъ и самъ сконфузился, и цыганку сконфузилъ, и вызвалъ неудержимый хохотъ всего общества. Поцѣлуй этотъ былъ единственный и совсѣмъ невинный; тогда съ цыганками, по крайней мѣрѣ, внѣшне, было гораздо строже, чѣмъ теперь. Подъ конецъ вечера цѣловали, и даже много, но уже Ивана Васильевича и Михайлу,—цѣловали отъ восторга и великаго количества шампанскаго, которое, какъ появилось съ первыми аккордами цыганскаго хора, такъ и не сходило со стола.

Во время перерыва въ пѣніи часть общества осталась въ залѣ, болтая и угощая цыганокъ, цыгане ушли въ отведенную имъ комнату пить мадеру, а остальные засѣли опять за карты, и на этотъ разъ въ кабинетѣ пошла настоящая игра; сидѣвшихъ за ломбернымъ столомъ окружила толпа любопытныхъ, и оттуда слышались возгласы: „угломъ“, „на пе“ „на перепе“, „сто рублей мазу“, „столько-то очко“, „ва-банкъ“, „дана“, „бита“ и т. п. Игра шла крупная; въ этотъ вечеръ Орскому везло и онъ выигралъ нѣсколько тысячъ.

Ужинъ прошелъ замѣчательно оживленно. Кушанья подавались изысканныя и тонкія (поваръ Орскаго былъ свой, бывшій крѣпостной, но настоящій артистъ) Truffes à la serviètte необычайной величины и вкуса, перепела-монстры, спаржа en branches. Вина стояли за столомъ изъ собственнаго погреба Орскаго исключительно высокаго качества, едва ли надлежаще цѣнившагося послѣ обильнаго возліянія шампанскаго. Мѣстный полковой командиръ сюрпризомъ для хозяина вытребовалъ военный оркестръ, и за ужиномъ раздавались, изъ сосѣдней комнаты марши, вальсы и попурри, громко и скверно сыгранные.

Послѣ ужина веселіе только еще разошлось; въ залѣ опять образовался цыганскій хоръ, въ которомъ, уже подпѣвая, принимали участіе расходившіеся любители изъ гостей. Васька Кулевъ, явившійся съ гене-

ральной репетиціи во фракѣ, засучивъ фалды его въ панталоны и раздобывъ на кухнѣ гармонію, на которой отлично игралъ одинъ изъ гостей, отхватывалъ подъ звуки ея трепака, да такъ хорошо, такимъ молодцомъ, что нельзя было не залюбоваться, и его утомили, требуя повтореній. Одинъ изъ гусаровъ совсѣмъ увлекся Матрешей и шептался съ ней въ углу, уговаривая бросить таборъ и бѣжать съ нимъ, а Матреша только улыбалась,—суровости, бывшей во время пѣнія, и слѣда не осталось,—но не говорила ни да, ни нѣтъ. Пѣлись цыганами и плясовыя пѣсни, и „Оля" (такъ звали цыганочку съ птичьимъ лицомъ) танцовала... Въ гостиной табельки давно уже замерли, тамъ царилъ полумракъ и типичный гусаръ ротмистръ священнодѣйствовалъ, варя кавалерійскую жженку; особенность ея заключалась въ томъ, что въ горѣвшій ромъ клался только свѣжій ананасъ, нарѣзанный ломтиками, и подкова. Ротмистръ былъ человѣкъ опытный и умѣлый и, несмотря на присутствіе подковы, жженка вышла превкусная и весьма крѣпкая; подавали ее, остудивъ на снѣгу, совсѣмъ холодную. Настроеніе гостей стало рѣшительно приподнятымъ; каждому хотѣлось чѣмъ-нибудь отличиться. Одаринъ прочелъ громко и весьма эффектно „Царя Никиту" Пушкина и „Буяновъ мой сосѣдъ"; кто-то изъ военныхъ, выпивъ бокалъ жженки, закусилъ ее самымъ бокаломъ, съѣвъ его полностью за исключеніемъ ножки; пріѣзжій гвардеецъ залпомъ выпилъ, не отнимая ото рта, цѣлую бутылку шампанскаго; но совершенно отличился мѣстный дворянинъ Ивановъ: онъ на-пари съѣлъ мышь, настоящую мышь; люди откуда-то достали ее, убили, и Ивановъ съѣлъ мышь совсѣмъ, со шкурой и хвостомъ —и ничего себѣ, остался и продолжалъ пить.

Ивановъ этотъ былъ вообще человѣкъ довольно дикій; онъ обладалъ недурнымъ состояніемъ, но сильно его попортилъ, заводя у себя въ имѣніи разныя новшества, болѣе чудного, чѣмъ практическаго харак-

тера; такъ, онъ соорудилъ-было фабрику шелковыхъ поясовъ и лентъ, но вскорѣ былъ вынужденъ остановить ее за отсутствіемъ сбыта; ввелъ у себя очень сложную систему отчетности и конторской бухгалтеріи, интенсивное хозяйство съ большою плодо-перемѣнностью, выписывалъ изъ-за границы всевозможныя машины и даже удобреніе, но все это у него не шло впрокъ. Онъ и изъ себя былъ страненъ: лицомъ, бритымъ, за исключеніемъ бороды, по-американски, то-есть подъ подбородкомъ, напоминалъ породистаго бульдога, носилъ очки въ черепаховой оправѣ, одѣвался неизмѣнно въ сѣрый, суконный кафтанъ (подобіе сюртука) и носилъ шелковыя и фуляровыя разноцвѣтныя рубашки. Онъ постоянно имѣлъ при себѣ, въ карманѣ, сдѣланную ему назаказъ особаго фасона фляжку съ коньякомъ и пилъ цѣлый день понемножку. Про Иванова говорили, что онъ франмасонъ, и еще какія-то небылицы, уже прямо легендарнаго свойства; будто онъ давно, въ ранней молодости, совершилъ крупное преступленіе, убійство кого-то изъ ревности, которое взвалилъ на своихъ крѣпостныхъ людей, сознавшихся якобы, по его уговору и сосланныхъ на каторгу; еще говорили про какое-то похищеніе младенца, и уже прямо Богъ знаетъ что,—даже будто Ивановъ дѣлаетъ фальшивую золотую монету и изобрѣлъ „perpetuum mobile". Жилъ Ивановъ, человѣкъ холостой и уже немолодой, со старухой сестрой, при чемъ они, хотя, повидимому, не могли другъ безъ друга обходиться, постоянно ссорились, бранились и жаловались всѣмъ другъ на друга. Особеннымъ по тѣмъ временамъ казалось въ Ивановѣ то, что онъ ежегодно ѣздилъ мѣсяца на три за границу и почему-то не переносилъ полиціи, дѣлая ея агентамъ всевозможныя непріятности. Его вообще боялись, но, по правдѣ сказать, напрасно,—это былъ просто вполнѣ безвредный для другихъ и типичный чудакъ стараго добраго времени.

Жженка была выпита, цыгане исчезли, а вмѣстѣ съ ними и гусаръ, увлекшійся Матрешей, взявшійся проводить ее до скверной гостиницы, гдѣ остановился весь таборъ. Между однимъ дворяниномъ и чиновникомъ губернатора, барономъ Занъ, произошла крупная ссора, начавшаяся изъ-за какого-то недоразумѣнія по карточной игрѣ, ссора, прекратившаяся только тѣмъ, что баронъ ушелъ, объявивъ помѣщику, что завтра пошлетъ къ нему секундантовъ; кто-то изъ гостей храпѣлъ, заснувъ на диванѣ въ гостиной; въ залѣ, хотя вяло, но еще пили шампанское и покушались пѣть что-то подъ аккомпаниментъ фортепіано; выходило однако замѣчательно скверно и аккомпаніаторъ никакъ не могъ ни разу попасть на ту пѣсню, которую затягивалъ хоръ, да и хористы пѣли, что кому на умъ взбредетъ; даже карточная игра замирала и тянулась только изъ-за упорства кого-то сильно проигравшагося, добивавшагося реванша; всѣ гости поосунулись, поблѣднѣли и устали; хозяинъ лишь былъ свѣжъ и бодръ, какъ въ началѣ вечера, хотя пилъ шампанскаго не меньше гостей и только жженку незамѣтно выливалъ изъ стакана. Пора было кончать. Но нѣсколькимъ офицерамъ, а за ними и статскимъ изъ молодежи, не подъ силу было отправиться просто домой, ужъ очень они разошлись. Простившись съ хозяиномъ, они увели военный оркестръ на улицу и двинулись по домамъ пѣшкомъ, сопровождаемые оркестромъ, игравшимъ маршъ, и неся въ видѣ мертваго тѣла на рукахъ заснувшаго въ гостиной гостя; оркестръ не посмѣлъ ослушаться, такъ какъ во главѣ загулявшихъ былъ адъютантъ полка, при которомъ онъ состоялъ.

Совершенно фантастическое впечатлѣніе производило шествіе расшалившихся кутилъ по стогнамъ N. Было еще темно и очень морозно, на улицахъ не было ни души, и во всемъ городѣ слышались лишь колотушки ночныхъ сторожей, да лай собакъ, но въ нѣко-

торыхъ домахъ уже показывались огни, свидѣтельствуя о пробужденіи части ихъ обитателей и начинавшейся денной жизни. И при этихъ условіяхъ вдругъ раздались въ тишинѣ громкіе звуки военнаго марша и по срединѣ улицы можно было различить движеніе какой-то процессіи. Переполохъ въ городѣ поднялся ужаснѣйшій, жители, мимо домовъ которыхъ проходили шутники, просыпались въ испугѣ, не понимая, что такое происходитъ, особенно когда оркестръ, исполняя чью-то выдумку, заигралъ похоронный маршъ; собаки подняли дикій вой, ночные сторожа сбѣгались и увеличивали гулявшую группу, за которой шагомъ слѣдовали пустые экипажи участниковъ ея. Нѣсколько городовыхъ воспротивились было шествію, но ихъ компанія взяла въ плѣнъ и, помѣстивъ посреди игравшихъ солдатъ, повела съ собою, Стало уже разсвѣтать, а гуляки все еще шли; уже полицеймейстеръ зналъ о случившемся и лично слѣдилъ на нѣкоторомъ разстояніи за процессіей, боясь вмѣшаться въ дѣло; въ окошкахъ домовъ показывались полураздѣтыя фигуры, которымъ молодежь любезно кланялась, заставляя ихъ тѣмъ немедленно отскакивать; скандалъ все увеличивался, но, наконецъ, компанію встрѣтилъ извѣщенный полиціей старшій офицеръ полка и уговорилъ адъютанта отпустить музыкантовъ и плѣнныхъ городовыхъ, у которыхъ, какъ подобаетъ, отобрали оружіе, и самимъ разойтись.

Такъ завершилась занесенная въ лѣтопись N-скихъ знаменитыхъ кутежей жженка князя Орскаго. А на другой день Одаринъ разсказывалъ, что процессія съ музыкой помогла одной его знакомой дамѣ, уже трое сутокъ мучившейся, разрѣшиться отъ бремени, испугавъ ее, и произвести на свѣтъ отличнаго мальчика, а какому-то больному старику, сильно надоѣвшему окружающимъ родственникамъ упорствомъ своимъ относительно продолженія жизни, помогла по той же причинѣ покончить съ жизнью.

Изъ-за этой прогулки поднялась великая сумятица, чуть не перессорившая губернатора со Строевымъ. Послѣдній по докладѣ ему о ночномъ происшествіи объявилъ:

— Вотъ шуты гороховые! Позвать ко мнѣ адъютанта N, я ему покажу, какъ гулять съ музыкой по городу! Онъ у меня погуляетъ!.. Ну, а впрочемъ, офиціально объ этомъ не рапортовать: шалость и больше ничего. Чтобы только не было претензій со стороны городовыхъ!

Николай Михайловичъ взглянулъ иначе на дѣло: въ городѣ въ это время былъ сановникъ N, вообще громадный съѣздъ, и вдругъ такой безпорядокъ, свидѣтельствующій и о распущенности общества и о безсиліи полиціи. Онъ усмотрѣлъ въ этомъ событіи умаленіе авторитета власти и рѣшился быть строгимъ, требовать преданія суду не только статскихъ, но и военныхъ участниковъ скандала, донести обо всемъ министру, полицеймейстера перевелъ въ уѣздный городъ, одного частнаго пристава совсѣмъ уволилъ, бывшимъ въ плѣну городовымъ пожертвовалъ изъ собственныхъ средствъ по рублю и наотрѣзъ отказалъ пріѣхавшему къ нему Строеву въ оставленіи дѣла безъ послѣдствій.

— Нѣтъ, ваше превосходительство,—говорилъ онъ, —не могу-съ! Я отвѣтственъ за всю губернію, и я не потерплю, чтобы у меня, въ моемъ N, могли бы украсть безнаказанно трехъ городовыхъ и сколько-то тамъ ночныхъ сторожей. Подумайте сами, — вѣдь это лишь начало! Нынче украли городовыхъ, а завтра меня украдутъ! Мирнымъ жителямъ страшно ходить по улицамъ.

— Ваше превосходительство—уговаривалъ Николая Михайловича Строевъ, — не то еще бываетъ! У меня разъ офицеры высѣкли даже городовыхъ и ничего,— власть не пострадала, а городовые въ концѣ концовъ остались очень довольны. Я своихъ такъ разнесу, что имъ небо съ овчинку покажется, а вы своихъ распе-

кете, и кончимъ дѣло. А то вѣдь, Николай Михайловичъ, гибель карьеры многимъ. Изъ-за чего!

Николай Михайловичъ долго не сдавался, но, наконецъ, уступилъ и то лишь вслѣдствіе уговоровъ и просьбъ князя Орскаго и совѣтовъ сановника, указавшаго на нежелательность преданія гласности такой пошлой выходки.

Наступившій день былъ вообще полонъ всевозможныхъ треволненій: случай съ плѣненіемъ городовыхъ и ночною военною прогулкой по городу, разсказы о жженкѣ князя Орскаго и съѣденной Ивановымъ мыши, слухи о дуэли, разные захватывающіе духъ политическіе инциденты и единоборства, разыгрывавшіеся непрестанно въ собраніи и поддерживавшіе воинственный пылъ въ обѣихъ партіяхъ, а вечеромъ придуманный Николаемъ Михайловичемъ балъ единенія у городского головы...

Вызвавшій на дуэль мѣстнаго помѣщика баронъ Занъ былъ человѣкъ хотя и германскаго происхожденія, но достаточно обрусѣвшій, сохранившій, однако, нѣмецкую внѣшность; онъ былъ худъ и на замѣчательно высокихъ и тонкихъ ножкахъ, а лицо имѣлъ блѣдное, унылое, благодаря опущенному долу носу и отвисшей нижней губѣ, при жидкихъ, но длинныхъ бакенбардахъ и съ хохломъ на макушкѣ, который ничѣмъ нельзя было пригладить. Къ внутреннимъ достоинствамъ барона нельзя было не отнести чрезвычайную чистоплотность и выдающіяся техническія способности: онъ могъ починить остановившіеся часы, поправить даже сложную машинку, великолѣпно обивалъ мебель и дѣлалъ рисунки костюмовъ. Проснувшись лишь въ двѣнадцатомъ часу дня въ очень удрученномъ физическомъ состояніи, онъ былъ весьма удивленъ явкою къ нему избранныхъ имъ наканунѣ секундантовъ. Баронъ не очень ясно помнилъ, изъ-за чего и какая у него произошла исторія, и не чувствовалъ ни малѣй-

шей злобы къ своему противнику. Убѣдившись однако что дѣло сдѣлано и что секунданты его — оба гусары, не простятъ и не позволятъ ему просто забыть о вызовѣ на дуэль, Занъ покорился своей участи, но впалъ въ совершенное душевное разстройство, проклиная невоздержанность свою по части выпивки, клялся, что больше никогда не будетъ; запершись въ маленькой спальнѣ своей, горько плакалъ, а потомъ, стоя на колѣняхъ, молился, прося избавленія отъ опасности... Съ трудомъ могъ онъ заставить себя умыться и одѣться, отъ любимаго кофе съ отвращеніемъ отказался и нѣсколько пришелъ въ себя и принялъ человѣческій видъ лишь по явкѣ къ нему Васьки Кулева, который заставилъ его выпить рюмки три водки, закусивъ сильно посоленною хлѣбною коркою. Это средство,—Занъ выпилъ, несмотря на клятву, ибо понялъ, что это онъ не пьетъ, а лѣчится,—очень помогло ему, и къ вечеру баронъ совсѣмъ оправился, расхрабрился, о дуэли говорилъ покойно и даже поѣхалъ на балъ къ Нофріеву. Между тѣмъ секунданты обѣихъ сторонъ рѣшили, что дуэль состоится на другой день въ десять часовъ утра, въ городской рощѣ, на пистолетахъ, на разстояніи тридцати шаговъ, съ правомъ каждому дать два выстрѣла.

Вечеромъ того же дня у Мстицкаго собрались близкіе люди изъ N-скихъ дворянъ и пріѣзжіе, и вскорѣ разговоръ, начавшійся все-таки, конечно, со злобы дня, доминировавшей надо всѣмъ—съ дворянскаго собранія и выборовъ,—перешелъ на неистощимую тему предстоявшей новой общественной дѣятельности. Говорилось объ удачно проведенной главной реформѣ,—освобожденіи крестьянъ и ихъ устройствѣ, и тутъ же возникъ споръ между поборниками земельной общины и представителями идеи частной собственности. Одни доказывали, что община, это — та именно форма общежитія и самоуправленія, которая, выработавшись у насъ исторически и самостоятельно самимъ народомъ, одна

только пригодна для Россіи въ отношеніи не только политическомъ, но и какъ хозяйка всей земли, а, можетъ быть, современемъ даже и капиталовъ, и, развиваясь органически и свободно, дастъ нашему общественному и государственному устройству устойчивость и силу и спасетъ отъ бѣдствій, царящихъ въ западной Европѣ, происходящихъ отъ господства культа частной собственности и индивидуализма. Другіе, допуская общину, какъ политическую общественную единицу, видѣли, напротивъ, въ общинномъ владѣніи землей камень преткновенія всякаго развитія, доказывали, что Россія такая же страна, какъ и всѣ остальныя европейскія, и должна пережить, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, періодъ „общинной хозяйственной жизни“ и что нечего бояться пролетаріата. Споръ объ общинѣ ничѣмъ не кончился и незамѣтно для самихъ спорившихъ отклонился отъ главной темы и перешелъ на ожидавшееся вскорѣ введеніе земскихъ учрежденій. На этой почвѣ собственно споръ утихъ и всѣ единогласно выражали радость по поводу реформы, имѣющей призвать членовъ общества къ живой, полезной дѣятельности и замѣнить мертвечину и застой казеннаго управленія мѣстными дѣлами.

Дѣйствительно, тогда было отъ чего ликовать. Приказы общественнаго призрѣнія съ ихъ пугавшими народъ больше самой смерти больницами и другими обкрадываемыми ихъ начальствомъ богоугодными заведеніями, полное отсутствіе внѣ городовъ какой-либо врачебной помощи, сносныхъ путей сообщенія, школъ, ветеринаріи, правильно организованнаго крестьянскаго страхованія отъ пожаровъ,—всего того, что теперь существуетъ и уже не цѣнится нами, — все это становилось невыносимымъ людямъ болѣе развитымъ. Земскія учрежденія особенно манили къ себѣ помѣщиковъ, жившихъ на мѣстахъ, хорошихъ хозяевъ; всѣмъ имъ открывалось широкое поприще дѣятельности. Да, новая,

полная свѣтлыхъ мечтаній и картинъ, эра открывалась тогда и не въ одномъ лишь общественномъ хозяйствѣ; говорили, что судъ на мѣстахъ будетъ переданъ самому населенію въ лицѣ избираемыхъ всѣми сословіями мировыхъ судей и присяжныхъ засѣдателей. Говорили о другихъ возможныхъ реформахъ, отъ которыхъ ждали обновленія Россіи къ лучшему, прогресса ея и выхода изъ Азіи въ Европу... Уже далеко за полночь собравшіеся у Мстицкаго, увлеченные интересною бесѣдой, вспомнили, что пока имъ предстоитъ еще дореформенное дѣло, но что и его надо окончить какъ слѣдуетъ,— и во главѣ N-скаго дворянства поставить не Ардѣева, которому не справиться съ земскимъ собраніемъ, а человѣка просвѣщеннаго; вечеръ кончился тѣмъ, съ чего начался: „выборными разговорами".

Въ это же время у Нофріева шелъ балъ. Ворота были отворены, на дворѣ горѣли плошки, и весь домъ былъ блестяще освѣщенъ люстрами, бра и канделябрами; въ огромной залѣ шли танцы и неистово гремѣлъ, не давая возможности разговаривать, военный оркестръ, помѣщавшійся на нависшихъ надъ залой въ видѣ балкончика хорахъ. Въ смежной большой гостиной сидѣли почтенныя дамы и стоялъ одинъ ломберный столъ, за которымъ имѣлъ играть губернаторъ; еще столы были разставлены въ другихъ комнатахъ, и въ одной изъ нихъ была уже подана разнообразнѣйшая закуска съ водками и винами; такая же секретная комната имѣлась и для дамъ; всего было много и прекраснѣйшаго качества. Нофріевъ встрѣчалъ гостей на верхней площадкѣ парадной лѣстницы, а для наиболѣе важныхъ лицъ спускался внизъ, въ переднюю, и, кланяясь, положительно перегибался пополамъ. Супруга его принимала въ гостиной, гдѣ царило довольно скверное настроеніе, вызванное ожиданіемъ купеческими дамами наѣзда дворянокъ, къ которымъ онѣ относились съ презрѣніемъ и страхомъ вмѣстѣ. Мужчинъ въ гостиной

виднѣлось мало; они или засѣли уже за карточные столы, или пребывали въ закусочной и особой курильной комнатѣ, а многіе остались въ залѣ, толпясь около дверей и смотря на танцы и пріѣзжавшихъ. Между гостями мужского пола было нѣсколько купцовъ изъ стариковъ, одѣтыхъ еще по старинной модѣ въ кафтаны, но большинство было въ сюртукахъ, а нѣкоторые изъ молодыхъ появились во фракахъ.

Молодыя дамы и дѣвицы, предававшіяся танцамъ, блестѣли въ большинствѣ отличными туалетами и красотою, но въ залѣ еще было мало оживленія, хотя кавалеровъ набралось гораздо больше, чѣмъ бывало на обыкновенныхъ N-скихъ балахъ. Вся золотая молодежь, какъ N-ская, такъ и пріѣзжая, не исключая гвардейцевъ, явилась на приглашеніе Нофріева, но пока еще, не осмотрѣвшись и еще мало побывавъ въ комнатѣ съ шампанскимъ, держала себя уклончиво. Купеческая молодежь не чувствовала себя первенствующей и нѣсколько дулась, а сюртучные молодые люди не рѣшались дѣйствовать и держались около оконъ. Дирижировалъ сначала адъютантъ расположеннаго въ N полка и дѣлалъ свое дѣло во всякомъ случаѣ очень убѣжденно и старательно.

Легкіе танцы—вальсъ и полька—поддерживались мѣстными офицерами; они взялись за дѣло съ мѣста во-всю, и, не разбирая дамъ, приглашали всѣхъ подрядъ; всѣ они, вальсируя, безъ особой нужды, высоко поднимали лѣвую руку и скромно отстраняли отъ себя даму, а въ полькѣ работали не только ногами, но и локтями, громко стуча, особенно въ углахъ залы, каблуками. Но вотъ подошелъ, попросивъ дирижера представить его, къ одной изъ хозяйскихъ дочекъ, пріѣзжій изъ Москвы статскій въ дивномъ фракѣ съ широко раскрытою грудью, съ бритымъ лицомъ и даже съ моноклемъ въ глазу, и, схвативъ Нофріеву, пустился вальсомъ; мѣстные офицеры и другіе аборигены

только ахнули и даже рты разинули,—они такого вальса въ жизни не видывали; парочка дѣйствительно „неслась въ вихрѣ вальса“ страшно быстро кругомъ всей громадной залы, пока барышня Нофріева, почти не касавшаяся ногами пола, не отказалась и ее съ совсѣмъ закружившейся головой не опустилъ на стулъ столичный молодой человѣкъ. А самъ онъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, такимъ же вихремъ понесся со второй Нофріевой, съ другими барышнями, да еще разговаривалъ съ ними танцуя, и только послѣ пятаго тура ушелъ въ мужскую комнату и выпилъ цѣлую бутылку шампанскаго. Въ концѣ-концовъ адъютанта отстранили отъ дирижерства, и оно перешло къ москвичу съ моноклемъ, поведшему балъ совсѣмъ поновому, ужасно увлекательно, но трудно для провинціаловъ (дамы, впрочемъ, сейчасъ же приспособились).

Новый дирижеръ оживилъ балъ, самъ держался на ногахъ крѣпко и былъ въ высшей степени корректенъ, несмотря на громадное количество выпитаго шампанскаго, но три раза мѣнялъ рубашки, за которыми посылалъ домой. За нимъ предались танцамъ и остальные хорошіе кавалеры, при чемъ только москвичи танцовали такъ бурно и энергично, какъ дирижеръ, а петербуржцы были въ танцахъ очень сдержанны, деликатны, въ особенности гвардейцы, которые танцовали строго-классически, безъ увлеченія, но зато съ замѣчательнымъ достоинствомъ и легкостью.

Въ залѣ было все хорошо, но давно пріѣхавшій и засіявшій-было благодушіемъ Николай Михайловичъ нахмурился и становился мрачнѣе и мрачнѣе; онъ, всегда учтивый и любезный, не замѣчалъ даже поклоновъ знакомыхъ дамъ, не сѣлъ за карточный столъ и стоялъ неподвижно, подобный статуѣ командора, у двери гостиной, бросая сверкающіе гнѣвомъ взоры то на переднюю, то на часы. Дѣло въ томъ, что сліянія

сословій не замѣчалось; мужская, холостая молодежь пріѣхала и танцовала, но куда же молодежь не ѣздитъ! А дамы, N-скія великосвѣтскія дамы, отсутствовали съ дочерьми и мужьями, пообѣщали и не пріѣхали.

Его превосходительство такъ огорчился и разстроился, что не ухаживалъ ни за одной изъ купеческихъ дамъ и не остался ужинать вопреки своему обыкновенію. Мрачныя мысли приходили въ голову Николаю Михайловичу: людская неблагодарность, неумѣнье оцѣнить его заботы объ общественной пользѣ, понять его предначертаніе, пренебреженіе его властью (жена его по болѣзни тоже не пріѣхала) и такое отсутствіе настоящей преданности. Въ омраченной душѣ начальника края зрѣлъ даже проектъ выхода въ отставку и лишь соображеніе объ имѣющихъ отъ того сократиться доходахъ остановило дальнѣйшее развитіе столь радикальнаго плана. Это соображеніе вообще успокоило Николая Михайловича, обративъ его къ обычной кротости, и онъ пережилъ описанный кризисъ благополучно, уронивъ лишь двѣ—три слезы, засыпая, на подушку.

Вслѣдъ за Николаемъ Михайловичемъ, не дожидаясь ужина, уѣхали наиболѣе корректные кавалеры, шокировавшіеся нѣсколько тѣмъ, что кое-кто изъ москвичей и мѣстныхъ молодыхъ людей пили шампанское, какъ въ трактирѣ, черезчуръ разошлись, и, напримѣръ, изображая solo во второй и четвертой фигурахъ каприли, какъ-будто канканировали, а въ галопѣ такъ трепали дамъ и перекидывались ими, что страшно становилось.

За ужиномъ эти господа повеселѣли еще больше и были коренному населенію достаточно непріятны. Иныхъ съ трудомъ послѣ ужина удалось товарищамъ увезти, да и вообще часть золотой молодежи вела себя на балу не очень корректно, и вмѣсто ожидавшагося

сліянія сословій получилось сугубое ихъ взаимное отвращеніе.

Но получился и положительный результатъ: Черенинъ не только познакомился съ Машей, но успѣлъ протанцовать съ ней кадриль и мазурку, объясниться въ любви и получилъ съ ея стороны полупризнаніе и обѣщаніе придти на слѣдующій день на городской бульварчикъ,—мѣсто прогулокъ N-скихъ жителей.

Барона Зана, расходившагося-было во-всю, секунданты увлекли съ бала рано, а на слѣдующій день въ шесть утра, собрались уже у него на квартирѣ; барону опять было плохо; онъ не спалъ часовъ съ четырехъ, написалъ прощальное письмо матери и опять долго и горько плакалъ надъ собственною судьбою, натолкнувшею его,—человѣка съ исключительно мирными наклонностями,—на такое ужасное дѣло, какъ дуэль. Онъ рѣшился-было даже удрать, такъ-таки просто бѣжать изъ N... и, пожалуй, даже осуществилъ бы свое намѣреніе, если бы какъ-разъ въ это время не явились гусары, несмотря на ранній часъ и вторую, проводимую въ сущности безъ сна, ночь, энергичные и бодрые; ихъ онъ боялся гораздо больше, чѣмъ своего противника, человѣка статскаго. Съ гусарами пріѣхалъ военный врачъ, и они привезли ящикъ съ пистолетами, которыми занялись какъ ни въ чемъ не бывало при Занѣ, словно это были игрушки...

Наконецъ компанія, выпивъ чаю, выѣхала за городъ на двухъ тройкахъ. Утро было чудное, совсѣмъ ясное и морозное. Когда тройки, выбравшись изъ города, подъѣхали къ рѣкѣ, встававшее солнце, красное, почти еще безъ лучей, освѣтило видную далеко съ нагорнаго берега лежащую на противоположной сторонѣ широкую долину, окаймленную темно-синей полосой хвойныхъ лѣсовъ, слегка окутанныхъ туманомъ; расположенное въ этой долинѣ село, полузанесенное снѣгомъ, выдѣлялось рельефно сѣрою деревянною цер-

овью съ остроконечною крышей, да многочисленными столбами дыма, подымавшимися прямо надъ избами. Роща—мѣсто дуэли—была уже близка и такъ красива въ это зимнее утро, что манила къ себѣ: деревья, покрытыя инеемъ чистымъ, блестящимъ, являли прямо волшебный видъ, да и царившая тишина, спокойствіе, общая бѣлизна тона всей картины дѣйствовали успокоивающе и устраняли мысль о возможности кровопролитія въ такомъ мирномъ уголкѣ.

Тройки въѣхали въ лѣсъ, гдѣ сани двигались шагомъ по еле проложенному одиночкой слѣду; пристяжныя проваливались, увязая въ глубокомъ снѣгу, но торопливо выскакивали и рвались впередъ. Вскорѣ показалась полянка, посреди которой стояла лѣсная сторожка, и дуэлянты убѣдились, что ихъ противники уже на-лицо. У сторожки стояли двое такихъ же саней, запраженныхъ тройками, и на нихъ, не переставая ни на секунду, злобно и визгливо лаяла лохматая собака, привязанная обрывкомъ веревки около сѣней избы. Пріѣхавшіе уже вышли изъ экипажей и, стоя, разговаривали со сторожемъ. Барона оставили съ врачомъ въ саняхъ, а секунданты быстро направились къ своимъ коллегамъ-врагамъ и, не теряя времени, стали на этой же полянкѣ,—въ углу ея,—отмѣрять разстояніе и расчищать, утаптывая ихъ, мѣста для стрѣлковъ, а тамъ занялись заряженіемъ пистолетовъ.

За все это время въ душѣ барона Зана творилось что-то странное; острый припадокъ страха и отчаянія, побуждавшій его изъ простого чувства самосохраненія бѣжать, съ пріѣзда гусаръ прошелъ, и на него нашло какое-то тупое настроеніе, вялость мысли, словно лѣнь, не допускавшая его до сильныхъ ощущеній и трезваго взгляда на вещи; онъ занялся пустяками: тщательно выбрился, одѣлся потеплѣе, вспомнивъ о начавшемся насморкѣ. Дорогой съ удовольствіемъ прислушивался къ звону бубенчиковъ и отдался успокоивающему чув-

ству, навѣваемому мирной картиной зимняго деревенскаго пейзажа, и мысленно не шелъ дальше—„ну, теперь ужъ скоро“,—но до того что именно скоро, не доходилъ. Однако, когда сани остановились на полянкѣ и Занъ увидалъ противника своего, то отупѣніе прошло, и онъ вновь ужаснулся съ еще большею силою надъ тѣмъ, что дѣлается, ужаснулся и даже не понялъ, почему же онъ это—дѣлаетъ, а не бѣжитъ, наплевать на всѣхъ и на все. Онъ даже громко произнесъ—„убѣгу!“ Докторъ взглянулъ на барона сурово и сказалъ ему только: „нельзя“. И баронъ увидалъ, что дѣйствительно нельзя, ибо его секунданты уже возвращались, и ему приказали выйти изъ саней, скинуть шубу и итти къ одному изъ значковъ на полянкѣ. Съ этого момента баронъ совсѣмъ одеревенѣлъ и дѣйствовалъ, уже какъ автоматъ.

Какъ только противники стали на указанномъ мѣстѣ и имъ вручили по пистолету, одинъ изъ секундантовъ торжественно возгласилъ:

— Господа, въ послѣдній разъ предлагаю вамъ кончить дѣло миромъ.

Противникъ барона, являвшій тоже безусловно разстроенный видъ, сказалъ что-то, показавшееся Зану непонятнымъ, а на самомъ дѣлѣ сказалъ: „я согласенъ“, но баронъ промолчалъ. И не потому, что не хотѣлъ мириться,—да онъ объ этомъ одномъ только и мечталъ,—но онъ не понялъ сказаннаго и не въ состояніи былъ произнести ни единаго слова,—уста его были сомкнуты противъ его воли какъ бы судорогою, и онъ стоялъ недвижимъ, являя совершенно нелѣпый видъ въ лѣсу, въ длинномъ сюртукѣ, съ покраснѣвшимъ отъ мороза носомъ, отвисшими бакенбардами и выраженіемъ унынія и недоумѣнія, застывшемъ на лицѣ, будучи въ состояніи думать лишь одно: когда же конецъ?

Въ виду молчанія Зана секундантъ, спрашивавшій дуэлянтовъ, крикнулъ имъ:

— Ну, такъ начинайте! Стрѣлять послѣ счета три, по желанію, не доходя до барьера. — Разъ, два, три!

Противникъ барона немедленно выстрѣлилъ, видимо, не цѣлясь и не причинивъ никому вреда, а Занъ стоялъ на мѣстѣ, не трогаясь и не стрѣляя. Даже шумъ выстрѣла не вывелъ его изъ оцѣпенѣнія.

Наконецъ, секунданты крикнули ему: „стрѣляйте же!“—и онъ только тутъ, какъ бы разбуженный этимъ крикомъ, наконецъ, сообразилъ, въ чемъ дѣло, и понялъ, что онъ спасенъ; способность двигаться вернулась къ нему въ тотъ же мигъ, и онъ, подойдя къ барьеру, поднялъ правую руку и выстрѣлилъ наверхъ, въ воздухъ.

Всѣ это видѣли, и его секунданты громко назвали его „молодцомъ“,—но, къ великому удивленію и ужасу всѣхъ присутствовавшихъ, Поддубковъ, — такъ звали врага барона,—свалился отъ выстрѣла, какъ снопъ и лежалъ на снѣгу безъ движенія. Казалось несомнѣннымъ, что онъ убитъ, но въ то же время всѣ видѣли, что Занъ стрѣлялъ на воздухъ и не могъ такимъ образомъ попасть въ своего противника.

Оба доктора бросились къ Поддубкову, подняли его, сняли сюртукъ, ощупали и констатировали, что онъ положительно не раненъ, но находится въ обморочномъ состояніи. Ему влили въ ротъ коньяку изъ фляжки, бывшей съ однимъ изъ врачей, и Поддубковъ пришелъ въ себя; узнавъ же, что онъ не раненъ, возликовалъ, не скрывая того, что лишился чувствъ отъ волненія и такъ какъ сутки ничего не ѣлъ; но ему объявили, что стороны могутъ, согласно условіямъ дуэли, обмѣняться еще выстрѣлами...

Богъ знаетъ чѣмъ бы кончилась эта комедія, пожалуй, еще трагично,—но положеніе спасъ явившійся на мѣсто въ сопровожденіи нѣсколькихъ городовыхъ N-скій полицеймейстеръ.

Онъ, конечно, зналъ объимѣвшей состояться дуэли

(на это Поддубковъ разсчитывалъ какъ на каменную гору, ибо самъ послалъ полицеймейстеру анонимную записку съ точнымъ указаніемъ часа и мѣста дуэли), но произошла ошибка, кучеръ привезъ полицеймейстера къ другой полянкѣ, находившейся глубже въ лѣсу, и онъ тамъ ждалъ дуэлянтовъ, а потому и опоздалъ. Подъѣзжая къ настоящему мѣсту дуэли, онъ услыхалъ оба выстрѣла, дѣйствительно встревожился и, влетѣвъ вскачь на поляну, стоя въ городскихъ саняхъ, въ сопровожденіи двухъ верховыхъ, еще издали крикнулъ приготовленную заранѣе фразу:

— Именемъ закона арестую васъ, господа! Извольте выдать ваше оружіе!

Всѣ обрадовались полиціи,—явленіе, какъ извѣстно, довольно рѣдкое,—и вышло, что на сей разъ она не уподобилась извѣстнымъ мушкетерамъ, всегда опаздывавшимъ,—а даже поспособствовала барону Зану стать на всю дальнѣйшую жизнь патентованнымъ героемъ. Впослѣдствіи и даже довольно скоро Занъ самъ искренно повѣрилъ въ свое геройство и очень хорошо разсказывалъ о немъ.

Между тѣмъ собраніе затягивалось. Ардѣевъ, далеко неувѣренный въ успѣхѣ своей кандидатуры, робѣлъ, а потому медлилъ и кунктаторствовалъ, чѣмъ лишь ухудшалъ свои шансы. Надѣялись, что въ этотъ день дойдетъ до выборовъ, но поднялись нескончаемыя пренія изъ-за вопроса о недостачѣ суммъ въ одномъ дворянскомъ пріютѣ и объ отвѣтственности за это смотрителя, и исторія эта окончилась лишь часамъ къ четыремъ. Продолжать собраніе было неудобно, такъ какъ на вечеръ былъ назначенъ дворянскій балъ, имѣвшій состоятся, конечно, въ залѣ дворянскаго дома.

Черенинъ, не участвовавшій въ выборахъ, но ежедневно появлявшійся на хорахъ, на этотъ разъ не показался въ собраніи. Онъ еще задолго до условленнаго съ Машей Нофріевой часа отправился на буль-

варъ и тамъ, поджидая ее, прятался отъ немногочисленныхъ прохожихъ за кустами и деревьями, именно этимъ и привлекая ихъ вниманіе. Черенинъ дѣйствительно влюбился въ Машу Нофріеву; началось это чувство съ шалости, каприза, придуманной нарочно забавы, но для иныхъ натуръ такія шалости не проходятъ безнаказанно,—если можно считать наказаніемъ пробужденіе серьезнаго чувства. Черенинъ былъ изъ числа такихъ юношей; онъ еще и слова не сказалъ съ Машей, а уже что-то особенное въ выраженіи ея глазъ, ласка, сіявшая въ нихъ, будто для него одного, захватили его. А когда онъ встрѣтился съ Машей на балу, то всякія сомнѣнія отлетѣли и ему стало ясно, какъ Божій день, что это „она", та, которую ему суждено любить. На балу, вскорѣ же, ободренный улыбкой Маши, Черенинъ освоился, и дѣло у нихъ пошло великолѣпно и невѣроятно быстро. За мазуркою онъ объявилъ Машѣ, что любитъ ее и безъ нея жить не можетъ. А Маша счастливая, радостная, увлекшаяся своимъ гусаромъ тоже въ полной мѣрѣ, но болѣе сдержанная, улыбалась и говорила, что не хочетъ его смерти.

Наконецъ, Черенинъ дождался; на бульваръ вошли обѣ сестры Нофріевы. Черенинъ Души, кажется, и не замѣтилъ и заговорилъ съ Машей, не стѣсняясь присутствіемъ ея. Говорилъ онъ горячо, сбиваясь, спѣша, боясь не успѣть высказать все необходимое; а это все сводилось къ тому, что Черенинъ предлагалъ Машѣ руку и сердце и молилъ не мучить его колебаніями и отсрочками, говорилъ, что выйдетъ, если нужно, въ отставку, поселится въ деревнѣ, что онъ уже самостоятеленъ, такъ какъ родители его давно скончались, что онъ обезпеченъ болѣе или менѣе...

Маша и не колебалась и не думала сама объ отсрочкахъ, но принять предложеніе Черенина было вовсе не легко и не просто. Она навѣрное знала, что отецъ ни за что не согласится на бракъ ея съ Чере-

нинымъ и способенъ догадавшись, о существованіи чувства ея къ гусару, услать ее изъ N. Подъ конецъ свиданія Черенинъ уговорилъ Машу согласиться на тайный увозъ ея изъ родительскаго дома прямо въ деревенскую церковь къ вѣнцу и оттуда, уже новобрачными, въ его имѣніе. Маша, увѣровавшая сразу, какъ это бываетъ въ ранней молодости, въ Черенина, согласилась на все и между ними было рѣшено, что нынче же вечеромъ, на дворянскомъ балу, на который Нофріевъ обѣщалъ губернатору во всякомъ случаѣ привезти своихъ дочерей, они условятся, когда и какъ учинится похищеніе.

Черенинъ тотчасъ же послѣ свиданія съ Машей отправился къ своему эскадронному командиру, бывшему тоже въ N, разсказалъ ему о своемъ рѣшеніи и просилъ помочь выхлопотать немедленно дозволеніе на вступленіе въ бракъ и отпускъ. Эскадронный командиръ, увидавъ съ первыхъ же словъ Черенина, что его не удастся отговорить отъ задуманнаго ,не сталъ возражать противъ матримоніальнаго плана своего подчиненнаго, а напротивъ пообѣщалъ устроить отпускъ и добыть дозволеніе на бракъ, а пока велѣлъ подать рапортъ о болѣзни и... дѣйствовать по усмотрѣнію. Такія дѣла,—нынѣ довольно кропотливыя и сложныя, тогда въ хорошихъ кавалерійскихъ полкахъ (армейскихъ), если офицеръ былъ любимъ и человѣкъ порядочный, обдѣлывались замѣчательно легко и просто.

И въ остальномъ Черенину повезло, даже въ главномъ, въ деньгахъ не вышло задержки. Своихъ у него для задуманнаго предпріятія было мало, но на счастіе одинъ изъ его товарищей оказался при деньгахъ, у него нашлось около трехъ тысячъ рублей, которые онъ тотчасъ же и ссудилъ Черенину на слово. Священника, который согласился бы повѣнчать его съ Нофріевой безъ наличности у нея необходимаго родительскаго согласія и какихъ-либо документовъ и безъ соблю-

денія установленныхъ правилъ объ оглашеніи, тоже указали товарищи, которымъ уже приходилось раздѣлывать подобныя дѣла, и онъ тотчасъ же поѣхалъ къ нему въ пригородное,—всего верстахъ въ двухъ отъ N,—село. Предложивъ крупный по тому времени капиталъ—триста рублей, а также пообѣщавъ въ случаѣ плохого исхода тайнаго брака, заступничество полкового командира, Черенинъ получилъ согласіе священника.

Съ девяти часовъ вечера большая зала собранія блестѣла вновь натертымъ паркетомъ и всѣми зажженными люстрами; въ глубинѣ ея, подъ большимъ портретомъ императрицы Екатерины, было поставлено нѣсколько дивановъ и креселъ, стоялъ круглый столъ для чая и фруктовъ, и эта часть залы была убрана зеленью, любезно предложенной однимъ помѣщикомъ-цвѣтоводомъ, имѣвшимъ въ самомъ N оранжерею и теплицу. Тутъ принимала гостей Софья Александровна, важная, но обворожительная. Впрочемъ, дамъ встрѣчали распорядители еще у дверей залы и сопровождали къ Софьѣ Александровнѣ, а наиболѣе почетныхъ дамъ вводилъ подъ руку самъ Ардѣевъ. Еще до начала бала на хорахъ появились съ одной стороны дамы изъ общества, по случаю траура, отсутствію туалета или по другой уважительной причинѣ не пожелавшія принять участія въ танцахъ, а съ другой—мелкія чиновницы, имѣвшія доступъ къ кому-либо изъ служащихъ въ собраніи и горничныя.

Балъ вышелъ великолѣпный. За исключеніемъ очень немногихъ дѣвицъ и дамъ, надѣвшихъ ни съ чѣмъ несообразныя платья, бросавшіяся въ глаза ярко-желтымъ или краснымъ цвѣтомъ и какимъ нибудь адскимъ фасономъ и причесавшихся соотвѣтственно, да еще двухъ-трехъ дамъ, одѣвшихся не по бальному въ темныя, закрытыя платья, туалеты были отличные и даже достаточно модные. Мужская молодежь, въ

обычное время не особенно важная, теперь, благодаря выборамъ, была представлена блестяще. Дворяне къ тому же старались, такъ какъ это былъ дворянскій подписной балъ, на которомъ они являлись въ качествѣ хозяевъ, а потому и солидные, и совершенно женатые танцовали и ухаживали за дамами весьма тщательно. Ни одна барышня, даже самая нехорошая, не сидѣла въ безнадежномъ уединеніи въ залѣ, и рѣшительно всѣ танцовали, не только кадрили, но вальсъ и польку.

Съ самаго начала бала въ буфетѣ давали желающимъ шампанское, а потому оживленіе было громадное и къ ужину много кавалеровъ находилось въ болѣе чѣмъ веселомъ настроеніи. Благоразумныя и строгія маменьки увезли дочерей тотчасъ послѣ ужина, но самое веселіе пошло именно тутъ, за котильономъ, которымъ дирижировалъ одинъ изъ столичныхъ пріѣзжихъ. Не мало признаній въ любви пришлось дамамъ и дѣвицамъ выслушать за котильономъ, и что было хорошо, это то, что признанія эти не имѣли въ большинствѣ никакихъ послѣдствій. Проснется на другой день такой увлекшійся на вечерѣ кавалеръ, вспомнитъ, что онъ подъ вліяніемъ винныхъ паровъ наговорилъ невѣсть чего какой-либо барышнѣ, вообще хватилъ черезъ край, и рѣшитъ, что ничего: „не покажусь имъ больше, вотъ и все".-Но, конечно, случались и серьезныя предложенія.

Черенинъ за мазуркой уговорился съ Машей Нофріевой; они назначили день похищенія на завтра, къ семи часамъ вечера; онъ долженъ былъ явиться въ садъ, примыкавшій къ дому Нофріевыхъ, куда Маша хотѣла выйти чернымъ ходомъ вмѣстѣ съ сестрою подъ предлогомъ прогулки; садъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ каменною стѣною, дорожки расчищались отъ снѣга и дочерямъ головы дозволялось гулять тамъ однѣмъ.

Дворянское собраніе на слѣдующій день перепол-

нилось съ утра; дѣло подходило къ развязкѣ, и стало извѣстно, что начнутся выборы, по крайней мѣрѣ уѣздные. Наканунѣ въ городѣ состоялось нѣсколько обѣдовъ, дававшихся по уѣздамъ дворянами своимъ предводителямъ, на которыхъ, и на дворянскомъ балу, да и такъ вообще, было выпито море шампанскаго, а потому было не удивительно, что большинство дворянъ явилось въ собраніе нѣсколько поздно, съ помятыми лицами, красными глазами и съ мѣста принялись за поправку, придерживаясь правила similibus similia.

Въ N вообще хорошо пили, умѣло; губернія славилась карточной игрой, породистыми лошадьми, богатыми невѣстами и умѣніемъ хорошо поѣсть, и выпить. Былъ, напримѣръ, одинъ дворянинъ, съѣдавшій и выпивавшій прямо неизмѣримое количество и безъ какого-либо вреда для здоровья и безъ опьянѣнія; онъ, впрочемъ, только этимъ да охотою, и занимался и обладалъ могущественной соотвѣтственной корпуленціей. Были еще изъ числа N-скихъ помѣщиковъ извѣстные силачи, гнувшіе подковы, славившіеся и за предѣлами N, билліардные игроки, стрѣлки, псовые охотники, бравшіе лично со своей сворой безошибочно матерыхъ волковъ живьемъ, много было талантливыхъ людей, но всего больше виртуозныхъ пьяницъ. (Напитокъ, носящій названіе „медвѣдь“, въ сущности, N-ское изобрѣтеніе.)

И вотъ съ двѣнадцати часовъ столовая и буфетъ были полны и часто слышалось симпатичное хлопанье откупориваемыхъ бутылокъ. До уѣздныхъ выборовъ собраніе добралось лишь часамъ къ двумъ; много времени ушло на совѣщанія, переговоры и верхняя, хоровая публика порядочно истомилась къ тому времени, какъ внизу раздались нервно настраивающіе звуки паденія баллотировочныхъ шаровъ въ тарелки.

Уѣзды собрались у своихъ столовъ и съ хоръ бы-

ло видно,—то, что говорилось внизу, разслышать было нельзя,—какъ кто либо изъ старѣйшихъ дворянъ, окруженный остальными, произносилъ рѣчь, сопровождая ее жестами, какъ дворяне всѣмъ уѣздомъ или группами подходили къ кому-либо изъ своихъ коллегъ и, видимо, просили, а тотъ кланялся, прикладывая руку къ сердцу; въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ, наконецъ, пожавъ ближайшимъ сосѣдямъ руки, уходилъ изъ залы становилось яснымъ, что онъ согласился. Иные уѣзды выглядывали очень сиротливо; у стола сидѣло чечеловѣкъ пять-шесть и, видимо, скучали, ожидая рѣшенія вопроса о томъ, къ какому уѣзду ихъ прикомандируютъ, такъ какъ они самостоятельно, за неприбытіемъ обязательнаго числа двѣнадцати, выбирать не могли. Въ другихъ уѣздахъ, раздѣленныхъ на враждебные другъ другу въ политическомъ отношеніи лагери, рѣзко замѣчались двѣ группы, державшіяся теперь, передъ непосредственнымъ вступленіемъ въ бой, отдѣльно.

Кое-гдѣ баллотировка началась, зала наполнилась звуками выкрикиваемыхъ въ разныхъ мѣстахъ фамилій дворянъ, пробѣгавшихъ затѣмъ болѣе или менѣе комично къ своему столу, и въ уѣздахъ дружныхъ и не особенно многолюдныхъ уже приступили къ подсчету шаровъ. Были такіе уѣзды, въ которыхъ предводительство съ незапамятныхъ временъ держалось въ одной семьѣ и какъ бы по наслѣдству переходило отъ отца къ сыну. Въ такихъ уѣздахъ предводители быстро были выбраны; въ одномъ даже и голосованія не происходило, а дворяне поднесли торжествено излюбленному мужу бѣлые (символически бѣлые, на самомъ дѣлѣ они были сѣрые) шары на тарелкѣ. Избранія эти сопровождались громкими аплодисментами, на которые сбѣгались и поддерживали ихъ знакомые избранника изъ другихъ уѣздовъ.

Въ С-скомъ уѣздѣ предводителя выбрали довольно скоро, но всѣхъ кандидатовъ къ нему забаллотиро-

вывали самымъ жестокимъ образомъ. Выбрали, наконецъ, утомившись продолжительнымъ шарobросаніемъ, дворянина, слегка разбитаго параличомъ.

Въ М-скомъ уѣздѣ были выбраны два лица одинаковымъ количествомъ голосовъ и долго тоже оставалось неизвѣстнымъ, кто изъ нихъ окажется предводителемъ.

Главный интересъ уѣздныхъ выборовъ сосредоточивался, однако, на Н-скомъ уѣздѣ, самомъ многочисленномъ. Мстицкій, хотя и выдвинувшій свою кандидатуру на губернскаго предводителя, баллотировался и въ уѣздные. Большинство было за него, да никто и не выступалъ соперникомъ ему и его легко выбрали; но были налицо въ уѣздѣ приверженцы партіи Ардѣева, считавшіе Мстицкаго „краснымъ", и между ними образовался комплотъ такого рода, чтобы переложить кандидатуру и оставить Мстицкаго неожиданно за флагомъ, что по ихъ мнѣнію, должно было уронить его престижъ, сдѣлать его смѣшнымъ въ глазахъ губерніи. Такой планъ осуществился бы, пожалуй, если бы кто-то изъ друзей Мстицкаго не узналъ про готовившіяся козни. И ударъ Ардѣевцевъ былъ отраженъ ихъ же оружіемъ: часть партіи Мстицкаго, имѣвшая голосовать за намѣченнаго ими кандидата, положила ему налѣво, и такимъ образомъ онъ прошелъ ниже Мстицкаго. Этой дипломатической побѣдой, вызвавшей дружные аплодисменты, и завершились уѣздные выборы. Ардѣевъ объявилъ, что губернскіе выборы пойдутъ на слѣдующій день. Вечеромъ долженъ былъ состояться благородный спектакль, устраиваемый Софьей Александровной Ардѣевой,—знаменитый Гамлетъ.

Начало спектакля было назначено въ восемь часовъ, но уже съ четырехъ распорядитель и режиссеръ Кулевъ былъ въ театрѣ, подбадривая рабочихъ, машинистовъ, ламповщиковъ, а къ пяти часамъ стали собираться актеры мужского пола и приступили въ общей

уборной при участіи мѣстнаго парикмахера и театрала-любителя къ гримировкѣ и одѣванію. Въ уборной стало оживленно, особенно когда пріѣхали дамы; кавалеры выбѣгали къ нимъ изъ уборной на сцену, показывая свой гримъ и угощали для храбрости и чтобы глаза блестѣли, привезеннымъ съ собою шампанскимъ; подъемъ духа, вызванный специфической предспектакльной лихорадкой и увѣренностью въ успѣхѣ, царилъ между всѣми участвующими; весело было уже то, что приходилось играть не на домашней сценѣ, а на настоящей, гдѣ дѣйствуютъ „взаправдашные актеры"; болтали безъ умолку, смѣялись; Полоній, при полномъ одобреніи „тѣни", отплясывалъ съ королевой на сценѣ мазурку и замѣчанія вродѣ: „а я всю роль забылъ", или „послѣ какой это реплики я начинаю?" были не особенно искренни; впрочемъ, кое-кто для вѣрности перечитывалъ въ уборной или у кулисной лампы на сценѣ свои роли, другіе пробовали, легко ли вынимаются шпаги изъ ноженъ, принимали позы...

У Кулева было столько хлопотъ и дѣла, что казалось невозможно его передѣлать; въ послѣдній моментъ приходилось добывать разныя аксессуарныя вещи и бутафорскія принадлежности, помогать въ приведеніи костюмовъ въ порядокъ, слѣдить за тѣмъ, чтобы участвующіе одѣвались и гримировались своевременно и не ссорились изъ-за мѣстъ у зеркала. А тутъ еще вышло недоразумѣніе съ билетами: оказалось проданныхъ билетовъ въ партеръ больше, чѣмъ было мѣстъ (ошиблись на цѣлый рядъ) и теперь наскоро приходилось устраивать приставныя мѣста; при повѣркѣ бутафорскаго списка выяснилось, что пропалъ кегельный шаръ, изображавшій черепъ бѣднаго Іоррика, военный оркестръ не пришелъ въ условленное время; Кулевъ бѣгалъ, кричалъ, бранился съ рабочими, шутилъ находу съ актерами, восхищался гримомъ и костюмами участвующихъ, говорилъ комплименты дамамъ, успѣвая перехватить налету бокальчикъ

шампанскаго, посылалъ на извозчикахъ гонцовъ во всѣ концы, но чувствовалъ, что дѣло идетъ на ладъ, что всѣ мелкія препятствія одолѣваются, и уже скоро онъ, при переполненной зрительной залѣ, стоя въ первой правой кулисѣ, дастъ знакъ къ поднятію занавѣса.

Декорація перваго акта была поставлена; уже въ зрительной залѣ, хотя еще не освѣщенной, начала появляться публика, когда Кулеву доложили, что до сихъ поръ нѣтъ Павлова. Отсутствіе его, человѣка безусловно аккуратнаго и серьезно относившагося къ спектаклю, было столь неправдоподобно и странно, что именно поэтому его до сихъ поръ никто не замѣтилъ. Кулевъ сперва не повѣрилъ этому извѣстію, но когда, обѣжавъ весь театръ, онъ убѣдился, что Павлова дѣйствительно нѣтъ, онъ ужаснулся и понялъ, что случилось нѣчто серьезное. Сергѣева не знала, гдѣ Павловъ, она его не видала въ этотъ день; служитель его, давно дежурившій въ уборной съ узломъ, въ которомъ лежалъ костюмъ Гамлета объявилъ, что хозяинъ его ушелъ изъ дому еще въ двѣнадцать часовъ, а куда, онъ не знаетъ.

Послали на квартиру Павлова, но его тамъ не оказалось, а часы пробили уже безъ четверти восемь. О непонятномъ исчезновеніи Павлова донесли Софьѣ Александровнѣ, бывшей въ дамской уборной. Она тоже не усомнилась въ серьезности положенія и сразу объявила, что это интрига противъ нея и косвенно противъ ея мужа.

Зала была освѣщена a giorno, военный оркестръ игралъ увертюру къ Цампѣ, публика, не обычная сѣренькая N-ская публика, а выборная, блестѣвшая туалетами дамъ, мундирами военныхъ, элегантными фраками, наполняла всю залу; первый рядъ былъ сплошь занятъ важными особами; дамы въ ложахъ были въ платьяхъ декольте; слышался веселый гулъ голосовъ, покрывавшій даже энергичные аккорды духовыхъ инструментовъ, а Павлова все не было... Съ Ардѣевой сдѣлался припадокъ истерики и ее въ уборной оттирали одеколономъ; Катя

Сергѣева въ костюмѣ Офеліи, забившись въ уголъ уборной, тихо плакала, портя окончательно свой гримъ; Кулевъ разослалъ на поиски за Павловымъ по городу чуть ли не всѣхъ N-скихъ извозчиковъ и метался безъ какого-либо основанія со сцены въ уборныя и обратно, отмахиваясь руками отъ знакомыхъ изъ публики, явившихся за кулисы, чтобы провѣрить распространившійся уже по залѣ слухъ о какомъ-то неблагополучіи со спектаклемъ; Ардѣевъ, извѣщенный о случившемся, уѣхалъ изъ театра, полицеймейстеръ доложилъ обо всемъ Чевцову и отправилъ расторопнѣйшаго частнаго пристава на розыски Гамлета.

Наконецъ Павлова привезли. Но лучше бы онъ не показывался никому на глаза въ этотъ поистинѣ злополучный для него день! Его ввелъ въ мужскую уборную сторожъ и посадилъ на диванъ; на него страшно было взглянуть: блѣдный, растрепанный, съ мутными глазами, казалось ничего и никого не видѣвшими, въ растегнутомъ платьѣ, онъ былъ неузнаваемъ. Сперва присутствовавшіе не могли понять, что такое съ Павловымъ; кто-то сказалъ, что онъ раненъ, что съ нимъ ударъ, но очень скоро стало ясно, что онъ просто пьянъ, но пьянъ классически-„какъ стелька". Онъ даже ничего не говорилъ, а только тяжело дышалъ. Кулевъ принялся было спасать положеніе, то-есть приводить въ чувство несчастнаго Павлова; его раздѣли, облили холодной водой, дали нюхать нашатырнаго спирта, влили въ него чашку чернаго кофе, непрестанно смачивали голову одеколономъ,—но все было тщетно, и въ концѣ-концовъ Павловъ впалъ въ тяжелый сонъ.

Стало ясно, что Павловъ играть не можетъ, и что спектакль провалился, да еще съ превеликимъ скандаломъ. Въ уборную проникъ генералъ, долго съ видомъ знатока осматривалъ Павлова, даже потрогалъ его и отошелъ, сказавъ лишь:

—Ну, тутъ и порка не поможетъ! Человѣкъ совер-

шенно дошелъ. Везите его домой. Зачѣмъ срамить мальчика!

Приходилъ и губернаторъ, страшно разсердился на то, что въ уборную допустили много посторонней публики, толкавшейся около Павлова, велѣлъ полицеймейстеру, конечно слѣдовавшему за его превосходительствомъ, удалить всѣхъ не участвующихъ и, обращаясь къ актерамъ, сказалъ убѣдительно и сильно, указывая на трупъ Павлова:

—Вотъ до чего доводитъ распущенность! Попомните мои слова, еще не то будетъ. Молодые люди, одумайтесь, пока не поздно!.. и ушелъ къ Софьѣ Александровнѣ въ уборную.

Но молодожь и безъ этихъ знаменательныхъ словъ была подавлена и убита. Спектакль, обѣщавшій такъ много, стоившій столькихъ трудовъ, хлопотъ, расходовъ, провалился по какой-то непонятной, безобразной причинѣ. Непонятной, ибо Павловъ совсѣмъ не пилъ вина, а спектаклемъ дорожилъ больше другихъ. Хотя всѣ и сознавали, что „Гамлетъ" погибъ не родившись, но долго не рѣшались снять костюмовъ и обсуждали трагическій инцидентъ сей въ видѣ придворныхъ кавалеровъ короля Датскаго.

Николай Михайловичъ прослѣдовалъ къ Софьѣ Александровнѣ, истерика которой прошла, но на которой, какъ говорится, лица не было, и сталъ ее и Кулева уговаривать дать всетаки Гамлета, хотя и безъ него самого.

—Это случается и на Императорскихъ сценахъ—говорилъ Николай Михайловичъ,—объявите, что Павловъ внезапно заболѣлъ, но что роль его прочтетъ по книгѣ ну хоть вы, Василій Петровичъ, конечно, уже не въ костюмѣ, а во фракѣ,-и ничего, повѣрьте! Офелія наша очень мила, всѣ роли знаютъ отлично, на шпагахъ дерутся, можно сказать, прекрасно,-а это существенно въ такой обстановочной пьесѣ, какъ Гамлетъ, костюмы всѣ

съ иголочки, декораціи милы! Всѣмъ понравится, я вамъ ручаюсь, я свою N-скую публику отлично знаю.

Слова Николая Михайловича подѣйствовали на Софью Александровну и Кулева и они рѣшились было послѣдовать его совѣту и представить Гамлетъ безъ Гамлета, но неисповѣдимая судьба доказала еще разъ, что въ сущности она не индѣйка, и N-скіе жители такъ и не увидали актера, играющаго съ серьезнымъ лицомъ Датскаго принца во фракѣ. Оказалось, что Офелія тоже не въ состояніи участвовать въ спектаклѣ; узнавъ о случившемся съ Павловымъ, она совсѣмъ разстроилась и ни на какіе вопросы даже не отвѣчала; ее поспѣшили увезти домой.

При опущенномъ занавѣсѣ на авансцену вышелъ Кулевъ и дрожащимъ отъ волненія и искренняго отчаянія голосомъ объявилъ, что спектакль, за внезапною болѣзнью одного изъ участвующихъ отмѣняется на неопредѣленное время, и что желающіе могутъ получить деньги обратно изъ кассы.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ захлопали было, въ другихъ засвистали, раздался смѣхъ; но шумъ тотчасъ же прекратился, какъ только Чевцовъ обернулся лицомъ къ публикѣ и, окинувъ ее строгимъ взглядомъ, укоризненно покачалъ головой и указалъ рукою находившимся недалеко отъ него представителямъ исполнительной власти по тому направленію, гдѣ пребывали нарушители порядка. Публика стала расходиться безъ какихъ либо манифестацій; въ тѣ времена она была благонравнѣе теперешней, и градоначальникамъ тогда легче и беззаботнѣе жилось на свѣтѣ.

Но Боже, какое волненіе охватило черезъ полчаса все населеніе N! Вотъ ужъ когда пошла писать губернія! Во всѣхъ домахъ, въ клубахъ, куда хлынула мужская публика изъ театра, въ гостиницахъ, даже на улицахъ, только и говорили, что о провалившемся Гамлетѣ. Всѣ признавали въ фактѣ упоенія ни въ чемъ неповин-

наго Павлова нѣкоторое злоумышленіе, но какое, по чьей инициативѣ предпринятое, въ этомъ обитатели N расходились безконечно. Ясно было, что неудача съ Гамлетомъ вредитъ Ардѣевымъ. Ихъ пышность и великолѣпіе, престижъ, недосягаемость были подорваны и властная, торжественная Софья Александровна казалась смѣшной и жалкой.

Губернаторъ пригласилъ къ себѣ съ мѣста губернскаго прокурора и еще двухъ-трехъ представителей мѣстной власти и Ардѣева съ тѣмъ, чтобы обсудить, не слѣдуетъ ли возбудить противъ виновника скандала преслѣдованія въ судебномъ или иномъ порядкѣ. Юридическая квалификація даннаго дѣянія была однако чрезвычайно трудна. Уголовная формула сначала будто и выходила: „кто чрезъ упоительные напитки склонитъ“... или „въ случаѣ, ежели когда кто-либо съ цѣлью“..., но дальше не шло. Наконецъ, совѣщаніе сановниковъ призвало на помощь правителя канцеляріи губернатора, человѣка умудреннаго житейскимъ опытомъ и знаніемъ, и онъ съ мѣста объявилъ, что преступленія, караемаго уголовными законами, въ упоеніи кого-либо виномъ съ цѣлью помѣшать любительскому спектаклю безусловно нѣтъ и судебнаго дѣла тутъ возбуждать нельзя, но что о такомъ лицѣ,-буде онъ окажется и вообще вольнодумнымъ,-можно представить на усмотрѣніе высшаго начальства. И тутъ то Николай Михайловичъ понялъ безошибочно, кто авторъ всей авантюры, что онъ и передалъ присутствующимъ:

—Одаринъ!

Чевцовъ не ошибся: дѣйствительно это былъ Одаринъ. Ехидный планъ напоить Павлова въ день спектакля до „ризъ положенія“ и тѣмъ сорвать Гамлета возникъ у него давно, и онъ его очень ловко привелъ въ исполненіе. Заручившись содѣйствіемъ двухъ трехъ пріятелей изъ породы безшабашныхъ, онъ устроилъ у себя въ день спектакля завтракъ подъ предлогомъ

празднованья дня собственнаго рожденья и затащилъ къ себѣ Павлова. Тамъ, путемъ разныхъ ухищреній и предлагая тосты за здоровье Катерины Павловны Сергѣевой, онъ влилъ почти насильно въ Павлова еще натощакъ двѣ рюмки водки, отъ которыхъ тотъ съ непривычки совсѣмъ осовѣлъ и потерялъ и такъ не очень крѣпкую волю, а потому за завтракомъ выпилъ еще стаканъ-другой шампанскаго, въ которое хозяинъ влилъ коньяку. Тутъ ужъ Павловъ совершенно опьянѣлъ и, войдя во вкусъ выпивки, сталъ опоражнивать стаканъ за стаканомъ. Павловъ, обычно молчаливый и скромный сталъ даже буянить, потомъ плакать, и наконецъ свалился въ совершенно безсознательномъ состояніи. Въ такомъ видѣ къ восьми часамъ Одаринъ и отправилъ его на своемъ извозчикѣ въ театръ.

Насталъ великій день, послѣдній день дворянскихъ выборовъ. Для всѣхъ почти начался онъ не рано, а для многихъ и очень туманно и тяжко,—результатъ ужиновъ въ клубѣ и ресторанахъ. Но всѣхъ хуже чувствовалъ себя Павловъ. Долгое время, уже проснувшись, онъ былъ подъ вліяніемъ страшнаго физическаго недомоганія, не дававшаго ему собраться какъ слѣдуетъ съ мыслями. Но наконецъ онъ пришелъ въ себя, вспомнилъ завтракъ у Одарина, сообразилъ, что напился тамъ до безчувствія и понялъ, что совершилъ тѣмъ нѣчто, столь ужасное и безповоротное, что страшно даже подумать. Но думать было необходимо; мысль его стремилась возстановить въ памяти, что произошло съ нимъ послѣ завтрака, вызывая только усиленіе и безъ того жестокой головной боли, и ему туманно и неопредѣленно казалось, что онъ былъ въ театрѣ, что тамъ вокругъ него хлопотали... Наконецъ, явился Кулевъ и разсказалъ Павлову, что именно произошло наканунѣ. Кулевъ щадилъ Павлова, понимая отлично, что онъ невинная жертва скверной исторіи, но дѣйствительность говорила сама

за себя и отчаянью Павлова не было предѣловъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что если бы онъ былъ предоставленъ въ это утро одному себѣ, онъ кончилъ бы жизнь самоубійствомъ. Кулевъ и одинъ изъ сослуживцевъ Павлова догадались, въ какомъ онъ состояніи и ни на минуту не оставляли его одного, стараясь убѣдить въ томъ, что зло, совершившееся съ нимъ, поправимо. Это была трудная задача: Павловъ получилъ отъ Кати Сергѣевой записку, въ которой та предупреждала его, чтобы онъ не показывался къ нимъ въ домъ, и говорила, что между ними все кончено и она убита его поступкомъ. Изъ гимназіи дали знать Павлову, что директоръ собирается о бывшемъ съ нимъ скандалѣ донести начальству съ тѣмъ, чтобы его уволили, и велѣлъ предупредить, чтобы онъ прислалъ рапортъ о болѣзни и не ходилъ бы пока въ гимназію. Все, рѣшительно все въ его жизни, рушилось единовременно и, казалось, навсегда. Даже въ мягкой душѣ Павлова зажглось злобное чувство къ виновнику его несчастія —Одарину, и онъ готовъ былъ отомстить.

Но и виновнику несчастія Павлова было въ это утро не легко. Пока Одаринъ налаживалъ и велъ къ исполненію задуманную имъ злую шутку, она занимала и плѣняла его, но когда все совершилось, онъ почувствовалъ, что сдѣлалъ непростительную гадость, навредилъ жестоко хорошему человѣку безъ всякой съ его стороны вины и по побужденію ничтожному и мелкому. Одаринъ всетаки отправился вечеромъ въ клубъ, но тамъ онъ замѣтилъ, что всѣ молча сторонятся отъ него (слухъ о томъ, что именно онъ авторъ скандала, уже проникъ въ общество), и ему ясно стало, что это осужденіе искреннее и заслуженное; онъ за ночь рѣшилъ такъ или иначе исправить надѣланное имъ ради анекдота зло, не щадя себя и своего самолюбія. Одаринъ былъ человѣкъ нахальный, достаточно пустой, но безусловно не глупый и не злой самъ по себѣ. Началъ онъ съ того, что явился

къ Павлову и, сознаваясь въ своей винѣ, попросилъ у него прощенія. Одаринъ говорилъ искренно, былъ дѣйствительно взволнованъ, и гнѣвъ Павлова на него улетучился. Онъ простилъ его. Затѣмъ Одаринъ отправился съ повинною къ губернатору. Въ первый разъ за все время ихъ совмѣстнаго пребыванія въ N Николай Михайловичъ почувствовалъ себя неуязвимымъ предъ Одаринымъ и разнесъ его безнаказанно, какъ хотѣлъ. Одаринъ признавалъ себя во всемъ виновнымъ, соглашался безропотно нести кару, которую изберетъ для него Николай Михайловичъ,—хотя бы временное удаленіе изъ N,—но молилъ о спасеніи Павлова. Онъ побывалъ и у директора гимназіи безъ замѣтнаго, однако, успѣха; съѣздилъ къ Сергѣевымъ, гдѣ не былъ принятъ и, наконецъ, отправился въ собраніе. Тутъ его ждало наиболѣе тяжелое наказаніе: онъ по обыкновенію весьма развязно направился въ свой уѣздъ и обратился было съ рукопожатіемъ къ Мстицкому, но тотъ открыто не подалъ ему руки и ограничился однимъ поклономъ. И другіе дворяне изъ болѣе смѣлыхъ послѣдовали примѣру Мстицкаго, и все это Одарину пришлось вынести безотвѣтно.

Собраніе волновалось въ ожиданіи губернскихъ выборовъ. Дворяне изъ болѣе сановныхъ были въ парадной формѣ и при орденахъ, и даже буфетъ пока еще былъ менѣе обычнаго полонъ. Наконецъ, дѣйствіе началось. Сперва баллотировали разныхъ попечителей и членовъ присутствій, мало кого интересовавшихъ, потомъ секретаря дворянства, послѣ чего, по приглашенію всѣхъ дворянъ къ губернскому столу, приступлено было къ чтенію списка лицъ, имѣющихъ право быть избранными въ губернскіе предводители. Первою была оглашена фамилія Ардѣева и тотчасъ же послышались аплодисменты и крики: „просимъ, просимъ!“ Сочувствующіе Ардѣеву дворяне вскочили со своихъ мѣстъ, окружили его и подняли великій шумъ. Ардѣевъ кланялся и, наконецъ, добившись тишины, сказалъ краткую рѣчь:

— Господа N-скіе дворяне, благодарю васъ за предложенную мнѣ честь. Никто, какъ я, не цѣнитъ столь высоко довѣріе благороднаго дворянства, которое мнѣ уже неоднократно оказывалось вами. Я охотно и нынѣ посвятилъ бы всѣ силы свои и способности на служеніе дворянству, но прошу васъ, господа, меня на сей разъ уволить. Я старѣю, слабѣю и уже имѣю право подумать о собственномъ покоѣ, отдать досугъ свой на воспитаніе сыновей. Обратитесь, господа, къ болѣе молодымъ силамъ, а намъ, старикамъ, пора на покой; я его заслужилъ долголѣтней, безкорыстной службой дворянству. Прошу еще разъ меня уволить.

Ардѣевъ говорилъ горячо и красиво. Въ томъ мѣстѣ рѣчи, гдѣ онъ упомянулъ о наступающей старости, онъ слегка и несомнѣнно искренно прослезился, и рѣчь его произвела сильное впечатлѣніе; она была покрыта громкими рукоплесканіями, и многіе изъ дворянъ, не сочувствовавшихъ ему, поддались обаянію краснорѣчія Ардѣева и тоже поаплодировали ему. Съ хоръ дамы махали платками и окружили растроганную Софью Александровну.

Ардѣевъ не переставалъ кланяться и благодарить, больше жестами, чѣмъ словами показывая, что онъ все-таки отказывается отъ баллотировки. По предложенію Ардѣева стали читать дальше списокъ, а въ томъ числѣ всѣхъ наличныхъ уѣздныхъ предводителей. При упоминаніи фамиліи Мстицкаго собраніе сдѣлало и ему овацію, но онъ такъ же, какъ и остальныя лица, отказался. По прочтеніи безъ какого-либо результата списка, дворяне разошлись по своимъ уѣзднымъ столамъ и стали келейно совѣщаться о томъ, что же дѣлать дальше. Въ сущности всѣ сознавали, что Ардѣевъ отказывается не серьезно, а лишь ведетъ политику и хочетъ убѣдиться этимъ маневромъ, не ослабѣла ли людьми его партія. Вскорѣ одинъ уѣздъ за другимъ, то въ полномъ составѣ, то не въ большомъ количествѣ, стали подходить къ

Ардѣеву, и просить его. Общее вниманіе публики было сосредоточено, однако, не на Ардѣевѣ и совершавшихся къ нему паломничествахъ, а на N-скомъ уѣздѣ. Интереснымъ казалось, до крайности, какъ онъ себя поведетъ. Вышло дѣйствительно очень эффектно: какъ только уѣзды поднялись и двинулись къ Ардѣеву, всѣ N-скіе дворяне, съ Мстицкимъ во главѣ, сѣли у своего стола, скрестивъ въ большинствѣ случаевъ руки на груди, и все время, пока длилась церемонія упрашиванья Ардѣева, не трогались съ мѣста и горделиво молчали. Уѣздъ оказался дисциплинированнымъ и дружнымъ, что ни одинъ изъ дворянъ, даже сочувствовавшихъ Ардѣеву, не оставилъ стола. Картина, представлявшаяся съ хоръ, была весьма импозантна и не предвѣщала Ардѣеву легкой побѣды.

Но всетаки, повидимому, просило Ардѣева большинство дворянъ, и какъ только онъ, наконецъ, поклонился особеннымъ образомъ, раздались рукоплесканія, подъ звуки которыхъ сторонники Ардѣева проводили его въ сосѣднюю комнату. Тамъ онъ, усталый и измученный волненіями послѣдней недѣли, окруженный ближайшими друзьями, остался ожидать результата голосованія.

Около двухъ баллотировочныхъ ящиковъ, поставленныхъ на столѣ посреди залы, находились Мстицкій въ качествѣ N-скаго предводителя и другой предводитель, и сгруппировались заранѣе, чтобы слѣдить за счетомъ голосовъ, близкія Ардѣеву лица; въ залѣ не слышалось обычныхъ разговоровъ, и вызываемые по очереди герольдомъ уѣзды подходили къ ящику со своими предводителями, несшими особенно торжественно тарелку съ шарами, въ совершенномъ молчаніи. И сосѣди баллотировавшихъ, и публика съ хоръ внимательно слѣдили за клавшими шары, стараясь опредѣлить по движенію руки направо или налѣво положенъ шаръ. Иные изъ дворянъ и не скрывали своего votum'а и, поднявъ зеленое сукно, покрывавшее ящикъ, открыто клали направо;

направлявшіе свою руку въ лѣвое отдѣленіе ящика не дѣлали этого столь откровенно.

Наконецъ, баллотировка окончилась. При глубокомъ молчаніи собранія и тишинѣ на хорахъ, Мстицкій, которому помогали одинъ изъ наиболѣе почетныхъ дворянъ и герольдъ, откинулъ сукно баллотировочнаго инструмента, выдвинулъ правый ящикъ, провѣрилъ, не остался ли внутри упавшій неправильно шаръ и, объявивъ громогласно „бѣлые“, началъ считать ихъ, опуская по одному или по два въ стоявшую на столѣ тарелку. Окружавшіе ящикъ дворяне, въ большинствѣ испытанные въ выборныхъ бояхъ, сразу по размѣрамъ кучки лежавшихъ въ ящикѣ шаровъ безошибочно опредѣлили, что Ардѣевъ выбранъ. О такомъ наблюденіи немедленно бросились доложить и самому Сергѣю Сергѣевичу и на хоры Софьѣ Александровнѣ, и вѣсть эта быстро распространилась по всей залѣ. Всѣхъ шаровъ было 280, и какъ только Мстицкій, считая бѣлые, провозгласилъ 141 и опустилъ этотъ шаръ въ тарелку, въ залѣ начались аплодисменты, подхваченные на хорахъ, и множество дворянъ побѣжали въ сосѣднюю залу поздравлять Сергѣя Сергѣевича съ избраніемъ. Тѣсно столпившаяся у стола группа любопытныхъ разбилась, по залѣ начались сепаратные разговоры и движеніе, и дальнѣйшій подсчетъ голосовъ, повидимому, не волновалъ собраніе. Однако, наиболѣе заинтересованные въ исходѣ выборной борьбы дворяне обѣихъ партій продолжали слѣдить за количествомъ бѣлыхъ и черныхъ; послѣднихъ насчиталось 120. Опытные люди поняли, что побѣда еще далеко не на сторонѣ Сергѣя Сергѣевича, но большинство его приверженцевъ, довольные фактомъ избранія, устремились за нимъ въ боковую комнату и вскорѣ вновь вступили въ залу торжественной процессіей, неся на рукахъ Ардѣева, при громкихъ привѣтственныхъ кликахъ и аплодисментахъ. Ардѣеву это было не въ диво, его каждый разъ послѣ избранія вносили такимъ спо-

собомъ въ залу, но теперь онъ вовсе не ликовалъ въ душѣ; количество шаровъ, положенныхъ ему налѣво, было ему извѣстно и достаточно огорчало его: оно возросло вдвое противъ послѣднихъ выборовъ: а тутъ, кстати, и несли его очень нехорошо, не въ сидячемъ положеніи, какъ подобаетъ тріумфатору, а въ горизонтальномъ, ногами впередъ и поднявъ ихъ нѣсколько выше головы. Но всетаки, когда его посреди залы поставили благополучно на полъ, и онъ нѣсколько оправился отъ избирательнаго способа передвиженія, онъ съ достоинствомъ поблагодарилъ окружающихъ и предложилъ приступить къ избранію другого кандидата.

Таковой находился налицо, это былъ Дивскій, дворянинъ изъ партіи Ардѣева, каждое трехлѣтіе шедшій, какъ выражался Одаринъ, „поддужнымъ“ при Ардѣевѣ, человѣкъ безобидный и безупречный, отставной военный.

Дивскаго увели изъ залы и приступили къ баллотировкѣ. Ардѣевцы, боясь переложить Дивскому по сравненію съ патрономъ, что легко могло случиться въ виду не особенно крупнаго большинства голосовъ, полученнаго имъ, клали частью налѣво; черные положила вся молодая партія и, наконецъ, кое кто и изъ нейтральныхъ, баллотировавшихъ за Ардѣева, и Дивскій не прошелъ. Нехватило всего какихъ-нибудь двадцати голосовъ, но всетаки такой результатъ подѣйствовалъ удручающе на Ардѣева и его единомышленниковъ.

Началось хожденіе дворянъ по залѣ, безцѣльное, утомительное, и сидѣніе въ буфетѣ; изъ собранія никого не выпускали и даже для вѣрности заперли двери. Долгое время никто не рѣшался идти на закланіе, но, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ болѣе или менѣе тайныхъ совѣщаній, Ардѣевская партія выставила еще одного кандидата, кого-то изъ уѣздныхъ предводителей,—человѣка мало извѣстнаго внѣ своего уѣзда. Съ нимъ вышло еще хуже: избирательныхъ голосовъ ока-

залось меньше, чѣмъ у Дивскаго. При нескончаемыхъ перерывахъ еще двое дворянъ пожертвовали собою и рѣшились выступить кандидатами; одинъ изъ нихъ былъ совсѣмъ безпартійный и человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ почтенный. Но собраніе утомилось, а потому было злобно и капризно настроено вообще и сердилось на Ардѣева, какъ на предсѣдателя, хотя онъ въ данномъ случаѣ былъ совершенно неповиненъ. Собраніе спѣшило кончить свое дѣло и разойтись, и неуспѣхъ свой ставило на счетъ Ардѣева, не сумѣвшаго найти надлежащаго кандидата и провести его. Бѣлыхъ шаровъ становилось все меньше и собраніе встрѣчало отрицательный результатъ голосованія сдержаннымъ смѣхомъ.

Между тѣмъ время шло и шло; давно уже пришлось освѣтить залу и во всѣхъ углахъ слышались возгласы: „Это чортъ знаетъ что! Нельзя же насъ держать вѣчно! Надо кончать сегодня. Ардѣевъ можетъ завтра снова баллотироваться. Да пропади и Ардѣевъ и Мстицкій,—мнѣ пора домой ѣхать!.. и тому подобное. Сторонники Мстицкаго пользовались такимъ настроеніемъ и сваливали всю вину волокиты на Ардѣева.

Больше никто не шелъ баллотироваться и въ одиннадцать часовъ вечера Ардѣеву пришлось распустить собраніе до утра, объявивъ, что губернскій предводитель остался неизбраннымъ и завтра надо начинать баллотировку снова. Партія Мстицкаго преисполнилась надеждъ, а Ардѣевъ и его приверженцы ушли изъ собранія мрачные.

Пока въ собраніи шла горячая борьба, привлекшая въ зданіе его все N-ское общество, такъ и не расходившееся съ хоръ, Черенинъ совершилъ похищеніе Машеньки Нофріевой. Выполнено это было съ знаніемъ дѣла и по всѣмъ правиламъ; всю операцію велъ не самъ Черенинъ, а товарищъ его по эскадрону, опытный въ такихъ продѣлкахъ офицеръ. Съ шести часовъ

дворникъ Нофріевыхъ лежалъ „безъ заднихъ ногъ“ въ какомъ-то шинкѣ подъ лавкою, своевременно упоенный однимъ изъ денщиковъ господъ офицеровъ; по улицѣ, на которой находился домъ Нофріевыхъ, стояли, прячась у воротъ и за углами, нижніе чины изъ гусаръ, бывшіе въ N, и ровно въ семь часовъ Черенинъ съ товарищемъ находились уже въ Нофріевскомъ саду, куда они забрались съ улицы черезъ каменную изгородь; Машенька была уже тамъ въ сопровожденіи сестры и горничной Аннушки, несшей большой узелъ и ковровый дорожный мѣшокъ съ вещами барышни.

Дѣвицы были достаточно разстроены, а горничная, прежде храбрившаяся, дрожала отъ страха и еле держала въ рукахъ случайное приданое своей госпожи, за которой она рѣшилась послѣдовать. Офицеры, не теряя времени, по спущенной въ садъ солдатами лѣстницѣ, переправили дамъ на улицу, перекинули вещи и, сдавъ лѣстницу денщикамъ, бросились бѣгомъ къ стоявшимъ на сосѣдней площади тройкамъ. Въ одни сани сѣли Черенинъ съ Машей и денщикомъ на козлахъ, въ другіе—два товарища жениха, въ третьи—Аннушка съ вещами и гусаръ изъ нижнихъ чиновъ, и поѣздъ помчался, сломя голову, въ подгородное село, прямо въ церковь.

Все описанноепроизошло въ теченіе пяти минутъ, улица была пустынная, и лишь одного прохожаго, низкаго званія, пришлось гусарамъ позадержать немножко, чтобы онъ не помѣшалъ.

Тройки, явившіяся на площадь раньше назначеннаго часа, были замѣчены кое-кѣмъ изъ обывателей, но они на это явленіе не обратили вниманія, рѣшивъ, что вѣрно господа забавляются, благо идетъ собраніе.

Вскорѣ въ блистательно освѣщенной свѣчами сельской церкви, очень невзрачной, даже убогой, въ присутствіи двухъ гусаръ-друзей Черенина и горничной Аннушки, произошло вѣнчаніе, благополучно прошед-

шее, безъ постороннихъ свидѣтелей, такъ какъ гусары никого изъ мѣстныхъ жителей не пустили въ церковь. Маша хотя, конечно, взволнована была до чрезвычайности, не робѣла; про Черенина и говорить нечего, и только священникъ вздыхалъ опасливо, ожидая себѣ великихъ бѣдъ отъ Нофріева. Изъ церкви послѣ вѣнчанія молодые съ компаніей на тѣхъ же тройкахъ поѣхали на ближайшую станцію почтоваго тракта на Москву, гдѣ ихъ ожидали съ холоднымъ ужиномъ и шампанскимъ еще нѣсколько офицеровъ гусаръ, а оттуда Черенины быстро направились на почтовыхъ въ Москву.

Очень скоро въ тотъ же вечеръ Нофріевы узнали о бѣгствѣ Маши; хватилась ее первою мать, не найдя въ ея комнатѣ. Поднялись поиски по дому, а тутъ замѣтили исчезновеніе дворника, въ саду нашли оброненную Машей шаль... и заподозрѣли правду. Призвана была на допросъ Душа, еле стоявшая на ногахъ отъ страха и волненія; сперва она отнѣкивалась, ссылаясь на незнаніе, гдѣ сестра, но когда обнаружили, что и горничной Аннушки нѣтъ и исчезли разныя вещи и платья Маши, что не могло совершиться безъ вѣдома Души, ей-таки пришлось сознаться и назвать похитителя. Маменька и вся женская половина дома взвыли въ голосъ, наиболѣе пораженныя срамомъ, который покроетъ фамилію Нофріевыхъ, а самъ градскій голова поднялъ такую бурю на весь домъ, какой еще его обитатели и не видали.

Какъ только Нофріевъ нѣсколько „отошелъ", онъ поѣхалъ, несмотря на поздній вечерній часъ, къ губернатору съ жалобой на Черенина и просьбой о помощи. Николая Михайловича вѣсть о похищеніи Маши очень разстроила: опять скандалъ и крупный! Послали за полицеймейстеромъ, и Чевцовъ велѣлъ ему тотчасъ же произвести дознаніе и увѣдомить прокурора, а за бѣглецами, снесясь съ исправникомъ, послать во всѣ стороны погоню. Полицеймейстеръ, отлично сознавая

тщету послѣдней мѣры, такъ какъ похищеніе было совершено мастерами этого дѣла-гусарами, исполнилъ всетаки порученія начальства, но, конечно, серьезныхъ мѣръ къ поимкѣ бѣглецовъ не было принято, про вѣнчаніе же и про направленіе, по которому поѣхали молодые, на слѣдующій день было дознано и доложено Николаю Михайловичу.

Нофріевъ на утро явился съ жалобою на Черенина и къ полковому командиру. Тотъ попытался было уговорить разгнѣваннаго отца простить дочь, тѣмъ болѣе, что она теперь уже законная жена Черенина; но голова не соглашался, слишкомъ обиднымъ казалось ему такое непризнаніе и даже глумленіе надъ родительской властью, и полковой командиръ отпустилъ его сухо, объявивъ, что отрапортуетъ обо всемъ генералу. Николай Николаевичъ Строевъ, узнавъ изустно о похищеніи, пригрозилъ сначала военнымъ судомъ Черенину, но быстро, какъ всегда, смягчился и подъ конецъ, узнавъ подробности похищенія, самъ радовался чистотѣ отдѣлки, какъ онъ выражался, и хохоталъ по Бетрищевски, узнавъ, какъ былъ устраненъ дворникъ. Про Черенина онъ выразился „молодецъ“! и рѣшилъ, что дѣло начинать не изъ-за чего, а необходимо примирить Нофріева съ гусаромъ зятемъ.

Старики Нофріевы скоро получили посланное съ одной изъ ближайшихъ къ городу станцій письмо отъ Черениныхъ, въ которомъ молодые, объявляя о своемъ бракѣ, конечно, просили прощенія и ходатайствовали о дозволеніи явиться лично съ повинною. Но прощать еще было рано, и Нофріевъ велѣлъ отвѣтить Черенинымъ, чтобы они не смѣли показываться ему на глаза, что Машу онъ не считаетъ болѣе дочерью и даже запретилъ произносить ея имя. Старуха отправила однако дочери немедленно, хотя и потихоньку, благословеніе— ея дѣтскій образъ и небольшую сумму денегъ на булавки, и велѣла написать, что мать ее прощаетъ.

Дворянское собраніе возобновилось баллотировкою Ардѣева; ей предшествовали публичные уговоры его, быстро сей разъ подѣйствовавшіе. Ардѣевъ оказался избраннымъ, но количество бѣлыхъ замѣтно уменьшилось, ихъ всего набралось 160. Опять долго собраніе выжидало согласія кого-либо изъ господъ дворянъ идти вторымъ кандидатомъ. Наконецъ, Мстицкій выразилъ согласіе. Дворяне, усталые, спѣшившіе покончить, быстро исполняли свои обязанности, зала была полна, буфетъ привлекалъ очень немногихъ, и скоро стало извѣстно, что Мстицкій прошелъ выше Ардѣева, а именно получилъ 175 бѣлыхъ шаровъ.

Мстицкаго не внесли на рукахъ, онъ самъ вошелъ въ залъ, но овацію ему сдѣлали грандіозную. Побѣда, хотя численно она выражалась всего лишь пятнадцатью шарами, была великая. До начала собранія Ардѣевъ казался незыблимымъ на своемъ мѣстѣ, а Мстицкій даже и не собирался баллотироваться.

Секретарь дворянства и чиновники депутатскаго собранія задерживали дворянъ, прося подписать послѣдніе журналы и баллотировочные листы, но оставались съ этой цѣлью у губернскаго стола, гдѣ лежали листы, немногіе; главная волна дворянъ неудержимо хлынула въ швейцарскую, наскоро прощаясь другъ съ другомъ и на радостяхъ щедро одѣляя сторожей; всѣ спѣшили изъ собранія, которое за это время успѣло достаточно надоѣсть. Съ хоръ тоже шла публика, громко и взволнованно обсуждая значеніе побѣды Мстицкаго и въ большинствѣ выражая сожалѣнія по поводу оставленія за флагомъ Ардѣева.

Въ тотъ же вечеръ Николай Михайловичъ Чевцовъ поздравлялъ Мстицкаго съ избраніемъ, но едва ли очень искренно; въ душѣ онъ оплакивалъ Ардѣева. Этотъ былъ ему по плечу и совсѣмъ понятенъ, а Мстицкаго Николай Михайловичъ въ сущности боялся, не зная, кто онъ, какую силу онъ изъ себя представляетъ и

чего отъ него можно ждать. Николай Михайловичъ вообще былъ удрученъ; собраніе прошло не гладко и ему сопутствовало слишкомъ много скандаловъ: черезчуръ свободомыслящія рѣчи на собраніи ораторовъ изъ молодежи, ночное шествіе съ плѣненіемъ городовыхъ, дуэль, увозъ дочери головы; а тамъ имѣющее вскорѣ послѣдовать введеніе земскихъ учрежденій, общественный судъ, присяжные засѣдатели, другія реформы и, наконецъ, Мстицкій, красный! И что такое земство? И зачѣмъ?

Николаю Михайловичу казалось, что начинается политическое землетрясеніе, и что устои, столько лѣтъ великолѣпно, по его убѣжденію, поддерживавшіе государственное зданіе, колеблются и замѣняются безъ какой-либо нужды подставками, довѣрять которымъ едва ли благоразумно. Одно соображеніе (Чевцовъ былъ человѣкъ съ большой служебною и житейскою опытностью) успокаивало Николая Михайловича. Ему думалось, что по капризу русской политической моды или даже судьбы, прежніе устои нѣсколько поколеблются и создадутся имѣющія будто ихъ замѣнить временныя подставки, соорудятся въ законодательномъ порядкѣ, такъ сказать, „строительные лѣса", но что въ концѣ-концовъ эти подпорки новыми столпами не сдѣлаются, что старые столпы подправятъ, поремонтируютъ, выкрасятъ заново и оставятъ на прежнемъ мѣстѣ, что „лѣса" долго будутъ стоять и закрывать собою обветшалое государственное зданіе, но жизнь будетъ идти всетаки въ немъ, а новое зданіе когда еще возникнетъ! И Николай Михайловичъ рѣшилъ, что „ничего", что во всякомъ случаѣ уходить не зачѣмъ еще, хотя, конечно, прежней свободы дѣйствій ужъ не будетъ, что онъ еще нужный человѣкъ; далѣе онъ рѣшилъ, что къ земству слѣдуетъ отнестись холодно и не довѣрять, что и остальнымъ начинаніямъ пока не надо давать по мѣстамъ большого хода, а главное, что въ направленіи полезно держаться старины....

Николай Михайловичъ дня черезъ два опять расцвѣлъ и вернулся къ текущимъ дѣламъ и, пославъ по просьбѣ Строева, за Нофріевымъ, долго вмѣстѣ съ генераломъ (котораго политическія реформы отечества совершенно не безпокоили) уговаривалъ простить дочь, выписать скорѣе Черениныхъ изъ Москвы и задать по поводу ихъ свадьбы пиръ на весь міръ.

Ардѣевъ въ сущности не ожидалъ для себя fiasco, по его мнѣнію предпочтеніе, данное дворянствомъ Мстицкому, было вызвано не личными достоинствами послѣдняго, а означало крутой поворотъ внутренней государственной политики, осужденіе прежняго режима и торжество новыхъ идей даже въ средѣ дворянства, особенно болѣе молодой его части. Эта мысль въ связи съ сознаніемъ, что онъ дѣйствительно не подходитъ къ новому режиму, утѣшала его, мирила до нѣкоторой степени съ потерею мѣста предводителя. Софья Александровна не соглашалась съ мужемъ и усматривала вину паденія Сергѣя Сергѣевича въ разныхъ его неловкихъ поступкахъ, а главнымъ образомъ въ интригѣ и махинаціяхъ Мстицкаго и его присныхъ, не постыдившихся даже испортить великое ея дѣло „Гамлета"; Софья Александровна была лично не утѣшна, горѣла злобой къ выборнымъ врагамъ и только и думала о реваншѣ. Она не сложила оружія.

Мстицкій и его принципіальные союзники и друзья смотрѣли на свою побѣду съ той же точки зрѣнія, какъ и Ардѣевъ; они провидѣли въ избраніи Мстицкаго, явно несоотвѣтствовавшаго прежнему обычному предводительскому типу, начало новой эры, первый актъ сознательной общественной мысли и сочувствія большинства гуманно-либеральнымъ и культурнымъ начинаніямъ высшаго правительства (тогда правительственная власть вела впередъ общество, иногда упиравшееся). Очевидно, говорилось въ ихъ лагерѣ, дворянство сознало необходимость умѣло восполь-

зоваться открываемыми ему новыми путями и поставило во главѣ своей не эффектную, годную лишь для внѣшняго представительства, фигуру, а человѣка дѣла, развитого, способнаго понять задачи мѣстнаго самоуправленія и вывести дворянство, а за нимъ и другія сословія, изъ состоянія апатіи. Подъемъ духа въ партіи Мстицкаго царилъ удивительный и наглядно доказывалъ, что новыя вѣянья не безпочвенный миражъ, не плодъ фантазіи двухъ-трехъ лицъ, а нѣчто реальное, опирающееся, если не на все дворянство, то на часть его; партія праздновала побѣду не шампанскимъ и тостами; Мстицкаго и не думали качать, какъ то сдѣлали бы прежде; о немъ, какъ о частномъ лицѣ, какъ бы забыли,—а бесѣды, въ которыхъ принимали участіе буквально всѣ лучшіе люди N-ской губерніи, велись исключительно о предстоящей общественной дѣятельности.

Занималась заря новой жизни, новые горизонты открывались передовому служилому сословію Россіи, вѣра въ то, что общество, сумѣвшее мирно и благополучно ввести наитруднѣйшую реформу-крестьянскую, сумѣетъ справиться и съ остальными грядущими законоположеніями, была тверда, и будущее представлялось свѣтлымъ. Сознаніе необходимости борьбы было, конечно, налицо; никто не думалъ, что всѣ препятствія къ движенію впередъ общественной мысли и дѣла рухнутъ сами собою, и что прежніе столпы сами отодвинутся, но борьба не изъ-за эгоистическихъ личныхъ или даже сословныхъ интересовъ, а за идею общаго блага, не страшила,—напротивъ, манила. Въ эту именно эпоху люди дѣла и добра являлись по мѣрѣ надобности не только въ высшихъ сферахъ, но и на мѣстахъ, какъ бы вызванные къ бытію волшебствомъ. Волшебство это, захватывавшее въ свой кругъ не однихъ выдающихся, но и среднихъ, простыхъ людей, заключалось въ духѣ и тѣхъ принципахъ, на

которыхъ были основаны реформы царствованія императора Александра II. Кто пережилъ эту зиждительную эпоху, эту весну общественной жизни Россіи, тотъ ее не забудетъ, какъ не забудетъ ее будущій историкъ.

Но внѣшне, а для многихъ и внутренно, губернская жизнь шла тѣмъ же шагомъ. Финалъ выборовъ знаменовалъ на самомъ дѣлѣ переходъ къ новому режиму, но онъ былъ не замѣтенъ сразу; N-скіе обыватели пока обсуждали, какъ было и прежде, перепетіи только что завершившейся выборной компаніи и другія событія, свидѣтелями или участниками которыхъ имъ привелось быть за послѣднее время. На другой же день, послѣ закрытія собранія, гостиницы значительно опустѣли, уличное движеніе уменьшилось, около дворянскаго дома не стояли вереницы своихъ экипажей и извозчиковъ, но еще много помѣщиковъ были въ городѣ; наносились прощальные визиты, заканчивались въ присутственныхъ мѣстахъ дѣла, совершались по магазинамъ закупки.

Николай Михайловичъ, переживъ Нофріевскій инцидентъ и помирившись внутренно съ уходомъ Ардѣева (въ Чевцовѣ было много практической философіи), вернулся къ своему официальному благодушію и, когда послѣ бурнаго періода выборовъ, наступило обязательное затишье и успокоеніе, обратилъ свое вниманіе на спеціально городскія дѣла (не въ смыслѣ муниципіи) и проявилъ, какъ бывало и прежде, отеческую заботу и попеченіе о преданныхъ ему N-скихъ аборигенахъ. Подъ его давленіемъ Нофріевъ снялъ-таки отлученіе съ дочери и велѣлъ ей дать знать, что хотя онъ еще не желаетъ лично ее видѣть, но разрѣшаетъ вернуться съ мужемъ въ N, а главное—Николай Михайловичъ помирился съ давнишнимъ врагомъ своимъ Одаринымъ и спасъ погибавшаго Павлова.

Одаринъ, паки и паки винясь передъ Николаемъ Михайловичемъ въ прежнихъ своихъ грѣхахъ по части

свободословія, клялся, что больше не будетъ, и молилъ о помощи Павлову. Николай Михайловичъ въ душѣ очень былъ доволенъ покаяніемъ Одарина, которое льстило ему и обѣщало покой, и былъ весьма радъ изобразить роль Провидѣнія, а потому принялся за Павлова. Старики Сергѣевы не поддавались вначалѣ ни на какіе уговоры, серьезно оскорбленные тѣмъ, что благодаря извѣстному казусу съ Павловымъ имя ихъ дочери было припутано къ скандальной исторіи, да и слабохарактерность нареченнаго было жениха казалась имъ опаснымъ прецедентомъ. Катя Сергѣева, конечно, очень скоро простила Павлову, и они даже обмѣнялись тайно записками, что поддержало бѣднаго математика; но начальство гимназіи согласилось не доносить о случаѣ съ Павловымъ, только при условіи оставленія имъ службы въ N, что дѣйствительно казалось необходимымъ, ибо даже въ младшихъ классахъ ученики поднимали Павлова на смѣхъ.

Николай Михайловичъ умѣлъ добиваться своего; онъ предпринялъ не безъ успѣха рядъ дѣйствій и ему уже былъ обѣщанъ перевод Павлова въ другую губернію, а пока онъ устроилъ ему отпускъ. Наконецъ, ему пришла въ голову блестящая мысль: поставить-таки „Гамлета“ въ пользу пріюта имени Ардѣева, конечно, при содѣйствіи Софьи Александровны и этимъ êui remonter êe moral, а также поправить дѣла Павлова, ибо безъ него спектакль этотъ былъ немыслимъ.

— Гамлетъ его погубилъ, пусть Гамлетъ его и реабилитируетъ!—говорилъ Чевцовъ.

Софья Александровна, сперва отказавшаяся было, вскорѣ передумала и напротивъ энергично ухватилась за приведеніе въ исполненіе предложенія Николая Михайловича. Она устройствомъ этого спектакля разсчитывала показать всему N скому обществу, что она не пала, осталась та же и на той же высокой ступени общественной лѣстницы, а потомъ тайная мысль о

реваншѣ и въ Гамлетѣ находила пищу для надеждъ. Не даромъ общественное мнѣніе связывало успѣхъ Ардѣевскаго спектакля съ успѣхомъ выборовъ... Въ ея умѣлыхъ рукахъ дѣло пошло на ладъ. Сергѣевы не выдержали ея настояній и первое свиданіе ихъ съ Павловымъ состоялось на репетиціи. N-скимъ жителямъ было-таки суждено увидать въ любительскомъ исполненіи трагедію Шекспира и все съ тѣмъ же кегельнымъ шаромъ, вмѣсто черепа Іоррика.

И Одаринъ остался вѣренъ себѣ: сдѣлавъ доброе дѣло и достаточно раскаявшись, онъ вновь принялся за злостныя свои привычки и, забывъ пролитыя имъ передъ Чевцовымъ слезы, уже разсказывалъ всѣмъ знакомымъ, что Николай Михайловичъ послѣ выслушанныхъ во время выборовъ отъ сановника похвалъ за умѣлое управленіе ввѣренной ему губерніей, выросъ въ собственныхъ глазахъ, а для убѣжденія въ семъ прочихъ заказалъ себѣ сапоги на высокихъ каблукахъ и въ такой степени сталъ гордъ, а въ то же время опасливъ относительно возможности манкированія ему, что, гуляя пѣшкомъ или даже проѣзжая въ экипажѣ по городу, держитъ голову безусловно прямо и не глядитъ ни налѣво, ни направо, а смотритъ только впередъ, словно въ шорахъ, изъ-за страха, что ему кто-нибудь не поклонится.

2:00

